

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Фу Ямэй

**СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ С ДОМИНАНТАМИ *ХВАЛИТЬ* И *РУГАТЬ*
НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат педагогических наук
Якименко Надежда Егоровна

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	13
1.1. ГЛАГОЛ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ.....	13
1.2. СИСТЕМНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА	22
1.3. СИНОНИМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ	36
1.3.1. СПОСОБЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА	37
1.3.2. ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ И ДОМИНАНТЫ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА.....	49
1.4. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	56
ВЫВОДЫ.....	68
ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	72
2.1. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ОПИСАНИЯ МАТЕРИАЛА.....	73
2.2. СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД РУССКИХ ГЛАГОЛОВ С ДОМИНАНТОЙ <i>ХВАЛИТЬ</i>	82
2.3. СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД РУССКИХ ГЛАГОЛОВ С ДОМИНАНТОЙ <i>РУГАТЬ</i>	96
ВЫВОДЫ.....	120
ГЛАВА III. СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ИХ КИТАЙСКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ.....	128
3.1. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА С ДОМИНАНТОЙ <i>ХВАЛИТЬ</i> В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	128
3.2. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА С ДОМИНАНТОЙ <i>РУГАТЬ</i> В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	141
ВЫВОДЫ.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	159
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	182
ПРИЛОЖЕНИЕ I. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ 1.....	183
ПРИЛОЖЕНИЕ II. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ 2.....	188
ПРИЛОЖЕНИЕ III. ОБРАЗЕЦ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ.....	196

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена описанию семантических, функциональных и, частично, лингвокультурологических особенностей русских глаголов группы речевого воздействия, на фоне китайского языка. Понятие *речевое воздействие* тесно связано с процессами мышления, речевого поведения и речевой деятельности. От степени разработанности этих проблем зависит успех лингвистических исследований.

О важной роли речевого поведения в жизни отдельного человека и общества говорили многие исследователи, психическими и когнитивными процессами человека занимались многие ученые. Так, Вильгельм фон Гумбольдт ввел понятие речевой деятельности, в его трудах язык рассматривался как средство взаимосвязи между людьми и социумом (1831); известный швейцарский психолог Ж. Пиаже разработал теорию о взаимосвязи вербального поведения детей с развитием их мышления и изменениями в их психологических характеристиках в процессе социализации (1932); американский психолог Б. Ф. Скиннер описал свои представления по данному вопросу в книге «Вербальное поведение» (1957); Ноам Хомский в работе «Аспекты теории синтаксиса» (1972) ввел понятие глубинной структуры, которая определяет семантическую интерпретацию синтаксиса предложения с позиций психолингвистики; Чарльз Э. Осгуд — разработал теорию «необихевиористская концепция» (1988); американский психолог Уолтер Мишель считал, что поведение человека формируется в результате взаимодействия когнитивно-аффективных единиц и ситуационных переменных, включая, конечно, речевое поведение (1995). Должное внимание уделяют речевому поведению и лингвисты (Н. И. Формановская «Культура общения и речевого поведения», 2010; И. В. Терехов «Изучение студентами-лингвистами речевого поведения носителей языка на материале художественного кино Британии: проблема и пути решения», 2011; А. В. Сапега «Речевое поведение лингвистов-субъектов научной

коммуникации: на материале русского и французского языков», 2008 и др.). Не оставляют речевую деятельность за рамками своих научно-практических интересов и методисты (М. Н. Туктагулова «К вопросу о соотношении понятий “Речевое поведение” и “Речевая деятельность”», 2009); Д. В. Макарова «Речевое поведение учителя в структуре педагогического дискурса», 2008 и др.). Рассматривается данная проблема и философами языка (Дж. Остин (1986), Джон Серл (1986), Г. П. Грайс (1985) и др.).

Речь тесно связана со всеми психическими и когнитивными процессами человека, и её функции являются важной составляющей существования социума. Посредством речи человек хранит и передает духовные и культурные ценности. С помощью речи люди могут высказывать свои мысли, выражать эмоции, описывать различные процессы. Одним из основных средств передачи особенностей речевого поведения человека являются глаголы лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов речи, в том числе и глаголы речевого воздействия (*хвалить, льстить, ругать, хулить* и др.). Играя важную роль при описании речевой деятельности, эти глаголы в русском языке по-разному описывают коммуникативную деятельность персонажей в русском тексте, имеют свои особенности, требующие дальнейшего исследования, в том числе и в аспекте русского языка как иностранного.

Семантика глаголов речевого воздействия трудно усваивается китайскими учащимися, далеко не всегда понимающими их значение в определённых контекстах. Эти глаголы часто не соотносимы с китайскими единицами ни по объёму значения, ни по функциям, что порождает не только языковые и речевые ошибки, но и ведет к непониманию смысла текста, и, как следствие, к нарушению коммуникации. Это можно объяснить, в частности, особенностями менталитета как русского, так и китайского народа.

С 1950-х годов появляется большое количество исследований семантики глаголов, в том числе и семантики глаголов речевого воздействия (далее — глаголов РВ). Ученые, внесшие существенный вклад в разработку семантики глаголов, — это: В. В. Виноградов 1956, Ю. Д. Апресян 1967, В. Г. Гак 1971,

Л. М. Васильев 1976, Ю. Н. Караулов 1976 и др. К числу ученых, изучающих глаголы РВ, относятся Т. В. Кочеткова 1978, Л. Г. Бабенко 1999, А. А. Зализняк 2000, 2012, Е. В. Падучева 2003 и др.

За последние два десятилетия исследованием глаголов РВ занимались многие лингвисты: М. С. Небольсина («Русские глаголы РВ в аспекте полиситуативности», 2006); Е. В. Падучева («Глаголы речевого действия как тематический класс», 2003); Н. И. Формановская («Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика», 2007); Ю. В. Зубова («Синонимические ряды экспрессивных глаголов русского языка в учебном словаре для иностранцев», 2002); Е. В. Чаплин («Когнитивная интерпретация акта говорения в естественном языке», 2020); Ма Мэнфэй («Семантика русских глаголов со значением осмеяния в зеркале китайского языка», 2020) и др.

Сопоставительное изучение семантики глаголов речевого воздействия в русском и китайском языках до сих пор не проводилось. Никем не предложен алгоритм их семантизации, с четкими указаниями на сходства и различия глаголов этих синонимических рядов, не описаны сами эти сходства и различия. Того, что сделано в словаре Л. Г. Бабенко, уже мало, а то, что есть, недостаточно разработано для иностранцев. Группа глаголов речевого воздействия была не полной. Семантизация, данная в словаре, рассчитана на носителей языка. Мы предлагаем создать максимально расширенный перечень глаголов речевого воздействия, дополнив его единицами из других групп глаголов речевой деятельности и предложить способы их описания и семантизации, наиболее действенные в китайской аудитории. Похвала и порицание занимают важное положение в воспитании человека в любой культуре, однако объем значения этих понятий и условия их реализации не всегда совпадают в разноструктурных языках, какими являются по отношению друг к другу русский и китайский языки.

Глаголы похвалы и порицания многочисленны по своему составу и образуют в русском языке как большое количество синонимических рядов, так и антонимические пары. Совокупность синонимических рядов и антонимических пар называют антонимо-синонимическими блоками (АСБ). Такие парадигмы, как

нам кажется, особенно четко отображают лексические связи, что особенно ценно и удобно при обучении русскому языку как иностранному. Под АСБ в этой работе понимается «такое объединение синонимов и антонимов, ядром которого является антонимическая пара, возглавляющая два синонимических ряда, упорядоченных посредством единой для всего объединения градуальности в значении» [Федосов 2002: 6].

Объединения глагольных единиц со значением *хвалят* и глагольных единиц со значением *ругать* представляют собой две группы глаголов, выражающих положительное и отрицательное речевое воздействие, которые занимают центральное место в коммуникации любого национального языка. Эти два набора глаголов существуют в многочисленных синонимических рядах (с доминантой *хвалят*: 23 глагольных единицы в русском языке и 33 в китайском; с доминантой *ругать*: 36 в русском и 35 в китайском), которые трудно различать и осваивать иностранным учащимся из-за семантической близости их членов. На данный момент отсутствуют синонимические учебные словари данных глагольных синонимов русского языка, ориентированные на иностранного (в частности, китайского) пользователя.

Все вышеизложенное объясняет **актуальность** настоящей работы.

Цель исследования — выявление особенностей семантики и функционирования синонимических рядов глаголов речевого воздействия с доминантами *хвалят* и *ругать* в современном русском языке для их дальнейшей презентации в китайской аудитории.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Описать теоретическую базу исследования;
2. Осуществить выборку глаголов речевого воздействия из словаря Л. Г. Бабенко «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» (1999);
3. Предложить идеографическую классификацию отобранных глагольных единиц и определить стержневые слова для каждой подгруппы;

4. Отобрать синонимы к базовым глаголам из словарей синонимов русского языка, расширить количество каждой подгруппы и построить синонимические ряды глаголов речевого воздействия;

5. Разработать анкеты и провести анкетирование носителей современного русского языка для выявления различий между синонимами в русском языковом сознании, уточнения состава синонимических рядов;

6. Провести лингвистический анализ отобранного материала в НКРЯ;

7. Провести сопоставительный анализ русских глаголов речевого воздействия с их китайскими аналогами.

Объектом исследования в данной работе являются синонимические ряды русских глаголов речевого воздействия с доминантами *хвалить* и *ругать*.

Предмет исследования — особенности семантики и функционирования русских глаголов РВ на фоне их китайских аналогов.

Методы и приемы исследования: метод семантического анализа, метод описательного анализа, метод дистрибутивного анализа, метод компонентного анализа, метод функционально-семантического поля, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод контекстуального анализа, а также приёмы сплошной и направленной выборки, анкетирования, формализации, дедукции, индукции, словообразовательного анализа, приёмы стилистической характеристики единиц и количественных подсчетов.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые проводится исследование семантики и функционирования русских глаголов речевого воздействия на фоне их китайских аналогов.

Гипотезой исследования служит предположение о том, что 1) изучение особенностей семантики русских глаголов речевого воздействия будет проходить более полно и корректно, если оно будет проводиться на фоне другого, неродственного, в нашем случае — китайского языка. Выявление особенностей семантики позволит в наглядной форме представить универсальное и национально-специфичное в использовании глаголов РВ в русском и китайском языках, а также сделать выводы о некоторых специфических чертах русской и

китайской ментальности; 2) учитывая различия в языковой системе (функциональные, грамматические, а также синтаксические свойства) исследуемых глаголов, можно осуществить многовариантные интерпретации этих глагольных единиц в китайской аудитории; 3) изучение особенностей семантики и функционирования русских глаголов речевого воздействия позволит прогнозировать трудности при работе с данными синонимичными глаголами в китайской аудитории, а также способы презентации данного материала путём чёткого лингвометодического описания.

Материал исследования составляют данные русских и китайских толковых словарей, словарей синонимов, а также контексты из Национального корпуса русского языка, содержащие русские глаголы речевого воздействия, и контексты из лингвистического корпуса Пекинского университета и Байдун китайского языка, содержащие глаголы речевого воздействия в китайском языке.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут внести вклад в функционально-семантическое изучение глагольных синонимов одного языка на фоне другого. Такое исследование направлено на изучение проблем лексической функциональной семантики, прагматики и лингвокультурологии и может дополнить и усовершенствовать теорию учебной лексикографии, учебной лингвокультурологии, учебного лингвострановедения. Представление сопоставительного анализа русских глаголов и их переводческих эквивалентов в китайском языке может внести вклад в теоретическое развитие контрастивной лингвистики.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, в частности, при чтении спецкурсов по лексической семантике, грамматике, словообразованию и прагматике, при составлении русско-китайских словарей глаголов, словарей синонимов и даже при разработке переводческих программ с использованием искусственного интеллекта.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили:

- работы, посвященные глаголам: Л. Л. Буланин 1967, А. В. Бондарко 1971, С. И. Богданов 2009; семантические особенности русских глаголов: Ю. Д. Апресян 1967, Л. М. Васильев 1976, 1981, Ю. Н. Караулов 1976, А. В. Косов 1988, Э. В. Кузнецова 1989, Ф. С. Бацевич 1992, Н. Ю. Шведова 1995; функционально-грамматические признаки глаголов: Т. В. Булыгина 1980, А. В. Бондарко 1984, Л. И. Богданова 2001;

- исследования в области лексической системности и словарных объединений русского языка: Р. А. Будагов 1949, 1951, 1952, А. В. Фёдоров 1953, В. В. Виноградов 1956, 1977, А. А. Уфимцева 1962, А. И. Кузнецова 1963, Ю. С. Сорокин 1965, В. Г. Гак 1971, 1977, Л. М. Васильев 1971, 1990, П. Н. Денисов 1980, Ф. П. Филин 1982, В. И. Половникова 1988, И. П. Слесарева 1990, Е. И. Зиновьева 2003, И. В. Бойкова 2004, Л. В. Николенко 2005 и др.;

- труды по проблемам синонимии: В. К. Фаворин 1953, Ю. Д. Апресян 1957, 1995, В. А. Сиротинина 1960, В. Н. Ключева 1961, М. Ф. Палевская 1964, А. А. Уфимцева 1967, К. С. Горбачевич 1967, А. П. Евгеньева 1967, 1999, 2003, Б. А. Серебренников 1970, Н. П. Романова 1970, Л. А. Новиков 1973, М. П. Одинцова 1985, А. А. Брагина 1986, В. Д. Черняк 1992, Л. И. Балашова 1999, Ю. Н. Денисов 2013, Е. И. Зиновьева 2014, 2020;

- работы по исследованию глаголов речевого воздействия: В. И. Кодухов 1957, Л. Г. Бабенко 1999, А. А. Зализняк 2000, Е. В. Падучева 2003, М. С. Небольсина 2005, З. С. Гусейханова 2007, А. А. Неняева 2011, О. В. Кирьякова 2011, 2013; Т. М. Тимошилова, Е. Н. Морозова 2012, 2013; О. Ю. Шагдурова, А. А. Озонова 2014, И. А. Ермолаева 2017, О. В. Пересада 2018, К. О. Гаус, М. Ю. Рябова 2019, К. Р. Руссу 2021, В. И. Харабаева 2021, Е. Н. Никитина, Н. К. Онипенко 2022.

На защиту выносятся следующие положения

1. Глаголы речевого воздействия являются подкатегорией группы «глаголов речевой деятельности» в поле «действие и деятельность», что предполагает возможность проведения функционально-семантического анализа этих глаголов в

рамках лексико-семантических групп, формирующих данную подкатегорию, на основе содержащихся в нем основных синонимических рядов.

2. Глаголы речевого воздействия целесообразно разделить на синонимические ряды. Центральными для нашей работы (по значению и по объему) являются СР с доминантами *хвалить* и *ругать*. Среди других многочисленных синонимических рядов они обладают наиболее четкой и неоспоримой лексической системной связью. Эти два ряда являются антонимичными, а вместе они образуют антонимо-синонимичный блок (АСБ) — идеальную модель для практики преподавания в иностранной аудитории.

3. Описание синонимических рядов на основе модели синонимических звеньев, выделение сходств и различий между синонимами, обладающими сходными лексико-семантическими вариантами по определенным параметрам, поможет оптимизировать данные в двуязычном учебном словаре синонимов. Наличие семантических оттенков значения, реализующихся в конкретных ситуациях использования глаголов, дифференциальных сем, актуализируемых в дискурсе, деривационные и функциональные особенности членов ряда являются существенными параметрами характеристики рассматриваемых синонимов русского языка.

4. При обучении иностранцев синонимичным глаголам речевого воздействия в русском языке следует учитывать количественную характеристику синонимических рядов в обоих языках, возможность наличия межъязыковых векторных соответствий, многозначность лексем русского и китайского языков, а также полное отсутствие совпадений в лингвокультурологическом потенциале исследуемых глаголов в этих двух языках.

Апробация результатов исследования:

Основные положения работы обсуждались на аспирантских семинарах кафедры «Русского языка как иностранного и методики его преподавания» СПбГУ; излагались в виде докладов на научно-методических и научно-практических конференциях:

- XII Международной научно-методической конференции «Духовно-нравственные вопросы русской литературы на занятиях с иностранцами» по проблемам преподавания русской литературы в иностранной аудитории (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2019);
- XXV Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин» (СПб., СПбГУПТД, 2020);
- XVI Международной научно-практической конференции «Профессиональное лингвообразование» (НИУ РАНХиГС, 2020);
- Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Этнокультурные феномены в образовательном процессе» (Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020);
- XXVI Международной научно-методической конференции «Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях» (СПб., СПбГУПТД, 2021);
- XXVII Международной научно-методической конференции «Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе» (СПб., СПбГУПТД, 2022).

По теме диссертации опубликовано 11 работ, из них в журналах, рекомендованных ВАК РФ, — 6.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка словарей и электронных ресурсов, списка сокращений и трех приложений.

Во введении определяются актуальность темы, объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, гипотеза, новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Указываются методы и приемы исследования, изложены положения к защите.

В первой главе рассматриваются теоретические основы изучения глагольной лексики русского языка; излагается история изучения глаголов речевого

воздействия в рамках языковой системности, с особым вниманием к синонимической связи глагольных единиц; описываются направления исследования глаголов речевого воздействия в научной литературе.

Во второй главе определяются состав и структура исследуемых синонимических рядов русских глаголов речевого воздействия, приводится их детальный функционально-семантический анализ.

В третьей главе проводится сопоставительный анализ глагольных единиц из синонимических рядов речевого воздействия в русском и китайском языках.

Заключение содержит основные выводы исследования.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

1.1. Глагол и его особенности

В качестве части речи глагол занимает значительное место среди всех лексических категорий в русском языке. В «Русской грамматике» под ред. Н. Ю. Шведовой морфологическим признакам глагола, его словообразовательным характеристикам посвящено едва ли не наибольшее количество страниц (в разделе «Морфология» — 121, в разделе «Словообразование» — 66) [АГ-80: 580 – 700; 331–396], что свидетельствует о значимости рассматриваемой части речи в деривационной, лексико-семантической и лексико-грамматической системах русского языка, по сравнению с другими частями речи по количеству грамматических категорий и набору грамматических форм.

На ключевые позиции глагола указывали многие известные ученые. Так, В. В. Виноградов отмечает, что «глагол — самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи» [Виноградов 2001: 349]. Н. Ю. Шведова выдвинула теорию ядра глаголов, в которой утверждается, что «глагол занимает центральное положение в лексической системе русского языка, является доминантой русской лексики» [Шведова 1995: 414]. Л. М. Васильев указывает, что глагол отличается «сложностью своего содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей» [Васильев 1981: 34]. Однако сложность изучения глаголов проявляется не только в выявлении видовых категорий, категорий залога, наклонения, времени, лица, числа, рода, в определении переходности /

непереходности и т. д., но и в анализе их семантики, определении лексико-семантических групп глаголов, что стало предметом нашего внимания в настоящем исследовании.

Термин «*глагол*» происходит от старославянского слова *глаголать*, что в переводе на современный русский язык означает ‘говорить’. В древнерусском языке одним из значений слова *глагол* было ‘слово’, ‘речь вообще’» [Черных 1994: 189]. Именно в этом смысле А. С. Пушкин использует его в своем стихотворении «Пророк»: *Глаголом жги сердца людей*. В современном русском языке глагол понимается как «часть речи, обозначающая действие или состояние предмета как процесс и изменяющаяся по временам, числам, лицам (в настоящем времени) и родам (в прошедшем времени)» [БТС 1998: 206]. Такая широкая дефиниция дает возможность для разного понимания объема глагольной лексемы в научной литературе. Так, В. В. Виноградов, А. Н. Тихонов, Н. М. Шанский и нек. др. утверждают, что только личную (спрягаемую) форму следует считать глаголом, инфинитив рассматривают как отдельную часть речи, причастие — как прилагательное, а деепричастие — как наречие. Этими учеными высказывалось также предложение, чтобы к глаголу относились также инфинитивы, а причастие и деепричастие были либо подчинены прилагательным и наречиям, либо образовывали особые части речи. Однако среди лингвистов все-таки преобладает признание того, что спрягаемые формы глагола, инфинитив, причастие и деепричастие рассматриваются как формы одной и той же лексемы. Это отражено в Национальном корпусе русского языка — где лексические формы всех глаголов включают и инфинитив, и спрягаемые формы глагола, и формы деепричастий и причастий. Такое понимание объема глагольной лексемы считается в лингвистике традиционным. Как утверждает один из основателей корпусной лингвистики, В. А. Плунгян, использование корпусов особенно тесно связано с проблемой доказательства существования какого-либо явления в языке: мы не можем отождествлять понятия «иметься в корпусе» и «иметься в языке», но понятия «существующего в языке» и «надежно засвидетельствованного в корпусе», могут быть эквивалентны [Плунгян 2008: 15–16].

Однако мы можем найти мало аргументов в пользу специфической идентичности рассматриваемых единиц: различные глагольные формы имеют различные грамматические показатели и грамматические значения, что делает невозможным дать им единую грамматическую обработку. И поэтому очень часто высказывается мнение о том, что «система основных форм глагола не составляет грамматического класса, поскольку в морфологическом и синтаксическом плане являет собой очень пеструю картину» [Кузнецов 2001: 109].

Определение глагола вызывает много споров в научных кругах. Одним из наиболее авторитетных является определение, предложенное Л. Л. Буланиным: «Глагол обозначает действие, процесс, т. е. динамический признак предмета, признак, существующий во времени» [Буланин 1976: 102].

Представленные в научной литературе определения глагола условно можно разделить на три группы:

1) чисто семантические определения: в таком направлении глагол понимается как «часть речи, которая включает слова, обозначающие действие или состояние предмета» [Земский 2003: 272]. Согласно этому подходу, отглагольные существительные типа *похвала* и *критика* также относятся к этой категории, поскольку они обозначают действие или состояние бытия. Поэтому считается неприемлемым определять глагол только в семантическом плане.

2) семантическое определение с указанием грамматических признаков: «глагол — это часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица; глагол обладает также категориями числа и — в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения — категорией рода» [АГ-80: 582]. Однако данное определение, на наш взгляд, подчеркивает только грамматические свойства глагола, но не определяет свойства действия или состояния глагола; понятие «процесс» не раскрывает семантической сущности глагола как части речи.

3) «формально-грамматическое» определение: существует узкое понимание глагола как части речи в рамках формально-грамматической ориентации, при котором глагол понимается как «слова спрягаемые (изменяемые по лицам)»

[Абакумов 1924: 30]. С точки зрения С. И. Абакумова, только личная форма относится к глаголу, а остальные формы — к другим частям речи.

«Существует два подхода к интерпретации общей семантики глагола. Одни ученые отмечают, что глагол обозначает либо действие, либо состояние. Другие ученые выступают за комплексное рассмотрение семантических особенностей глагола и предполагают возможность такой единой интерпретации. Однако ни один из этих вариантов не является убедительным. Часто говорят, что основой для объединения семантически различных единиц в глагольные категории является существование процессуальной семы» [Шведова 1980: 582]. Сторонниками первого направления являются лингвисты во главе с Л. В. Щербой. Они утверждают, что такие глаголы как *лежать* и *краснеться* (*Больной лежит на кровати. Ягодка краснеется в траве*) выражают не состояние, а действие [Щерба 1974: 91]. Другие ученые интерпретируют определение глагола как «обозначение процессуального (динамического) признака предмета, т. е. такого признака, который способен изменяться во времени. Фактически глаголы могут обозначать статические признаки» [Богданов 2009: 323].

В. И. Теркулов считает, что определение глагола «может быть дано через набор лингвальных грамматико-семантических признаков, и языковое сознание связано с этой лингвистической процессуальностью» [Теркулов 2013: 52]. Сюда входят:

1) «признак предикативности: способность глагола быть центром предложения, вбирающим в себя семантику не только признака, но и объекта (переходность, наклонение, залог и лицо)» [там же];

2) «признак лингвальной процессуальности: представление об обозначенном глаголом признаке как о протекающем во времени (вид) и существующем во времени (время), различаются акциональный процесс (скрипт) и статальный процесс (фрейм)» [там же].

Другими словами, глагол может также описывать всю ситуацию. Об этом более определенно говорит Ю. В. Фоменко: «в отличие от других частей речи,

глагол обозначает целую процессуальную ситуацию, элементами которой являются (могут быть) субъект, объект и другие участники» [Фоменко 1996: 233].

В цитируемой работе исследователь склонен согласиться с третьей точкой зрения. Иными словами, глагол обозначает не только действия, состояния бытия (свойства) субъекта, но и (в некоторых контекстах) определенные соответствующие лингвистические концепты. Обратимся к примерам:

1. «*А Мария Петровна всё хвалила Якова и хвалила: “Молодец, молодец...” — и гладила его по голове горячей ладонью*» [Борис Екимов. Фетисыч (1996), НКРЯ];

2. «— *Дочка у тебя хорошая. — Тимофеевна всегда хвалила Ольгу. У неё самой дочери не было, только сын*» [Раиса Кореневская. Зелёные вишенки (2015), НКРЯ].

3. «*Училка ему пятерку поставила и так хвалила: я, говорит, всегда знала — ты можешь, если очень постараться, “терпенье и труд все перетрут”*» [Инна Андреева. Брызги шампанского (2014), НКРЯ].

В первом случае глагол *хвалить* описывает поведение субъекта — Марьи Петровны, которая хвалит другого человека (Якова). Во втором примере говорящий (Тимофеевна) хвалит чужую дочь не по какой-то конкретной причине, а по давней привычке, поэтому мы считаем, что глагол *хвалить* отражает черты характера и положительные личные качества субъекта. В третьем примере один из лексико-семантических вариантов глагола *хвалить* в сочетании с глаголом *поставить*, наречием *так* и двоеточием представляет всю ситуацию — ‘ученик достиг чего-то, достойного похвалы учителя, приложив определенные усилия’. А остальные компоненты предложения просто дают более яркое описание ситуации, при этом существительное *училка* придает глаголу *хвалить* сленговый характер. А центральная позиция глагола в этом предложении представляет понятие «похвала» в целом.

Семантическое своеобразие русского глагола определяется взаимосвязью лексических и грамматических свойств, т. е. грамматические категории, которыми располагает глагол, тесно связаны с его семантикой. Категория вида наиболее тесно связана с лексической семантикой. Глагольный вид обозначает,

как протекает или как распределяется во времени процесс, обозначенный глагольной основой. Он представляет собой систему двучленных оппозиций глагольных форм: некоторые глагольные формы обозначают ограниченные целые действия (глаголы совершенного вида), а некоторые глагольные формы без ограниченного целого знака (глаголы несовершенного вида).

Согласно примечанию в «Русской грамматике», «один из членов видовой пары может быть представлен глаголом, имеющим в языке вариативное образование того же вида. В этом случае один из членов видовой пары может быть представлен не одним, а двумя глаголами» [АГ-80: 582]. Например, у глагола СВ *выхвалят* парными глаголами НСВ являются и глагол *выхвалять*, и глагол *выхваливать*; у глагола НСВ *рекомендовать* парными глаголами СВ вида являются и *порекомендовать*, и *отрекомендовать*. Кроме того, существуют глаголы с одинаковыми формами совершенного и несовершенного вида: *идеализировать*, *рекламировать*.

Однако не все глаголы могут образовывать видовые пары. Это означает, что существуют глаголы, которые являются лишь одновидовыми глаголами. «Способность глаголов объединяться в видовые пары зависит от лексического значения глагола» [АГ-80: 582]. В данном исследовании мы уделяем больше внимания одновидовым глаголам НСВ, которые относятся к «лексико-грамматическому разряду глаголов с предельным значением» [там же], т. е. основы этих глаголов «обладают охарактеризованным предельным значением» в соответствии с их семантикой [там же]. Например, в нашем исследовании анализируются глаголы, которые имеют только форму несовершенного вида: *славословить*, *честить* и др. По данным толковых словарей русского языка, глагол *славословить* определяется как «неумеренно восхвалять, превозносить кого-, что-л.; произносить или петь славословие кому-нибудь (церк.)» [Ушаков 1940, т.4: 251; Ожегов 2003: 727; Кузнецов 1998: 1206; МАС 1999, т.4: 129]. Можно сказать, что *славословить* обозначает лишь постоянный признак действия и продолжительное состояние.

Во всех исследованиях по категории вида отмечается, что существуют разные взгляды на свойства видовой пары. Одни ученые, напр., В. В. Виноградов, считают члены «видовой пары принадлежащими к форме одного и того же глагола» [АГ-80: 582] на основании семантических критериев. То есть, в большинстве случаев члены видовой пары имеют эквивалентную семантику, это означает, что они являются одной и той же формой глагола. Другие ученые в лице Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и др., исходя из закономерности образования видовых пар как имперфективного процесса, отмечают, что если член СВ образуется в видовой паре с помощью префиксации, то такие две единицы считаются самостоятельными глаголами (глаголы типа *льстить* – *польстить*; *хвалить* – *похвалить*; *славить* – *прославить*); если при образовании видовой пары не используется способ префиксации (глаголы типа *восхвалять* – *восхвалить*; *расхваливать* – *расхвалить*; *возносить* – *вознести*, *воспевать* – *воспеть*) — формами одного глагола [АГ-80: 582]. «Значение вида формально выражается суффиксами и префиксами в их соединении с основами глаголов сов. и не сов. вида» [АГ-80: 583].

В настоящем исследовании мы разделяем первую точку зрения, согласно которой пары слов обладают одинаковым лексическим значением, различаясь только грамматическим значением. Например, в нашем материале: *хвалить* – *похвалить*, *льстить* – *польстить*, *одобрять* – *одобрить*. Сложность этой темы связана еще и с обилием глагольных приставок в русском языке, многообразием их значений, с закономерностями синтаксической и лексической сочетаемости. Глагольные приставки в русском языке неоднородны. Они могут изменять не только грамматическое – видовое – значение глагола, но и его лексическое значение, указывая пространственные или количественно-временные особенности протекания действия. При этом одна и та же приставка в сочетании с разными глагольными основами или даже с одной и той же основой может выражать разные оттенки значения. Описание приставочных глаголов требует особого внимания, и трудности связаны с огромным разнообразием глагольных приставок в русском языке (их более 20), с тем, что приставки многозначны, с тем, что одно

и то же значение может обозначаться с помощью разных приставок (присесть – надломить: неполнота действия), с тем, что к одному глаголу может присоединяться по несколько приставок [Рожкова 1981, Шведова, Трофимова 1987].

Для обозначения действия в процессе его осуществления может быть использован лишь НСВ. В выражении процессуальность участвует не только вид, но и контекст, а также лексическое значение самого глагола. Процессуальность может иметь разные оттенки, обусловленные лексическим значением глагола — процесс-действие, процесс-состояние, процесс перехода к новому состоянию [АГ-80]. В группе глаголов речевого воздействия важен именно процесс перехода в результате произведенного действия к новому состоянию, поэтому мы остановимся на группе глаголов НСВ. Форма несовершенного вида определяет лексическое и грамматическое поведение производного слова, которое зависимо от производящего и по смыслу, и по форме [Рожкова 1981]. Несовершенный вид выступает здесь в качестве маркированного члена видовой оппозиции. Глаголы несовершенного вида наиболее соответствуют целям данного исследования и будут находиться в центре нашего внимания.

Стоит отметить, что для полисемичных глаголов семантика совершенного и несовершенного вида может не совпадать, что должно быть специфично для каждого лексико-семантического варианта глагола. Например, несовершенный и совершенный вид глагола *славить/прославить* имеют общую семантику 1) «восхвалять достоинства, доблесть, заслуги и т. д., создавая кому-, чему-л. славу, известность» и 2) «чествовать величальной песней, петь кому-л. славу» [МАС 1999, т.4: 129; т.3: 522], но несовершенный вид *славить* также имеет лексические варианты 1) «устар. ходить по домам с пением церковных песен во время праздника рождества» и 2) «разг. распространять слухи, молву (чаще дурные)» [МАС 1999, т.4: 129], которых нет у совершенного вида. Это также доказывает, что «глаголы в видовой паре могут обладать — и очень часто обладают — разными системами лексических значений. Это значит, что глагол

СВ и НСВ может иметь значения, несоотносительные со значениями другого члена видовой пары» [АГ-80: 582].

Наряду с тем, когда речь идет о взаимосвязи лексических и грамматических свойств глагола, следует также обратить внимание на валентность глагола. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», «валентность — способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [ЛЭС 1990: 79]. В случае с валентностью глагола следует подчеркнуть, что она очень важна. Это связано с тем, что, будучи предикатами предложения, все русские глаголы так или иначе управляют словами других частей речи, прежде всего, именами, и, конечно, по-разному сочетаются с другими словами. Данная особенность глагола также является одним из показателей, определяющих различия между членами одного синонимического ряда. Рассмотрим фрагмент синонимического ряда русских глаголов речевого воздействия, в котором доминирует *насмехаться*: «*насмехаться* (над кем-, чем-л.) – *смеяться* (над кем-, чем-л./ без доп.) – *язвить* (без доп./ кого-, что-л.) – *шутить* (без доп./ над кем-, чем-л./ чем-л./ с кем-, чем-л.)» [Фу Ямэй 2022: 712]. Эти глаголы имеют разные управляющие отношения и соответствуют разным пропозициям актантов. В дополнение к различным отношениям валентности, создаваемой различными отношениями управления, возрастно-половой фактор субъектов этих синонимов также является немаловажным показателем, влияющим на их валентность: субъекты *насмехаться*, *шутить* и *язвить* могут быть как детьми, так и взрослыми, причем в *язвить* больше мужчин, чем женщин, а *смеяться* предполагает самый широкий возрастной диапазон субъектов, в котором помимо детей и взрослых могут быть младенцы [Фу Ямэй 2022: 706–712]. Основное значение этого синонимического ряда ‘насмехаться’ проходит через наши целевые синонимические ряды с доминантами *хвалить* и *ругать*: говорящий может высмеять кого-л. похвалой или ругать его насмешкой. В силу их специфики мы проанализировали этот синонимический ряд глаголов речевого воздействия с доминантой *насмехаться* отдельно [там же].

Таким образом, глагол разнообразен и сложен как по форме, так и по содержанию. С точки зрения формы, глагол обладает такими неотъемлемыми свойствами, как категории вида, залога, наклонения, времени, лица, числа и рода, которые составляют его грамматическое значение. По содержанию глагол образует активную часть речи, называющую действие, процесс, состояние, отношение и даже лингвистический концепт; он занимает центральное место в структуре предложения, и его валентность устанавливает возможности смыслового наполнения предложения. Эти два параметра (форма и содержание) дополняют друг друга, что обеспечивает грамматическую насыщенность и сложность лексического значения глагола, формируя тем самым карту характеристик глагола.

1.2. Системность как основной подход к исследованию лексики русского языка

Хорошо известно, что **лексика** означает «всю совокупность слов языка, т. е. его словарный состав» [Розенталь, Теленкова 2009]. Ученые отмечают, что лексика русского языка представляет собой «множество слов, но не просто множество, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня» [Шмелев 1977; Новиков 2001]. На наш взгляд, поскольку глагол так глубоко укоренился в своих формальных и содержательных образах, он во многих случаях понимается как тип лексики, особенно в плане лексических коллекций, и термин **глагол** часто используется для обозначения совокупности всех глагольных единиц.

Известно, что лексика любого национального языка взаимосвязана и обладает словарными объединениями разного объема, выстроенными в единую систему. Основатель общей теории **систем** Л. фон Берталанфи определил систему «как комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов» [Берталанфи 1969]. Лингвистика также обнаруживает взаимосвязь и взаимодействие элементов

в своей системе. Под **языковой системой** понимается «множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённое единство и целостность» [ЛЭС 1990: 452]. По мнению П. Н. Денисова, «язык обладает многими системными признаками, такими как: 1) система — целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) она образует особое единство со средой; 3) исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; 4) элементы любой исследуемой системы обычно выступают как системы более низкого порядка» [Денисов 1980: 53]. Эти особенности очерчивают широкие контуры языковой системы и направляют нас к более наглядному описанию системной природы языка.

Выделение лексических объединений русского языка остается довольно спорным вопросом. Однако, «несмотря на множество различных точек зрения на принципы группировки слов и связанную с этим пестроту и пересекаемость терминологии, выявляется некоторая общая тенденция разграничения, по крайней мере, некоторой упорядоченности терминологии. В настоящее время, при описании лексики, принято выделять семантическое поле (СП), лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантические группы (ЛСГ) и лексико-тематические группы (ЛТГ), включающие такие объединения, как синонимические ряды (СР) и антонимические пары (АП) и др.» [Николенко 2005: 8]. В данном исследовании принята терминология, обычно используемая и признанная академическим сообществом при работе с лексической систематикой. Мы утверждаем, что глаголы речевого воздействия могут принадлежать к семантическому полю «речь», лексико-семантическому полю «глаголы речи», лексико-семантической группе «глаголы речевого воздействия». В свою очередь, внутри ЛСГ можно выделить несколько синонимических рядов: либо как два семантически противоположных ряда (как в случае с нашим предметом синонимические ряды с доминантами «хвалить» и «ругать»), либо как семантически близкие ряды (как в случае синонимические ряды с доминантами «насмехаться» и «ругать»). В любом случае, эти синонимические ряды

сопоставляются в лексико-семантической группе на одном уровне и отличаются друг от друга разными опорными словами, которые их представляют.

Вопрос о системном характере лексики исследуется уже давно. Еще в XIX и XX вв. «системность лексики обсуждалась в работах таких ученых, как Вильгельм Гумбольдт, Г. Остгоф, А. А. Потебня, М. М. Покровский, Г. Шпербер, Г. Ипсени» [Лысякова 2005: 5]. За последнее столетие многие лингвисты отмечали сложность лексической системы языка: В. В. Виноградов (1956), А. И. Кузнецова (1963), «Р. А. Будагов (1949, 1951, 1952), Ф. П. Филин (1982), А. А. Уфимцева (1962), А. В. Фёдоров (1953), В. Г. Гак (1971, 1977)» [Бойкова 2004: 61] и др. Работы этих ученых заложили основу для нашего нынешнего дальнейшего изучения лексических систем.

В. И. Половникова утверждает, что «**системность лексики** — своеобразие и многообразие типов группировки лексических единиц, их смысловые отношения, а также характер связанности и взаимодействия друг с другом» [Половникова 1988: 7]. С точки зрения Л. А. Новикова, «**лексика**, как и другие уровни языка (грамматический, фонетический, словообразовательный), включает в себя множество элементов, которые находятся в закономерных отношениях и образуют в совокупности определенную целостность» [Новиков 2001: 411]. Ученый подчеркивает, «что элементами лексико-семантической системы являются лексические единицы, связанные отношениями тождества, сходства, противоположности, включения и др., которые противопоставляются другим единицам, сочетаются с ними в тексте и в то же время каждая лексическая единица занимает в лексико-семантической системе определенное место, является достаточно изолированной» [Новиков 2001: 411–412]. В совокупности исходными признаками лексической системности являются разнообразие лексических группировок, регулярность и полнота связей между лексическими единицами, возможность взаимосвязей между лексическими единицами и их независимость. В нашем исследовании глаголов речевого воздействия, например, глагольные единицы могут быть регулярно сгруппированы вокруг семантики ‘речевое воздействие’, образуя полную лексическую систему — ЛСГ глаголов речевого

воздействия, а глагольные единицы внутри этой группы могут быть разделены на несколько более конкретных семантических подгрупп, таких как подгруппа глаголов со значением ‘просить’, подгруппа со значением ‘клясться’, подгруппа глаголов со значением ‘ругать’, подгруппа со значением ‘хвалить’ и т. д. Эти глагольные единицы либо сходны друг с другом (*хвалить* – *одобрять*), либо противопоставлены друг другу (*хвалить* – *ругать*), либо находятся в деривационных отношениях (*хвалить* – *восхвалить*), но каждая из них располагает собственными лексическими характеристиками.

Следует отметить, что все уровни языка организованы по-разному. «Лексика в качестве уровня языка, который теснее всего контактирует с действительностью (в отличие от фонетики, грамматики), поэтому она должна иметь систему наименее жесткую» [Николенко 2005: 8–9]. «Для достижения идеальной организации необходимо диалектическое сочетание определенности, оформленности, богатства связей с достаточной их гибкостью внутри системы, пластичностью ее структуры, реагирующей на динамику изменения внешних связей, окружающей среды» [Антомонов, Харламов 1968: 17]. Хотя русские глагольные единицы речевого воздействия были объединены в миниатюрную лексическую систему — ЛСГ глаголов речевого воздействия [см. список Бабенко 1999: 374–379], состав ее внутренних членов и возможности принадлежности внутренних членов не являются статичными. Например, в случае с глаголом *хвалить*, только три глагольные единицы сосуществуют с ним в синонимических отношениях в существующей ЛСГ глаголов РВ, и мы можем увеличить это число до 23 (см. подробнее в главе 2). Глагол *хвалить*, например, может принадлежать как к группе глаголов речевого воздействия [Бабенко 1999: 379], так и к группе глаголов внешнего проявления отношения [Бабенко 1999: 603]. Так, «специфика лексики как системы определяется тем, что лексические единицы связаны друг с другом различными отношениями, что дает исследователям основание говорить о том, что лексика является самой сложной языковой подсистемой» [Новиков 2001: 170].

На сегодняшний день системность лексики признается всеми исследователями. И. П. Слесарева справедливо отмечает, что «свойство системности присуще лексике, а не привносится исследователем» [Слесарева 1990: 16]. По мнению Д. Н. Шмелева, «системные связи слов, взаимодействие разных значений одного слова и его отношения с другими словами весьма разнообразны, что свидетельствует о большой выразительной силе лексики. При этом нельзя забывать, что лексическая система является составной частью более крупной языковой системы, в которой сложились определенные отношения семантической структуры слова и его формально-грамматических признаков, фонетических черт, а также сформировалась зависимость значения слова от паралингвистических, экстралингвистических факторов: мимики, жестов, интонации, условий функционирования, времени закрепления в языке и т. д.» [Шмелев 1977: 228].

«Традиционно системность лексики формулируется с двух позиций: 1) с позиций категориального или иерархического (дистрибутивного) подхода как совокупность слов, сопоставляемых по какому-либо признаку (например, по происхождению или сфере употребления); 2) как система семантических отношений» [Новиков 2001] (подкрепленная работами Д. Н. Шмелева, Ю. Д. Апресян, Э. В. Кузнецовой, И. А. Стернина и др.).

Более того, по мнению М. И. Фоминой, «в понятие системности лексики включены два взаимообусловленных характерных признака этого уровня: во-первых, лексическая система как набор словарных единиц (слов и оборотов, являющихся названными средствами); во-вторых, лексическая система как форма организации этих единиц и способы их взаимодействия» [Фомина 1990: 15–16].

Как уже упоминалось выше, лексика имеет системный, иерархический характер, что находит отражение в отношениях между словарными составами ЛСГ, ЛТГ и ЛСП, в СР, АП и деривационных отношениях, а также в структуре гипо-гиперонимических отношений и др. Как отмечает П. Н. Денисов, «системность лексики можно проследить в следующих лексических объединениях: 1) семантическое поле, 2) лексико-семантическая группа,

3) тематическая группа, 4) ситуативная группа, 5) коммуникативная группа, 6) родо-видовая группа, 7) синонимический ряд, 8) антонимическая пара, 9) словообразовательное гнездо, 10) эпидигматическая группа (совокупность всех значений, или ЛСВ одного многозначного слова)» [Денисов 1980: 119]. Мы считаем, что такой агрегационный подход предназначен только для более упорядоченного описания лексических систем в семантическом пространстве, и что его операционный механизм неприменим для описания всех лексических систем, которые, как мы уже говорили, являются очень гибкими и открытыми. Однако несомненно, что подход, предложенный П. Н. Денисовым, закладывает базовую систему координат для изучения лексических систем, например, в данном исследовании мы можем использовать ЛСП, ЛСГ, СР в качестве основных координат для обсуждения лексической системы глаголов речевого воздействия.

ЛСП является важным доказательством системного характера лексики и считается самым большим лексическим объединением. Фактически, «термин *поле* был впервые использован в физике такими учеными, как М. Фарадей в первой четверти XIX века (1791–1867), А. Эстед (1777–1851) и А. Ампер (1775–1867), причем это понятие было связано с электрическим зарядом (например, как взаимное влияние теории магнитного поля)» [Адмони 1988: 77–78]. В XIX веке теория поля в физике и лингвистике вновь стала предметом теоретической дискуссии. Обращаясь к понятию *поле* в лингвистике, «В. Г. Адмони указывает на некоторые параллели, оправдывающие перенос в лингвистику понятий, заимствованных из физики: наличие в грамматической категории центра и периферии, соприкосновение и взаимодействие периферий смежных полей, разная степень сцепления компонентов поля» [Адмони 1988: 77–78].

«Современная лингвистика стала свидетелем появления различных теоретических концепций и методологических подходов в изучении поля» [Эгамназаров 2018: 185–189]. «Термин СП был впервые введен Г. Ипсеном в 1924 году в книге «Der Alte Orient und die Indogermanen»» [Ipsen 1924: 30]. «Данное понятие определяется как группа слов, имеющих общее значение» [Ipsen 1924:

30–45]. При описании лексики известные зарубежные ученые, «такие как Й. Трир, В. Гумбольдт и Г. Остгоф» [Адмони 1988: 78], использовали термин *система* вместо *поле*.

Природа **СП** остается неясной. Согласно одной точке зрения [Выгонная 1968: 118–125; Москович 1969: 304], **СП** является экстралингвистическим, психологическим или логическим феноменом и отражается в языке. С другой точки зрения [Кузнецова 1963: 21; Шайкевич 1963: 14–26], — это лингвистический феномен, который должен быть идентифицирован на основе лингвистических данных. Важным представляется также замечание, сделанное R. N. Meyer относительно классификации **СП** «на естественные (названия деревьев, животных, частей тела, чувственных восприятий и т. д.), искусственные (названия воинских чинов, составных частей механизмов и т. д.), полуискусственные (терминология охотников и рыбаков, этические понятия и т. д.)» [Meyer 1910: 358–366]. Он определяет семантические классы как определенное количество выражений, упорядоченных определенным образом, то есть по одному семантическому признаку, который автор называет фактором дифференциаций.

ЛСП — очень емкое понятие. Оно охватывает основные проблемы лексикографии — синонимию, антонимию, полисемию и ассоциацию слов с понятиями. Решение проблем, связанных с семантическими полями в лексиконах, позволяет по-новому осветить перечисленные проблемы [Анипкина 2000: 58–66]. В данном исследовании **ЛСП** понимается «как особая системообразующая единица со сложной и весьма специфической структурой, составные элементы которой связаны между собой парадигматическими отношениями» [Эгамназаров 2018: 185–189].

Объектом данного исследования является совокупность лексических единиц, принадлежащих одной части речи, что подводит нас к понятию **ЛСГ**. Наиболее важным компонентом **ЛСП** является **ЛСГ**.

Под **ЛСГ** понимается «класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент

(компоненты) и типовые уточняющие дифференциальные компоненты, а также характеризующиеся высоким схематизмом сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [Кузнецова 1989: 62].

Л. М. Васильев считает, что «термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем» [Васильев 1971: 102–104].

Учитывая практическое назначение настоящего исследования в преподавании русского языка как иностранного, взгляд И. П. Слесаревой особенно важен. По её словам, ЛСГ — «это языковая и психологическая реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отношений — отношений смысловой близости по синонимическому типу» [Слесарева 1990: 52]. Такое определение подчеркивает синонимические отношения членов внутри ЛСГ, а выявление отношений семантической близости важно при обучении лексике в русле одной ЛСГ.

В ЛСГ включаются более мелкие единицы лексических объединений: синонимические ряды, антонимо-синонимические блоки и т. д. Первые являются предметом данной диссертации. (Подробнее о синонимическом ряде см. в разделе 1.3).

Согласно точке зрения Д. Н. Шмелева, «в лексической системе языка объединяются группы слов, связанных общностью (или противоположностью) значения; сходных (или противопоставленных) по стилистическим свойствам; объединенных общим типом словообразования; связанных общностью происхождения, особенностями функционирования в речи, принадлежностью к активному или пассивному запасу лексики и т. д.» [Шмелев 1977:183–187].

Системные связи в группах слов, которые объединяются на основе общности признаков, называются парадигмами. «**Парадигматика** — это рассмотрение единиц языка как совокупности структурных единиц, связанных отношениями

противопоставления, но сопоставляемых друг с другом, включение их в ряды “по вертикали” – столбики (падежные формы одного склоняемого слова или личные формы одного глагола, один и тот же корень в разных аффиксальных окружениях, ряд позиционно чередующихся звуков)» [Розенталь, Теленкова 1985: 175–176]. Парадигматические отношения слов являются основой лексической системы любого языка. Самыми большими парадигматическими группировками (классами) слов являются части речи. Они объединяют в себе слова, сходство которых иногда минимально. В значениях этих слов есть общая сема категориально-грамматического характера: *предметность* в именах существительных, *признак предмета* в значениях имен прилагательных, *действие* в глаголах и т. д. Общность выражается в вариативности словоформ, например: существительные имеют падежные парадигмы, глаголы — парадигмы спряжения и т. д.

Парадигматические отношения в лексике многослойны и разнообразны. В случае с глаголами глагол может обозначать либо род, либо вид, что позволяет группировать его в различные парадигматические типы. В силу своих семантических различий глаголы могут быть включены в различные лексико-семантические парадигмы, в которых глагольные единицы отличаются специфическими семантическими признаками. Из этого следует, как указывает Д. Н. Шмелев, что «каждый существенный элемент лексического значения потому и выделяется как существенный для какого-то значения, что обусловлен определенным парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов» [Шмелев 1973: 108–109].

Наиболее распространенной причиной оппозиции парадигм является распределение определенных признаков среди лексических единиц. Однако возможен и вариант — соотношение «наличие/отсутствие» определенного признака. По мнению Д. Н. Шмелева, «подход к лексическим единицам как к единицам, значение которых определяется парадигматическими отношениями, позволяет уточнить представления о системности слов и о различном характере системных отношений внутри разных лексических групп» [Шмелев 1973: 190].

Глагольная лексема обычно содержится в нескольких лексико-семантических парадигмах. «К парадигматике относятся группировки слов в системе языка, основой которых выступает оппозиция — синонимия, антонимия, гипонимия, паронимия, гнездо слов, семья слов, лексико-семантическая группа, а также наиболее общая группировка слов — поле» [Ярцева 1990: 366–367].

«Другим проявлением системных отношений слов является их способность сочетаться друг с другом» [Шмелев 1977, Новиков 2001]. Доказательством существующей в языке системности лексики служит также выявление закономерностей связи семантики слова с окружающим контекстом. Связи, которые выявляются в сочетаемости слов друг с другом, называются синтагматическими, а рассмотрение основ, правил их соединения друг с другом — **синтагматикой**.

Слово *синтагма* образовано «от греч. *syntagma* — вместе построенное, соединённое. Синтагматика — это совокупность правил и закономерностей, определяющих отношения между единицами в речевой цепи. Они основаны на линейном характере речи, исключающем одновременное произнесение нескольких языковых единиц, а лишь в линейной временной последовательности. Синтагматические отношения всегда присутствуют в речи, это отношения сосуществования и последовательности» [РЯЭ 1979: 288–289].

Так как данный тип отношений в большей степени зависит от контекста, синтагматические связи могут раскрываться именно в определённых лексических сочетаниях и подвержены изменениям. Так, например, в разных словосочетаниях и предложениях могут развиваться переносные значения. Например, глагол *нападать* в предложениях «Зверь напал на человека» и «Грабитель напал на прохожего» обозначает ‘броситься на кого-, что-н. с враждебным намерением, а также вообще начать действовать против кого-н. с враждебной целью’ [Ожегов 2003: 387]. А в предложениях «Одно появление Федора уже вызвало общее оживление, и девушки нападали на него со своими претензиями всей гурьбой» [Бабенко 1999: 376] глагол *нападать* имеет значение «произносить (произнести)

вдруг, неожиданно и резко, с особой и чувством неодобрения упреки, обвинения в адрес кого-л.» [там же].

Приведем еще примеры, в которых одна и та же лексема в зависимости от контекста имеет различные значения, одно из которых — значение речевого воздействия:

Набрасываться. В предложении «Зверь набросился на охотника» глагол *наброситься* обозначает ‘бросившись, напасть; накинуться’ [Кузнецов 1998: 570]. А в предложении «“Ах, Григорий, разве ты не видишь, что делается с сыном?” — набросилась Ольга на мужа, едва они вместе вошли в дом» [Бабенко 1999: 376] глагол *наброситься* имеет семантику ‘произнести неожиданно и с особой силой, чувством резкие слова неодобрения, упреки, брань в адрес кого-л.’ [там же].

Пушить. В словосочетаниях *пушить шерсть* и *пушить перья* глагол *пушить* обозначает ‘делать пушистым’ [Ожегов 2003: 634]. А в предложении «*А генерал при нижних чинах давай пушить командира: “Как ведете роту!”*» [А. И. Куприн. Поединок (1905), НКРЯ] этот глагол реализует значение ‘бранить, ругать’.

Парадигматические и синтагматические отношения тесно связаны через семантические свойства лексических единиц. Парадигматические отношения являются основой для отнесения слов к семантическим классам единиц, которые имеют эквивалентные функции в дискурсе, а через синтаксические отношения единицы парадигматических классов сочетаются друг с другом для достижения коммуникативных намерений.

В отличие от синтагматических отношений, парадигматические отношения не являются линейными или одновременными в потоке речи или текста. Парадигматические отношения — это ассоциативные отношения между языковыми элементами, основанные на общности формы или содержания, или того и другого. Парадигматические отношения характеризуются тем, что присутствие одного члена парадигматического ряда исключает присутствие другого в синтагматической цепочке.

В отличие от парадигматических связей, которые являются устойчивыми, синтагматические связи могут появляться с возникновением новых реалий и

расширением наших представлений об окружающем мире (*стеклянные потолки, стеклянная сковорода, виртуальная реальность* и др.).

«Еще одним проявлением лексической системности, которое нельзя игнорировать, является существование **деривационных** (словообразовательных) отношений между единицами — смысловых отношений, при которых одни слова мотивируются другими словами» [Шмелев 1977: 225–227]. Термин *деривация* произошел от латинского слова *derivatio* — ‘отведение, отклонение’, определяется как «образование новых слов при помощи аффиксов или безаффиксным способом» [Розенталь 1985: 103], соответственно «словообразовательным моделям, свойственным данному языку» [Ахманова 2004: 129].

Системность в деривационном отношении проявляется в наличии: словообразовательного гнезда, словообразовательной пары, словообразовательной цепи. Общий для всех родственных слов элемент значения содержится в корне. Под словообразовательным гнездом понимается «упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [Тихонов 1990: 36]. «Гнездом слов <...> являются не вообще все слова, исторически связанные единством происхождения, а лишь те, у которых эти связи остаются открытыми, осознаваемыми» [Сорокин 1965: 181]. Обычно гнездо образуют непроизводное (исходное) слово и все его производные. Непроизводные слова возглавляют гнезда, например, *хвалить*, *ругать*. Производные слова в гнездах группируются на основе стержневых значений. Чаще всего словообразовательное гнездо представляет собой «сложное структурное образование, состоящее из большого числа производных» [Тихонов 1990: 40]. Например, *хвалить* имеет 94 производных слова, *ругать* — 60 [Тихонов 2003, т.2: 323–324; 52–53] и т. д.

Различают словообразовательную пару и словообразовательную цепь.

«Члены словообразовательной пары — производящее и производное — связаны между собой и формально и семантически» [Тихонов 1990: 41], так, например, видовые глагольные пары в материале нашей работы: *льстит* —

польстить, славить – прославить, образованные префиксальным способом. Стоит отметить, что приставочные конструкции также отражены в нашем материале в членах синонимического ряда глаголов, все из которых имеют один и тот же корень. Ср.: *хвалить – похвалить – расхвалить – нахвалить – восхвалить – выхвалить – захвалить*.

Словообразовательная цепь, как важнейшая синтагматическая единица в структуре гнезда, «характеризуется сложными формальными и смысловыми отношениями слов, представляющих все ее звенья. Разнообразие это создается прежде всего комбинацией частей речи в составе словообразовательной цепи: в роли исходных выступают слова большинства частей речи, в том числе глаголы. В конечном ее звене образуются слова всех основных частей речи. Словообразовательная цепь минимально состоит из одной словообразовательной пары, максимально — из 7 пар» [Тихонов 1990: 44]. Например, в исследуемом материале глагольная единица и её производные образуют такую словообразовательную цепь: *критиковать – критика – критический*, все они могут отражать одно и то же лингвистическое понятие «критика», имея лишь различия по частям речи.

В данном исследовании в большей степени акцентируется внимание на парадигматических отношениях между словами. Это связано с тем, что анализируемые нами глаголы на самом деле состоят из двух СР, в которых глагольные единицы соединяются парадигматической (в частности, синонимической) связью: синонимические ряды с доминантами *хвалить* и *ругать*.

С позиций лингвистической логики было разработано представление о том, что «лексические единицы связаны между собой различными отношениями сходства, противоположности, иерархии: синонимический ряд, антонимическая пара, омонимическая цепочка, словообразовательное гнездо, гиперонимо-гипонимическая группа, лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле, тематическая группа» [Степанов 1975: 139]. Однако степень систематичности различных лексических объединений варьируется.

«Различия эти в значительной мере обусловлены экстралингвистическими факторами. В наибольшей степени от них зависит структура тематических групп слов, в наименьшей — структура синонимических рядов» [Васильев 1990: 127]. «Основной единицей в лексической семантике является слово» [Новиков 1982: 111], а «элементарной единицей — лексико-семантический вариант» (ЛСВ) [там же]. ЛСВ и слово являются «двусторонними единицами: это единство знака и значения. План формулировок лексического варианта и слова — это лексемы, а их план содержания — семема. Наименее ограничительным компонентом базового значения является сема. Значение слова — это совокупность сем» [там же], которая может быть использована для анализа сходств и различий между лексическими единицами. Это позволяет выявить дефиниции синонимов, омонимов, антонимов, а также многозначных слов, которые в совокупности дают «основные категории слов и её признаки системных проявлений» [Слесарева 1990: 27–28].

Система в лексике проявляется: «1) в семантической структуре слова, отражающей его отношение к действительности; 2) в словопроизводственных отношениях, связях слов с другими словами по своей форме, отношению слова к той или иной общей или частной лексико-грамматической категории (части речи, гнездо слов); 3) в семантических связях и отношениях слова с другими словами: синонимия, антонимия; объединения слов в лексико-тематические группы, отдельные терминологические ряды, семантические микросистемы; 4) в контекстуальных, семантико-фразеологических связях слов: наличии устойчивой сочетаемости слов в речи, определенных единообразных типов этой сочетаемости; 5) в объединении, группировке слов по стилистическим свойствам» [Сорокин 1965: 13].

Системный характер словарного состава отражается в «распределении слов по некоторым семантически объединенным лексическим группам — лексико-семантическим парадигмам. Каждое слово языка входит в определенную лексико-семантическую парадигму, причем чаще всего вследствие многозначности не только в одну. Индивидуальная семантика слова раскрывается

через его противопоставление другим членам парадигм, в которые оно входит, по определенным существенным признакам» [Медникова 1974: 48].

В связи со значимостью понятия синонимии в данном исследовании мы решили рассмотреть его в качестве подсистемы в отдельном параграфе.

1.3. Синонимы в лингвистике

Западные ученые считают, что понятие синонимии впервые было введено древними греками, которые под синонимией понимали разнообразие выражений в рамках одного слова [Палевская 1964: 6]. Римскими учеными отмечалось, что помимо сходства синонимов, между ними существуют и различия. Представитель этой точки зрения Квинтилиан утверждал, что «так как у различных вещей названия различны — или более точные, или более красивые, или более выразительные, или лучше звучащие, — то все они должны быть не только известны, но и наготове и, так сказать, на виду, чтобы, когда они понадобятся говорящему, можно было легко отобрать из них наилучшие» [Butler и др. 1866: 149].

По утверждению Н. В. Каревой, исследованием синонимов впервые занялись в XVI веке. Самые ранние сборники латинских синонимов и эпитетов издавались в Европе:

- С XVI в., а затем в XVII в. и вплоть до конца XVIII в., был известен словарь «*Novus synonymorum, epithetorum et phrasium, seu elegantiarum poetiarum thesaurus, sive Gradus ad Parnassum*» П. Шастийона, выдержавший на протяжении двух веков более тридцати переизданий. Однако словари подобного типа создавались не только на материале латинского языка и античной поэзии;

- В 1571 г. в Париже вышел французский словарь эпитетов М. де ла Порта «*Les épithètes de M. de la Porte parisien*»;

- В 1645 г. был издан словарь «Synonymes et épithètes françoises» А. Монтмерана [<https://www.ruslang.ru/doc/kareva20.12.2016.pdf>].

Кроме списков синонимов и эпитетов, словари де ла Порта и Монтмерана содержали сведения об этимологии, давали комментарии, касающиеся мифологических персонажей, и определения некоторых терминов.

В XVIII веке синонимии были посвящены работы французских исследователей. Так, исследование Жирара под названием «Правильность французского языка, или различные значения слов, могущих быть синонимами» (1718) можно рассматривать как первую попытку научного подхода к изучению синонимии. Позже Бозе опубликовал собранные им синонимы в книге «Французские синонимы», а аббатом Рубо был составлен словарь синонимов французского языка — «Большой синонимический словарь» [там же; Коннова 2018: 76–82].

Мы считаем, что французский язык имел огромное влияние на русский. В это время, в начале XVII в., он входит в моду в России, русские знают французский лучше, чем родной: даже А. С. Пушкин — родоначальник современного русского литературного языка — в Лицее имел высший бал по французскому и тройку по русскому языку. Справедливости ради, нужно заметить, что это не помешало ему стать великим русским поэтом.

1.3.1. Способы выделения и описания синонимов русского языка

В России первые исследования в области синонимии появились в XVII веке. Ср.: «Первым русским трудом, в какой-то степени затрагивающим проблему синонима, был «Лексикон славеноросский и имен толкование», составленный П. Берындой и вышедший в Киеве в 1627 г.» [Палевская 1964: 7].

В XVIII и XIX веках русские лингвисты, в соответствии с учением М. В. Ломоносова о трех стилях, предприняли несколько попыток теоретической и практической разработки проблемы синонимии, нашедших отражение в

различного рода публикациях — статьях, комментариях, списках специальных синонимических рядов и словарей. Ср.: «Опыт Российского сословника» Д. И. Фонвизина (1783); «Рассуждение о красноречии Священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно» А. С. Шишкова (1811); «О синонимах» Н. М. Ибрагимова (1814); «Опыт словаря русских синонимов» П. Ф. Калайдовича (1818); «Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского с приложением пробных листов словаря» И. Ф. Калайдовича (1826); «Словарь русских синоним или сословов, составленный Редакциею нравственных сочинений» под редакцией А. И. Галича (1840); «О словаре русских синоним» И. И. Давыдова (1857) и др.

Примечательно, что в ответ на утверждение критиков, будто синонимы «изобретены на тот конец, чтоб попеременно употреблять в пространных сочинениях одно и то же значащие слова, а не для превращения оных в иной смысл» [Фонвизин 1959: 238], Д. И. Фонвизин возразил: «Одно и то же значащих слов нет на свете. Как же быть им изобретенными на тот конец, чтобы в пространных сочинениях употреблять их попеременно? Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего пространства и всей силы знаменования другого слова и что все сходство между ними состоит только в главной идее. Неужели многословие составляет изобилие языка? И какое было бы дурацкое богатство, если бы десять и больше слов изображали бы в нем только одну идею? Тут память бы лишь тщетно обременялась» [Фонвизин 1959: 238]. Это высказывание не утратило своего значения и в наши дни.

«Синонимические словари XVIII–XIX вв., научно не обоснованные, слабые в методическом отношении, оказались совершенно непригодными для употребления. Это было отмечено еще современниками. Например, В. Г. Белинский [Белинский 1840], И. И. Давыдов [Давыдов 1857] указывали на

многочисленные ошибки в словарях, на необходимость критического подхода к ним» [Палевская 1964: 13].

Фактически, одним из главных недостатков синонимических словарей первой половины XIX в. было отсутствие критического подхода к предыдущим работам, которые так или иначе затрагивали эту тему, что особенно заметно при анализе и углубленном изучении словарей: каждый составитель включал в свой словарь не только синонимические ряды, рассеянные в различных периодических изданиях, но и весь словарь целиком, без критического пересмотра [там же]. Так, Словарь синонимов И. Ф. Калайдовича полностью, без изменений, содержит словарь Д. И. Фонвизина, а Словари П. Ф. Калайдовича и Д. И. Фонвизина были включены в словарь А. Галича без каких-либо изменений.

Интерес к синонимии, как и ко всем лексикографическим вопросам, резко снизился во второй половине XIX в. и возродился только в XX в.

В начале XX в. появились словари синонимов Н. Абрамова («Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений», первое издание вышло в 1900 г., второе — в 1911 г.), В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского («Учебный словарь синонимов русского литературного языка», первое издание вышло в 1930 г.; второе издание, исправленное и дополнительное, — в 1931 г.). Однако эти словари имеют меньше справочной ценности по сравнению со словарями XIX в.

Только в советский период интерес к синонимам, стимулируемый культурно-просветительскими и образовательными факторами, значительно возрос. Так, в 1953 г. в Свердловске вышел научно-популярный очерк В. К. Фаворина «Синонимы в русском языке». «Этот труд состоит из нескольких глав: Словарный состав и синонимы; Уточнительные синонимы; Жанровые синонимы; Экспрессивные синонимы; Эвфемизмы; Дополнительные замечания к классификации синонимов» [Мирзоева 2013]. Вначале автор утверждает, что «синонимами в строгом смысле слова следует считать только слова, легко заменяемые в том или ином контексте» [Фаворин 1953: 23]. Однако далее данная формулировка была дополнена следующим положением: «Но так как слово может

изменять свое значение в контексте, то становится ясным, насколько условна и подвижна граница между синонимами в узком смысле этого термина и словами вообще родственного, близкого, единого значения» [там же: 24], это «заставило автора нарушить логико-грамматический принцип выделения синонимов и установить синонимические отношения между словами, принадлежащими к разным частям речи» [там же], ср.: *умный* – *умник*.

А. Н. Гвоздев определяет синоним как «слова с одинаковым предметным значением, служащий для обозначения одних и тех же понятий и отличающийся только дополнительными оттенками» [Гвоздев 1955: 57]. Здесь следует отметить, что автор уделяет особое внимание такому явлению, как возможность замены слова другим словом: «в сущности, там, где такое замещение невозможно, нет синонимов, а только слова, обозначающие разные понятия, хотя иногда и близкие между собой...» [там же]. В данной работе анализируются различия в оттенках значения между синонимами и дается обширный отчет об их использовании в различных стилях речи.

Статья А. Б. Шапиро «Некоторые вопросы теории синонимов» вносит много ценных наблюдений в развитие теории синонимов современного русского языка. В тексте дается определение синонимии как системы, рассматриваются отношения синонимии и терминологии, синонимии и полисемии, лексико-грамматические типы синонимов и такое понятие, как синонимический ряд [Шапиро 1955: 69–87].

Первым словарем, который традиционно считается составленным на основе строгих определений и обоснованных принципов, был «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Ключевой (1956 г.). Он также считается первым словарем русских синонимов, пригодным для практического использования. На взгляд В. Н. Ключевой, синонимы определяются как «слова-понятия, отражающие сущность одного и того же явления объективной действительности, различающиеся дополнительными оттенками значения и служащие не столько для подмены друг друга, сколько для уточнения мысли и нашего отношения к высказываемому» [Ключева 1961: 4]. В словаре В. Н. Ключевой последовательно

поддерживается мнение автора, что отношения синонимии возникают исключительно между словами одной и той же части речи. Слова же, принадлежащие к разным лексико-грамматическим категориям, не считаются синонимами, даже если они могут выражать схожие понятия. Однако этот словарь отвечает потребностям только школьного уровня обучения и не может считаться полным научным словарем. Ценным же в системе толкования слов В. Н. Ключевой является то, что она сначала определяет общие знаменатели, позволяющие объединить отдельные группы слов под одной доминантой, и лишь затем дает различительное значение каждого синонима, представляя каждое слово с примером его употребления в тексте. Эта идея используется и в нашем исследовании.

В. А. Сиротинина определяет синонимы как «слова, совпадающие в основе своих значений, имеющие общее ядро значения» [Сиротинина 1960: 3]. Т. е. «синонимы по-разному обозначают одно и то же явление объективной действительности» [там же]. В ее книге «Лексическая синонимика в русском языке» охвачены почти все проблемы синонимии: определение понятия синонима; вопрос о синонимах в современной лингвистической литературе; как объяснить наличие в языке слов-синонимов; значение синонимии; все ли слова языка имеют синонимы; источники синонимии; понятие синонимического ряда и его историческая изменчивость; синонимические словари; стилистическое использование синонимов и индивидуально-авторская синонимика [там же]. Как видим, ценность работы В. А. Сиротининой в том, что она не только дает определение синонимического ряда, но и рассматривает процессы, происходившие в синонимических рядах, с точки зрения исторического развития языка. В синонимическом ряду выделяется общее ядро значения; слова одного синонимического ряда могут различаться по качеству эмоционального выражения, стилистической окраске, семантическим нюансам при сохранении логического ядра значения. Так, например, в синонимической паре *уста* — *губы* проявляется только функционально-стилистическое различие: *уста* — *высок.*, используется в

поэтической речи, *зубы* — межстилевое; семантические различия в словах отсутствуют.

В рамках функционирования синонимия — явление строго синхронное и стилистическое [Евгеньева 1967: 56–74; Горбачевич 1963: 74–78; Новиков 1973: 11–23]. Исчезновение старых и появление новых синонимов в языке можно объяснить тремя основными процессами: «развитием у слова переносных и фразеологически связанных значений; словообразовательными процессами; и заимствованием, т. е. пополнением словарного состава языка словами из других языков» [Апресян 1995: 226].

Как отмечает Ю. Д. Апресян, «синонимия является одной из наиболее хорошо изученных семантических категорий» [Апресян 1995: 216]. Отсюда и четкие, устоявшиеся в научных трудах различных исследователей толкования данного явления. Так, В. В. Виноградовым, Р. А. Будаговым, А. Е. Ефимовым, О. С. Ахмановой, Д. Н. Шмелёвым, А. П. Евгеньевой, Е. М. Галкиной-Федорук, В. Н. Ключевой, Ю. Д. Апресяном, З. Е. Александровой, П. Н. Денисовым и мн. др. под синонимами понимаются «слова, близкие или тождественные по значению, но отличающиеся оттенками значения или экспрессивно-стилистическими особенностями» [там же]. В этом ряду и определение В. И. Половниковой, которая синонимами называет «слова, максимально близкие по значению, окрашенные экспрессией, связанной с принадлежностью к той или иной сфере общения, имеющие смысловые различия, хотя и минимальные» [Половникова 1988: 22].

Существует, однако, и иная точка зрения на синонимию, когда под синонимами понимаются исключительно тождественные по значению слова. Эта точка зрения, известная как лингвистический подход, «противопоставляется традиционному логическому подходу к синонимам, и Ж. П. Соколовская указывает, что ее разделяют А. Д. Григорьева, В. М. Григорьян, П. С. Александров, С. Г. Бережан и др.» [Соколовская 1979].

Толкование синонимов напрямую связано, с нашей точки зрения, с подходом к явлению синонимии. Так, в русистике изучение синонимии проводится в

соответствии с: 1) *«денотативным подходом, предполагающим рассматривать синонимы как слова, которые выражают одно явление действительности (см. определение М. Ф. Палевской, В. Н. Ключевой, В. А. Белова и др.;* 2) *сигнификативным* подходом, при котором синонимы понимаются как слова, тождественные или близкие по семантике» [Зиновьева 2020: 46] (см. А. П. Евгеньева, Р. А. Будагов, Л. А. Новиков, С. Г. Бережан, А. А. Брагина); 3) *структурным* подходом, при котором синонимы рассматриваются с формальной и семантической сторон (Ю. Д. Апресян) [Апресян 1995: 218]; 4) *прагматическим* подходом, определяющим синонимы на основе контекстуальной взаимозаменяемости (Л. А. Булаховский, С. Ульман, Дж. Лайонс, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, а также Ю. Д. Апресян); 5) *психолингвистическим* подходом, при котором синонимы рассматриваются как единицы лексикона носителя языка (А. А. Залевская, И. А. Стернин, А. С. Штерн, А. А. Шумилова и другие) [Белов 2018: 96].

Поскольку основной задачей предпринятого исследования является препарирование семантики членов синонимических рядов и звеньев (составная часть синонимического ряда), наиболее эффективным и целесообразным считаем обращение к сигнификативному подходу в определении синонимов, в частности, в качестве рабочего мы придерживаемся традиционного определения синонима: «синонимы — слова близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся или оттенками значения, или стилистической окраской, или и тем и другим» [Денисов 1980: 98]. Распространенным явлением считается то, что китайские учащиеся при перечислении синонимов какого-л. слова часто используют для объяснения сходные выражения с этим словом или сходные понятия, представленные этим словом. Другими словами, возможно, из-за ограниченности словарного запаса, иностранные учащиеся склонны игнорировать то, что синонимы должны принадлежать к одной и той же части речи. В настоящем исследовании мы полностью согласны с П. Н. Денисовым, что «синонимы, как правило,

принадлежат к одной и той же части речи и выступают как взаимозаменяемые элементы высказывания» [там же].

Среди исследователей сложился консенсус относительно изучения синонимов в рамках определенных частей речи. Результаты докторской диссертации В. Д. Черняк доказывают, что среди лексических синонимов в русском языке «первое место занимают глаголы (1171 ряд), второе — имя существительное (1154 ряда) и третье — имя прилагательное (935 рядов)» [Черняк 1992: 16]. В. Д. Черняк утверждает, что специфика синонимических ассоциаций, интерактивный характер «синонимических парадигм напрямую зависит от частеречной принадлежности синонимов. В этом отношении следует избегать прямого перенесения закономерностей, установленных для синонимов одной части речи, на синонимические связи других частей речи» [Черняк 1992: 16–18].

В русской лингвистике синонимы могут быть сгруппированы по семантическим и/или стилистическим различиям между ними, или по принципу словообразования, или по их отношению к языковым или речевым явлениям. Существуют следующие критерия классификации:

Первый критерий заключается в том, что существуют «абсолютные» [Р. А. Будагов] / «точные» [Ю. Д. Апресян] / «стоцентные» [А. А. Реформатский] синонимы и «неточные» / «неполные» синонимы / «квазисинонимы» (по терминологии Ю. Д. Апресяна). Абсолютными синонимами считаются слова, которые полностью идентичны по значению. Традиционно в лингвистике такие единицы также называют лексическими дублетами, например, *префикс – приставка*.

По мнению Ю. Д. Апресяна, «лексические синонимы можно разделить на синонимы в узком смысле (точные, абсолютные) и квазисинонимы. Для точных синонимов, по мнению автора, необходимо выполнение следующих трех требований: слова должны иметь одинаковое толкование в словаре, т. е. переводиться в одно и то же семантическое языковое выражение; актантные структуры слов должны совпадать; слова должны принадлежать к одной и той же

части речи» [Апресян 1995: 220–224]. Ю. Д. Апресян утверждает, что «содержание термина «абсолютный синоним» не раскрывается, но он подчеркивает, что если понимать точные синонимы в указанном выше смысле, то они распространены в естественном языке» [там же].

Появление большинства парных точных синонимов в русском языке можно объяснить «контактом с другими языками» [Лагутина 1967: 122]. Такой факт привел к дискуссии среди российских лингвистов о целесообразности «вывести за пределы синонимии» заимствованные слова [Лагутина 1967: 121]. А. Б. Шапиро именуется это явление «нетипичным», «чуждым» [Шапиро 1955: 72]. А. Л. А. Булаховский и Т. А. Дегтярева отмечают, что абсолютные синонимы активно используются в речи, поэтому в своих работах эти исследователи не только признают существование точных синонимов, но и пытаются комплексно описать данное явление [Булаховский 1954: 38; Дегтярева 1953: 23–26].

Явление *полной* синонимии, которое следует отметить, — это синонимия заимствований с русскими словами. В условиях глобализации в современном русском языке нередко наблюдается замена русских слов в речи носителей языка, особенно среди молодежи, заимствованиями. Например, *prime-time* – *прайм-тайм*, *remake* – *ремейк*, *face-control* – *фейс-контроль*. А. А. Брагина уделяет особое внимание проблеме заимствования в синонимии. Она подчеркивает, что при изучении «чужих слов (экзотизмов) в синонимическом ряду» необходимо учитывать их индивидуальность, поскольку «чужое или своё слова имеют большое значение в семантико-стилистическом плане» [Брагина 1986: 44–49]. Другими словами, если рассматривать приведенные выше примеры как пару точных синонимов, то, на наш взгляд, необходим дополнительный критерий: экзотизмы, являющиеся абсолютными синонимами существующих русских слов, не должны быть недавними заимствованиями, они должны быть адаптированы к стандартным условиям русского языка.

Неточные синонимы — это лексемы, смысловые части которых совпадают. На наш взгляд, А. А. Брагина справедливо отмечает, что «само тождество синонимических значений предполагает и различие между ними» [Брагина 1986:

23]. Таким образом, две основные функции синонимов определяются как «дифференциация и тождество» [там же], что «соответствует наиболее распространённому пониманию синонимов» [Шмелёв 1977: 196–197].

Следует отметить, что в лингвистических работах неполные синонимы классифицируются как:

- семантические: *проклинать* – *поносить*; в этой группировке одна синонимичная единица отличается от другой по оттенку значения;
- стилистические: *хаять* (прост.) – *бесславить* (устар., книж.); единицы, включенные в синонимический ряд, различаются по стилистическим признакам;
- семантико-стилистические: *стыдить* — *грызть*; слова в этой группировке отличаются семантически и стилистически [Розенталь 1991: 51–54].

Данная классификация, нашедшая отражение в работах М. Ф. Палевской (1967) и Л. А. Новикова (1982), а также других исследователей, считается традиционной в курсах лексикологии.

В отличие от приведенной выше классификации, П. Н. Денисов делит синонимы на следующие категории:

- «понятийные — отличающиеся оттенками значения» [Денисов 1980: 100–101] (*хвалить* – *одобрять* – *превозносить* – *воспевать*);
- «стилистические — отличающиеся принадлежностью к разным стилистическим пластам лексики» [там же] (*прославлять* – *нахваливать*);
- синтаксические — отличающиеся по сочетаемости (*льстить кому-, чему-л.* – *захваливать кого-л.*) [там же].

Второй подход, как видим, позволяет разграничить синонимы по их структуре. Данная теория основана на том, что «основным вопросом при рассмотрении синонимов, которому посвящаются многочисленные статьи, начиная с конца XVIII века, является вопрос о возможности, о допустимости наличия в языке двух (и более) слов для обозначения одного и того же понятия»

[Евгеньева 1999, т.1: 8]. Существует также мнение, что «тождественных по значению, («однозначных») слов в языке быть не может» [там же]. Центральная идея этой теории заключается в том, что синонимами являются только группы слов с «подобозначащими» [там же]. В связи с этим второй подход к группировке синонимов основывается на морфологической природе русского языка, синонимы членятся на «разнокорневые» (*хвалить – славословить – возносить – льстить*) и «однокорневые» (*хаять – охаивать – расхаять*) [Белошапкина 1989: 217].

В изученных нами глагольных единицах структурное различие между членами синонимического ряда отражается в префиксах, суффиксах или постфиксах. Как отмечают Р. П. Рогожникова и её сторонники, «наличие в слове различных суффиксов и приставок, хотя и близких или совпадающих в значении, ведёт обычно к появлению новых слов» [Рогожникова 1967: 153]. Хорошо известно, что приставки, суффиксы и постфиксы могут менять семантику слов, например, *хвалить – восхвалить; честить – честковать; ругать – ругаться*. Однако такая особенность не описана отдельно в анализируемой классификации, поэтому нам представляется необходимым сосредоточиться на периферийном характере аффиксальных синонимов.

Помимо двух вышеупомянутых подходов, синонимические единицы можно разделить на *языковые* и *контекстуальные* (оказиональные/индивидуально-авторские). Языковые синонимы — это единицы синонимии, зафиксированные в словарях синонимов. Под контекстуальными синонимами понимаются слова, которые возникают в определенном контексте с похожим значением и являются взаимозаменяемыми только в данном контексте (или в группе похожих), но не в языке.

По замечанию Д. Н. Шмелева, понимание контекстуальных синонимов как слов, обусловленных контекстом, встречается «в ряде работ, анализирующих язык и стиль произведений художественной литературы» [Шмелев 1977: 201]; эти единицы иногда называются «стилистическими, контекстуальными или ситуативными синонимами» [Шмелев 1977: 201]. Обратимся к примеру: «*Ведь в таком разе не токмо князь Волконский будет огорчен и смущен, но и я сама*

нималейше не сбережена, а пред всем светом первого враля и мне персонального оскорбителя превыше всех в империи хвалю и возвышаю...» [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 2 (1934–1945), НКРЯ]. В данном контексте и глагол *хвалить*, и глагол *возвышать* означают ‘высказывать похвалу кому-л. или чему-л.’, их объединение в одном предложении становится кульминационным в описании эмоционального состояния говорящего.

В научных работах есть и другая точка зрения. В частности, Г. В. Колшанский утверждает, что «синонимия как категориально-семантическое явление может рассматриваться только на уровне контекста» [Колшанский 1980: 109–110]. По мнению Г. В. Колшанского, в языке не может быть много синонимических слов, и «роль контекста в синонимизации слов было бы правильно определить как роль десинонимизации слов» [там же].

Для данного исследования актуально замечание В. Д. Черняк о том, что «изучение функции синонимов до сих пор ограничивалось изучением отдельных контекстов, даже при анализе употребления синонимов в текстах конкретного автора» [Черняк 1992: 30–31]. Однако, по ее наблюдениям, «миниатюрные тексты — фрагменты текста размером от двух до пяти предложений — достаточны для раскрытия основных функций синонимов» [там же]. Наши наблюдения над материалом из Национального корпуса русского языка показывают, что даже одного предложения с использованием рассматриваемого глагола достаточно для определения его функции.

В данной работе принимается второй критерий классификации синонимов (П. Н. Денисов), и выявляются их различия с точки зрения значения, стилистической отнесенности и сочетаемости. Такой подход к описанию исследуемого материала позволит раскрыть нюансы лексики, что особенно важно для лингвистической репрезентации глаголов в иностранной аудитории.

Перейдём к рассмотрению ключевых для данной диссертации терминов — «синонимический ряд» (далее СР) и «доминанта».

1.3.2. Основные единицы и доминанты синонимического ряда

Синонимические ряды — «один из показателей системной организации лексики» [Зиновьева, Гуднов 2014: 216–220]. «Слова и эквиваленты слов, обозначающие одно и то же явление объективной действительности, образуют синонимические ряды» [Палевская 1964: 56]. Ю. Д. Апресян объясняет данный термин как «исторически сложившуюся синхроническую группировку слов (и выражений), которая носит системный характер» [Апресян 1957: 85]. При этом, заметим, в синонимическом ряду группируются не слова, а самостоятельные лексико-семантические варианты слов. Такое положение особенно значимо для данного исследования, поскольку многие глагольные единицы речевого воздействия являются полисемичными. При изучении глагольных синонимов будет проиллюстрирована связь между лексико-семантическими вариантами глаголов и синонимическими рядами, которые они могут образовывать, что обусловлено, «во-первых, переходностью, во-вторых, разной степенью обобщённости слов и, в-третьих, многозначностью» [Уфимцева 1967: 35]. Чтобы продемонстрировать этот момент, остановимся на глаголе *возносить*, который входит в синонимический ряд с доминантой *хвалить*. По данным толковых словарей русского языка, глагол *возносить* интерпретируется в шести лексико-семантических вариантах: '1) придавать кому-, чему-л. более высокое общественное положение или значение (устар.); 2) увеличивать, повышать (книжн.); 3) поднимать, сделать более высоким (устар.); 4) создавать более возвышенное настроение, направлять к более высоким задачам; 5) усиливать, делать более громким, резким (голос); 6) нравственно поднимать, облагораживать' [Ушаков 1934, т.1: 344; Кузнецов 1998: 144; МАС 1999, т.1: 202; Ожегов 2003: 93]. Это означает, что данный глагол может быть присоединен к шести соответствующим синонимическим рядам.

А. А. Брагина, признавая вышеупомянутые свойства глагольной синонимии, также утверждает, что «синонимический ряд соединяют с прошлым архаизмы,

функционирующие в высоком стиле и бытующие в классической литературе, <...> синонимизирующиеся новые слова и новые оттенки значений старых слов “держат открытой его границу” для будущих языковых движений» [Брагина 1986: 65]. Аналогичную мысль высказывает В. Д. Черняк, говоря о том, что «на периферии состав синонимических рядов находится в постоянном движении. Особенно это касается экспрессивно-стилистических ресурсов, которые перемещаются на периферию синонимического ряда, дополняя его коннотативно маркированными единицами» [Черняк 1992: 12].

В данном исследовании утверждается, что членство в синонимическом ряду не является статичным. Принцип динамичности допускает исчезновение устаревших лексем в некоторых синонимических рядах и появление новых лексем. По поводу этого феномена Б. А. Серебренников пишет следующее: «отдельные звенья этой микросистемы в семантическом плане могут соприкасаться с отдельными звеньями других микросистем. Но эти связи будут связями частичного характера» [Серебренников 1970: 281]. Здесь микросистемы приравниваются к синонимическим рядам.

В настоящем исследовании мы считаем правомерным рассматривать синонимические ряды в пространстве синхронии, что обусловлено целым рядом процессов, происходящих в современном русском языке, в частности, «появлением новых семантических контекстов в связи со смещением понятийной и предметной соотнесённости слова, перераспределением значений слов в связи с изменением значений слов параллельных или близких по значению» [Серебренников 1970: 281].

К. С. Горбачевич в статье «О переменном характере лексической синонимии» обращает внимание на проблему границ синонимии и синонимического ряда. Исследователь подчеркивает, что синонимия обладает именно изменчивым характером, который проявляется как в синхронических, так и в исторических схемах. В синхронической схеме вариативность синонимов проявляется в сосуществовании номинативных, расходящихся в пределах одного и того же слова. С одной стороны, «синонимия между семантически одинаковыми

словами может быть временно утрачена в конкретном контексте; с другой стороны, эмоциональные контексты часто позволяют семантически неравнозначным словам вступить в синонимию» [Горбачевич 1967: 76–77]. С исторической точки зрения, по мнению К. С. Горбачевича, «вариативность лексических синонимов определяется наличием или отсутствием одновременного употребления двух синонимов» [там же]. Он отмечает, что «слова, вышедшие из употребления, не взаимодействуют со словами в актуальном лексиконе, из чего следует, что синонимическая связь между ними нарушена» [там же: 77]. В то же время, однако, данные НКРЯ свидетельствуют о возрастающей частотности употребления многих устаревших глаголов, что позволяет нам включать их в материал нашего исследования (например, глагол *величать*).

Синонимический ряд в отдельных работах также называется «синонимической группой и синонимическим пучком» [Одинцова 1985: 64]. При описании структуры синонимических рядов Н. П. Романова отмечает «глубокое сходство между родовидовыми группами и синонимическими рядами. Для обоих объединений слов родовидовая группа характеризуется наличием немаркированного члена (родового слова), с которым маркированный член (видовое слово)» [Романова 1970: 56] находится в частной оппозиции. В родовидовой группе, однако, отмеченные члены образуют равнозначную оппозицию друг другу, в то время как в синонимической группе такой оппозиции нет. Это главное качество синонимических пучков, по мнению Н. П. Романовой, поскольку частная оппозиция лексической единицы может быть нейтрализована в речи, тогда как эквиполентная оппозиция — нет. Исходя из разветвленности отношений внутри синонимических групп, исследователь предпочитает ввести термин «синонимический пучок» вместо «синонимический ряд», «который лучше, по ее мнению, отражает внутреннюю структуру синонимических объединений и отношения между синонимами» [Романова 1970: 56–60]. Безусловно, позиция Н. П. Романовой достаточно аргументирована и тем самым интересна, однако мы будем придерживаться традиционной терминологии — «синонимический ряд», поскольку этот термин считается общепринятым в научной литературе.

По утверждению Ю. Д. Апресяна, «ряд точных синонимов не имеет внутренней структуры, так как точные синонимы семантически неразличимы. Ряд квазисинонимов, с другой стороны, демонстрирует определенную структуру, поскольку квазисинонимы различаются по значению» [Апресян 1995: 248]. По замечанию автора, «квазисинонимы проявляются в языке в основном как родовидовые и видо-видовые отношения» [Апресян 1995: 234]. Однако это не заставляет его отказаться от термина «синонимический ряд». В исследуемом материале мы также можем выделить родовидовые и видо-видовые связи: глагол *хвалить* выступает как родовой в двух своих лексико-семантических вариантах, соответственно в двух синонимических рядах, объединенных разными дефинициями. 1) *хвалить – одобрять – расхваливать* и 2) *хвалить – прославлять – возвеличивать*. В то же время глаголы *одобрять – расхваливать* и *прославлять – возвеличивать* являются проявлением видо-видовых отношений.

В. Д. Черняк выделяет «смежные, параллельные и соотносительные» синонимические ряды. «Члены *смежного* ряда 1) обозначают близкие понятия, лексические значения которых имеют большое сходство в своих семантических компонентах. Охватывая связную часть семантического пространства в рамках ЛСГ, смежные синонимические ряды позволяют осуществлять плавные семантические преобразования в общей концептуальной области. *Параллельные* синонимические ряды 2) образуются на «основе синонимической иррадиации», т. е. когда члены исходного ряда синонимичны в двух или более смыслах. *Соотносительные* синонимические ряды 3) представлены членами, связанными с исходными рядом словообразовательными отношениями» [Черняк 1992: 19–25].

По данным нашего материала, четко выделяются первые два типа синонимических рядов: *смежный* синонимический ряд ЛСГ глаголов речевого воздействия с общим значением ‘высказывать одобрение, похвалу кому-, чему-л.’ (*хвалить – одобрять – превозносить – расхваливать – нахваливать – восхвалять – выхвалять – выхваливать – славословить – славить – прославлять – величать – возвеличивать – возвышать – возносить – идеализировать – рекламировать – рекомендовать – воспевать – честить – честствовать – льстить – захваливать*) и

параллельный синонимический ряд ЛСГ глаголов речевого воздействия. Напр., члены *прорабатывать* и *отделявать* синонимического ряда с доминантой *ругать* могут существовать как два параллельных синонимических ряда в зависимости от их различной семантической направленности: 1) с общим значением ‘подвергнуть суровой или недоброжелательной критике’ [Ушаков 1939, т.3: 987; Ушаков 1938, т.2: 916] и 2) с общим значением ‘детально изучить, всесторонне ознакомиться с чем-нибудь’ [там же]. Но поскольку во втором лексическом варианте отсутствует семантический элемент речевого воздействия, поэтому второй СР *прорабатывать – отделявать* выходит за рамки нашего исследования. Соотносительные синонимические ряды, с другой стороны, представлены в нашем исследовании почти исключительно синонимическими рядами с *хвалить* в качестве стержневого слова, напр., *нахвалить – расхвалить – восхвалить* и др.

Изучение синонимических рядов в рамках современной лингвистики не может обойтись без понятия стержневого слова (слова-доминанты). В. Н. Ключева утверждает, что стержневое слово синонимического ряда является «как бы лейтмотивом всего ряда и определяет его основной характер» [Ключева 1961: 6]. Как отмечает В. А. Сиротинина, стержневое слово (доминанта) «должно быть по возможности стилистически нейтральным, лишённым каких-либо дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков» [Сиротинина 1960: 29]. По определению Л. А. Новикова, доминанту можно определить как «слово семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтаксически наиболее свободное, употребительное. Доминанта является отправной единицей сравнения синонимов и в словарях синонимов дается первой в ряду» [Новиков 1973: 59]. А «порядок расположения синонимов в ряду традиционный — от доминанты в порядке нарастания дополнительных признаков (семантических, стилистических и т. д.)» [Балашова 1999: 22].

По наблюдениям В. Д. Черняк, «синонимические ряды различаются по своему составу — от двучленных (в большинстве случаев представляющих собой дублеты) до протяженных рядов» [Черняк 2010: 8]. Исследованные нами

синонимические ряды являются многочленными, это означает, что степень отдаленности значения между членами таких синонимических рядов определить сложнее, чем для синонимических рядов с меньшим количеством членов. Исходя из этой проблемы, В. К. Фаворин предлагает термин «амплитуда синонимов». Он полагает, что «такой ряд синонимов, внутри которого соседние члены наиболее близки по значению, а слова, удалённые от исходного слова, тем больше отклоняются от него по смыслу, чем дальше они отстоят. Крайние представители амплитуды наименее синонимичны друг другу» [Фаворин 1953: 16]. В нашем материале такими крайними представлениями амплитуды являются, например, глаголы *хвалить* – *льстить*.

Более того, по мнению М. П. Одинцовой, «доминантное (ядро) и недоминантное (периферийное) положение синонимов в синонимическом ряду является одним из самых распространенных типов противопоставлений в синонимических рядах» [Одинцова 1985: 65]. Исследователь также считает «основными признаками доминанты максимальную семантическую простоту и синтаксическую свободу» [там же]. Иногда «этими признаками могут обладать несколько слов в синонимическом ряду, что дает основание для рассуждений о многочленных доминантах-звеньях в членах синонимических рядов» [там же]. Например, в синонимическом ряду с доминантой *ругать*, его члены *укорять*, *упрекать*, *критиковать* и *бранить* разделяют эти характеристики, и все они могут создавать семантически более близкие синонимические звенья.

Однако невозможно выявить доминирующее слово во всех синонимических рядах, что отмечалось многими исследователями. Так, М. Ф. Палевская пишет, что «не всегда можно выделить слово, наиболее четко передающее значение всех слов» [Палевская 1964: 58]. Например, «в ряду слов с общим значением “потерявший первоначальный цвет”: *поблекший* – *вылинявший* – *выгоревший* – *выцветший* — слова различаются лишь указанием на причину потери цвета и трудно (а может быть, и невозможно) выделить среди них слово, выражающее наиболее обобщенное значение слов всего ряда» [там же].

В имеющихся научных исследованиях большинство лингвистов поддерживают идею о существовании слов-доминант. Ведь «в когнитивном понимании действительности присутствует концептуальный прототип объекта или явления в реальности, который в нашем сознании будет оценён как лучший образец своего класса или более прототипический экземпляр, чем все остальные» [Денисов 2013: 170]. Кроме того, основная функция доминанты — «объединить синонимический ряд» [Одинцова 1985: 65]. Таким образом, выделение доминантного слова в одном синонимическом ряду необходимо потому, что значения других членов в нем могут быть объяснены доминантным словом, которое организует данный синонимический ряд, и его выделение актуально и значимо в лексикографической практике описания синонимов. Доминирующими глаголами в исследуемом материале являются глаголы *хвалить* и *ругать*. Они стилистически нейтральны, часто используются в языке по данным НКРЯ и имеют широкую сочетаемость в рамках синтагматических отношений.

Таким образом, синонимический ряд — это группа лексем со сходной семантикой, которые системно связаны друг с другом. В рамках одного синонимического ряда обычно выделяется доминанта, под которой понимается слово, стилистически нейтральное, наиболее часто употребляющее и имеющее наиболее общее значение.

Более того, мы считаем, что определение доминанты в синонимическом ряду семантического типа можно отнести к математическому понятию истинного подмножества. Другими словами, предполагается, что семантические компоненты доминанты в синонимическом ряду, который он образует, являются истинным подмножеством семантики остальных членов, т. е. семантика доминантного слова полностью покрывается семантикой остальных членов. Например, мы рассматриваем семантический вариант каждого глагола как семантическое множество. Поскольку *хвалить* = {высказывать одобрение}, *расхвалить* = {чрезвычайно высказывать одобрение}, то ***хвалить*** — истинное подмножество ***расхвалить***. Т. е. семантика основного слова содержится в семантике каждого члена синонимического ряда. Семантика всех остальных членов синонимического

ряда может быть объяснена через *хвалить* + другие семы, это означает, что *хвалить* является истинным подмножеством других членов синонимического ряда.

Кроме того, доминирующее слово также рассматривается как лейтмотив синонимических рядов, поскольку все синонимические ряды в данном исследовании отчетливо представляют определенную тему в речевой коммуникации: сценарии похвалы, ругани, лестии, упрёка и др.

1.4. Основные аспекты изучения русских глаголов речевого воздействия

Существует значительное количество работ российских ученых, посвященных изучению русских глаголов. Основные исследовательские интересы — морфологические свойства русских глаголов (Л. Л. Буланин 1967, А. В. Бондарко 1971, С. И. Богданов 2009 и др.), семантические особенности русских глаголов (Ю. Д. Апресян 1967, Л. М. Васильев 1976 и 1981, А. В. Косов 1988, Э. В. Кузнецова 1989, Ф. С. Бацевич 1992, Н. Ю. Шведова 1995 и др.) и функционально-грамматические признаки глаголов (Т. В. Булыгина 1980, А. В. Бондарко 1984, Л. И. Богданова 2001 и др.). Существуют также исследования, посвященные русским глаголам речевого воздействия, проанализированные с разных сторон и точек зрения. Для того чтобы выделить глаголы речевого воздействия, необходимо рассмотреть понятие «речевое воздействие».

Под речевым воздействием понимается «воздействие на индивидуальное и / или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, иными словами, — с помощью сообщений на естественном языке» [Паршин 1996: 19–42]. П. Б. Паршин отмечает, что «иногда речевое воздействие включает паралингвистические семиотические системы, в основном относящиеся к мимике, жестам, позам, а также эстетические коды словесного

творчества и метаграфемика (средства графического оформления текстов). Графические средства (цвета, шрифты)» [там же] выполняют информативную и выразительную функцию и тесно связаны с вербальными компонентами.

О. С. Иссерс определяет «речевое воздействие как речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [Иссерс 2003: 21]. Согласно исследователю, язык, как семиотический код, конструирует модель мира говорящего. Однако «язык как инструмент воздействия не может быть нормальным зеркалом» [Власян 2007: 32]. Независимо от намерений говорящего, он всегда кривое зеркало, степень «кривизны» которого зависит от коммуникативной задачи коммуникатора и его мировоззрения. Поэтому необходимо приобрести определенные приемы, чтобы воздействие речи было эффективным [Иссерс 2006]. Ранее Р. М. Блакар высказал аналогичную мысль, только без визуализации — невозможно выразить себя «нейтрально», «поскольку даже неформальная беседа предполагает «осуществление власти», т. е. влияние на восприятие и структуру мира другого человека» [Блакар 1987: 88–125].

Г. Р. Власян определяет «речевое воздействие в широком и узком смысле: в узком смысле речевое воздействие относится к использованию особенностей устройства и функционирования перечисленных знаковых систем, в первую очередь естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на адресата» [Власян 2007: 31–34]. А с широкой точки зрения речевое воздействие можно «отождествить с процессом речевого общения, взятом в аспекте его целенаправленности. Научные исследования показывают, что в любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в итоге влияют на деятельность собеседника» [Власян 2007: 31].

И. А. Стернин отмечает, что речевое воздействие — «новая современная наука, предметом которой выступает эффективность общения» [Стернин 2012: 3]. Он полагает, что «наука о речевом воздействии трехчастна. Она делится на: историю науки, теорию науки, практическую часть, связанную с обучением речевому воздействию» [Стернин 2012: 3–4]. Исследователь также предполагает,

что «теория науки о речевом воздействии имеет основные разделы: риторика как наука об эффективной публичной речи; деловое общение (в широком смысле) как наука об эффективном общении для достижения человеком предметной цели в межличностном общении; реклама как наука об эффективном продвижении товара на рынке (в ее текстовой, языковой составляющей)» [там же].

Можно утверждать, что в определении П. Б. Паршина основное внимание уделяется воздействию вербальных и невербальных средств информации на личность или коллектив, в то время как О. С. Иссерс подчеркивает цель и мотивацию говорящего в вербальной коммуникации, трудность достижения намерений говорящего и необходимость овладения речевыми средствами. Г. Р. Власян твердо убежден, что воздействие невербальных целей в коммуникации на деятельность собеседника неизбежно. И. А. Стернин, напротив, рассматривает речевое воздействие как науку, сосредоточившись на построении и обосновании ее теоретических основ.

Таким образом, речевое воздействие до сих пор остается весьма актуальным объектом исследования, и его определение все еще уточняется в силу широкой междисциплинарной природы и высокой динамичности. В данном исследовании «речевое воздействие» рассматривается в узком смысле, т. е. как воздействие вербальных средств на собеседника. Это связано с тем, что объектом данного исследования являются глаголы, содержащие семы речи, на основе которых мы исследуем коннотации речевого воздействия, которыми наделяются глаголы.

Концепция речевого воздействия всегда была актуальной темой в научных исследованиях, особенно в последние два десятилетия, и появилось множество научных работ, посвященных речевому воздействию. Исследования, посвященные этой проблематике, проводились в различных научных областях: в языкознании и литературоведении; в области психологии и педагогики; в СМИ и массовых коммуникаций; в клинической медицине; в области социологии, философии, этики, религиоведения; искусствоведения; права и др. Из них в области лингвистики и литературы больше всего исследований, даже более чем в два раза больше, чем в области так называемых “наук об образовании”, которая

занимает второе место по числу научных работ (по данным Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка») [<https://cyberleninka.ru/search?q=речевое%20воздействие&page=1>].

За последние два десятилетия в направлении лингвистики были проведены следующие исследования, касающиеся речевого воздействия:

исследования, посвященные теории речевого воздействия: «Природа речевого воздействия» (Г. Р. Власян 2007); «Речевое воздействие: онтология и таксономия» (Е. В. Шелестюк 2007); «Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия» (Е. Г. Гришечко 2008); «Методология речевого воздействия» (Н. С. Низкая 2009); «Речевое воздействие: теоретические аспекты» (Л. С. Полякова 2010); **исследования, посвященные психолингвистическим механизмам речевого воздействия в процессе вербальной коммуникации человека:** «Психолингвистические механизмы речевого воздействия» (А. В. Кинцель 2013); **исследования, посвященные речевому поведению педагога:** «Средства, формы и функции педагогического речевого воздействия» (Н. Д. Десяева, Е. В. Айбятובה 2013); «Структура речевого воздействия» (Е. С. Гаврилова 2015) и др.; **исследования в рамках изучения художественных произведений:** «Речевое воздействие в поэтическом тексте» (Е. А. Горло 2006); «Речевое воздействие в детективном произведении» (Т. Г. Скребцова 2012); «Анализ тактик демагогического речевого воздействия (на материале произведений Ф. М. Достоевского)» (Е. А. Комарова 2012) и др.; **исследования речевого воздействия в рамках определенного дискурса:** «Речевое воздействие в политическом дискурсе» (О. Н. Мищук 2013); «Речевое воздействие в юридическом дискурсе» (В. В. Калиновская 2020); «Характеристика речевого воздействия в СМИ» (А. Э. Нагаева 2021); **изучение речевого воздействия с точки зрения речевых актов (с использованием литературных произведений в качестве материала для исследования):** «Речевое воздействие в процессе коммуникации» (И. В. Диманте 2011); «Речевое воздействие как объект исследования» (Г. А. Остякова-Почежерская 2022). А также существует научная работа, изучающаяся паремии с точки зрения вербальных средств

достижения эффективного речевого воздействия на материале русского и немецкого языков: «Паремии в дискурсе речевого воздействия» (М. А. Серегина 2011).

Исходя из положения о незаменимости глаголов речи в коммуникации, а также из стремления говорящего к коммуникативной эффективности в различных сферах общения, Л. Г. Бабенко в своей классификации глаголов речи выделила глаголы речевого воздействия в качестве самостоятельной группы. В настоящем исследовании под глаголами речевого воздействия мы, вслед за Л. Г. Бабенко, понимаем глагольные единицы с семантикой «произносить (произнести) что-л. каким-л. образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-л., к совершению какого-л. действия» [Бабенко 1999: 374].

Как видим, архисемой выступает сема ‘воздействовать на собеседника каким-л. образом’. Речевое воздействие осуществляется путем передачи собеседнику определенных эмоций, а также побуждения его к определенным действиям, что актуализирует дифференциальные семы глаголов речевого воздействия. Об успешности намерения речевого воздействия следует судить по реакции слушателя (реципиента). В соответствии с теорией зеркала О. С. Иссерс, для того чтобы речевое воздействие было эффективным, необходимы определенные приемы, а М. Р. Желтухина утверждает, что вероятность и эффективность речевого воздействия определяется следующими факторами: «лингвистический фактор, экстралингвистический фактор, семиотический фактор, социальный фактор, когнитивный фактор и психологический фактор» [Желтухина 2003: 59–60].

В предпринятом нами исследовании при анализе контекстов роль перечисленных факторов в конкретных ситуациях речевого воздействия учитывается, при этом особое внимание уделяется коннотативно-семантической глубине единиц, входящих в объект нашей работы, и их эксплицитному и имплицитному характеру, намерениям коммуникативных сторон в данном контексте, психологическим реакциям, когнитивным процессам и

этнопсихологическим характеристикам. Кроме того, эти факторы являются решающими в определении того, соотносится ли та или иная глагольная единица со значением речевого воздействия в том или ином контексте. Безусловно, что эти факторы играют важную роль в построении личного имиджа коммуникатора, и что собственный имидж говорящего играет важную роль в процессе речевого воздействия, даже почти доминирующую, в его завершении. Поэтому образ говорящего прямо пропорционален степени воздействия, которое он оказывает на слушателя. С учетом этого, данное исследование призвано раскрыть лингвокультурологический потенциал глагольных единиц, выполняющих функцию речевого воздействия в той или иной ситуации, с точки зрения социального статуса двух сторон, их относительной власти, теории лица и принципа вежливости (см. Главу 3).

Список исследовательских работ по изучению речевого воздействия достаточно объёмен, однако работ, посвященных изучению глаголов речевого воздействия, не так уж и много. Исследования глаголов речевого воздействия за последние 20 лет проводились по следующим направлениям:

Прежде всего, имеются научные работы, посвященные изучению глаголов речевого воздействия в функционально-семантическом аспекте: «Полиситуативный анализ семантики глаголов как способ изучения национальной специфики русских глаголов речевого воздействия» (М. С. Небольсина 2005); «Функционирование семантического класса глаголов речевого воздействия в старославянских и древнерусских письменных памятниках XI–XVII вв.» (А. А. Неняева 2011); «Как можно было распространять заведомо ложную информацию в XVIII веке?» (К. Р. Руссу 2021); «Организация семантики глаголов речи в русских говорах Прибайкалья» (О. В. Пересада 2018); «Семантика и прагматика высказываний с эмотивными предикатами» (Е. Н. Никитина, Н. К. Онипенко 2022).

Глаголы речевого воздействия активно изучались и на материале иных языков: «Глаголы речевой деятельности в якутском языке» (В. И. Харабаева 2021); «Глаголы речевой деятельности в тюркских языках и диалектах севера

Саяно-Алтая» (О. Ю. Шагдурова, А. А. Озонова 2014); «Когнитивно-прагматические особенности и контексты функционирования высказываний со значением *предложение* и *совет*» (в статье рассматривались речевые акты с участием глаголов речевого воздействия на материале английского языка в когнитивно-прагматическом аспекте) (З. С. Гусейханова 2007); «Когнитивный сценарий вербализации концепта *threat* в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа)» (в статье анализируются глаголы речевого воздействия со значением 'угроза') (К. О. Гаус, М. Ю. Рябова 2019); «Перлокутивные глаголы в современном немецком языке» (О. В. Кирьякова 2011); «Акторечевой потенциал перлокутивных глаголов современного немецкого языка» (О. В. Кирьякова 2013); «Семантико-этимологические особенности глаголов намеренной речевой дискредитации объекта (на материале английского языка)» (Т. М. Тимошилова, Е. Н. Морозова 2012); «Семантические особенности глаголов порицания через призму этимологической дескрипции» (Т. М. Тимошилова, Е. Н. Морозова 2013) и др.

Глаголы речевого воздействия изучались и в контексте конкретного дискурса: «Концепт *угроза* в англоязычном политическом дискурсе» (в работе анализируются средства выражения угрозы, в том числе и глаголы) (Л. И. Магсумова 2016); «О функциональном потенциале глаголов коммуникации в английском деловом дискурсе» (Г. А. Паршутина 2016); «Речевые жанры аргументативного дискурса: убеждение и уговаривание» (глаголы речевого воздействия рассматриваются как особенности жанров «убеждение» и «уговаривание») (К. Ю. Горшкова 2018); «Типология речевых актов вызова и их дискурсивное поведение» (в работе анализ подвергается глаголы речевого воздействия с семантикой вызова) (Н. А. Гуцал 2008) и др.

Рассматриваются вербальные (лексические, грамматические) и невербальные средства воплощения жанра мольбы: «Жанр мольба и средства его языковой реализации» (Т. Г. Рабенко 2015).

Дальнейшим направлением в исследовании глаголов речевого воздействия является использование определенных художественных произведений в качестве

материала для анализа: «Прямое речевое воздействие в стихотворном тексте» (Е. А. Горло 2006); исследуется состав группы и функционирование предикатов речевого действия в произведениях Е. И. Замятина, особенности индивидуально-авторской репрезентации глаголов речевой деятельности: «Глаголы речевой деятельности в замятинском тексте» (В. Е. Маясов 2011) и др.

Глаголы речевого воздействия изучаются с точки зрения грамматических отношений (падежной системы): «Датив в отношении к другим падежам в русской падежной системе» (Е. В. Скворецкая 2007). Автор подчёркивает, что «многие глаголы речевого воздействия (*благодарить, бранить, журить, поносить, судить, укорять, хвалить*), а также глагол психического состояния *терпеть* — утратили управление дательным падежом и стали сочетаться с винительным объектом: в литературных произведениях XIX века еще встречаются формы с дательным падежом» [Скворецкая 2007: 86].

Данное диссертационное исследование проводится в рамках функционально-семантической и лингвокультурологической моделей описания глаголов речевого воздействия. Поэтому считаем целесообразным некоторые работы рассмотреть более подробно в силу их ценности для нашего исследования.

В кандидатской диссертации М. С. Небольсиной, посвященной описанию функционально-когнитивного потенциала глаголов РВ в русском и немецком языках с учетом полиситуативного аспекта (Небольсина 2006), анализируются 30 русских глаголов РВ и соответствующие им 22 немецкие глагольные единицы. В результате её исследования «денотативное содержание глаголов РВ предстает как полиситуативная, полисобытийная, полипропозициональная структура, которая может изменяться вслед за коммуникативными условиями. Содержание ситуатемы глаголов РВ поддается пропозициональному структурированию, выделяются пять основных пропозиций, описывающих отношения участников в рамках ситуации. При рассмотрении в макромасштабе содержательная структура ситуатемы включает наряду с конвенциональными также имплицативные смыслы, которые реализуются в существовании ситуаций, смежных с ассертивной (лексикализованной, попавшей в коммуникативный фокус) ситуацией»

[Небольсина 2006]. Размышления М. С. Небольсиной об имплицитной семантике глаголов РВ актуальны для данного исследования. Однако из-за большого количества глаголов РВ автор не исследует глаголы нашего объекта исследования.

В статье А. А. Неняевой «Функционирование семантического класса глаголов речевого воздействия в старославянских и древнерусских письменных памятниках XI–XVII вв.» представлено семантическое сравнение распространенных полисемантических глаголов в старославянском и древнерусском языках. Исследование иллюстрируется на примере семантического класса глагольных воздействий, который является частью ЛСГ глаголов речевой деятельности [Неняева 2011: 455–458]. Данная работа имеет важное значение для изучения старославянского и древнерусского языков. Настоящая статья, с другой стороны, фокусируется на глаголах РВ в современных русских текстах, в большей степени учитывая особенности их употребления в современном русском языке.

Научная статья Т. М. Тимошиловой и Е. Н. Морозовой «Семантические особенности глаголов порицания через призму этимологической дескрипции» посвящена этимологическому и семантическому анализу английских глаголов «порицания (to brawl, to castigate, to condemn, to curse, to damn, to lecture, to rate, to rebuke, to reprehend, to reprimand, to reproach, to reprobate, to reprove, to row, to strafe, to swear, to trounce) с учетом историко-этимологических и семантических факторов формирования, развития и существования значений» [Тимошилова, Морозова 2013: 124–130]. В работе сравнивается семантика глаголов вины в английском и русском языках с точки зрения словарных статей и с точки зрения этимологии указанных глаголов. Мы согласны с авторами в том, что метод семантического сопоставления лексического входа является важным критерием для классификации этой категории глаголов (как и абсолютно всех слов). Кроме того, мы считаем, что семантическое изучение глагольных единиц может быть оптимизировано за счет контекстуального окружения.

В научном труде О. В. Кирьяковой «Перлокутивные глаголы в современном немецком языке» «освещаются результаты научного исследования и акторечевой потенциал перлокутивных глаголов в современном немецком языке, формулируется рабочее определение перлокуции» [Кирьякова 2011: 81–85]. Автор описывает «семантическую классификацию перлокутивных глаголов в современном немецком языке в сопоставлении» [там же] с глаголами в русском языке с точки зрения понятия «перлокуция». Можно сказать, что О. В. Кирьякова стремится к описанию глаголов речевых актов на макроуровне, но не концентрирует внимание на лексической идентификации глагольных синонимов. Методика, предложенная в этой работе, помогла нам в процессе выделения глаголов речевого воздействия из глаголов других групп.

Но самый большой вклад в описание семантики, функционирования, лингвокультурологических особенностей глаголов различных синонимических групп внесли Е. И. Зиновьева и последователи ее школы: см. Н. Э. Карандашова («Синонимические ряды глаголов психической деятельности: функционально-семантический аспект», 2003); Р. Н. Гуднов («Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке: функционально-семантический аспект», 2013); Е. И. Зиновьева, Ву Нгок Иен Кхань (2020) — «Интегративный подход к описанию синонимов в лингводидактике (на материале синонимического ряда глаголов с общим значением ‘ничего не делать’))» и др.

На наш взгляд, алгоритм анализа, который был предложен Е. И. Зиновьевой в работе 2020 г., и развитый в работах ее аспирантов актуален и сегодня, и в своей работе мы будем использовать данный алгоритм для анализа собственного материала.

Таким образом, несмотря на существование различных подходов к изучению глаголов речевого воздействия, наше обращение к данной теме представляется весьма важным, поскольку лингвометодическая и лингвокультурологическая направленность исследования синонимических рядов лексико-семантических групп глаголов речевого воздействия с доминантными глаголами *хвалить* —

ругать призваны не только дополнить представление об огромном потенциале рассматриваемого пласта лексики, но и уточнить алгоритм их репрезентации в иностранной, в частности, китайской аудитории.

В результате анализа научных работ, посвященных изучению глаголов речевого воздействия, можно сделать следующие предварительные выводы, которые определяют дальнейшие научные поиски. Исследователями были изучены различные семантические поля и отдельные лексико-семантические группы глаголов, проведено сравнение глагольной ЛСГ с другими языками, но описание глаголов речевого воздействия не изучалось в функционально-семантическом и лингвокультурологическом плане на материале синонимических рядов.

Глаголы РВ входят в более крупное словарное объединение «Глаголы речевой деятельности» (РД). Наиболее полная классификация глаголов РД была предложена Л. Г. Бабенко в «Толковом словаре русских глаголов: Идеографическое описание» [Бабенко 1999]. Концепция словаря основана на результатах исследования системной организации лексики и структурной организации лексического значения слова. В основе композиции данного Словаря лежит словарная статья. Структура словарной статьи имеет несколько параметров (зон):

- заголовочная единица,
- грамматическая информация,
- стилистическая и эмоционально-экспрессивная информация,
- толкование: принципы семантизации лексического значения глагола,
- зона лексических категорий: синонимия и антонимия,
- английский глагольный эквивалент,
- тип иллюстративного материала [Бабенко 1999: 17].

В качестве основных принципов системности лексики выделяются парадигматические и синтагматические отношения. Существенными свойствами лексических систем признаются пересекаемость лексико-семантических парадигм, их неоднородность и, как следствие, иерархичность организации. Принцип

иерархии предполагает структурную организацию лексико-семантических парадигм: вершину и периферию. Так, например, «вершину иерархии глагольных слов составляют три лексико-семантических суперклассификатора: поле «Действие и деятельность», поле «Бытие, состояние, качество», поле «Отношение»» [Бабенко 1999].

В поле «Действие и деятельность» входит 10 ЛСГ (рисунок 1):

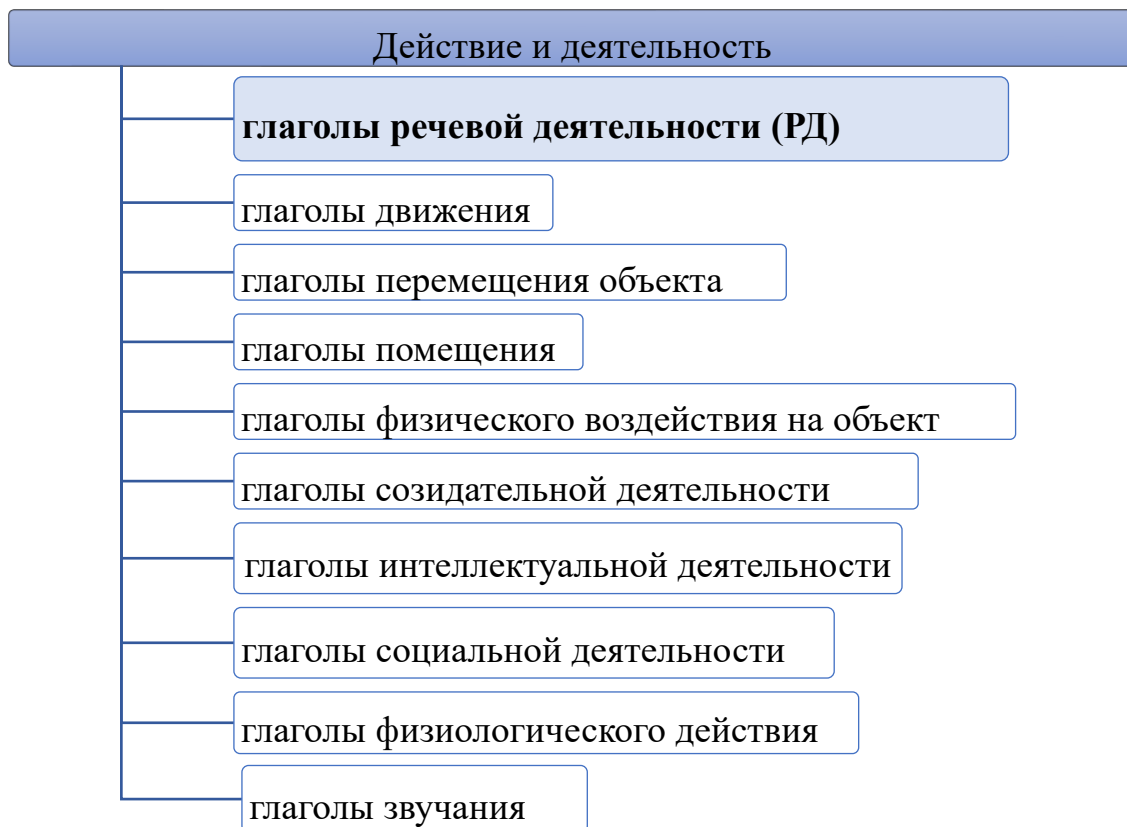

Рисунок 1. Положение глаголов РД в поле «Действие и деятельность»

Как следует из приведенной схемы, ЛСГ глаголов РД входит в поле «Действие и деятельность». ЛСГ глаголов РД, свою очередь, делится на пять подгрупп (рисунок 2):

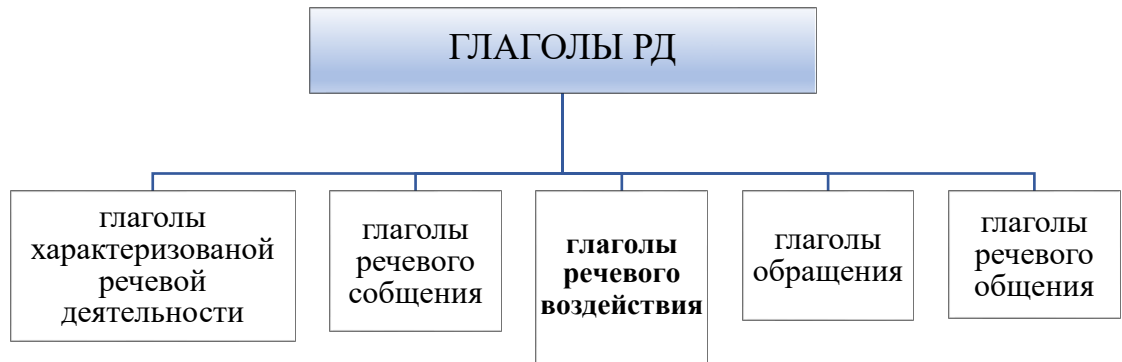

Рисунок 2. Положение глаголов РВ в подполе глаголов РД

Опираясь на классификацию Л. Г. Бабенко, мы выбрали для анализа и описания ЛСГ глаголов РВ, распределив их на более мелкие словарные объединения — синонимические ряды (подробнее см. 2.1).

ВЫВОДЫ

Являясь структурно и семантически сложной частью речи, глагол обладает большим количеством грамматических категорий и синтаксических особенностей, которые позволяют ему выступать в качестве доминирующего компонента семантического уровня предложения. Эти особенности обусловлены тесной связью между лексико-семантическими свойствами и грамматическими категориями глагола.

Лексика изучается как система всеми исследователями. Её системный характер выражается в регулярности связей лексических единиц в ЛСП. Слова одинаковой лексической природы (части речи) часто изучаются в лексическо-семантической группе, и их взаимосвязь может быть выражена парадигматическими, синтагматическими и деривационными отношениями.

Глаголы, как одна из самых многочисленных частей речи, обладают богатым разнообразием парадигматических, синтагматических и деривационных отношений. Объект данного исследования (глаголы речевого воздействия) представлен в разных синонимических рядах, что, безусловно, говорит в пользу

усиления синонимических связей в системе лексической парадигмы. Тот факт, что глагольные единицы данной ЛСГ имеют однокоренные отношения или конструктивные отношения друг с другом, делает неизбежным вступление глагольных единиц в деривационные отношения друг с другом. Свойство управления глаголов и их центральное место в предложении делают их богатыми в плане словообразовательного потенциала и семантической валентности.

Трудность словоупотребления глагольных единиц является одной из проблем, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся. Помимо разграничения дефиниций с точки зрения лексического значения, грамматические, стилистические, оценочные и даже синтаксические свойства глаголов — все это факторы, которые необходимо учитывать для решения данной проблемы. Учет этих факторов должен основываться на богатстве контекста, в котором используются глаголы.

Соответствующая научная литература показывает, что на данном этапе не существует единого терминологического аппарата, если говорить о лексических системах. Это, однако, не влияет на общность этих терминов между собой. В нашем исследовании используются *ЛСП*, *ЛСГ*, *СР* и другие основные, общепринятые исследователями термины. Для понимания термина *ЛСГ* в данном исследовании было принято определение И. П. Слесаревой. Это связано с тем, что исследуемые нами слова принадлежат к одной и той же части речи и что эти единицы семантически близки, демонстрируя четкую связь семантической близости синонимических типов.

При анализе ЛСГ глаголов чаще всего используется метод выделения вершины (стержневых) и периферии (остальных слов) (Л. Г. Бабенко). Базовыми словами принято считать те, которые имеют наиболее универсальное значение и нейтральную стилистическую окраску (по замечанию Л. Г. Бабенко, в ЛСГ глаголов речевого воздействия базовыми являются глаголы *говорить (сказать)*, *произносить (произнести)* и *сообщать (сообщить)*. Периферийные слова, с другой стороны, — это глаголы, которые имеют дифференциальные семы в дополнение к основному слову. Базовые глаголы не могут быть недавно

заимствованными словами. Они обычно просты по-своему семному составу, имеют наиболее распространенную или часто употребляемую сочетаемость в своей лексико-семантической группе и обладают высокой этнографической значимостью для носителей языка. ЛСГ глаголов речевого воздействия четко структурирована, при этом все единицы внутри ЛСГ связаны определенными типами противопоставлений (приватив, эквивалентность, синонимия).

Поскольку единицы ЛСГ глаголов речевого воздействия могут быть разделены на несколько синонимических рядов, определения синонима и доминирующего слова имеют решающее значение.

Стоит отметить, что данное исследование подкрепляет парадигматические свойства слов на основе традиционного определения синонимии. Мы считаем, что синонимами следует считать слова одной части речи. Мы склонны опираться на понятие физической амплитуды для объяснения семантической близости членов одного синонимического ряда и их доминантного слова. Следует уточнить, что член синонимических рядов здесь — не лексическая единица, а некий лексико-семантический вариант лексемы.

Глагол-доминанта должен обладать максимальной семантической простотой и синтаксической свободой. Структурно доминантный глагол строит синонимические ряды. Семантически значение доминантного глагола может объяснить значение других глаголов в том же синонимическом ряду с помощью других тонких семантических признаков. Кроме того, считаем, что с точки зрения семантической широты концепция математических истинных подмножеств может быть использована для объяснения семантического расширения основных слов и их периферийных слов одной ЛСГ.

Глаголы речевого воздействия — это название группы глаголов, выделенной Л. Г. Бабенко. Поскольку академическое изучение речевого воздействия является отдельной наукой, справедливо будет сказать, что существует огромное количество научных работ, исследующих речевое воздействие. Проанализировав понятие *речевое воздействие*, в данном исследовании мы приняли узкое его определение, относя к глаголам речевого воздействия только те глагольные

единицы, которые имеют вербальный элемент и тем самым могут воздействовать на слушателя. Глаголы речевого воздействия призваны побудить слушателя сделать что-л. или заставить его находиться в определенном эмоциональном состоянии. Это требует от нас полного рассмотрения ситуации общения, цели адресанта, реакции адресата, способа передачи высказывания и даже скрытого смысла выражения. Названные коммуникативные фрагменты часто содержат в себе особый лингвокультурологический потенциал.

Анализ научной литературы по заявленной теме показал, что речевое воздействие исследовалось в различных областях в широком понимании этого термина. Работы, в которых изучаются только глаголы речевого воздействия, больше сосредоточены на кросс-лингвистическом сопоставительном рассмотрении. Однако большинство исследований основано на анализе сравнений словарных статей или в рамках одного типа текста, без полного текста в качестве опоры для корпуса исследования. Поэтому актуально и необходимо исследовать функционально-семантические и лингвокультурологические особенности глаголов речевого воздействия с помощью более системного, богатого и полного контекста.

Теоретические положения этой главы составляют основу исследовательской части данной работы.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данном исследовании под термином *семантика* понимается с учетом понятий *денотат*, *референт*, *сигнификат* и *коннотация*. Например, глагол *хвалить*, у которого денотат понимается как обозначение действия в виде похвалы, референт — как конкретное действие в определенном контексте, сигнификат — как значение слова, выразить признательность за заслуги кого-либо или чего-либо, а коннотация — как его контекстуальное значение. Функциональная семантика глагола относится к возможной семантике глагола в его конкретном употреблении.

Как мы уже говорили в главе I, исследуемые глаголы речевого воздействия направлены на оказание побуждения на поведение, эмоциональное состояние и даже психологические ощущения слушающего, что подчеркивает абсолютную доминирующую роль говорящего и слушающего в процессе речевого воздействия. Можно утверждать, что поведение человека, которое несет в себе глагол речевого воздействия, подтверждает важность антропоцентризма, а особенности поведения человека, заложенные в ситуации речевого воздействия, обладают ярко выраженными лингвокультурологическими характеристиками.

Как молодая наука, терминологический аппарат лингвокультурологии находится в стадии уточнения. В данном исследовании лингвокультурологические особенности понимаются как совокупность характеристик глагольных единиц, возникающих в результате взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры. Мы рассматриваем как лингвистические свойства, такие как возможная семантика глагола, его грамматические особенности, так и культурные свойства, такие как внутренняя форма глагола, его ассоциативные возможности и аксиологическая оценка, а также отношения

персонажей, относительная власть и социальная дистанция между субъектом и объектом, выполняющим действие в определенной ситуации.

2.1. Принципы классификации и описания материала

При отборе глаголов речевого воздействия мы опирались на данные словаря Л. Г. Бабенко «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание». С целью более полного отражения системных связей глаголов в словник данного словаря включены глаголы в основных и неосновных значениях. У глагольных лексем выделен общий, т. е. свойственный всему классу набор дифференциальных семантических признаков, составляющих семантический комплекс класса глаголов.

С учетом классификации глаголов речи, предложенной в словаре Л. Г. Бабенко, дополненной более уточненной классификацией глаголов речевого воздействия, предложенной нами, и принимая во внимание замечания по терминологическому аппарату, сделанные в первой главе данного исследования, мы считаем, что системная организация глаголов речевого воздействия, может быть описана графически следующим образом (рисунок 3):

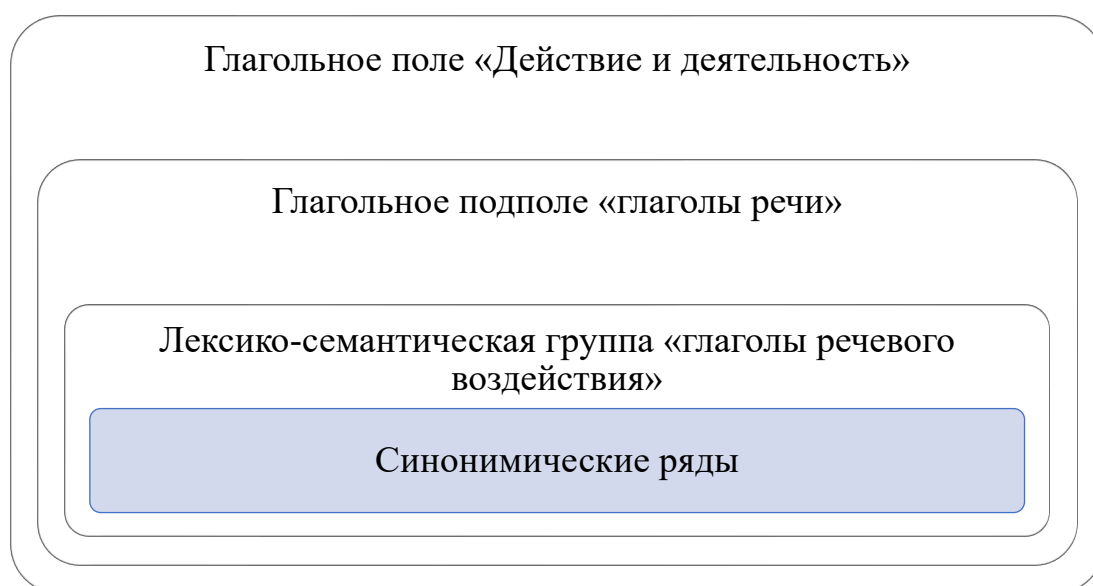

Рисунок 3. Системное отношение глагольного объединения I

В словаре Л. Г. Бабенко приведен список глаголов речевого воздействия, состоящий из 54 глаголов. Глаголы даются списком в алфавитном порядке, к каждому глаголу приводится минимальная, но очень четкая дефиниция. Мы поступили с этими глаголами следующим образом: следуя принципу лексической систематики, разделили существующие 54 глагола на 12 синонимических рядов, и на этом этапе родилось 12 ключевых слов. Мы называем каждый синонимический ряд по основному слову: 1) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «просить»; 2) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «убеждать»; 3) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «ругать»; 4) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «лгать»; 5) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «грозить»; 6) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «хвалить»; 7) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «приказывать»; 8) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «обрывать»; 9) глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «насмехаться»; 10) глагол речевого воздействия со значением «допрашивать»; 11) глагол речевого воздействия со значением «приветствовать»; 12) глагол речевого воздействия со значением «клясться».

Однако синонимические ряды глаголов РВ, основанные только на данных словаря Л. Г. Бабенко, являются неполными и не представляют всех существующих в современном русском языке глагольных членов, которые могут выражать значение основного слова и обладают семантикой речевого воздействия. Мы решили расширить список синонимических рядов глаголов речевого воздействия, используя в качестве эталона данные из существующих словарей синонимов современного русского языка [Н. Абрамов, 1900; В. Н. Ключева, 1956; З. Е. Александрова, 1968; А. П. Евгеньева, 1970-1971; К. С. Горбачевич, 1996; Ю. Д. Апресян, 1997; О. В. Михайлова, 2015].

Были проанализированы синонимические словари, в которых представлены интересующие нас ряды глаголов, объединённый общим значением ‘речевое воздействие на человека’. В результате нами обнаружены еще 180 глагольных единиц, содержащих сему речевого ‘воздействия’ на поведение человека, т. е.

указание на способность управлять действиями другого человека с помощью голоса. Например: глагол *одёргивать* — ‘произносить резкое замечание с целью остановить речь или нить разговора’.

Вокруг 12 основных слов мы сгруппировали глаголы, которые не вошли в группу глаголов РВ словаря Л. Г. Бабенко, расширили каждый из этих 12 синонимических рядов. Таким образом, 12 расширенных синонимических ряда глаголов речевого воздействия состоят из 233 глагольных единиц:

1) СР с доминантой «просить»: *испрашивать* – *молить* – *умолять* – *канючить* – *клянчить* – *приставать* – *настаивать* – *кланяться* – *предстательствовать* – *ходатайствовать* – *заклинать* – *защищать* – *звать* – *нищенствовать* – *требовать* – *умилостивлять* – *выпрашивать* – *молиться* – *уговаривать* – *приглашать* – *вымаливать* – *цыганить* – *стрелять* – *взмаливаться* – *упрашивать* (25 единиц), анализ частичных глагольных единиц данного СР подробно см. [Фу Ямэй 2020 а]¹.

2) СР с доминантой «убеждать»: *уговаривать* – *склонять* – *урезонивать* – *уверять* – *заверять* – *доказывать* – *советовать* – *увещать* – *упрашивать* – *сманивать* – *обламывать* – *уламывать* – *обрабатывать* – *увещевать* – *заставлять* – *утверждать* – *удостоверять* – *вдолдонивать* – *агитировать* – *разуверять* – *вразумлять* (21 единица), анализ частичных глагольных единиц данного СР подробно см. [Фу Ямэй 2020 б]².

3) СР с доминантой «ругать»: *ругать* – *бесславить* – *бранить* – *проклинать* – *стыдить* – *пилить* – *грызть* – *поносить* – *крыть* – *хаять* – *охаивать* – *хулить* – *кричать* – *честить* – *чихвостить* – *обзывать* – *костить* – *костерить* – *лаять* – *собачить* – *сволочить* – *прорабатывать* – *поругивать* – *выговаривать* – *пробирать* – *разносить* – *распекать* – *песочить* – *шпиговать* – *пушить* – *отделявать* – *шерстить* – *греть* – *жучить* – *утюжить* – *строжить* – *журить*

¹ Фу Ямэй. Семантика и функционирование глагола «взмаливаться/взмолиться» в прозе М. Горького и его китайские аналоги // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 10 (2). – С. 95–97.

² Фу Ямэй. О составе лексико-семантической группы глаголов речевого убеждения // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: матер. докл. и сообщ. XXV междунар. науч. метод. конф. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2020. – С. 79–82.

– *протаскивать* – *протягивать* – *продергивать* – *прохватывать* – *громить* – *критиковать* – *упрекать* – *порицать* – *отчитывать* – *пенять* – *гвоздить* – *набрасываться* – *нападать* – *орать* – *порочить* – *придираться* – *сквернословить* – *укорять* (56 единиц), анализ частичных глагольных единиц данного СР подробно см. [Фу Ямэй 2022 а]³.

4) СР с доминантой «лгать»: *сочинять* – *привирать* – *врать* – *плести* – *завираться* – *брехать* – *заливать* – *травить* – *обманывать* (9 единиц).

5) СР с доминантой «грозить»: *грозиться* – *угрожать* – *запугивать* – *стращать* – *пугать* – *пристращать* – *припугивать* – *предупреждать* – *висеть* (9 единиц).

6) СР с доминантой «хвалить»: *хвалят* – *одобряют* – *превозносят* – *расхваливают* – *нахваливают* – *восхваляют* – *выхвалят* – *выхваливают* – *славословят* – *славят* – *прославляют* – *величат* – *возвеличивают* – *возвышают* – *возносят* – *идеализируют* – *рекламируют* – *рекомендуют* – *воспевают* – *честят* – *чествуют* – *льстят* – *захваливают* (23 единицы), анализ частичных глагольных единиц данного СР подробно см. [Фу Ямэй 2022 б]⁴.

7) СР с доминантой «приказывать»: *наказывать* – *указывать* – *заказывать* – *велеть* – *повелевать* – *заповедать* – *предписывать* – *распоряжаться* – *завещать* – *диктовать* – *командовать* – *запрещать* (12 единиц).

8) СР с доминантой «обрывать»: *прекращать* – *прерывать* – *кончать* – *пресекать* – *порывать* – *разрывать* – *рвать* (7 единиц).

9) СР с доминантой «насмехаться»: *насмехаться* – *шутить* – *смеяться* – *издеваться* – *иронизировать* – *потешаться* – *высмеивать* – *глумиться* – *язвить* – *тешиться* – *мудрить* – *куражиться* – *осмеивать* – *измываться* – *мудровать* – *улюлюкать* – *зубоскалить* – *вышучивать* – *ехидничать* – *насмешничать* – *изгаляться* – *надсмехаться* – *ехидствовать* – *изгиляться* – *пиявить* – *пересмешивать* – *обсмеивать* – *забавляться* – *надругаться* – *ошутить* –

³ Фу Ямэй. Глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «укор», и их китайские аналоги // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 12. – С. 339–344.

⁴ Фу Ямэй. Русские и китайские глаголы речевого воздействия со значением «хвалить»: сравнительный анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 6 (169). – С. 208–215.

трунить – подтрунивать – подшучивать – посмеиваться – кощунствовать – пересмеивать – передразнивать – пародировать» (38 единиц), анализ частичных глагольных единиц данного СР подробно см. [Фу Ямэй 2022 в]⁵.

10) СР с доминантой «допрашивать»: *поспрашивать – опрашивать – допытывать – выпытывать – допытываться – исповедовать – выспрашивать – расспрашивать – испытывать – узнавать* (10 единиц).

11) СР с доминантой «приветствовать»: *благоприветствовать – встречать – здороваться (здоровствоваться) – поздравлять – кланяться* (5 единиц), анализ частичных глагольных единиц данного СР подробно см. [Фу Ямэй 2022 г]⁶.

12) СР с доминантой «клясться»: *клясться – божиться – зарекаться – присягать – обещать – обещаться – братья – обязаться – обнадеживать – сулить – предвещать – угрожать – закаиваться – сулиться – наобещать – ручаться – гарантировать – отвечать – ответствовать* (19 единиц), анализ частичных глагольных единиц данного СР подробно см. [Фу Ямэй 2022 д]⁷.

Таким образом, системный характер лексики, помимо иерархических признаков от большого к малому (от широкого к узкому), о которых мы говорили ранее, в данном исследовании посредством индуктивного приема мы реорганизовали глагольные единицы: от глаголов-доминант к более широким синонимическим рядам, а затем от более широких синонимических рядов к более широкой ЛСГ глаголов речевого воздействия (рисунок 4):

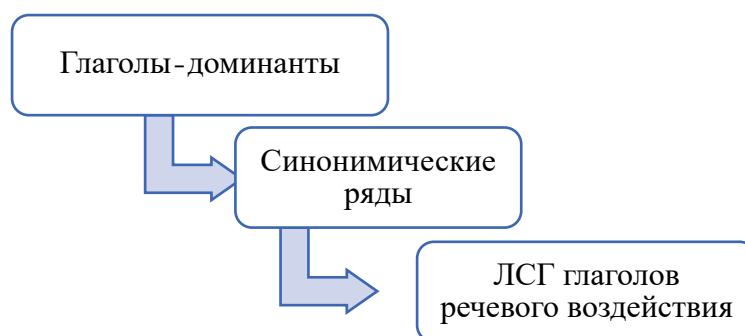

Рисунок 4. Системное отношение глагольного объединения II

⁵ Фу Ямэй. Синонимический ряд русских глаголов с доминантой «насмехаться»: функционально семантический и лингвокультурологический подходы // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 6 (45). – С. 706–712.

⁶ Фу Ямэй. Семантика и функционирование глагола «приветствовать» на фоне его китайских аналогов // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6 (97). – С. 481–485.

⁷ Лексема уточнитель глаголов «клясться» и «божиться»: на фоне их китайских аналогов (на материале русской прозы XX–XXI вв.) // Современный ученый. – 2022. – № 4. – С. 138–143.

Числовые отношения между членами расширенных синонимических рядов представлены следующим образом (рисунок 5):

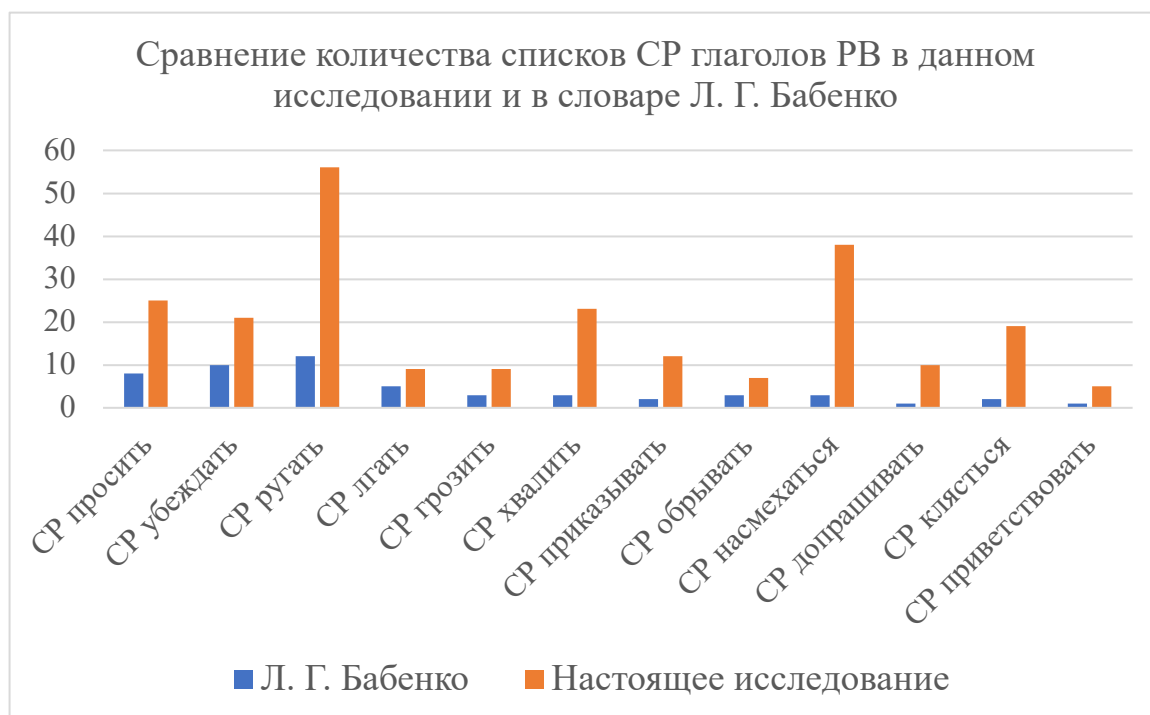

Рисунок 5. Количество членов синонимических рядов

Как видно из графика, синонимические ряды с наибольшим количеством членов следующие: глаголы со значением «ругать», глаголы со значением «насмехаться», глаголы со значением «просить», глаголы со значением «хвалить» и глаголы со значением «убеждать». Глагольные единицы в этих пяти синонимических рядах являются связанными между собой в процессе речевого воздействия. Для достижения цели просьбы говорящий может использовать вербальные средства комплимента. В целях убеждения говорящий может также использовать такой словесный прием, как похвала. Даже для выражения недовольства говорящий может использовать вербальное средство похвалы. Неуместные комплименты могут быть неправильно истолкованы слушателем как насмешка. В связи с этим действие «хвалить» считается самым важным вербальным приемом во всем процессе речевого воздействия.

Принимая во внимание аргументы Л. М. Васильева относительно центральных и периферийных аспектов анализируемых лексических объединений: «внутри каждого конечного поля иерархии противопоставлены ядро и периферия» [Васильев 2012: 454], мы считаем, что, согласно полемому принципу,

следует указать ядро глаголов речевого воздействия, а также ближнюю и дальнюю периферию соответствующего распределения ЛСГ глаголов речевого воздействия. Учитывая опять же многочленный характер синонимических рядов этих глаголов, синонимические ряды с доминантами *хвалить* и *ругать* помещаются нами в ядерную область ЛСГ глаголов речевого воздействия. На периферии, ближе к ядру, находятся: СР с доминантой «насмехаться», СР с доминантой «просить», СР с доминантой «убеждать», СР с доминантой «обещать», СР с доминантой «приказывать» и СР с доминантой «грозить». На самой периферии — СР с доминантой «допрашивать», СР с доминантой «лгать», СР с доминантой «обрывать» и СР с доминантой «приветствовать».

Их расположения по отношению друг к другу показаны на рисунке ниже (рисунок 6):

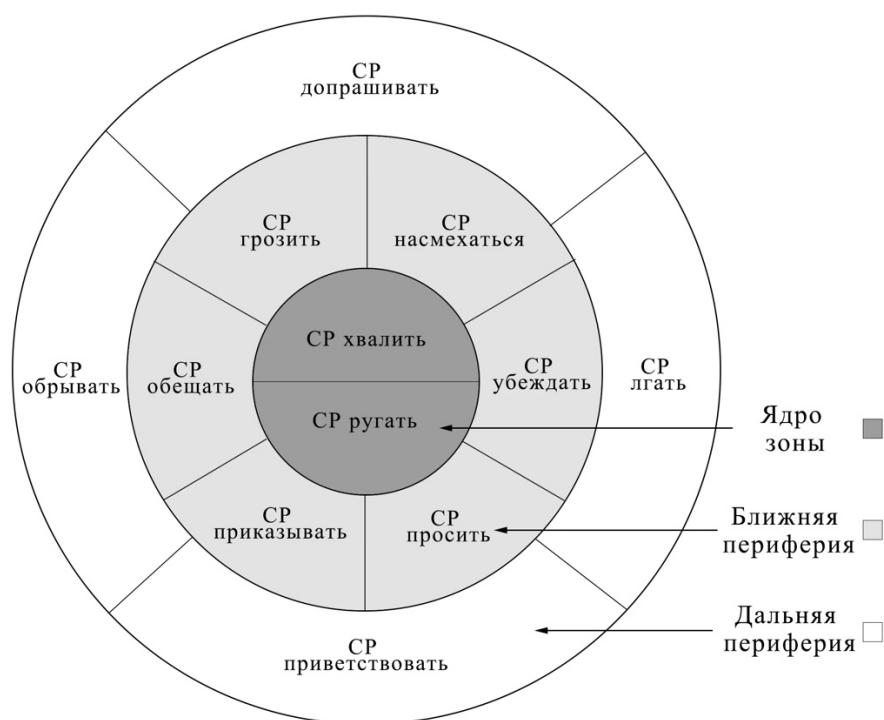

Рисунок 6. Расположение СР в ЛСГ РВ

Мы определили центральность СР с доминантами *хвалить* и *ругать* с точки зрения трех изложенных далее факторов: 1) Важность концепта похвалы, выраженного глаголом *хвалить*, и высокая психологическая потребность в нем в языковом сознании всего человечества, в том числе, конечно, и в языковом

сознании русских и китайцев; неизбежность негативного речевого воздействия, выраженного глаголом *ругать*, и высокий уровень психологического сопротивления ему в языковом сознании представителей всех этнокультур, а также разница в этническом сознании в условиях этого акта речевого воздействия.

2) Значительный лексический массив синонимов глагола *хвалить* и их незаменимость в создании атмосферы доброжелательности в условиях социального общения; являясь антонимичным по отношению к синонимическому ряду с доминантой *хвалить*, синонимический ряд с доминантой *ругать* чрезвычайно богат в силу широкой распространенности в вербальных коммуникативных конфликтах. 3) В фрагментах речевого воздействия, отражающих критику или похвалу, заложена богатая лингвокультурологическая ценность.

Центральными для нашей работы (по значению и по объему) являются СР с доминантами «хвалить» и «ругать». Среди двенадцати синонимических рядов они обладают достаточно высокой частотностью, наиболее четкой и неоспоримой лексической системной связью между собой — эти два ряда представляют собой антонимо-синонимичный блок. (АСБ). Таким образом, объектом данного исследования являются синонимические ряды с доминантами *хвалить* и *ругать*, лежащие в ядре ЛСГ глаголов РВ.

Дальнейший анализ материала исследования разделен на несколько этапов в соответствии с целями и задачами, поставленными в данной работе.

На первом этапе глаголы РВ из списка, указанного Л. Г. Бабенко, были разделены на две группы по принципу семантического сходства: 1) глаголы РВ с основным значением «хвалить»; 2) глаголы РВ с основным значением «ругать».

Второй этап заключался в определении членов каждого синонимического ряда с выявленными доминантными глаголам на основе данных словарей синонимов современного русского языка. Важно отметить, что глагольные единицы, которые были классифицированы в соответствии со списком глаголов РВ Л. Г. Бабенко, были включены в построенные расширенные синонимические ряды. В то же время, в соответствии с принципами динамического развития языка

и практичности его употребления, мы исключили из списка архаичные глагольные единицы, которыми носители русского языка пользуются нечасто или не пользуются совсем. На этом этапе были окончательно определены члены изучаемых синонимических рядов.

На третьем этапе для построенных многочленных синонимических рядов создаются внутренние сегментные звенья синонимов по принципу семантической близости к ядру. Семантика глагольных синонимов определяется с помощью толковых словарей современного русского языка.

Четвертый этап направлен на выявление функционально-семантических особенностей и на раскрытие лингвокультурологического потенциала синонимических рядов, составленных из исследуемых глаголов РВ с использованием в качестве материала исследований текстов из Национального корпуса русского языка.

Пятый этап — обработка, обобщение и анализ информации, полученной в ходе анкетного опроса носителей русского языка. Респондентами стали 100 носителей русского языка с высшим образованием в возрасте 18–70 лет. Результаты анкетирования представлены глагольными синонимами, наиболее часто употребляемыми носителями русского языка; отсеялись те, которые ими практически не используются, эти единицы употребляются для пассивного усвоения. Участниками опроса определяется семантика глагольных единиц, оценивается их экспрессия и стилистическая маркированность.

На шестом этапе проводится рассмотрение функционирования и лингвокультурологической характеристики китайских глаголов указанной семантики в сравнении с русскими глаголами, что предусматривает проведение опроса среди носителей китайского языка с целью выяснения специфики речевой культуры в современной китайской коммуникативной среде.

Последний, седьмой этап представляет из себя сопоставительный анализ, в ходе которого обобщаются функционально-семантические и лингвокультурологические характеристики синонимических рядов, состоящих из глаголов РВ в русском и китайском языках.

Объектом исследования в настоящей работе являются 59 русских глаголов на фоне 68 глаголов китайского языка. Русские глаголы, принадлежащие к группе глаголов речевого воздействия, объединены в два синонимических ряда с доминантами *хвалить* (23 единицы) и *ругать* (36 единиц).

Перейдём к рассмотрению каждого из изученных нами синонимических рядов глаголов РВ.

2.2. Синонимический ряд русских глаголов с доминантой *хвалить*

В данном разделе рассматривается синонимический ряд русских глаголов с доминантой *хвалить*. Как пишет П. Я. Черных, слово *хвала* бытует почти во всех славянских языках со значением ‘одобрение’, ‘прославление’ и ‘превознесение чьих-либо заслуг’. Корень *chvala* в разное время и у разных славянских народов обозначал ‘благодарный’, ‘достойный похвалы’, и ‘благодарить’ [Черных 1994: 335].

В древнерусском языке с XI века *хвала* — это ‘восхваление, слава, благодарение’. С. Младенов и А. Брюкнер соотносили с этим корнем значения ‘болтовня’, ‘громкая речь’, ‘громко говорить, кричать’ [там же]. Где-то в глубине веков два таких разных значения этого корня сплелись, соединились, и дошли до нас с нынешней семантикой.

Все глагольные единицы, составляющие этот синонимический ряд, имеют общее значение ‘высказывать одобрение, похвалу кому-л., чему-л.’ [Кузнецов 2000: 1440], оказывая, таким образом, положительное воздействие на предполагаемого собеседника.

Синонимический ряд с доминантой *хвалить* был выбран для исследования по следующим причинам:

1) важность концепта похвалы, выраженного глаголом *хвалить*, и высокая психологическая потребность в нем в языковом сознании всего человечества, в том числе, конечно, и в языковом сознании русских и китайцев;

2) значительный лексический массив синонимов глагола *хвалить* и их незаменимость в создании атмосферы доброжелательности в условиях социального общения;

3) в текстах, содержащих похвалу, восхваление, содержится богатый культуруносный подтекст.

В словаре Л. Г. Бабенко представлен список глаголов речевого воздействия (всего 54 глагола). Из них мы выбрали и описали три: *льстить*, *славословить* и *хвалить* — так как они имеют общий семантический компонент ‘хвалить кого-л.’, которое является значением, лежащим в основе глагола *хвалить* [МАС 1999: т.2: 207; т.4: 129; т.4: 594]. Однако, помимо трех перечисленных глаголов, существует много других глагольных единиц с таким же значением.

По данным словарей синонимов русского языка, синонимический ряд, изучаемый в данном разделе, состоит из глаголов, глагольных сочетаний и сходных по смыслу выражений. В различных словарях синонимичный ряд с доминантой *хвалить* может отличаться:

- *хвалить – одобрять – превозносить* [Клюева 1956: 236–237] — (3 единицы);
- *хвалить – расхваливать – нахваливать – восхвалять – выхвалять – выхваливать – превозносить – славословить* [Евгеньева 1971, т.2: 649] — (8 единиц);
- *хвалить – восхвалять – выхвалять – расхваливать – славить – выславлять – прославлять – величать – возвеличивать – возвышать – возносить – превозносить – одобрять – славословить – идеализировать – рекламировать – рекомендовать – воспевать – петь дифирамбы (оды, акафисты, тропари) в честь кого – слагать панегирик (мадригал, хвалебную песнь) – честить – чествовать – устраивать овации кому – возводить на пьедестал – давать одобрительный отзыв – поминать добром – превозносить кого до небес – осыпать кого похвалами – рассыпаться в комплиментах перед кем – по головке гладить – льстить – рукоплескать* [Абрамов 2006: 636–637] — (31 единица);

- *хвалить* – отзываться с похвалой (или одобрительно, положительно) о ком, о чем – высоко оценивать, давать высокую оценку кому, чему, отмечать – гладить по головке – поминать (или вспоминать) добрым словом (или добром) – осыпать похвалами, расточать похвалы (или хвалы) кому, чему – восхвалять – расхваливать – рекламировать – превозносить – возносить (или превозносить) до небес – выхвалять – выхваливать – захваливать – нахваливать – нахвалиться не мочь кем, чем – поднимать на щит – петь хвалу (или хвалы, дифирамбы) кому, чему [Александрова 2010: 538–539] — (18 единиц).

Очевидным представляется тот факт, что синонимический ряд для базового глагола *хвалить* является многочленным. Поскольку объектом настоящей работы — глаголы, анализу подвергаются исключительно глагольные единицы. Кроме глаголов *хвалить*, *славословить* и *льстить*, другие глагольные единицы Л. Г. Бабенко не включены в число глаголов речевого воздействия, но в данном исследовании утверждается, что все они принадлежат к глаголам речевого воздействия, если реализуют общий семантический вариант этого синонимического ряда. Частота употребления всех глагольных единиц синонимического ряда в НКРЯ показана ниже (рисунок 7):

Рисунок 7. Частота употребления глаголов СР с доминантой «хвалить»

Как можно заметить, наиболее часто употребляемым глаголом в исследуемом материале является глагол *хвалить*, за ним следуют глаголы *рекомендовать*, *одобрять*, *величать*, *льстить*, *славить* и *возвышать*, использованные более чем в 300 текстах. Не обнаружено словоупотребления глагола *выславлять*; глагол *выхвалять* встречается лишь единожды; глагол *захваливать* — в 8 контекстах.

Данные Частотного словаря русского языка (1977), Русского ассоциативного словаря (1994), количество примеров из НКРЯ, данные опроса носителей языка представили результаты — чаще всего используются глагольные единицы: *одобрять*, *расхваливать*, *возвышать*, *идеализировать*, *рекламировать* и *рекомендовать*.

Разумеется, глаголы, отмеченные носителями языка как наиболее актуальные в употреблении, не в полной мере совпали по частотности с глаголами, наиболее часто встречающимися в НКРЯ.

В данном исследовании, принимая во внимание принцип синхронности употребления лексики и основываясь на данных, предоставленных носителями русского языка и НКРЯ, был исключен из списка анализируемых глаголов синонимического ряда глагол *выславлять* в силу исключения его современными носителями русского языка из своего словаря.

Таким образом, анализу и описанию подвергаются следующие глаголы синонимического ряда: *хвалить* – *одобрять* – *превозносить* – *расхваливать* – *нахвалять* – *восхвалять* – *выхвалять* – *выхваливать* – *славословить* – *славить* – *прославлять* – *величать* – *возвеличивать* – *возвышать* – *возносить* – *идеализировать* – *рекламировать* – *рекомендовать* – *воспевать* – *честить* – *чествовать* – *льстить* – *захваливать* (всего 23 единицы). Доминантой в этом синонимическом ряду выступает глагол *хвалить*, поскольку в данном исследовании мы в основном придерживаемся точки зрения В. Н. Ключевой, которая заключается в том, что доминирующее слово является «как бы лейтмотивом всего ряда и определяет его основной характер» [Ключева 1961: 6]. Глагол-доминанта *хвалить* образован от существительного *хвала*, но точки зрения

происхождения существительного *хвала* оспариваются. Последователи М. Фасмера утверждают, что существительное происходит от «праслав. **xvala*», которое, как предполагается, является «экспрессивной переделкой **slava* (см. слава)» [Фасмер 2009, т.4: 228], что не вызывает у нас возражения. Эта точка зрения также открывает возможность существования глагольных единиц, образованных от корней *-хвал-* и *-слав-*, среди исследуемых синонимических рядов.

Учитывая центральное положение доминантного глагола *хвалить* и его высокую частоту употребления, считаем целесообразным проанализировать его отдельно. Остальные глагольные единицы в синонимическом ряду изучаются в соответствии с их семантической фокусировкой, т. е. близостью к семантике ядра. В сочетании с принципами синонимической амплитуды, упомянутыми в главе I, мы разделили эти глаголы на синонимические звенья, объединенные общей семой ‘говорить хвалу’ с последующими дифференциальными семами, таким образом:

- *хвалить – расхваливать – нахваливать*: ‘хвалить кого-л., признавая его действия или поступки правильными, вызывающими одобрение’;
- *превозносить – восхвалять – славословить – захваливать – льстить*: ‘очень высоко, зачастую чрезмерно оценивать кого-, что-л. в корыстных целях’;
- *славить – прославлять – возвеличивать – воспевать*: ‘создавать славу и известность кому-, чему-л.; воздавать хвалу кому-л. в песнях, стихах и т. п.; (петь хвалу)’;
- *одобрять – выхвалять – выхваливать – рекламировать – рекомендовать – идеализировать*: ‘с похвалой отозваться о действиях кого-л., даже преувеличивать чьи-л. достоинства, зачастую приписывая кому-либо достоинства, которыми человек не обладает’;
- *чествовать – честить – величать*: ‘публично, в торжественной обстановке выражать уважение, оказывать почести кому-л., подчеркивая достоинства кого-л.’;

- *возвышать* – *возносить*: ‘намеренно возвеличивать кого-л., придавая ему особый, более высокий социальный статус’.

Перейдём к синонимическому звену *хвалить* – *расхваливать* – *нахвалять*.

Проанализируем базовый глагол *хвалить* подробнее.

Глагол *хвалить* — наиболее часто употребляемый глагол в данном синонимическом ряду в контекстах из НКРЯ; его определение в толковых словарях русского языка звучит так: ‘высказывать одобрение, похвалу кому-, чему-л.’ [БАС 1965: 314; МАС 1999: 594; Ушаков 1940, т.4: 1137; Ожегов, Шведова 2003: 860; Кузнецов 2008: 1441]. В словаре под ред. С. А. Кузнецова обнаруживаем значение ‘прославлять, возносить хвалу богам, божествам’ к глаголу *хвалить* [Кузнецов 2008: 1441]. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова обращает на себя внимание семантика ‘распространяться о чьих-н. высоких качествах, достоинствах’ [Ушаков 1940: там же], которая, пожалуй, представляется более конкретной и понятной иностранцам, приступившим к изучению русского языка на начальном этапе. Во всех толковых словарях стилистические особенности глагола не идентифицированы. Стоит отметить, что в словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой дается интерпретация и ироничное употребление глагола совершенного вида *похвалить* в разговорном стиле: «не похвалят кого-н. за что-н.» означает ‘осудят или накажут, по головке не погладят’ [Ожегов, Шведова 2003: 860].

НКРЯ предоставляет нам 1 793 текста, в которых используется этот глагол, что открывает широкие возможности для дальнейших исследований. Глагол *хвалить*, конечно же, тесно связан с понятием комплимента и похвалы в различных контекстах. Функциональная семантика его представлена следующим образом:

В контекстах НКРЯ в глаголе *хвалить* актуализуется основное лексическое значение, приводимое во всех толковых словарях — ‘хвалить действия или качества кого-л.’; его антонимом является глагол *прищипать*. в большинстве говорящий, выражая искреннюю похвалу, оказывает на реципиента

положительное эмоциональное воздействие: «А Мария Петровна всё **хвалила** Якова и **хвалила**: “Молодец, молодец...” — и гладила его по голове горячей ладонью» [Борис Екимов. Фетисыч (1996), НКРЯ]; «Училка ему пятерку поставила и так **хвалила**: я, говорит, всегда знала — ты можешь, если очень постараться, “терпенье и труд все перетрут”» [Инна Андреева. Брызги шампанского (2014), НКРЯ]; «У нас европейцев много бывает на спектаклях, заказывают билеты по интернету и очень **хвалят**» [О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016), НКРЯ]. Примечательно, что подобного рода контексты сопровождаются дополнительными лексическими средствами типа слов *очень* (хвалила), *так* (хвалила) или повторением самого глагола с местоименным наречием *всё* в значении ‘постоянно’ (*всё хвалила и хвалила*) с целью усиления речевого воздействия на реципиента.

Глагол может использоваться для указания на то, что говорящий на самом деле не признает достоинств чего-л. или кого-л., а просто проявляет вежливость и учтивость: «Артист кушал, опускал глаза, **хвалил** еду и, уходя, говорил “большое спасибо”» [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015), НКРЯ]; «— Дочка у тебя хорошая. — Тимофеевна всегда **хвалила** Ольгу. У неё самой дочери не было, только сын» [Раиса Кореневская. Зелёные вишенки (2015), НКРЯ].

Глагол может использоваться в ситуациях, когда говорящий хвалит кого-л. в своих собственных, возможно, корыстных, целях. Похвала в таких случаях не отражает истинное положение вещей, как, например: «Немецкий я уже изучал два года, уже кое-как болтал с военнопленными, которые **хвалили** моё произношение, по-видимому, в обмен на сигареты, которые я им дарил» [Фазиль Искандер. Письмо (1969), НКРЯ].

Глагол *хвалить* встречается не только в контекстах, описывающих благоприятную атмосферу для общения, но иногда может встречаться и в ситуациях обратного свойства, в частности, при обмене мнениями с дополнительным указанием на то, что говорящий пытается послать дружеский сигнал в виде похвалы с целью повернуть разговор в другое русло: «Учительница покраснела от стыда и злости, но как-то уняла свой гнев и стала **хвалить** Петрова

за маску и костюм, который они сварганили для сына» [А. Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него (2016), НКРЯ]. Глагол *хвалить* используется также в сценариях общения с негативным подтекстом с целью эвфемистического выражения недовольства говорящего, когда кажущийся комплимент на самом деле является намеком на бестактность слушателя: «Она смеётся. Она даже **хвалит** его: — А ты наблюдателен, Михайлов» [Владимир Маканин. Отдушина (1977), НКРЯ].

Глагол *хвалить* может быть использован для того, чтобы похвалить кого-то вслепую, из толпы, в этом случае слушатель не осознает искренности получаемого им комплимента, поскольку говорящий может говорить против своей воли или просто подчиняться авторитету вышестоящего лица или потворствовать ему, чтобы похвалить того, кого тот высоко ценит: «И в то же время Штрум понимал, что не будь сталинского телефонного звонка, никто бы в институте не **хвалил** выдающиеся труды Виктора Павловича, и Ландесман со всеми своими талантами болтался бы без дела» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960), НКРЯ].

Иногда похвала говорящего ограничена, например, когда говорящий хвалит свой собственный народ из чувства идентификации с ним, в этом случае похвала не так легко распознается всеми: «Это же надо иметь наглость сказать, что в работе вашей дух иудаизма и что Гуревич назвал её классической и так **хвалил** её только потому, что вы еврей» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960), НКРЯ]. Это ограничение также отражается в личных вкусах или навязчивых идеях: «Хотя Серёжа никогда не читал этого писателя, а Коломейцев забыл его фамилию, но Серёжа был уверен, что писатель этот хорошо пишет, — уж очень смачно, весело, с непристойными словами **хвалил** его Коломейцев» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960), НКРЯ].

Глагол *хвалить*, как переходный глагол, его отношение управления: *хвалить кого-, что-л.*

В ходе опроса 100 носителей русского языка с высшим образованием обнаружился факт активного использования глагола *хвалить* респондентами в

собственной речи, что, в свою очередь, и обуславливает высокую частотность употребления глагола в НКРЯ. 99% процентов респондентов считают, что глагол *хвалить* отражает положительную оценку; 1% процент респондентов придерживаются мнения, что в некоторых случаях этот глагол может выражать и отрицательную оценку, что нашло отражение и в нашем анализе текстов.

Как уже упоминалось выше, во всех толковых словарях не отмечены какие-л. стилистические свойства глагола *хвалить*. На основании данных лексикографических справочников, а также нашего материала, глагол является стилистически нейтральным.

Респонденты дали следующие определения глаголу *хвалить*: 80% респондентов представили его как ‘выражать похвалу кому-л. какими-л. поведением, одобрять’; 13% респондентов отразили его как ‘высоко оценивать’ и 7% респондентов определили его как ‘превозносить, восхищаться’.

Функционально-семантические особенности глагола *хвалить*, представленные в исследуемых текстах, практически совпадают с определениями глагола, отраженными в толковых словарях, а также с определениями глагола, данными респондентами, за исключением некоторых контекстов, где глагол в большей степени отражает неискренность или ироничность говорящего по отношению к реципиенту.

В целом, интерпретация стержневого глагола *хвалить* может быть сформулирована следующим образом: ‘говорить похвалу кому-л. или чему-л.; форма общения, выражающая вежливость и учтивость; действие по получению выгоды или достижению обмена выгодами; дружеский сигнал, чтобы переломить ход неприятных взаимодействий; слепо, порой под влиянием толпы/коллектива давать кому-л. высокую оценку, чтобы соответствовать предпочтениям начальства; признание личных предпочтений или собственной этнической принадлежности’.

Рассмотрим другие глаголы исследуемого синонимического ряда.

Наиболее близкими к доминантному глаголу являются глаголы *расхваливать* – *нахвалять*.

Перейдем к анализу глагола *расхваливать*.

Хвалить — ‘высказывать одобрение, похвалу кому-л., чему-л.’ [Кузнецов 2008: 1441], а *расхваливать* — ‘очень/сильно хвалить, высказывать одобрение кому-, чему-л.’ [Ожегов 2003: 667]. При добавлении к глаголам приставки *рас-* образуются глаголы со значением усиления интенсивности: *шевелить* — *расшевеливать*, *петь* — *распеваться*, *шуметь* — *расшуметься* и *хвалить* — *расхваливать*.

Все толковые словари дают данному глаголу следующее толкование: ‘очень/сильно похвалить, высказать одобрение кому-, чему-л.’ [МАС 1999, т.3: 678; Кузнецов 1998:1103; Ушаков 1939, т.3: 1283; Ожегов 2003: 667]. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова также фиксируется сема ‘распространиться о достоинствах, высоких качествах кого-чего-нибудь’ [Ушаков 1939, т.3: 1283].

Глагол нашел употребление в 254 контекстах НКРЯ. С точки зрения функциональной семантики глагол *расхваливать* приобретает следующие контекстуально обусловленные смыслы:

В глаголе *расхваливать* выражается более сильная степень похвалы, чем в стержневом слове *хвалить*. Ср.: «В тот же день я поступил в Библиотечный институт, который по дороге в Москву мне усиленно **расхваливала** одна девушка из моего вагона» [Фазиль Искандер. Начало (1969), НКРЯ]. Глагол контекстуально поддерживается наречием *усиленно*.

Глагол может употребляться с целью похвалить кого-л. за определенное качество, талант, способности, образ жизни и т. д. Ср. «Елизавета Романовна **расхваливала** мой фотографический талант, говорила, что путь художника тернист, но славен и что не стоит спешить обременять себя семьей, не набравшись опыта, не сделав еще даже первых шагов на этом пути». [Александр Снегирев. Как же ее звали? (2013), НКРЯ]; «Он, чтобы что-то говорить, **расхваливает** привычный ему жизненный уклад, в котором такие красивые женщины, как я, не работают, а ходят в золоте». [Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009), НКРЯ]. В отдельном контексте глагол *расхваливать* был употреблен в качестве синонима глаголу *сватать*, что соответствует традиционному русскому ритуалу рассказывать о достоинствах девушки на

выданье, т. е. вошедшей в возраст потенциальной невесты: «Порой забавно наблюдать было, как братец расхваливает, «сватает» сестренку». [Н. Б. Черных. Слабые, сильные (2015), НКРЯ]. Рассматриваемый глагол часто используется для выражения похвалы старшего по отношению к младшему: «Кузя брала с собой мольберт, краски, и пока две старушки устраивали чаепитие и вспоминали дорогих ушедших из жизни людей, она бродила по лесу, спускалась к заливу, выбирая натуру, и делала наброски пейзажей, стараясь не упускать никаких нюансов и деталей природы, за что ее всегда **расхваливала бабушка**». [Екатерина Маркова. Чужой звонок (1990–2000), НКРЯ]; «На работе *сестра расхваливала* меня: учится в институте, не пьет...» [Дмитрий Каралис. Мы строим дом (1987–2001), НКРЯ].

Анализ контекстуального употребления глагола *расхваливать* позволяет утверждать, что наиболее частотная сфера его употребления — торговля (собеседники зачастую находятся в отношениях покупателя и продавца). Ср.: «Продавцы и покупатели — все что-то выкрикивают, предлагают, **расхваливают**, бранят, снуют взад и вперед, трутся друг о друга спинами и рукавами» [Гузель Яхина. Дети мои (2018), НКРЯ]; «Над ярмаркой стоял гул, все кричали, **расхваливая** товар [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993–2003), НКРЯ]; «Хозяйка мне стала **расхваливать** их, объясняя, что это ручная работа, что ее дочь (такая умница, такая красавица)! [Надежда Трофимова. Третье желание (2003), НКРЯ]; «Ели руками. Дядя Тепа **расхваливал** продукт. Спрашивал, где еще такое попробуют» [Сергей Носов. Грачи улетели (2005), НКРЯ]. Обозначаемое глаголом действие способствует продвижению услуг в том или ином бизнесе, как, например, в сфере медицины: «Довольно быстро нашла в Интернете адреса нескольких клиник, обзвонила их, подробно выпросила, какие методы, какова эффективность и, главное, во сколько обойдется. Мне **расхваливали** методы и называли цены. Цены были буйные» [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (2009), НКРЯ].

В некоторых случаях глагол *расхваливать* может обозначать действие, расцениваемое русским национальным сознанием как отрицательное, поскольку

воспринимается либо а) как хвастовство (ср.: «Итальянцы хвастливы. Каждый **расхваливает** свои находки. А один археолог небольшого роста всякий раз приговаривал: “Это всё пустое!”» [В. Л. Янин. О себе и о других (1970–2000), НКРЯ], на которое указывает реплика одного из участников событий «Это все пустое!»); либо б) как неискренние, неумеренные и необъективные комплименты (ср.: «— А в лицо неумеренно **расхваливал** мои вполне заурядные газетные опусы, которые приходилось теперь кропать чуть не всякий Божий день. [Николай Климонтович. Последняя газета (1997–1999), НКРЯ]) и даже в) как лесть в случае похвалы вредных привычек кого-л. (ср.: «Я знал одну из них, она так много и искренне трудилась, **расхваливая** меня, мои повадки, этот забытый Богом городок, что своей «высокой» болезнью заразила весь курс». [Владимир Скрипкин. Тинга (2002), НКРЯ]).

Управление глагола таково: *расхваливать* кого-, что-л.

Большинство респондентов отметили, что стилистически глагол нейтрален, несет в себе нейтральную или положительную оценку, что нашло подтверждение в проанализированных контекстах. Однако глагол может использоваться в исследуемом материале и для выражения негативной оценки. Определение этого глагола, данное респондентами, было следующим: ‘очень хвалить’, что подтверждается и контекстами из НКРЯ.

Итак, характеристики глагола *расхваливать* могут быть сформулированы следующим образом: во-первых, он может использоваться для выражения сильной положительной похвалы либо какому-л. объекту, либо качествам, талантам, способностям, образу жизни человека, а также часто используется в ситуациях, когда старший хвалит младшего. Во-вторых, этот глагол, как правило, используется в сфере торговли, где разговор обычно ведется между покупателем и продавцом. В-третьих, глагол может использоваться в негативном утверждении, например, в ситуациях, когда говорящий хвастается, когда он чрезмерно хвалит слушателя или даже льстит ему.

Далее исследуем глагол *нахваливать*, который очень близок по семантическому значению к глаголу *расхваливать*.

На базе данных толковых словарей современного русского языка было сформулировано сводное определение глагола *нахваливать*: ‘хваля, наговорить о ком-, чем-л. много хорошего; сильно, чересчур похвалить; расхвалить’ [МАС 1999, т.2: 411; Ожегов 2003: 398; Ушаков 1938, т.2: 455; Кузнецов 1998: 607]. Во всех словарях авторы отмечают принадлежность глагола разговорному стилю речи.

Глагол *нахваливать* встречается в НКРЯ 144 раза. Это реже, чем глагол *расхваливать*. Его функционально-семантическая характеристика в контекстах отражена следующим образом:

Глагол *нахваливать* широко используется в повседневных ситуациях, в основном для выражения похвалы еде или хозяйке, ее приготовившей, а также достойно ведущей хозяйство в доме. Данный глагол выражает большую интенсивность действия, чем глагол *хвалят*: «Бывший Первый с удовольствием обсасывает голову жареного карася, **нахваливает** — давно не откушивал свежей рыбы...» [Александр Титов. Путники в ночи (2008), НКРЯ]; «Особенно гости **нахваливали** лапшу. — Чудится, из павлина сие блюдо!» [Александр Дорофеев. Вещий барабан (2013), НКРЯ]; «Сначала они сидели в кафе, Светка **нахваливала** салат из тунца, Валерка восхищался ее лицом, открытыми плечами». [А. Н. Бузулукский. Вши (2016), НКРЯ]; «Уже был разлит чай и все пили его с домашними выпечками Марьи Григорьевны, **нахваливая** рдеющую хозяйку...» [В. М. Шапко. Время стариков (2010), НКРЯ]; «Павел ходил к ней в дом и с восторгом **нахваливал** её и все порядки в её доме» [Максим Горький. Трое (1901), НКРЯ].

По данным нашего материала, рассматриваемый глагол в большей степени употребляется по отношению к женщинам, например: «Иногда, при гостях, **нахваливал** попадью. — Продолжай, продолжай, дорогая супруга, — шутил он, — и да будет потомство наше, как песок морской, во исполнение завета Господня: плодитесь, множитесь, наполняйте землю...» [С. И. Гусев-Оренбургский. Деревенский батюшка (1915), НКРЯ].

В отдельных контекстах глагол используется также для приписывания товару положительных качеств с целью их продажи: «Я **нахваляю** свой товар: кряковых уток, куликов, вымениваю на них у девчат овощи». [В. П. Правдухин. Годы, тропы, ружье (1930), НКРЯ]; «Игрушечник показывал товар лицом, **нахвалявал**, нахвалиться не мог, откладывал ребятам кучу игрушек». [И. В. Евдокимов. Сиверко (1925), НКРЯ].

В некоторых случаях глагол может выражать реакцию коммуниканта на ситуацию, отражая его недовольство собой, сложившимися обстоятельствами. Ср.: «Он никак не мог понять ее раздражения; словно назло, она принялась **нахвалявать** Бочкарева, как будто каждый настоящий ученый должен быть горбатым» [Даниил Гранин. Иду на грозу (1962), НКРЯ].

Глагол может актуализироваться с оттенком самовосхваления, который приобретает в контексте отрицательную коннотацию. Ср.: «Он даже разгневаться, распалиться не мог, потому что такой нелепый, растрепанный разговор получился; не хватало еще себя **нахвалявать**, верно?» [Владимир Личутин. Любостай (1987), НКРЯ].

Глагол является переходным, что предполагает употребление в. п. при управлении: *нахвалять* кого-, что-л.

Почти все респонденты отметили стиль глагола как разговорный с положительной оценкой. Большая часть респондентов считает, что семантика глагола *нахвалять* идентична семантике глагола *расхвалять*, отличаясь от последнего лишь стилистически. Данные НКРЯ подтверждают реакции респондентов. Ряд глаголов с приставкой *на-* в русском языке имеют значение ‘постепенно накопить какое-то количество’ [АГ-80] чего-либо, достигнув полноты действия, — *накопить*, *наговорить*, *напечь*, *наварить*, *нарвать* и др.

В целом, особенности глагола *нахвалять* можно описать следующим образом: во-первых, он часто используется в повседневных ситуациях, особенно при выражении похвалы блюдам и хозяйкам; во-вторых, объектом комплимента, выражаемого этим глаголом, чаще всего является женщина; в-третьих, хотя глагол может встречаться и в контекстах купли-продажи товаров, в отличие от

глагола *расхваливать*, он встречается реже и исключительно в разговорной сфере общения. Наконец, глагол *нахвалять* может служить средством выражения отрицательной оценки по отношению к действию, направленному на себя: в соответствии с русским национальным сознанием, хвалить себя, хвастаться — это плохо, осуждается членами этносоциума.

Обратимся к СР с доминантой *ругать*.

2.3. Синонимический ряд русских глаголов с доминантой *ругать*

Все глагольные единицы, составляющие этот синонимический ряд, имеют общее значение ‘высказывать неодобрение кому-л, чему-л.’ [Кузнецов 1998: 1131], оказывая, таким образом, отрицательное воздействие на предполагаемого собеседника.

Синонимический ряд с доминантой *ругать* был выбран для исследования по следующим причинам:

1) являясь антонимичным по отношению к синонимическому ряду с доминантой *хвалить*, рассматриваемый в данной части диссертации синонимический ряд чрезвычайно богат в силу широкой распространенности в вербальных коммуникативных конфликтах;

2) в фрагментах речевого воздействия, отражающих критику, заложен богатый лингвокультурологический потенциал;

3) неизбежность негативного речевого воздействия, выраженного глаголом *ругать*, и высокий уровень психологического сопротивления ему в языковом сознании представителей всех этнокультур, а также разница в этническом сознании (в частности, русском и китайском) перед лицом этого акта речевого воздействия.

Из списка глаголов РВ Л. Г. Бабенко мы выбрали глаголы *ругать*, *бранить*, *набрасываться*, *нападать*, *орать*, *отчитывать*, *порочить*, *проклинать* и

выговаривать для комплексного изучения. Все вышеперечисленные глаголы имеют одну и ту же сему — ‘считая, что какое-то поведение или свойство лица является плохим, выражать свое недовольство этим лицом’ [Бабенко 1999: 374–379]. Однако в словарях синонимов современного русского языка имеется много других глаголов с этим же значением.

Согласно словарным статьям русских синонимов, стержневое слово *ругать* имеет разные синонимические ряды в разных словарях:

- *ругать* – *бесславить* – *бранить* – *проклинать* – *стыдить* [Абрамов 2006: 527] — (5 единиц);

- *ругать* – *бранить* – *пилить* – *грызть* – *поносить* – *крыть* – *хаять* – *охаивать* – *хулить* [Апресян 2004: 989] — (9 единиц);

- *ругать* – *бранить* – *кричать* – *честить* – *чихвостить* – *крыть* – *обзывать* – *костить* – *костерить* – *лаять* – *собачить* – *сволочить* – *стервить* – *прорабатывать* – *поносить* – *хаять* – *охаивать* – *расхаивать* – *хулить* – *поруговать* – *выговаривать* – *пробирать* – *разносить* – *распекать* – *песочить* – *шпиговать* – *пушить* – *отделывать* – *шерстить* – *греть* – *жучить* – *утюжить* – *строжить* – *журить* – *протаскивать* – *протягивать* – *продергивать* – *прохватывать* – *громить* – *критиковать* – *упрекать* [Александрова 2010: 438] — (41 единицы);

- *ругать* – *бранить* – *порицать* – *отчитывать* – *распекать* – *журить* – *пилить* – *выговаривать* – *пенять* – *честить* – *костерить* – *чихвостить* – *гвоздить* – *крыть* [Горбачевич 2012: 398; Михайлова 2016: 307] — (14 единиц);

Очевидно, что синонимический ряд с глаголом *ругать* в качестве основного слова является многочленным. Частота глагольных единиц данного СР в НКРЯ показана ниже (рисунок 8):

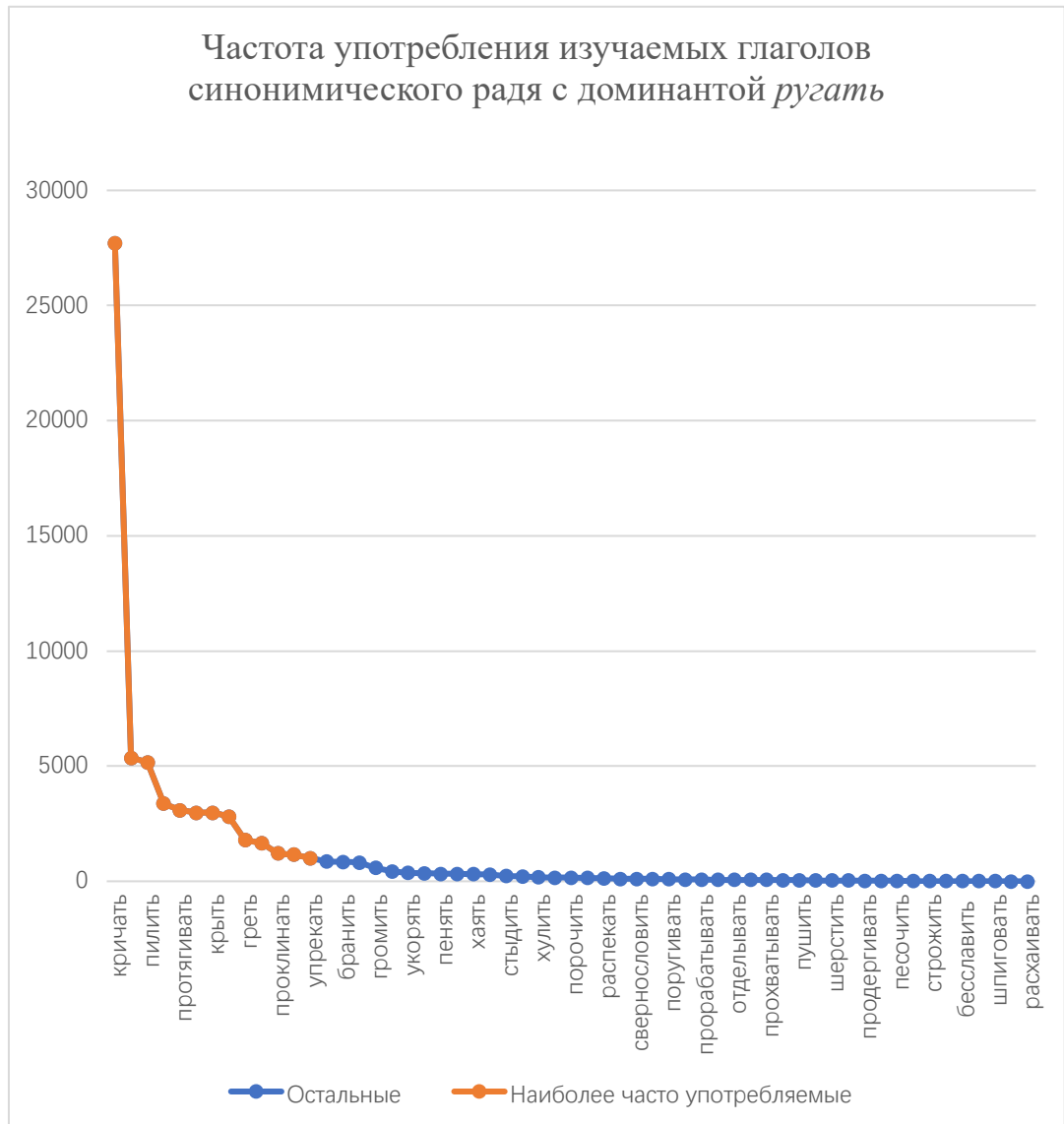

Рисунок 8. Частота употребления глаголов СР с доминантой «ругать»

Как можно заметить, самым частотным глаголом в синонимическом ряду является *кричать* (27716), за ним следуют *орать* (5351), *пилить* (5165), *нападать* (3375), *протягивать* (3085), *лаять* (2983), *крыть* (2972), *ругать* (2809), *греть* (1786), *грызть* (1663), *проклинать* (1215), *выговаривать* (1160), *упрекать* (1013), все они были использованы более 900 раз. А глаголы, которые используются не более 10 раз, — это глаголы *строжить* (10), *чихвостить* (6), *бесславить* (3), *собачить* (2), *шпиговать* (2), *стервить* (0) и *расхаивать* (0).

Анкетный опрос 100 носителей русского языка показал, что некоторые члены данного синонимического ряда не являются актуальными в речи носителей языка. При выражении значения ‘считая, что какое-то поведение или свойство лица является плохим, выражать свое недовольство этим лицом’ респонденты чаще

всего используют глаголы *ругать*, *упрекать*, *укорять*, *критиковать*, *бранить*, *выговаривать*. Мы обнаружили, что наиболее частотные глагольные единицы в речи носителей языка не совсем совпадают с наиболее частотными глагольными единицами в НКРЯ. Это можно объяснить разницей функционирования глаголов в разговорной и письменной речи.

Поскольку глаголы *стервить* и *расхаивать* не встречаются в НКРЯ, а носители русского языка отметили, что не используют их, эти два глагола не будут рассматриваться в данном разделе.

Таким образом, интересующий нас синонимический ряд представлен следующими глаголами: *ругать* – *бесславить* – *бранить* – *проклинать* – *поносить* – *крыть* – *хаять* – *охаивать* – *хулить* – *кричать* – *честить* – *чихвостить* – *обзывать* – *костить* – *костерить* – *лаять* – *собачить* – *сволочить* – *прорабатывать* – *выговаривать* – *пробирать* – *разносить* – *распекать* – *песочить* – *пушить* – *отделявать* – *шерстить* – *жучить* – *утюжить* – *строжить* – *продергивать* – *отчитывать* – *набрасываться* – *нападать* – *орать* – *порочить* (36 единиц).

Глагольные единицы, которые мы отобрали из словарей синонимов русского языка, Л. Г. Бабенко не все относит к ЛСГ глаголов речевого воздействия. Однако на основании данных толковых словарей и контекстов из НКРЯ мы можем утверждать, что сема ‘считая, что какое-л. поведение или свойство лица является плохим, выражать свое недовольство этим лицом’ присутствует в отобранных глаголах, которые могут входить в ЛСГ глаголов речевого воздействия.

Стержневым словом данного синонимического ряда является глагол *ругать*, так как семантически находит отражение в качестве лексико-семантического варианта в каждом члене этого ряда.

Корень стержневого глагола *ругать* не является производящей основой для производства других глаголов рассматриваемого ряда, что обуславливает определенные трудности в обучении функционированию глаголов этого синонимического ряда (разнокорневых по своим словообразовательным и семантическим характеристикам) в практике РКИ.

Все проанализированные синонимичные глаголы обозначают критический процесс. Глагольные единицы делятся на следующие синонимические звенья в соответствии с их семантической направленностью, объединенные своей общей семьей:

- *ругать – бранить – крыть – кричать – орать – лаять – пробирать*: ‘называть/обзывать грубыми, бранными словами, высказывать неодобрительность’;
- *проклинать – чихвостить*: ‘клятвенно ругать кого-л. бранными выражениями, употребляемыми в сильном гневе, возмущении’;
- *бесславить – хаять – хулить – поносить – честить – охаивать – порочить*: ‘оскорбительно ругать’;
- *костить – костерить – собачить – шерстить*: ‘долго и упорно бранить, сильно ругать’;
- *сволочить – обзывать*: ‘называть каким-л. обидным, бранным словом’;
- *прорабатывать – отделявать – утюжить – продергивать*: ‘жестко ругать, резко бранить’;
- *выговаривать – жучить – строжить – песочить – отчитывать*: ‘делать выговор, замечание, внушение кому-л. за что-л., строго наставляя’;
- *разносить – распекать – пушить*: ‘разругать, разбранить, сделать выговор кому-н.’;
- *нападать – набрасываться*: ‘вдруг резко ругать кого-либо’;

Перейдём к синонимическому звену *ругать – бранить – крыть – кричать – орать – лаять – пробирать*.

Проанализируем стержневой глагол *ругать* подробнее.

Согласно данным толковых словарей, глагол *ругать* семантизируется как ‘грубо бранить; называть/обзывать оскорбительными, грубыми, бранными словами; отзываться о ком-, чём-л. неодобрительно; резко критиковать’ [Ушаков 1939, т.3: 1394; МАС 1999, т.3: 736; Кузнецов 1998: 1131; Ожегов, Шведова 2003: 686]. Его стилистические свойства не отмечены в толковых словарях. Только в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечается производные

прилагательное *ругательский* и наречие *ругательски* как имеющие разговорный или просторечный стилистический признак [Ожегов Шведова 2003: 686].

Являясь одной из наиболее часто употребляемых глагольных единиц в данном синонимическом ряду, глагол *ругать* встречается 2809 раз в НКРЯ. Значение ‘грубо бранить; называть/обзывать оскорбительными, грубыми, бранными словами; отзываться о ком-, чём-л. неодобрительно; резко критиковать’ полностью актуализируется в материале. При этом функциональная семантика глагола *ругать* представлена в контекстах по-разному.

- Глагол *ругать* может встречаться в контекстах самобичевания.

НКРЯ представил несколько распространенных сценариев, в которых глагол *ругать* используется в контекстах самобичевания:

1) говорящий действительно совершил какую-то ошибку, и его самобичевание связано с осознанием своей ошибки: «Не глядя на притихшего мальчика, она поспешила уйти, а по дороге домой **ругала** себя за то, что вместо уроков они занимаются посторонними делами» [Михаил Гиголашвили. Чертовое колесо (2007), НКРЯ]; 2) говорящий не совершил ничего плохого, но просто охвачен самобичеванием из-за неспособности противостоять мнению окружающих: «Иногда даже пыталась опровергнуть замечание, но всегда потом себя **ругала**» [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000), НКРЯ]; 3) глагол *ругать* используется в сочетании с отрицательной частицей *не* при обозначении действия, направленного на самого себя: «Завела вчера будильник, чтобы пойти в церковь, а утром не встала. Когда встала, уговорила себя *не ругать* себя очень. Думала-думала, что меня там отпугивает? Люди?» [Татьяна Владимирова. Люпиновое поле (2013), НКРЯ]; 4) глагол может указывать на пессимистическое самовосприятие говорящего: «Потом я напился в одиночестве и стал **ругать** себя, что никакой я на самом деле не дизайнер» [Игорь Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012), НКРЯ]; «Включив свет, ворочался в тесноте, **ругая** себя за то, что никак не может собраться и расправиться с этими ворохами одежды вокруг». [В. М. Шапко. Время стариков (2010), НКРЯ]; 5) глагол *ругать* встречается и в предложениях риторического

плана, когда говорящий сообщает слушателю об обвинении самого себя после необдуманных с его стороны действий: «— Вы думаете, я потом не **ругал** себя?» [Олег Сон. Минуты молчания (2013), НКРЯ].

- Глагол *ругать* встречается в контекстах, в которых критике, злобной брани подвергаются лица, действия, поведение которых не могут не вызывать уважение окружающих; обратная же реакция представляется абсурдной. Ср.: «Наделашин занимал особое место среди своих коллег, офицеров МГБ, начальников надзирательских смен. Его много и часто **ругали**. Его природная доброта долго мешала ему служить в Органах» [Александр Солженицын. В круге первом (1968), НКРЯ]; «Но что-то в нём есть такое, что вынуждает окружающих уважать его, и это уважение мешает им жить так, как они хотят, и они за это его часто **ругают**» [Фазиль Искандер. Дедушка (1966), НКРЯ]. «Говорил, что никогда бы это не сказал отцу, с которым вообще трудно ему разговаривать, ибо отец его только **ругает**...» [Даниил Гранин. Зубр (1987), НКРЯ].

- В отдельных контекстах в большей степени актуализируется значение 'критиковать' при описании ситуаций, в которых глагол *ругать* способствует выражению объективного суждения о ком-, чем-либо, направленного на то, чтобы побудить адресата не повторять ту же ошибку, не нарушать какое-либо правило, ставшее в социуме нравственным законом. Ср.: «В не очень рослой здесь ржи оставался заметный их след, и Костя подумал, что нельзя было мять несжатую рожь. В деревне за это *всегда* **ругали**. Подойдя ближе к берёзкам, Костя увидел и ещё двух военных, спокойно отдыхавших в тени» [Василь Быков. Болото (2001), НКРЯ]; «Один из них **ругал** его между прочим за то, что Пётр искажил и отнял русскую народную одежду, и тем обезличил свой народ перед другими» [Александр Солженицын. В круге первом (1968), НКРЯ]. Как видим, в данных контекстах отсутствует коннотация интенсивности проявления действия 'резко критиковать'.

Отсутствие данной коннотации наблюдается и в контекстах, в которых речь идет о хобби, не воспринимаемом окружающими как серьезное занятие адресата.

Ср.: «Вообще, девчонки меня **ругают** за то, что я музыкой увлекаюсь» [Александр Солженицын. В круге первом (1968), НКРЯ].

В некоторых случаях глагол *ругать* выражает проявление доброты, заботы по отношению к адресату, как, например, «Приходил ПА, **ругал**, что я таблеток не принимаю» [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого: Путешествие в седьмую сторону света (2000), НКРЯ]; «— Сергей, — продолжал мой дядя, — я всегда **ругал** тебя. Я ругал тебя, потому что боялся. Я боялся, что тебя арестуют» [Сергей Довлатов. Наши (1983), НКРЯ]. «А мать и бабушка то жалели тётю Полю, а то **ругали** её: “Сама, дура, виновата, сама распустила!”» [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976), НКРЯ].

По данным нашего материала, глагол *ругать* может реализовывать одну из своих дефиниций — ‘отзываться о ком-, чём-л. неодобрительно’, — не напрямую по отношению к адресату, а за его спиной, возможно, из нежелания создавать конфликты или по причине особенностей характера. Ср.: «Пока доктор был в палате, он сладко ему улыбался, а как тот выходил, начинал **ругать** и его и всю медицину в целом». [С. Г. Боровиков. В русском жанре – 39. Больничное (2009), НКРЯ].

Глагол *ругать* также может употребляться в абсурдно-иронической ситуации, при которой актуализируется значение ‘выражать неодобрение действиям кого-л.’ или даже ‘резко критиковать’ по отношению к адресатам, действующим в соответствии с требованиями, обусловленными их родом деятельности, в частности, преподавательской, предполагающей быть объективным при оценивании знаний учащихся. Ср.: «Девчонки и из школы пришли, ни математики, ни физики не зная (ещё в старших классах до них дошло, что директор на педсовете **ругает** учителей за двойки, и хоть совсем не учись — аттестат тебе выдадут)» [Александр Солженицын. В круге первом (1968), НКРЯ].

Как мы уже говорили, все синонимические единицы в этом разделе обозначают критический процесс. Доминантное слово *ругать* не является исключением. Продолжительность этого процесса часто обозначается с помощью наречий с временной семантикой. *Ругать* употребляется в таких сочетаниях, как

часто ругать, всегда ругать, ругать что хотел: «Ясно было, что он не изменил своей манере: **ругал** что хотел, *вёл себя так, как всегда вёл* — и в Германии, и в лагере, и в уральской ссылке, и здесь, на воле. “Вольность” — это слово, которое подходит ему больше, чем “свобода”» [Даниил Гранин. Зубр (1987), НКРЯ]; «Но что-то в нём есть такое, что вынуждает окружающих уважать его, и это уважение мешает им жить так, как они хотят, и они за это его *часто ругают*» [Фазиль Искандер. Дедушка (1966), НКРЯ].

Более того, обозначая процесс, глагол может сочетаться с фазовыми глаголами: «Клавдия, рассказав, разрыдалась внезапно и **стала ругать** себя, говоря, что она дурной человек, что не смела всего этого говорить Глебову, и просила у него прощения» [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976), НКРЯ]; «Девочка заливается слезами, ревет, глядя на мать бессмысленными и в то же время ждущими возмездия глазами. Тётушка снова **начинает ругать** деда. — Чтоб ты подавился своей черникой, на чёрта она была нужна, — приговаривает она и грозит в сторону сына: — А ты ещё захочешь кушать, а ты ещё вернёшься» [Фазиль Искандер. Дедушка (1966), НКРЯ].

В контекстах, где глагол *ругать* используется в сочетании с его синонимами, усиливается семантика воздействия на адресата, обусловленная эмоциональным выражением говорящего. Ср.: «Володя ее не **стыдил**, не **ругал**, не стеснялся ее агрессивности». [А. Н. Бузулукский. Пальчиков (2014), НКРЯ]; «Когда выдалось несколько совсем голодных дней, пробовала распаривать сохранившиеся на ветках лапника ароматные желтые шишки, но от растительной пищи у сына случился изумрудно-зеленый, липкими комочками, понос, и доктор Лейбе **ругал** ее *на чем свет стоит* (она даже не знала, что он умеет так громко и грозно **кричать**)» [Гузель Яхина. Зулехя открывает глаза (2015), НКРЯ]. Безусловно, усилению проявления семантики воздействия на адресата способствуют и дополнительные лексические средства — обстоятельства, выраженные фразеологизмом (*на чем свет стоит*) в значении ‘очень сильно, не стесняясь в выражениях ругать кого-л. или что-л.’ [Молотков 1994: 407] и наречиями (*громко, грозно*).

Глагол *ругать* является переходным, требующим вин. п. зависимых слов (*ругать кого-, что-л.*).

Глагол *ругать* в данном синонимическом ряду оказался наиболее часто используемым респондентами, что соответствует и его высокой частотности в НКРЯ. 90% респондентов указали, что этот глагол обозначает негативную оценку, 7% посчитали, что в определенных ситуациях этот глагол может обозначать нейтральную оценку, 3% — положительную, и все это отражено в нашем анализе.

Как уже упоминалось выше, не существует толковых словарей, в которых бы прямо отмечались стилистические свойства глагола. Проведенный анализ продемонстрировал стилистическую нейтральность глагола, что нашло отражение и в результатах опроса: 92% респондентов отметили, что глагол является нейтральным, а 8% охарактеризовали его как разговорный.

Респонденты семантизировали глагол *ругать* как ‘бранить, высказывать недовольство, произносить упрек, брань’. В исследованных текстах семантика глагола-доминанты соответствовала значениям, отраженным в толковых словарях, а также значениям, предложенным респондентами. Однако в некоторых контекстах глагол приобретал контекстуально обусловленные оттенки иронии или добродушного упрека как проявления заботы по отношению к адресату.

В целом, функционально-семантическая интерпретация глагола-доминанты *ругать* может быть сформулирована следующим образом: ‘1) говорить в грубой, оскорбительной манере, в основном выражая злобный упрек; 2) неодобрительно отзываться о ком-л. или о чем-л. с намерением заставить изменить свое поведение; 3) выражать добродушную озабоченность в виде упрека; 4) резко критиковать правомерные действия кого-л. вместо того, чтобы похвалить.’

В результате проведенного опроса выяснилось, что семантически наиболее близким к доминирующему слову является глагол *бранить*, возглавляющий синонимический ряд, включающий звенья *бранить – крыть – кричать – орать – лаять – пробирать*.

Перейдём к глаголу *бранить*.

Глагол *бранить* толковые словари русского языка определяют как ‘порицать, выражать своё недовольство бранными словами; осуждать за что-л., ругать’ [Ожегов 2003: 58; Ушаков 1934, т1: 181; МАС 1999, т1: 111; Кузнецов 1998: 94], ‘подвергать осуждающей критике’ [Ожегов 2003: 58], подчеркивая пометой *трад.-нар.* его функционально-стилистическую особенность [Кузнецов 1998: 94].

Глагол *бранить* встречается в НКРЯ 848 примерах. Он используется более чем в три раза реже, чем доминантный глагол *ругать*.

Глагол *бранить*, хотя он также может выражать семантику речевого воздействия на самого себя, отличается от доминирующего слова *ругать* тем, что встречается относительно редко и используется только в тех случаях, когда говорящий действительно сделал что-то плохое и чувствует раскаяние. Ср.: «Извинился, что не сделал этого раньше, **бранил** себя, спрашивал, захочет ли теперь Наташа видеть его» [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980), НКРЯ]; «Она и сама не понимала, что это с ней сделалось, или подобные проверки чувств были не в ее вкусе, и после того как Таня, сбитая с толку необъяснимым таким поведением, растерянно удалилась, Наталья Михайловна *долго бранила* себя и говорила себе, что и вправду, наверное, выжила из ума» [В. Ф. Кормер. Наследство (1987), НКРЯ]. Наречие со значением длительного отрезка времени (например, *долго*) способствует интенсивности проявления действия, заложенного в семантике глагола *бранить*.

Глагол *бранить* в основном используется в контекстах, когда действие, направленное на кого-либо с целью речевого воздействия, сопровождается дополнительными лексическими средствами, передающими эмоциональное состояние говорящего, например, гнева, ярости и т. д. Ср.: «Я *возмущался*, **бранил** его, а курицу съедал» [С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946–1976), НКРЯ]. Или: «Тотчас же бабы, несколькими часами раньше спокойно взиравшие на то, как их перевозчик пил из горла в поселке, залопотали, стали *возмущаться* и **бранить** Верстова, и одна из них ругалась так вдохновенно и страстно, что Анна подумала — это, верно, и есть учительница» [Алексей Варламов. Сплав (1999), НКРЯ], где интенсивность проявления речевого воздействия глагола *бранить* усиливается за

счет параллельного употребления слова-доминанты *ругать*, также сопровождаемого эмоциональными наречиями (*вдохновенно, страстно*).

В некоторых контекстах глагол *бранить* сочетается с глаголами, обозначающими какие-либо карательные действия, физическую расправу. Ср.: «Пульхерия Ивановна обыкновенно **бранила** виновную и *наказывала* строго, чтобы вперед этого не было» [Александр Кабаков. Последний герой (1994–1995), НКРЯ]; «— И, *отшвырнув* обоих к нарам, пнул еще, не больно *пнул*, но *остервенело*, да и **бранил** их много, совсем как-то обидно, ровно мальчишек, и до того увлекся этим развлечением, что вывел из себя Архипа» [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974), НКРЯ], где степень физического воздействия, сопровождающего речевое воздействие на адресата, передается контекстуально обусловленными дополнительными лексическими средствами (*наказывать строго; отшвырнув, пнуть остервенело*).

Сопровождение глагола *бранить* может быть выражено и экспрессивными отрицательно маркированными существительными, как, например, *шваль, холуй* и т. д. Ср.: «Здесь, в Петербурге, поначалу нанимал закут при швальне; хозяин-портной с похмелья **бранил** его *швалью*» [Юрий Давыдов. Дорога на Голодай (1992), НКРЯ]; «Комитетчики всячески его оскорбляли, «*холуем*» **бранили**, что «ряжку в денщиках нажрал», доходило и до затрещин, а потом на митинге проголосовали отобрать от него все обмундирование, сапоги, казенные подштанники, даже портянки, а выдать самую ветошь» [А. В. Туркул, И. С. Лукаш. Дроздовцы в огне (1937–1948), НКРЯ].

Легко заметить, что контекст, в котором глагол *бранить* используется наряду с его синонимами (прием нанизывания синонимов в контексте), усиливает интенсивность воздействия бранью. Ср.: «Как ни донимал, как ни **бранил**, ни **поносил** Мылгун Шамана ветров, тот остался ко всему этому глух и безучастен» [Чингиз Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря (1977), НКРЯ].

Как и доминантное слово *ругать*, глагол *бранить* часто используется в предложениях, построенных на антитезе. Контраст же достигается либо за счет антонимичных ему глаголов *хвалить, льстить*, либо за счет существительных

похвала, лесть. Ср.: «Не знаю, что писали о спектаклях в богородицкой газете «Красный голос», но все наши знакомые (а таких у нас обзавелось в городе много) при встрече непременно обменивались впечатлениями об игре артистов: одних **бранили**, других *хвалили*» [С. М. Голицын. Записки уцелевшего (1980–1989), НКРЯ]; «Бранить ее никогда, ни разу в жизни не **бранили**, а *похвал* и *лести* она как бы и не слышала, настолько она к ним привыкла» [Симон Соловейчик. Ватага «Семь ветров» (1979), НКРЯ].

В контекстах, где глагол *бранить* используется в сочетании с отрицательной частицей *не*, в полной мере актуализируется смысл, противоположный семантике глагола *бранить*, а именно: ожидание от говорящего одобрения, поддержки. Ср.: «Да, у меня были и будут упадки настроения, и *не брани* меня за них». [В. А. Каверин. Перед зеркалом (1965–1970), НКРЯ]. Или: «Удивительная: ничего у него не просила, ни за что *не бранила*, денег не брала». [Ю. В. Трифонов. Долгое прощание (1971), НКРЯ], где семантика глагола *бранить* с отрицательной частицей *не* нивелируется за счет ряда однородных членов предложения (сказуемых *не просила, не брала, не бранила*).

Глагол *бранить*, по данным нашего материала, может использоваться и в контекстах, описывающих взаимоотношения родных людей, как, например, отношения между бабушками, мамами и детьми: «*Бабушка* Оля осторожно взяла из рук невестки пальто, унесла в другую комнату, вернулась и вдруг стала **бранить внуков**: нехорошие мальчики, сидят слушают всякие глупости, вместо того чтобы взять красный карандаш, немного порисовать, почитать букварь, в этом году уже в школу, и доставить своей маме, своему папе удовольствие и радость, как все другие дети» [Аркадий Львов. Двор (1981), НКРЯ]; «*Няня, мама* и весь дом извлекали *меня* из керосинового озера, ощупывали, оглаживали, раздевали, мыли в умывальной, утешали и **бранили** одновременно» [Т. А. Луговская. Я помню (1970–1985), НКРЯ], где глагол *бранить* в большей степени выступает показателем любви, заботы, беспокойства старших о младших.

Управление глагола *бранить*: *бранить* кого-, что-л. за что-л. или *бранить* кого-, что-л. чем-л.

Информанты определили глагол *бранить* следующим образом: ‘ругать; порицать кого-л., осуждать кого-л., что-л.’. 98% респондентов посчитали, что глагол выражает негативную экспрессивную оценку. 85% респондентов отметили стилистический признак глагола как разговорный. В большинстве случаев функциональная семантика глагола *бранить* согласуется с данными, предоставленными словарями и интервьюируемыми. Однако в некоторых контекстах глагол *бранить* может указывать на благожелательные намерения говорящего.

Таким образом, функциональная семантика глагола *бранить* может быть обобщена следующим образом: ‘1) глагол *бранить*, когда он используется в контексте самообвинения, встречается только в ситуациях, когда говорящий действительно совершил какой-либо неблагоприятный поступок и раскаивается; 2) глагол *бранить*, обозначая оскорбление, может сопровождаться дополнительными лексическими средствами, передающими эмоциональное состояние говорящего, в том числе и экспрессивными номинативами с отрицательной оценкой, а также глаголами, обозначающими физическое воздействие; 3) глагол сопровождается отрицательно маркированными существительными; 4) глагол *бранить* в предложениях, построенных на антитезе или на приеме нанизывания синонимов, способствует выражению более интенсивного воздействия бранью в рамках контекста; 5) благодаря глаголу *бранить* в сочетании с отрицательной частицей *не* достигается эффект актуализации смысла, противоположного семантике глагола *бранить*, а именно: ожидание от говорящего одобрения, поддержки; 6) в контекстах, описывающих взаимоотношения родных людей, глагол *бранить* становится выразителем любви, заботы, беспокойства старших о младших.

Респонденты отметили, что глаголом, наиболее близким по семантике к глаголу *бранить*, может быть глагол *крыть*.

Глагол *крыть* относится, по типологии Л. Г. Бабенко, к группе глаголов покрытия объекта (подгруппе глаголов собственно покрытия объекта) [Бабенко 1999: 160]. Однако одним из своих лексико-семантических вариантов данный

глагол входит в синонимический ряд глаголов речевого воздействия с доминантой *ругать*, что находит отражение в лексикографических справочниках: ‘ругать, бранить; резко раскритиковать, разбранить при обсуждении, обругать’ [Ушаков 1934, т.1: 1535; Кузнецов 1998: 476; МАС 1999, т.2: 141; Ожегов 2003: 311;]. Данный глагол имеет стилистическую маркированность, также отмеченную лексикографами: *прост.*, [МАС 1999, т.2: 141; Ушаков 1934, т.1: 1535; Ожегов 2003: 311], *вульг.* [Ушаков 1934, т.1: 1535] и *разг.-сниж.* [Кузнецов 1998: 476].

Хотя глагол *крыть* встречается в исследуемом материале 2972 раза, актуализация значение ‘грубо бранить’ наблюдается только в 41 контексте, что составляет около 1,38% от общего количества. Данный факт свидетельствует о том, что хотя семантически глагол *крыть* очень близок глаголу *бранить*, лексико-семантический вариант рассматриваемого многозначного глагола не является активным с точки зрения функционирования его в речи.

Глагол *крыть* может использоваться в конструкциях *крыть кого-л. чем-л.* Чаще всего он используется в сочетании с существительными *мат* и *последнее слово*. Ср.: «Как она потом в туалете **крыла матом** медсестру, слышали все» [Маша Трауб. Ласточ...ка (2012), НКРЯ]; «Пьяненький мужичонка, подпиривший автобусный столб, **крыл водителей последними словами**: “Черти!”» [Елена Чижова. Лавра (2002), НКРЯ]; «Под ребенком я имею в виду Василия Александровича Попугасова, *которого* я, ради красного словца, **крыл** и «дураком», и «спившимся», и «бродягой» [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997), НКРЯ]; «Моська **крыл моих товарищей визгливой руганью** молодого евнуха» [Виктор Конецкий. Начало конца комедии (1978), НКРЯ].

Глагол может также использоваться в управлении *крыть кого-л. за что-л.* Ср.: «И эта приемка иной раз сопровождалась комичными сценами, когда он, то остроумно издеваясь, то язвя, то обдавая холодным презрением, жестоко **крыл рекогносцировщиков** за те или иные просчеты». [С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946–1976), НКРЯ].

В целях усиления эмоционального накала глагол *крыть* используется в сочетании с его синонимами (*ругать, орать, проклинать* и др.): «То принимался **крыть** и *ругать* изменницу, то отвлекался на что-то, чего раньше не замечал: взгляды влюбленной пары... тайные касания их рук... следы нищего... усталость в глазах стариков... отчаяние воробьев, бьющихся за крошку...» [Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (2009), НКРЯ]; «Он *бесится*, а драться-то уже бздит, матюгами только меня и **кроет**» [Михаил Елизаров. Pasternak (2003), НКРЯ]; «Временами на нее теперь *орали, крыли* матом, требовали, чтобы она призналась, что за Костей ее не ухаживать наняли, а с помощью катакомбной церкви вывезти его из России» [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002), НКРЯ]; «Уже *проклинают* и *отрекаются*, матом **кроют** высокородные имена, как **крыли** в 1905–1907 годах некоторые пьяные казаки, за что Бабыч гнал их в Сибирь на поселение или наказывал крепостью» [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж (1983), НКРЯ].

В контекстах, указывающих на непрерывность и концентрацию воздействия, глагол часто используется в сочетании с наречиями, например, *с утра до вечера, опять* и т. д. Ср.: «Во дворе по выходным дням мужики *с утра до вечера* **кроют** матом, стучат в домино и играют в карты на бутылку водки [Светлана Алексиевич. Время second-hand (2013), НКРЯ]; «2 марта 1994 года. Белохлебов *опять* **крыл** Сажечку. — Куда ты дел проводки?!» [Алексей Шепелев. Кгышфт Вшытундф-ТВ (2011), НКРЯ]; «Остальные и того чище — **крыли по-матерному** Колиных людей и их предков Бог знает до какого колена, вдобавок глумясь, что тут, на Ходынке, их собралось так мало» [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002), НКРЯ].

Примечательно, что глагол *крыть* достаточно часто используется в контекстах, изображающих военно-политическую деятельность. Ср.: «Проволочка с ответом бесила Гусю и она *матом* **крыла** и министра, и всю нашу советскую оборону» [Таня Марчант. Квартиранты (2003), НКРЯ]; «Он выстроил полк на плацу и перед строем тех сержантов, перед застывшими по стойке смирно рядовыми **крыл** в голос запрещенными словами какого-то несчастного майора —

крыл матом с шуточкой и все косился и подмигивал: мол, хочешь, внук, быть генералом?» [Андрей Дмитриев. Призрак театра (2003), НКРЯ].

Управление глагола: *крыть* кого-, что-л., чем-л., за что-л.

96% респондентов сообщили об использовании глагола *крыть* в своей речи, что согласуется с высоким уровнем употребления этого глагола в НКРЯ. Однако только 61% респондентов считают, что глагол *крыть* можно считать синонимом основного слова *ругать*. Респонденты отметили стилистические признаки глагола *крыть* как ‘разговорный’, ‘просторечный’, ‘сниженное’ и ‘иронический’. 72% респондентов считают, что глагол имеет негативную коннотацию, в то время как 28% считают его нейтральным. Глагол был определен как ‘грубо ругать кого-либо, бранить кого-либо любым способом’. Учитывая высокую частотность глагола *крыть* в текстовом анализе, мы считаем, что семантический элемент ‘ругать, бранить’, хотя и не используется активно как один из лексико-семантических вариантов глагола, должен быть принят во внимание, особенно это необходимо для иностранных учащихся, которые привыкли ориентироваться только на основное семантическое значение глагола.

Таким образом, дефиниция, которая делает глагол *крыть* членом данного синонимического ряда, не является первоочередной в лексическом значении. В контекстах этот глагол функционирует преимущественно в значении воздействия на адресата в грубой форме с привлечением нецензурной лексики. Особенно это необходимо знать иностранным учащимся. Отсюда и наиболее распространенная сочетаемость глагола — *крыть кого-л. чем-л. (матом, матюгами, по-матерному)*, а наиболее актуальная сфера его функционирования — военная или политическая.

Анкетирование показало, что глагол *кричать* семантически наиболее близок к глаголу *крыть*.

Глагол *кричать* классифицируется Л. Г. Бабенко как глагол звучания [Бабенко 1999: 448], но контексты из НКРЯ свидетельствуют, что глагол *кричать* проявляет себя в том числе и как глагол речевого воздействия.

Глагол *кричать*, являясь многозначным словом, одним из своих лексико-семантических вариантов входит в анализируемый синонимический ряд со значением ‘громко, резко говорить, браня, выговаривая и т. п.; орать; бранить кого-нибудь, говорить кому-нибудь с раздражением, в повышенном тоне’ [Ожегов 2003: 307; Ушаков 1934, т.1: 1519; МАС 1999, т.2: 131; Кузнецов 1998: 471].

В рассматриваемом лексико-семантическом варианте глагол *кричать* представлен в конструкции с винительным падежом *кричать на кого-л.* Ср.: «Владик часто-часто мигал, уткнувшись в колени бабушки. А та **кричала** на Зину: — *Сука неблагодарная!*» [И. Грекова. Перелом (1987), НКРЯ], где глагол сопровождается прямой речью с нецензурной инверсионной номинацией, усиливающей эмоциональный регистр воздействия на адресата.

Значение глагола *кричать* ‘громко ругать кого-л.’ по функциональной семантике приближает его к глаголу *орать*. В сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным глагол *кричать* функционирует как глагол речевого воздействия, поскольку сопровождается лексемой с ярко выраженной негативной оценкой (*дура*) и глаголом физического воздействия (*пороть*): «Она **кричит**, что я *дура*, что меня надо было в детстве *пороть*, что Серёжке нужно совсем другое питание и что я никакая не мать» [Андрей Геласимов. Жанна (2001), НКРЯ].

Иногда основное значение глагола ‘издавать крик’ неотделимо от семантического варианта ‘бранить кого-нибудь с раздражением, в повышенном тоне’, это значит глагол приобретает двойное значение. Ср.: «— Кобытин уже **кричал**, но вдруг опомнился, подошёл к сестре ближе: — Все меня точат, и все меня *ругают*» [Борис Екимов. Пиночет (1999), НКРЯ], где глагол *кричать* выступает как эмоциональное обвинение участников конфликта в действии, направленном на него самого и выраженным глаголом *ругать*. Или еще: «— А ты, черномазый, — **кричала** Зина уже на Ростислава Романовича, — ты *самый большой гад, до смерти ненавижу!*» [И. Грекова. Перелом (1987), НКРЯ], где глагол *кричать* в большей степени эксплицирует значение речевого воздействия

‘бранить кого-л.’ за счет глагольного управления, выраженного винительным падежом с предлогом *на* (*кричат на кого-л.*), лексемы с негативной оценкой, поддержанной формой превосходной степени прилагательного (*самый большой гад*), а также за счет конструкции интенсивного проявления негативных эмоций по отношению к кому-, чему-л. (*до смерти ненавижу*).

Глагол может также выражать значение ‘обвинение, негодование’, когда используется в конструкции *кричат что-л.* Ср.: «Но она не могла перестать — и долго ещё **кричала что-то глупое, несправедливое**, с ужасом понимая, что — глупа и несправедлива и что этим мужа от себя только оттолкнёт» [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995), НКРЯ].

Крики говорящего на слушателя могут быть выплеском давно подавленной обиды. Эффект от такого крика в большей степени шокирующий, призванный заставить адресата осознать и исправить свою ошибку. Для достижения такого эффекта привлекаются дополнительные лексические средства, такие, как наречия *громко* и *вдруг*, словосочетание *хриплый лай* и слово *напряжение*, выражающее эмоциональное состояние говорящего; предикат «Хватит!», выражающий в прямой речи требование прекратить какое-л. действие. Ср.: «Она подошла вплотную и *вдруг* закричала *громко*, как не кричала никогда, срываясь на какой-то *хриплый лай* и почти теряя голос от *напряжения*: “Хватит!”» [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994), НКРЯ].

В контекстах, в которых глагол *кричат* используется в сочетании с синонимами, усиливается значение глагола речевого воздействия ‘громко ругать’. Ср.: «Но тут выходила на крылечко Юрина мама и по-гречески звала его ужинать, а он всё не шёл, и так много раз, и тогда она начинала **ругаться и кричать**, чтобы он кончал “ляй-ляй-конференцию”». [Фазиль Искандер. Мой кумир (1965–1990), НКРЯ]; «**Кричать**, гневно **поносить** евреев, не стесняясь в выражениях...» [Даниил Гранин. Зубр (1987), НКРЯ].

При использовании глагола *кричат* в семантике проявляется следующее управление: *кричат на кого-л.*, *кричат кому-л.*, *кричат что-л.*

Все респонденты указали, что глагол *кричать* активно используется в их речи. Стилистические свойства глагола были отмечены как ‘разговорный’ и ‘нейтральный’. 62 % респондентов указали, что глагол имеет нейтральную экспрессивную оценку, 29% отметили, что глагол может обозначать отрицательную экспрессивную оценку, а 9 % — положительную экспрессивную оценку. В тексте основное внимание уделяется анализу глагола *кричать* в семантике ‘ругать’. Респонденты считают, что глагол *кричать*, когда он используется в качестве синонима доминантного слова *ругать*, может быть интерпретирован как ‘громко ругать кого-л., сердито ругать кого-л., возбужденно ругать кого-л., громко выражать недовольство’.

В целом, семантические различия в глаголе *кричать* в контекстах реализации значения ‘ругать кого-либо’ можно суммировать следующим образом: 1) используется в сочетании со словами, выражающими негативную оценку, для выражения злобного оскорбления; 2) используется с дополнительными лексическими средствами с целью заставить адресата осознать и исправить свою ошибку; 3) актуализирует дефиницию ‘ругать кого-л. с громким криком’; 4) используется в сочетании с синонимами, что позволяет усилить семантический потенциал глагола как глагола речевого воздействия.

Перейдем к анализу глагола *орать*.

Глагол *орать* может быть включен в этот синонимический ряд при выражении семантики ‘кричать на кого-нибудь, бранясь, раздраженно выговаривать кому-нибудь; громко, переходя на крик, бранить кого-л.; громко кричать, ругать’ [Ушаков 1938, т.2: 843; МАС 1999, т.2: 636; Кузнецов 1998: 723; Ожегов 2003: 458]. Стилистические особенности глагола обозначены как *разг.* [Ушаков 1938, т.2: 843; МАС 1999, т.2: 636; Ожегов 2003: 458] и *неодобр.* [Ожегов 2003: 458].

Глагол *орать* с актуализацией вышеобозначенной семантики может встречаться в прямой речи. Ср.: «— Ну и чё она-то, чё? — **Орала.** — Благим матом?» [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000), НКРЯ]; «— Ты что, чокнулся? — **орёт** Игорь. — Зачем сюда пришёл?» [Василий Аксенов. Звездный

билет (1961), НКРЯ]. В таких контекстах глагол сопровождается разговорно-/просторечно-окрашенными лексемами (*ну, чё, благим матом, чокнуться*), поддерживающими его разг./прост. характер.

В контекстах с прямой речью глагол *орать* может использоваться и в речи автора, передавая эмоции, внутреннее состояние говорящего, как, например: «— Не мешай работать! — **ору** я. — *Что это за манера входить без стука?*» [Василий Аксенов. Звездный билет (1961), НКРЯ], где прямая речь является не только выразителем упрека в адрес слушателя, но и средством выражения команды, направленной на то, чтобы побудить слушателя прекратить те или иные действия.

В прямой речи глагол *орать* сопровождается номинациями в функции обращения, нагруженными не только эмоционально-оценочно, но и стилистически. Ср.: «— Капиталистам служишь, *гад!* — **орал** ему Михал Иваныч» [Сергей Довлатов. Заповедник (1983), НКРЯ]; «А Зубр **орёт** на них: “*Дурни* вы, на кой чёрт вам эти приборы!”» [Даниил Гранин. Зубр (1987), НКРЯ].

Собранный материал свидетельствует о том, что глагол *орать* способствует выражению более высокой степени брани, чем глагол *кричать*. То есть действие глагола *орать*, сопровождаемое не только описанием крайне эмоционального состояния говорящего (*приходить в ярость, орать в беспамятстве, по-восточному ревут*), но и физически проявляющимися действиями, передающими накал страстей (*рвут лицо ногтями, резанул смертника по глазам, таскала за волосья, топала*). Ср.: «А он приходил в ярость. Орал: “Кто ханжа? Моя мать ханжа?”» [Юрий Трифонов. Обмен (1969), НКРЯ]; «Да чёрт вас дери совсем! — **орал** я в беспамятстве. — Ты можешь понять, в каком я сейчас положении?» [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970), НКРЯ]. «Женщины по-восточному *ревут, рвут лицо ногтями*, Солдаты **орут** на осуждённых. Кто-то из приколачивающих *резанул смертника по глазам* — держи руки прямее» [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978), НКРЯ]; «Она и *за волосья* непутёвую соседку Виталию *таскала*, и зелье отбирала, и *топала*, и **орала**» [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000), НКРЯ].

Для усиления семантической плотности глагола *орать* как глагола речевого воздействия используется прием, при котором рассматриваемый глагол сочетается с близкими по семантике глаголами, способствующими внести тонкие смысловые и стилистические оттенки в оформление высказывания. Ср.: «Следователь ведь может только **орать** и **материться**» [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978), НКРЯ].

Способы выражения управления глагола *орать* в рассматриваемом лексико-семантическом его варианте следующие: *орать* на кого-л. или *орать* кому-л. или *орать* + прямая речь.

Большинство респондентов (90%) указали, что используют глагол *орать* в своей речи. Стилистическая отнесенность глагола была отмечена как ‘разговорный’ и ‘неприличный’. Почти все респонденты (96%) считают, что глагол *орать* имеет негативный экспрессивный оттенок. Значение глагола *орать* респонденты объяснили глаголом *кричать* — ‘громко кричать, эмоционально выражать свое недовольство, даже выходить из себя’.

В целом, контекстуальные различия в смысловом наполнении глагола *орать* в реализации семантики ‘ругань’ можно описать следующим образом: 1) он часто встречается в риторических вопросах и восклицаниях, за которыми следует прямая речь с ярко выраженной разговорной или просторечной окраской; 2) в контекстах с прямой речью глагол *орать* может использоваться и в речи автора, передавая эмоции, внутреннее состояние говорящего; 3) глагол *орать* способствует выражению более высокой степени брани, чем глагол *кричать*; 4) использование глагола в сочетании с синонимичными лексемами способствует усилению значения ‘ругать’ в данном лексико-семантическом варианте глагола.

Перейдём к глаголу *лаять*.

Глагол *лаять* считается глаголом звучания [Бабенко 1999: 448–449]. В данном исследовании мы считаем, что его можно рассматривать как глагол речевого воздействия. Он включен в этот синонимический ряд благодаря значению ‘бранить, ругать’ [Ушаков 1938, т.2: 30; МАС 1999, т.2: 166; Кузнецов 1998: 488; Ожегов 2003: 320]. Стилистические пометы глагола обозначены как

‘прост.’ [Ушаков 1938, т.2: 30; Ожегов 2003: 320; МАС 1999, т.2: 166], ‘вульг.’ [Ушаков 1938, т.2: 30] и ‘устар.’ [МАС 1999, т.2: 166].

Глагол *лаять* встречается, по данным НКРЯ, 2983 раза, но количество примеров, в которых актуализируется значение ‘бранить, ругать’, очень мало. Ср.: «За месяц Германия приобрела единственный в мире институт с таким штатом сотрудников, что этим шавкам и думать нечего о том, чтобы начать *лаять на нас* за поверженную науку» [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958), НКРЯ]; «На Ташкент, к свиньям собачьим вашу *мать!* — *лает* в ответ начальник. Игнатов перегибается через конторку и втыкает папку, как шпагу, прямо в зеленый мундир.» [Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза (2015), НКРЯ]; «Что-то нехорошее, видать. Злой генерал, *лает* своих. Ох и злой, — шептал Антон Борисович, наставив ухо к раскрытому окну избы» [Елена Родченкова. Ночные фиалки (2015), НКРЯ].

Как видим, глагол в рассматриваемых контекстах отражает интенсивность, грубость воздействия на адресата, всегда в оскорбительной форме, напоминает собачий лай. При этом, такого рода воздействие позволяет себе вышестоящий по отношению к нижестоящим, подчиненным.

В лексикографических справочниках не отмечено управление глагола. На основании данных нашего материала глагол *лаять* со значением ‘бранить, ругать’ может быть зафиксирован как *лаять* на кого-л., что, на наш взгляд, обуславливается аналогией с глаголами того же синонимического ряда (*кричать, орать* на кого-л.).

Выводы текстового анализа отражены в результатах анкетирования. Большинство респондентов отметили, что глагол *лаять* используется в их речи, но он не часто используется как синоним доминирующего слова *ругать*. Стилистические особенности глагола *лаять* были отмечены как ‘вульгарный’, ‘просторечный’ и ‘неодобренный’. 89% респондентов считают, что глагол *лаять* имеет отрицательную экспрессивную оценку, остальные считают, что глагол может выражать нейтральную экспрессивную оценку. Глагол *лаять* был определен как ‘очень громко кричать, грубо ругать кого-л., как лающую собаку’.

Перейдём к глаголу *пробирать*.

Глагол не включен в словарь Л. Г. Бабенко. Согласно данным толковых словарей, семантика глагола *пробрать* ‘делать строгий выговор/внушение кому-л.; бранить’ [Ушаков 1939, т.3: 889; МАС 1999, т.3: 463; Кузнецов 1998: 998; Ожегов 2003: 604], что является причиной рассмотрения его как члена этого синонимического ряда в глаголах речевого воздействия. Все словари отмечают стилистическую особенность глагола *пробирать* пометой ‘разг.’ [там же].

Глагол *пробирать* встречается НКРЯ 157 раз. Однако значение ‘сделать строгий выговор, выбрать’ глагола актуализируется только в 8 контекстах. Ср.: «Время от времени Яхонтов слышит, как он **пробирает** в середине роты задремавшего *солдатика*: — Заснул? Деревню бачил во сне? Может, подушку тебе принести?» [А. И. Куприн. Поход (1901), НКРЯ]; «Когда уехали исправник и становой, на нее набросились мужики и староста и *на чем свет стоит* стали **пробирать** ее за то, что она приютила у себя дедушку Илью.» [С. Т. Семенов. Дедушка Илья (1902), НКРЯ]; «Всего несколько дней назад Ганьшин *язвительно* **пробирал** друга, впавшего в тоску, говорил: «Перестань ныть», а теперь...» [А. А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова) (1940–1956), НКРЯ]; «Маша сказала: — Ганьшин, довольно его **пробирать**... Давайте лучше чем-нибудь его развеселим» [А. А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова) (1940–1956), НКРЯ].

Семантика же ‘делать строгий выговор/внушение кому-л.; выбрать’ контекстуально поддерживается дополнительными лексическими средствами (*пробирать на чем свет стоит, язвительно*, а также саркастическими вопросами типа *может, тебе подушку принести?*).

Управление глагола: *пробирать* кого-л. за что-л.

Большинство респондентов (92%) отмечают, что глагол *пробирать* практически не используется в их речи. 8% респондентов считают, что глагол *пробирать* может использоваться как синоним основного слова *ругать*, но в более устаревшем употреблении. Все респонденты считают, что этот глагол обладает отрицательной оценкой. Это подтвердил и текстовый анализ. Поэтому

мы решили включить этот глагол в самый край исследуемого синонимического ряда.

ВЫВОДЫ

Во Второй главе диссертации представлен расширенный список глаголов речевого воздействия, предложена новая классификация данных глаголов и новая схема синонимических рядов внутри анализируемых глаголов. Мы выбрали в качестве объекта исследования синонимические ряды, в которых доминирующими единицами являются глаголы *хвалить* и *ругать*.

Из списка глаголов РВ Л. Г. Бабенко три глагола вошли в созданный нами СР с доминантой *хвалить*, 9 глаголов — в созданный нами СР с доминантой *ругать*. В данном же исследовании они расширяются до синонимических рядов, членами которых являются 23 (СР *хвалить*) и 36 (СР *ругать*) глагольных единиц. Оба синонимических ряда, исследуемых в данной работе, являются многочленными. Для многочленных синонимических рядов выделяются доминантные глаголы *хвалить* и *ругать*, а также семантически более тесные синонимические звенья между глагольными единицами с использованием семантической направленности членов в качестве точки сочленения.

Доминантные глаголы синонимических рядов *хвалить* и *ругать* обнаруживают большое количество семантических нюансов, которые реализуются в конкретных контекстах и присутствуют в русском языковом сознании, о чем свидетельствует контекстуальный анализ употребления этих глаголов в разных типах дискурса и опросы носителей русского языка.

Члены исследуемых синонимических рядов разграничиваются на зону ядра, зону ближней периферии и зону дальней периферии. Глагольные единицы в ядре — это высокочастотные слова, обозначающие ядерную семантику, в зоне ближней периферии — глаголы уступают по частоте употребления высокочастотным словам, но также используются в определенных контекстах, а

глагольные единицы в зоне дальней периферии не являются объектом обучения лексике и существуют только как пассивный лексический запас, что важно учитывать при обучении русскому языку как иностранному. При разграничении синонимов учитываются не только их семантические различия, включая имплицитную семантику, но и различия в стилистических пометах, так как семантика и стилистическая отнесенность являются факторами, лежащими в основе разграничения синонимов. Кроме того, важным показателем разграничения является и меняющаяся тенденция использования глагола в современном русском словоупотреблении, его необходимость или ненужность в сознании носителей языка. Устаревшие глаголы, которые уже не используются носителями языка, отсеиваются, что особенно важно для иностранных учащихся.

Так, в синонимическом ряду с доминантой *хвалят* можно выделить 6 синонимических звеньев. Семантика глагольной единицы в каждом синонимическом звене схожее, чем семантика глагольной единицы в других звеньях. С учетом всех контекстуальных филиаций, встреченных в примерах, в отличие от других членов, глагол *одобрять* выражает семантику ‘соглашаться, принимать’, а также используется для выражения компромиссного одобрения. Глагол *расхваливать* выражает преувеличенную похвалу и в основном используется в ситуациях, связанных с коммерцией. Глагол *нахваливать* чаще всего используется в ситуациях, когда объектом похвалы является женщина, особенно для похвалы приготовленной ей еды. Глагол *превозносить* ограничен в объекте похвалы, обычно это лидеры, поэты, ученые и т. д. В глаголе *восхвалять* подчеркивается вежливый комплимент или хвастовство перед слушателем. Объектом похвалы для глагола *славословить* обычно является Бог, короли, цари и т. д., но в текстах XXI века объектом похвалы могут быть и обычные люди. Глагол *захваливать* имеет имплицитное значение ‘быть особенно внимательным к кому-либо’ и обычно используется в уничижительном смысле. Глагол *льстить* имеет имплицитное значение ‘льстить кому-то под давлением общества, не обязательно из корыстных побуждений, но, возможно, просто по социальной привычке’. Похвала, выраженная глаголом *славить*, носит ярко выраженный

субъективный характер, а также имеет десинонимизированную дефиницию ‘говорить плохо о ком-л.’. Глагол **прославлять** может использоваться в ситуациях с тостами и в саркастических контекстах. Глагол **возвеличивать** имеет имплицитное значение ‘прославлять себя и возвышать других’. Глагол **воспевать** может обозначать ‘воспевание кого-либо в песнях или стихах или притворное воспевание кого-л.’. Глаголы **выхвалять** и **выхвалять** подчеркивают значение ‘хвалить кого-либо, рекомендовать кого-либо с целью заставить его работать’ и практически не употребляются в современном русском языке. Глагол **рекламировать** подчеркивает идею продвижения чьих-либо заслуг перед широкой общественностью. Глагол **рекомендовать** подчеркивает авторитет, благодаря которому признается определенное положительное качество человека. Семантическая направленность глагола **идеализировать** — приписывать кому-либо достоинства, которые ему не свойственны, или превозносить определенный недостаток кого-либо. Глагол **честновать** выражает кому-то признательность и почет из уважения. Глагол **честить** подчеркивает чрезмерное почтение к кому-либо, употребляется в ироническом смысле. Глагол **величать** фокусируется на значении ‘дать кому-л. уважительный, комплиментарный титул’. Глагол **возвышать** имеет имплицитное значение ‘намеренно превозносить или подчеркивать чьи-либо заслуги или способности’. Глагол **возносить** ориентирован на семантику ‘хвалить кого-либо’, часто с помощью конструкций *возносить хвалу кому-л.* или *возносить до небес.*

Глаголы данной ЛСГ имеют разные типы управления. Большинство из них — переходные глаголы, которые сочетаются с именами в форме винительного падежа без предлога. Глаголы *льстить*, *славословить*, *захваливать*, *возвеличивать*, *рекламировать* (последние четыре глагола переходные) также могут употребляться без дополнения. А глаголы *славить*, *прославлять*, *честновать*, *честить*, *величать* ещё могут употребляться с творительным падежом (кем-, чем-л.); окказиональное управление в кого-л.: *возвеличивать*; придаточное изъяснительное предложение: *славить*, *прославлять*, *рекомендовать*; кому-л.: *рекомендовать*; как (при вопросе): *величать*.

С точки зрения стилистической отнесенности, контекстуальный анализ показывает, что глагольные единицы синонимического ряда с доминантой *хвалить* классифицируются как **нейтральные** (*хвалить, расхваливать, льстить*), **книж. ритор.** (*превозносить*), **разговорные** (*нахваливать, захваливать, выхвалять, выхваливать, рекламировать*), **книж.** (*восхвалять, славословить, льстить, славить, прославлять, возвеличивать, воспевать, рекомендовать, идеализировать, чествовать, величать, возвышать, возносить*), **офиц.** (*одобрять, рекомендовать*), **прост.** (*величать*), **неодобрит.** (*выхвалять, выхваливать*), **устар.** (*восхвалять, возвеличивать, чествовать, честить, величать, возвышать, возносить*), **высок.** (*славить, возвеличивать, воспевать, чествовать, честить, возносить*), **поэтический** (*воспевать, величать*), **церк.** (*славословить, величать*), **обл.** (*величать*), **ирон.** (*славословить*) и **трад. нар.** (*величать*).

Члены синонимического ряда с доминантой *ругать* делятся на 9 синонимических звеньев. Глагол *бранить* очень близок к стержневому слову *ругать*. От других слов его отличает акцент на порицание кого-либо с помощью эксплицитного бранного выражения. По стилистике он может иметь традиционный и народный характер. Глагол *крыть* был включен в объект исследования из-за его маргинальной семантики ‘ругать’. Он часто сопровождается бранной лексикой, чаще всего в военных и политических ситуациях. Глаголы *кричать, лаять* и *орать* часто сопровождаются голосовыми описаниями (высокие голоса), сильными эмоциями или телодвижениями. От *кричать* к *орать* эмоции усиливаются постепенно. Глагол *лаять*, обозначающий упрек, напоминает слушателю лай собаки. Глагол *пробирать* подчеркивает суровость упрека, имеет сильный разговорный тон и устаревший характер.

Глагол *проклинать* подчеркивает, что ругань выражается в форме проклятий. Глагол *чихвостить* используется очень редко и акцентирует внимание на значение ‘устроить нагоняй’.

Глаголы *бесславить, хаять, хулить, поносить, честить, охаивать* и *порочить* могут обозначать оскорбительные порицания. Глагол *бесславить*

подчеркивает, что оскорбляют человека таким образом, что лишают его хорошей репутации. Глагол *хаять* подчеркивает оскорбление кого-либо вульгарным способом, чтобы выразить крайнее недовольство говорящего. Глагол *хулить* подчеркивает презрение и неуважение к слушателю. Глагол *поносить* имеет тенденцию ругать за определенный тип поведения, больше для того, чтобы выплеснуть недовольство на слушателя. Глагол *честить* подчеркивает использование какого-л. обидного, оскорбительного эпитета, чтобы обругать кого-л. Глагол *охаивать* имеет тенденцию выражать необоснованную клевету слушателю и используется очень редко. Глагол *порочить* направлен на то, чтобы отругать кого-л., раскрыв его проступок, и это часто вызывает яростное опровержение со стороны слушателя.

Глагол *костить* призван подчеркнуть длительность и твердость действия ‘ругани’. Глагол *костерить*, как правило, актуализирует нападение на человека, какое-либо положение или действие, и обычно используется в контекстах, описывающих политическую деятельность. Глагол *собачить* отличается от других членов тем, что обычно используется в контекстах, где два участника разговора, будучи виноватыми, обвиняют друг друга и перекладывают вину друг на друга. Глагол *шерстить* выражает ругань кого-л. в мельчайших деталях.

Глагол *сволочить* подчеркивает нападение на кого-л. с ненавистью, гневом, и нет никакой вероятности, чтобы такое нападение было смягчено. Глагол *обзывать* подчеркивает использование какого-либо уничижительного эпитета для наказания кого-либо, которое обычно является косвенным и содержит иронический подтекст.

Семантика глагола *прорабатывать* — недоброжелательность, намеренная попытка найти недостатки и ошибки в слушателе, чтобы отругать его. Семантическая направленность глагола *отдельвать* — наказывать кого-л. дразняще, тонко. Глагол *утюжить* подчеркивает ругань, которая является абсолютно деспотичной и которой слушатель не может сопротивляться. Глагол *продергивать* подчеркивает негативный, язвительный комментарий о ком-л. или чем-л., обычно в газете, журнале или стенгазете. Глагол *пробирать* почти

никогда не используется в лексико-семантическом варианте ‘ругать’ в речи носителей русского языка. Он имеет более широкое значение, чем основное слово *ругать*, и ориентирован на значение ‘сделать кому-л. увещевание’.

Глагол *выговаривать* обычно используется в повседневных ситуациях, его семантика сосредоточена на выговоре или наставлении кого-л., и упрек говорящего может быть с благими намерениями. Глагол *жучить* часто используется в ситуациях, когда между собеседниками существуют явные отношения ‘начальник-подчиненный’, обычно это долгое, суровое мучительное поучение и наставление начальника подчиненному. Глагол *строжить* крайне редко используется в русском языке. Как правило, он обозначает тихую, но очень подавленное порицание или даже нытье. Глагол *песочить* подчеркивает резкий и язвительный характер упрека. Резкость часто встречается в восклицательных предложениях, а ирония — в косвенных, намекающих на недовольство говорящего слушающим. Чаще используется глагол *отчитывать*, который направлен на выражение недовольства и упрека с критическими мнениями и замечаниями.

Глагол *разносить* отличается от других членов данного ряда тем, что ориентирован на выражение недовольства и ругань в разрушительной форме (разрушение чьего-либо имиджа и т. д.). Глагол *распекать* имеет тенденцию ругать кого-л. громко или грубо и обычно используется в контексте, когда начальник ругает подчиненного или старший ругает младшего. Глагол *пушить* подчеркивает, что упрек происходит в чрезвычайно резкой и нецензурной форме. Однако он редко используется в этом смысле.

Глагол *нападать* подчеркивает косвенно агрессивный укор. Глагол *набрасываться* подчеркивает внезапную вспышку давно накопившихся обид говорящего.

Отметим, что большинство членов синонимического ряда с доминантой *ругать* — переходные глаголы. Существуют также возможные управления глаголов: *кричать, орать, лаять, строжить, нападать, набрасываться (на кого-л.)*; *кричать, орать, выговаривать (кому-л.)*; *прямая речь: кричать, орать*;

чем-л.: *костить*; **кого-л. про что-л.:** *костерить*; **без доп.:** *шерстить, сволочить*; глагол *кричать* ещё может сочетаться с **придаточным изъяснительным предложением**; и даже глаголы, у которых возможность управления не отмечена в существующих словарях: — **на кого-л.:** *лаять, строжить*; **кого-л. про что-л.:** *костерить*.

С точки зрения стилистической отнесенности глагольные единицы синонимического ряда с доминантой *ругать* классифицируются как **нейтральные** (*ругать, кричать, порочить*), **книжные** (*бесславить, хулить, поносить*), **разговорные** (*орать, пробирать, проклипать, честить, охаивать, костить, костерить, шерстить, обзывать, прорабатывать, выговаривать, жучить, строжить, песочить, отчитывать, разносить, распекать, пушить, нападать, набрасываться*), **разговорно-сниженные** (*крыть, чихвостить, хаять, охаивать, отделявать*), **просторечное** (*крыть, лаять, чихвостить, хаять, хулить, честить, охаивать, костить, костерить, отделявать, утюжить, продергивать, жучить, песочить, разносить*), **грубо просторечные** (*собачить, сволочить*), **вульгарные** (*крыть, лаять*), **неодобренные** (*орать*), **устаревшие** (*лаять, бесславить, хулить, выговаривать, пробирать, пушить*), **высокое** (*проклипать*), **фамильярные** (*чихвостить, честить, продергивать, жучить, распекать, пушить*), **областное** (*костерить*), **иронично-шутливые** (*прорабатывать, отделявать*) и **традиционно-народные** (*бранить, хулить*).

Стилистический маркер, который чаще всего игнорируется существующими словарями, — это **устар.** (глагол *пробирать*).

Аксиологическая ценность, эмоциональное значение являются ключом к раскрытию эмоционально — оценочной характеристики глагольных единиц, к их способности положительно или отрицательно характеризовать действие или явление, которое он обозначает. Оценочность глагольных единиц — качество, производное от их эмоционального значения. С точки зрения оценочности глаголы можно разделить на две группы: глаголы с положительной оценкой и глаголы с отрицательной оценкой. Положительная оценка наполняется эмоциональностью одобрительности, почтительного уважения, восхищения. Ко

второй группе относятся глаголы с эмоциональностью ироничности, пренебрежительности, осуждения.

В прагматическом смысле некоторые члены синонимических рядов часто используются в сочетании с именами лиц определенного статуса, таких как Бог, царь, политические лидеры и т. д. Эффект от речи говорящего в таких контекстах минимален. Напротив, речевое воздействие глагола значительно, когда собеседник находится в отношениях «начальник-подчиненный», «старший-младший».

ГЛАВА III. СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ИХ КИТАЙСКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

3.1. Глагольные единицы синонимического ряда с доминантой *хвалить* в зеркале китайского языка

По данным «Толкового словаря современного китайского языка» (ТСКЯ) и «Двуязычного русско-китайского словаря» (РКС), синонимический ряд китайских аналогов речевого воздействия с доминантой *хвалить* может быть представлен следующим образом:

- 14 глаголов или фразеологизмов со значением ‘хвалить кого-либо, признавая его действия или поступки правильными’: 赞许 *zàn xǔ*, 称赞 *chēng zàn*, 认可 *rèn kě*, 夸赞 *kuā zàn*, 夸奖 *kuā jiǎng*, 赞扬 *zàn yáng*, 表扬 *biǎo yáng*, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu*, 啧啧称赞 *zé zé chēng zàn*, 交口称赞 *jiāo kǒu chēng zàn*, 赞叹不已 *zàn tàn bù yǐ*, 交口称誉 *jiāo kǒu chēng yù*, 有口皆碑 *yǒu kǒu jiē bēi*, 叹为观止 *tàn wéi guān zhǐ*.
- 7 глаголов или фразеологизмов со значением ‘очень высоко ценить кого-, что-либо, вплоть до лести’: 过奖 *guò jiǎng*, 过誉 *guò yù*, 奉承 *fèng cheng*, 谄媚 *chǎn mèi*, 逢迎 *féng yíng*, 阿谀 *ē yú*, 阿谀奉承 *ē yú fèng chéng*.
- 4 глагола со значением ‘воздать хвалу кому-л., изобразить в песнях, стихах и т. п.’: 称颂 *chēng sòng*, 颂扬 *sòng yáng*, 歌颂 *gē sòng*, 讴歌 *ōu gē*.
- 4 глагола со значением ‘преувеличивать чьи-либо достоинства или даже приписывать кому-либо достоинства, которые ему не свойственны’: 吹嘘 *chuī xū*, 吹捧 *chuī pěng*, 推举 *tuī jǔ*, 美化 *měi huà*.

- 2 глагола со значением ‘давать почтительные названия кому-, чему-л., подчеркивая какие-л. достоинства в них’: 尊崇 *zūn chóng*, 推崇 *tuī chóng*.
- 2 глагола со значением ‘намеренно возвышать кого-либо и придавать ему более высокий социальный статус’: 抬举 *tái ju*, 提拔 *tí bá*.

Таким образом, синонимов данной семантики в китайском языке 33, что больше, чем в русском языке (23 глагола). Далее рассмотрим каждую из серий синонимических звеньев отдельно.

14 глаголов или фразеологизмов со значением ‘хвалить кого-либо, признавая его действия или поступки правильными’: 赞许 *zàn xǔ*, 称赞 *chēng zàn*, 认可 *rèn kě*, 夸赞 *kuā zàn*, 夸奖 *kuā jiǎng*, 赞扬 *zàn yáng*, 表扬 *biǎo yáng*, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu*, 啧啧称赞 *zé zé chēng zàn*, 交口称赞 *jiāo kǒu chēng zàn*, 赞叹不已 *zàn tàn bù yǐ*, 交口称誉 *jiāo kǒu chēng yù*, 有口皆碑 *yǒu kǒu jiē bēi*, 叹为观止 *tàn wéi guān zhǐ*.

Из этих 14 аналогов, состоящие из двух иероглифов, в основном используются в ситуациях повседневного общения и в разговорной речи, а аналоги, состоящие из четырех иероглифов, используются в более формальных ситуациях и имеют книжный или высокий стилистический характер. Конечно, между этими аналогами существуют некоторые незначительные различия и оттенки в значениях. Например, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu* обозначает «赞美得不住口, 指连声称赞» (хвалить бесконечно) [ТСКЯ], подчёркивается, что кто-то непрерывно хвалит кого-то или что-то, а идиома 叹为观止 *tàn wéi guān zhǐ* со значением «用来赞叹所见的事物尽善尽美, 好到了极点» используется для восхваления чего-то настолько хорошего, насколько это возможно, хорошего в высшей степени [ТСКЯ], подчёркивается верх совершенства восхваляемого объекта. Рассмотрим несколько примеров такой группировки аналогов:

1. 可是, 看样子首长是从心里在夸赞她们, 不是随便说一说的 (Однако создается впечатление, что начальник хвалит их от души, а не просто говорит об этом).
2. 大家对这部小说赞不绝口 (Все хвалили этот роман).

3. 秦王双手捧住璧，一边看一边称赞，绝口不提十五座城的事 (Король Цинь держал «би» (нефрит) обеими руками, смотрел на него и хвалил, ни разу не упомянув о пятнадцати городах).

В приведенных выше примерах китайские аналоги со значением ‘хвалить’ 夸赞 *kuā zàn*, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu* и 称赞 *chēng zàn* выражают основное словарное значение и являются синонимами. Однако их контекстуальные значения различаются. В первом примере представлен реальный комплимент от начальника; во втором случае заложено две неясности: 1) хвалят автора или роман, 2) от души ли хвалят; в третьем примере: во-первых, это похвала короля Цинь, который был впечатлен красотой нефрита; во-вторых, владелец нефрита хотел обменять камень на пятнадцать городов, а король Цинь хотел получить нефрит без обмена, поэтому король постоянно говорит о красоте нефрита, не давая его владельцу сказать о городах.

В данной подгруппе представлено наибольшее количество аналогов, что отражает тенденцию китайского национального сознания к положительному признанию кого-, чего-л., похвале кого-либо. Этим глаголам китайского языка соответствуют русские глаголы *хвалить – расхваливать – нахваливать*.

7 глаголов или фразеологизмов со значением ‘очень высоко ценить кого-, что-либо, вплоть до лести’: 过奖 *guò jiǎng*, 过誉 *guò yù*, 奉承 *fèng cheng*, 谄媚 *chǎn mèi*, 逢迎 *féng yíng*, 阿谀 *ē yú*, 阿谀奉承 *ē yú fèng chéng*.

Аналогично, из этих семи аналогов те, что состоят из двух знаков, используются в разговорной речи чаще, чем тот, который состоит из четырех знаков, и их книжная окраска постепенно ослабевает. Ядро семантики данной группы в китайском языке представлено глаголом *льстить*.

На китайский язык русский глагол *льстить* может быть аналогичен как 奉承, 逢迎, 阿谀, 谄媚, 拍马屁; 使满意, 使得到满足 (льстить, удовлетворять) [ТСКЯ]. Кроме того, в китайском языке со значением «льстить» существуют следующие идиомы: 阿谀奉承 *ē yú fèng chéng*, выражающая «用好听的话讨好人» (использовать приятные слова, чтобы угодить людям) [ТСКЯ 2106: 339]; идиома

溜须拍马 *liū xū pāi mǎ* обозначает «讨好奉承» (делать что-л., чтобы сделать кого-л. довольным, говорить кому-л. комплименты против его воли) [ТСКЯ 2106: 834]; идиома 曲意逢迎 *qū yì fèng yíng* имеет толкование «违背自己的意愿去迎合别人» (угождать другим против своей воли) [ТСКЯ 2106: 1076] и т. д. Рассмотрим примеры:

1. 他是个巧言令色的人, 对长官极尽奉承之能事 (Он лукавый человек, который в полной мере льстит своему начальству).
2. 爷爷一生走得正, 行得端, 最看不起那种奉承巴结有钱有势, 卖身投靠之人了 (Дедушка всю жизнь был праведником и благовоспитанным и больше всего он презирал людей, которые льстят богатым и могущественным, и людей, которые продают себя).
3. 小杜对领导说话, 总喜欢阿谀奉承, 从中取巧 (Когда Сяо Ду разговаривает с начальником, он всегда любит льстить и говорить то, что лидер хочет услышать).

Итак, в приведенных выше примерах глаголы 奉承 *fèng chéng*, 奉承巴结 *fèng chéng bā jie* и 阿谀奉承 *ē yú fèng chéng* выражают их основное словарное значение, они синонимичны друг другу. Во всех примерах из китайского языка наблюдается отрицательная оценка обозначаемого ими действия, а в русском все глаголы данной подгруппы могут иметь и положительную оценку. Следует отметить, что в китайском национальном сознании чрезмерная похвала кому-либо часто интерпретируется как лесть, а уместность похвалы — это кодекс поведения, к которому стремятся китайцы.

Глаголам данной подгруппы китайского языка соответствуют русские глаголы *превозносить – восхвалять – славословить – захваливать – льстить*.

4 глагола со значением ‘воздать хвалу кому-л., изобразить в песнях, стихах и т. п.’: 称颂 *chēng sòng*, 颂扬 *sòng yáng*, 歌颂 *gē sòng*, 讴歌 *ōu gē*.

Несомненно, все четыре глагола используются в китайском языке для торжественных случаев и имеют ярко выраженный книжный стиль, отмечены пометой *высок*. Обратимся к примерам:

1. 诸葛亮用兵如神，历来被人们所称颂 (Чжугэ Лян традиционно славится тем, что использовал свои войска как бог).
2. 人们满怀深情地颂扬总理的丰功伟绩 (Достижения премьера были с восторгом восхвалены).
3. 这部电影歌颂了战斗英雄邱少云的感人事迹 (В этом фильме прославляется вдохновляющая история героя боевых действий Цю Шаоюня).
4. 我们放声讴歌社会主义祖国 (Мы во весь голос воспевали социалистическую родину).

Приведенные выше примеры отражают тот факт, что эти глаголы часто используются в политических и военных ситуациях. Объектом их восхваления обычно является какая-л. политическая система, какой-л. политический деятель, какой-л. военный командир или какой-л. боевой герой. Иногда эти глаголы используются в саркастических контекстах для обозначения уничижительного отношения к объекту.

Глаголы этой подгруппы в китайском языке соответствуют русским глаголам *славить – прославлять – возвеличивать – воспевать*.

4 глагола со значением ‘преувеличивать чьи-либо достоинства или даже приписывать кому-либо достоинства, которые ему не свойственны’:吹嘘 *chuí xū*, 吹捧 *chuí pěng*, 推举 *tuī jǔ*, 美化 *měi huà*.

Глаголы 吹嘘 и 吹捧 считаются в китайском языке уничижительными, обычно с отрицательной экспрессивной оценкой, и часто встречаются в разговорной речи. Глаголы 推举 и 美化 считаются стилистически нейтральными, при этом глагол 推举 указывает скорее на положительную оценку, а 美化 иногда встречается в иронических контекстах и выражает отрицательную оценку. Рассмотрим примеры:

1. 他在同学聚会上大言不惭地吹嘘他的成功经历 (Он хвастается своими успехами на встречах выпускников).

2. 因为他的身边有太多瞎吹捧的人，所以他看不到自己的缺点 (Поскольку его окружает так много людей, которые слепо восхваляют его, он не может увидеть свои собственные недостатки).
3. 他因为热心助人，被推举为好人好事的代表 (Он был избран как представитель хороших людей из-за своего энтузиазма помогать другим).
4. 我们要坚决抵制美化帝国主义的言论 (Мы должны решительно противостоять прославлению империализма).

Примеры показывают, что все эти глаголы содержат основную сему ‘хвалить’. Они отличаются друг от друга дифференциальными семами. Стоит отметить, что в китайском языке глаголы 推举 и 美化 содержат сему ‘хвалить’ в имплицитной форме, которая во многом зависит от контекста.

Глаголам данной подгруппы соответствуют русские глаголы *выхвалять* – *выхвалять* – *рекламировать* – *рекомендовать* – *идеализировать*.

2 глагола со значением ‘давать почтительные названия кому-, чему-л., подчеркивая какие-л. достоинства в них’: 尊崇 *zūn chóng*, 推崇 *tuī chóng*.

Данные два глагола в китайском языке считаются глаголами с положительной оценкой, а их стилевая принадлежность, как правило, книжная, отмеченная пометой *высок*. Рассмотрим несколько примеров:

1. 我知道，这个节日，凝聚千百年来中国人对师道的尊崇与盼望 (Я знаю, что этот праздник на протяжении тысяч лет объединяет уважением и надеждой китайского народа на Путь Учителя).
2. 刘教授对学术界贡献良多，极受国际推崇，是位德高望重的学者 (Профессор Лю – очень уважаемый ученый, который внес большой вклад в научное сообщество и пользуется высоким авторитетом на международном уровне).

Контекст показывает, что семантический фокус этих двух глаголов направлен на почтение. Такое почтение является показателем высокой степени искреннего признания говорящим чьих-либо качеств и способностей.

Глаголам данной подгруппы соответствуют русские глаголы *честновать* – *величать* – *честить*.

2 глагола со значением ‘намеренно возвышать кого-либо и придавать ему более высокий социальный статус’: 抬举 *tái ju*, 提拔 *tí bá*.

Глагол 抬举 (поднимать) в основном используется в разговорной речи, но встречается и в книжной. В контекстах обнаруживается его употребление как с положительной оценкой, так и с отрицательной; в большей степени с отрицательной. Глагол 提拔 (продвигать) характеризуется принадлежностью к книжному стилю с положительной оценкой.

1. 同事们劝告他要见好就收，不要不识抬举 (Коллеги посоветовали ему брать то, что он может получить, и не отмахиваться от похвалы и уважения).
2. 把我和学者们等量齐观，那太抬举我了 (Ставить меня на один уровень с ученым — это преувеличение).
3. 爸爸从事销售工作成绩显著，因而被提拔为销售部经理 (Благодаря выдающимся достижениям отца в продажах его повысили до менеджера по продажам).

Глагол 抬举 (поднимать) часто используется в отрицательных предложениях для назидания или даже предупреждения слушателя, чтобы заставить его оценить себя правильно. В этом случае комплимент является просто социальной тактикой и не обязательно искренен (см. выше пример 1). Когда объектом комплимента является сам говорящий, глагол передает его скромность (см. выше пример 2). Глагол 提拔 (продвигать) обозначает результат признания хороших качеств другого человека — повышение по службе (см. выше пример 3), в основном он используется в официально-деловых ситуациях.

Глаголам данной подгруппы соответствуют русские глаголы *возвышать* — *возносить*.

Таким образом, учитывая частоту употребления глаголов в НКРЯ и мнения носителей языка, **ядром** изучаемого СР с доминантой *хвалить* являются *хвалить*, *одобрять*, *рекомендовать*, *расхвалить*, *рекламировать* (5 единиц); на **ближней периферии** находятся *величать*, *возвышать*, *возносить*, *славить*, *прославлять*, *превозносить*, *нахваливать*, *восхвалять*, *льстить*, *воспевать*, *чествовать* (11

единиц); а на **самом краю** — *честить, идеализировать, славословить, захваливать, выхвалять, выхваливать, возвеличивать* (7 единиц).

Во всех проанализированных примерах с глаголами, выражающими похвалу в китайском языке, мы можем найти им эквиваленты в русском, некоторые различия в синтаксической структуре в обоих языках. Здесь мы возьмем в качестве примера глагол *хвалят/похвалят* и сравним структуры предложений с данным глаголом (таблица 1):

Таблица № 1

Особенности синтаксиса в русском и китайском языках

Структура синтаксиса	Русский язык	Китайский язык
Адресант + хвалить + адресата	Учитель похвалил учеников.	老师夸奖了学生。
Адресат + хвалить + адресантом	Ученики похвалены учителем.	学生被老师夸奖了。
Адресант + 把 + адресат + хвалить (в китайском языке)	—	老师把学生夸奖了一通。
Адресант + 对 (к) + адресату + хвалить (в китайском языке)	—	老师对学生进行了夸奖。
Адресат + получить похвалу + адресант	Ученики получили похвалу учителя.	学生得到了老师的夸奖。

Из приведенной выше таблицы видно, что разница в структуре при выражении похвалы между русским и китайским языками невелика, но есть некоторые различия, которые необходимо пояснить:

1) В китайском языке существует отсутствующая в русском языке структура: кто + 把 (посредством иероглифа дополнение со значением прямого объекта ставится перед глагольным сказуемым) + кого + похвалит.

2) В китайском языке существует структура: кто + 对 (к) + кому + похвалил, которая также отсутствует в русском языке.

С целью определения лингвокультурологического потенциала предмета нашего исследования, глаголов речевого воздействия, на фоне их китайских аналогов, остановимся на доминирующих глаголах синонимического ряда глагола *хвалить* в контекстах, связанных с таким понятием, как чрезмерная похвала, также известная как *лесть*.

Анализ их лингвокультурологических особенностей осуществляется нами по следующим критериям: социальное расстояние между собеседниками, «относительная сила» адресанта и адресата [Ron Scollon, Suzanne Wong Scollon and etc., 2012: 45–67], «теория лица» [Brown P., Levinson S. C., 1987: 13], принцип кооперации, правила вежливости [Leech Geoffrey 2016: 79–84], а также культура поведения и установки культуры.

В настоящем исследовании социальный статус и «относительная сила» между адресантом и адресатом речевых актов сгруппированы по трём параметрам:

1. Социальный статус говорящего выше, чем у слушающего:

«Начальство Елену **хвалило**, отмечало как старательную и способную девушку» [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого: Путешествие в седьмую сторону света (2000), НКРЯ]. В данном примере стороны общения находятся в отношениях «начальник – подчиненный» и социальный статус начальства выше, чем у Елены.

2. Социальный статус говорящего равен социальному статусу слушающего (знакомые или коллеги), например:

«Джованни и Беппо наперебой **хвалили** своего приятеля, Бригитта молчала, но в ее глазах выражалось восхищение.» [Н. Н. Алексеев. Заморский выходец (1900), НКРЯ]. В данном примере при выражении комплимента отношения между адресантами (Джованни и Беппо) и адресатом (приятель) дружественные, социальный статус и социальная дистанция лиц в данном предложении примерно одинаковы.

«Василию Львовичу приходилось раз по пяти на день клясться своим приятелям, что он нимало не виноват, но приятели, **лѣстя** его самолюбию, называли его селадоном, фоблазом и усмехались.» [Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943), НКРЯ]. В данном примере при выражении лести отношения между адресантами (приятели) и адресатом (Василий Львович) так же дружественны, а социальный статус и социальная дистанция персонажей примерно одинаковы.

3. Социальный статус говорящего ниже, чем у слушающего (студент – преподаватель, или дети – родители, или подчиненный – начальник), например:

«Осмелюсь еще присовокупить, что всякий разночинец, дабы дослужиться до офицерского чина, не откажется **лѣстить** страстям своего начальника и употреблять другие низкие способы для снискания его благоволения.» [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939), НКРЯ]. В этом примере разночинец лѣстит своему начальнику, и очевидно, что первый имеет более низкий социальный статус, чем второй.

Можно сказать, что в примерах с глаголом *лѣстить/польстить* социальный статус говорящего ниже, чем у слушающего, а в примерах с глаголом *хвалить/похвалить* социальный статус говорящего выше или равен статусу слушающего.

Речевое действие «хвалить» тесно связано с культурными атрибутами народа. Согласно теории сильной и слабой коммуникативной культурной среды, выдвинутой антропологом Цзя Юйсинь, «Китай принадлежит к сильной коммуникативной культуре» [Цзя Юйсинь 1997: 228–230]. Очевидной особенностью этой культуры является то, что «при общении язык несет меньше информации, а больше информации содержится в социальной культуре, контексте и даже самих коммуникаторах» [там же], так как ядром китайских культурных ценностей является коллективизм, который неотделим от экономической структуры Китая, где доминирует сельское хозяйство и конфуцианство.

В китайской культуре похвала соответствует «теории лица» — «“лицо” — это “личный имидж”, который каждый обычный человек зарабатывает для себя в глазах общественности» [Brown P., Levinson S. C., 1987: 13]. Считается, что

«лицо» является основной потребностью обычных людей, и что вежливость — это «рациональное поведение», которое обычные люди принимают для удовлетворения своей потребности в сохранении лица, т. е. используют определенные речевые стратегии для сохранения лица для обеих сторон разговора. «Лицо» в этой теории можно разделить на «негативное лицо» и «позитивное лицо». «Негативное лицо» понимается как желание, чтобы «другие не навязывали свое поведение и не вмешивались в поведение индивида». «Позитивное лицо» соотносится с желанием, чтобы «поведение индивида одобрялось другими» [Brown P., Levinson S. C., 1987: 13]. Сторона с меньшей властью нередко льстит стороне с большей, поскольку уважение и благоговейный трепет китайского народа к стороне, имеющей относительно большую силу, остаются неизменными на протяжении тысячелетий. Идея «上尊下卑, 卑己尊人» (статус хозяина благородный, а статус слуги низкий; ставьте себя ниже, а других выше) [Цзя Юйсинь 1997: 230] ограничивает коммуникативное поведение китайцев. Стало нормой официальной культуры, чтобы человек с более низким статусом льстил человеку с более высоким статусом, удовлетворяя потребность своего начальства в «позитивном лице».

В китайской культуре это также соответствует теории «позитивного лица» [Brown P., Levinson S. C., 1987: 13], согласно которой начальники хвалят своих подчиненных, поскольку такое поведение демонстрирует правильность руководства и наставлений начальника, а также повышает его социальную репутацию. Compliment создает «позитивное лицо» как говорящему, так и слушающему, в соответствии с принципами сотрудничества и вежливости в вербальной коммуникации, и является важным речевым актом для сглаживания социальной неловкости и достижения позитивного социального взаимодействия. Кроме того, русские склонны более прямолинейно выражать комплименты. Например, «Молодец!», «Умница!» и «Браво!» часто встречаются в речи носителей русского языка. С другой стороны, китайцы склонны указывать причину, по которой они хотят похвалить, прежде чем произнести комплимент. Например:

«在万家团圆的幸福时刻，我们不能忘记，有一群铮铮傲骨的钢铁英雄，他们驻守在祖国边疆，忍受着恶劣的环境和无尽的孤独，保卫祖国的锦绣河山，守护我们的幸福家园，无论是海岛荒漠还是雪山冰川，他们御敌守边，艰苦奋斗，在危险面前挺身而出，无私无畏，捍卫国家主权，这种精神值得我们每一个人赞扬» [http://corpus.zhonghuayuwen.org]。

(В счастливый момент воссоединения тысяч семей мы не должны забывать, что есть группа героев, которые находятся на границе родины, выдерживая суровые условия и бесконечное одиночество, защищая великопепные реки и горы родины и охраняя нашу счастливую страну, будь то островные пустыни или заснеженные горы и ледники. Они защищают наши границы от врага, упорно трудятся, стоят перед лицом опасности, бескорыстны и бесстрашны, отстаивают национальный суверенитет. Этот дух заслуживает похвалы каждого из нас.)

В данном примере говорящий сначала объясняет причину восхваления героев и только потом указывает цель восхваления. Это делается для того, чтобы аудитория согласилась с тем, что акт похвалы, совершенный говорящим, является правильным.

Полученные результаты этого раздела представлены в следующей таблице (таблица 2):

Таблица № 2

Лингвокультурологический потенциал глаголов в русском и китайском языках

Особенности лингвокультурологического потенциала	Русский язык	Китайский язык
Сходства	1) В примерах с глаголом <i>льстит/польстит</i> социальный статус говорящего ниже, чем у слушающего, а в примерах с глаголом <i>хвалит/похвалит</i> социальный статус говорящего выше или равен статусу слушающего; 2) Глагол <i>льстит</i> имеет уничижительный оттенок.	

Продолжение таблицы № 2

Лингвокультурологический потенциал глаголов в русском и китайском языках

Особенности лингвокультурологического потенциала	Русский язык	Китайский язык
Различия	<i>Хвалить</i> / <i>льстить</i> + за что (обычно говорящий прямо изъясняет похвалу)	За что + <i>хвалить</i> / <i>льстить</i> (обычно говорящий сначала объясняет причину похвалы, а потом реализует действие похвалы)

Таким образом, со стороны семантики исследуемые глагольные единицы реализуют свои лексикографические значения как в русском, так и в китайском языке, за исключением некоторых глаголов, которые выражают контекстуальные значения. Синтаксические различия представлены в таблице 1.

Со стороны особенностей речевых актов и лингвокультурологического потенциала, *хвалить* – это действие, направленное на то, чтобы доставить удовольствие другому человеку и заставить его чувствовать себя комфортно (иметь «позитивное лицо»), в основном в соответствии с принципом вежливости. Для достижения определенной цели неискренне и чрезмерно восхвалять других — это уже речевое действие, называемое лезть, которое, хотя и не нарушает правила вежливости, и не наносит вреда «лицу» адресата, но может в определенной степени навредить «лицу» адресанта.

В России более слабая коммуникативная культура, то есть говорящий обычно прямо выражает похвалу. Китай, напротив, принадлежит к сильной коммуникативной культуре. Как правило, адресант сначала закладывает основу комплимента, причину, по которой он хочет похвалить, а затем выполняет действие похвалы. Конечно, различия между двумя культурами в этом отношении не всегда именно такие, речь идет лишь об общих тенденциях развития.

3.2. Глагольные единицы синонимического ряда с доминантой *ругать* в зеркале китайского языка

На основе данных толковых словарей современного китайского языка и двуязычного русско-китайского словаря синонимический ряд китайских глаголов речевого воздействия с общим значением «грубо бранить; называть оскорбительными, грубыми, бранными словами; отзываться о ком-, чём-л. неодобрительно; резко критиковать» может быть представлен следующим образом:

- 4 глагола, выражающего семантику ‘называть/обзывать грубыми, бранными словами, высказывать неодобрительность’: 责骂 *zé mà*, 斥责 *chì zé*, 怒斥 *nù chì*, 叫骂 *jiào mà*;
- 1 глагол, выражающий значение ‘клятвенно ругать кого-л. бранными выражениями, употребляемыми в сильном гневе, возмущении’: 咒骂 *zhòu mà*;
- 9 глаголов со значением ‘оскорбительно ругать’: 辱骂 *rǔ mà*, 诋毁 *dǐ huǐ*, 污蔑 *wū miè*, 诽谤 *fěi bàng*, 指摘 *zhǐ zhāi*, 褻渎 *xiè dú*, 痛骂 *tòng mà*, 贬低 *biǎn dī*, 中伤 *zhòng shāng*;
- 4 глагола, имеющих общее значение ‘долго и упорно бранить, сильно ругать’: 臭骂 *chòu mà*, 大骂 *dà mà*, 痛斥 *tòng chì*, 痛骂 *tòng mà*;
- 2 выражения с семантикой ‘назвать каким-л. обидным, бранным словом’: 用下流话骂, 用粗话骂;
- 3 глагола с дефиницией ‘жестко ругать, резко бранить’: 苛责 *hē zé*, 痛批 *tòng pī*, 挑剔 *tiāo tī*;
- 7 глаголов, выражающих значение ‘делать выговор, замечание, внушение кому-л. за что-л., строго наставляя’: 责备 *zé bèi*, 申斥 *shēn chì*, 训诫 *xùn jiè*, 训斥 *xùn chì*, 谴责 *qiǎn zé*, 责问 *zé wèn*, 抢白 *qiǎng bái*;

- 4 глагола с семантикой ‘разругать, разбранить, сделать выговор кому-н.’: 叱喝 *chì hè*, 怒叱 *nù chì*, 叱责 *chì zé*, 叱骂 *chì mà*;
- 3 глагола, обладающего значением: ‘вдруг резко ругать кого-либо’: 抨击 *pēng jī*, 攻击 *gōng jī*, 猛批 *měng pī*.

Таким образом, этот синонимический ряд в китайском языке представлен 35 глагольными единицами и 2 глагольными словосочетаниями. Можно утверждать, что основное значение глагола *ругать* в китайском языке — это «责骂 *zé mà*», и все его синонимы объединены этим основным значением. Другими словами, в китайском национальном сознании *ругать кого-л.* означает ‘выражать недовольство’. Стоит отметить, что русские глаголы *обзывать* и *сволочить* не имеют соответствующих глагольных единиц в китайском языке, где они интерпретируются с помощью глагольных сочетаний.

Рассмотрим некоторые примеры по каждому синонимическому звену.

- 孩子做错了事, 应该对他讲明道理, 耐心教育, 不要声色俱厉地责骂。(Если ваш ребенок делает что-то неправильно, вы должны обсудить это с ним и терпеливо учить его, а не ругать).

В данном примере глагол 责骂 (*ругать*) означает ‘отчитывать кого-л. резкими или грубыми словами’. В китайских текстах данный глагол обычно используется в ситуациях, когда родители ругают своих детей, начальники отчитывают своих подчиненных или учителя отчитывают своих учеников.

- 我白操一会子心, 倒惹的万人咒骂, 不如且自家养养病 [红楼梦]。(Вместо того чтобы беспокоиться о делах большой семьи и заставлять всех проклинать меня, я бы предпочла ничего не делать и остаться дома, чтобы восстановиться после болезни) [Сон в Красном тереме].

В данном примере глагол 咒骂 (*проклинать*) означает ‘проклинать кого-л. злыми словами’, подчеркивая степень злобы говорящего по отношению к слушателю. Когда акт помощи другим навлекает на себя проклятия, китайцы реагируют на такие проклятия не положительно, а спокойно прекращают проявлять энтузиазм к делам других. Существует выражение в китайском языке:

«Лучше ничего не делать, чем совершить больше одной ошибки», которое в какой-то степени отражает отношение китайцев к миру. Конечно, такое отношение — не делать ничего, чтобы не быть обруганным — считается негативным, но оно глубоко укоренилось в китайском сознании и тесно связано с такой чертой китайского характера, как избегание конфликтов.

- CNN主持人卡佛提**辱骂**华人是“呆子和暴徒”，激起华人的愤慨 [百度汉语]。
(Ведущий CNN Кафферти **обозвал** китайцев “дебилами и бандитами”, что вызвало возмущение) [Байду китайский язык].

Глагол **辱骂** (обозвать) имеет значение ‘оскорбления и злоупотребления и относится к оскорблению кого-л. грубыми или злыми словами’. В китайском национальном сознании оскорбления не имеют оправдания, и такие слова часто вызывает яростное сопротивление со стороны слушателя.

- 我遭到新闻记者的**臭骂**，他们以为我背叛了 [百度汉语]。(Мне досталось много **колкостей** от журналистов, которые считали, что я предал их) [Байду китайский язык].

Аналог русского глагола *костить* часто используется в китайском языке в форме отглагольного существительного **臭骂** (**колкость**) для выражения значения ‘ругать строго, сильно ругать’, подчеркивая суровость ругани. В общем смысле, колкость — это иррациональный поступок, безрассудная ругань слушателя со стороны говорящего, охваченного недовольством.

- 作为贴身女仆和缝纫女工，亚森的母亲受尽伯爵夫人的**苛责与侮辱** [百度汉语]。
(Будучи прислугой и швеей, мать Арсена терпит **отделявание** и унижения графини) [Байду китайский язык].

Аналог русского глагола *отделявать* также используется в китайских текстах как отглагольное существительное **苛责** (отделявание), означающее ‘упрекать кого-л. слишком резко, требовать слишком многого’. Такое речевое воздействие обычно воспринимается как необоснованная критика говорящего в адрес слушателя из злого умысла.

- 帝**谴责**钩弋夫人，夫人脱簪珥叩头 [史记，外戚世家]。(Когда император

выговаривал леди Го И, она сняла свою заколку и поклонилась) [Исторические записи, Семейство родственников наложниц императора].

Глагол 谴责 (выговаривать) означает ‘высказывать строгую жалобу на чью-л. нелепость или неправильную политику’ с торжественным оттенком. В китайских текстах глаголы в таком синонимическом звене чаще всего используются в качестве официального упрека или даже дисциплинарного взыскания со стороны вышестоящего лица по отношению к нижестоящему. Между говорящим и слушающим существует большой классовый разрыв. Эффективность такого вербального воздействия наиболее легко реализуется.

- 她一直追着棺材，哭到胡同口，才被四大爷叱喝回来 [老舍. 四世同堂]。 (Она бежала за гробом и плакала до самого входа в переулок, пока Четвертый батюшка не начал распекать ее в ответ) [Лао Шэ. Четыре поколения в одной семье]

Глагол 叱喝 (распекать) может интерпретироваться как ‘кричать и ругать кого-л.’, подчеркивая тон голоса говорящего при совершении этого действия — громкий голос, с отчетливо выраженной униженной интонацией. (Этот пример подчеркивает возвышенное положение мужчин — мужчины могут контролировать женщин и даже запрещать им выражать свое горе). В китайских текстах субъектом этого действия часто является мужчина.

- 朋友都说自己是真诚的，其实，敌人才是真诚的。所以，我们应该把敌人的抨击，指责作为苦口良药，以此更多地了解自己 [汉邦字典]。 (Друзья говорят, что они искренни, но на самом деле искренни враги. Поэтому мы должны использовать **нападение** и **обвинения** наших врагов как горькое лекарство, чтобы больше узнать о себе) [Словарь Ханьбан].

Аналог русского глагола *нападать* часто используется в китайском языке в виде отглагольного существительного 抨击 (нападение) для обозначения значения ‘использованию слов или речи для резкого опровержения или нападения на кого-л. или определенную точку зрения’. В основном он используется в

ситуациях, когда говорящий и слушающий находятся в неприязненных отношениях.

Таким образом, анализ СР с доминантой *ругать* позволяет выявить ядро и периферию синонимов, рассматриваемых в данном разделе. Учитывая частоту употребления глагола в НКРЯ (частота употребления глаголов с семантикой ‘ругать’ рассматривается здесь больше, чем их общая частота употребления в НКРЯ) и мнения носителей языка, **ядром** изучаемого синонимического ряда являются *ругать, бранить, выговаривать, проклинать, отчитывать* (5 единиц). На **ближней периферии** находятся *порочить, поносить, крыть, орать, кричать, хаять, хулить, нападать, набрасываться, песочить, жучить, утюжить, обзывать, разносить, шерстить, охаивать, распекать, чихвостить* (18 единиц), а на **самом краю** — *лаять, пробирать, прорабатывать, отделявать, бесславить, честить, костить, костерить, собачить, сволочить, пушить, строжить, продергивать* (13 единиц).

Основной глагол *ругать* был проанализирован с наибольшим количеством семантических деталей. Другие глагольные единицы были выделены в соответствии с их семантической направленностью, стилистической окраской, контекстом употребления и даже отношениями между коммуникативными сторонами. Члены этого синонимического ряда относятся к субъектам всех полов, которые в основном являются взрослыми. Однако субъекты женского пола используют эти глагольные единицы чаще, чем субъекты мужского пола.

Все единицы данного синонимического ряда являются переходными глаголами, за исключением глаголов *орать, нападать, набрасывать, кричать, лаять, строжить* и *выговаривать*: глаголы *орать, нападать, набрасывать, кричать, лаять* и *строжить* могут сочетаться с конструкцией на кого-л., глагол *выговаривать* может сочетаться с конструкцией кому-л.

Что касается аналогических вариантов этих глаголов на китайском языке, то все глаголы имеют соответствующие глагольные единицы, за исключением двух глаголов *обзывать* и *сволочить*. При выражении значения ‘называть кого-л. сволочью’, глаголы *обзывать* и *сволочить* переводятся на китайский язык как

одно и то же выражение, а не глагол. При презентации русских глаголов данного синонимического ряда в китайской аудитории необходимо представить существующее употребление каждой единицы в сознании носителей русской лингвокультуры и прокомментировать дифференциальную семантику, оценочную окраску и стилистические особенности, содержащиеся в их функциональной семантике, причем глагольные единицы, находящиеся на самой периферии, предполагают отношение к ним как к пассивному запасу.

Основным понятием синонимического ряда, рассматриваемого в данном разделе, является «ругань», а близкими аналогами являются «порицание», «упрек», «критика» и «клевета». Далее мы проанализируем лингвокультурологические характеристики основной глагольной единицы *ругать* с точки зрения социального статуса адресанта и адресата, их относительной власти, их степени близости и теории «лица».

1. Социальный статус и относительная власть говорящего выше, чем у слушающего. Например, старшие – младшим, начальники – подчиненным. Ср.:

- *«Только вот ругает мама, что меня ночами нету, что я слишком часто пьяный Бабым летом, бабым летом...»* [Семён Каминский. Сладкие радости индейского лета (2015), НКРЯ];
- *«Тамара чувствовала это и пыталась разными способами угодить дочери: ласково с ней разговаривала, старалась не ругать, купила ей дорогие колготки.»* [Александра Попова. Ангел на простыне (2015), НКРЯ];
- *«Вскоре Крымова вывели из общей камеры в коридор, и комендант стал ругать часового: — Я ж тебе говорил русским языком, какого черта ты его сунул в общую? Ну, чего раззявился, хочешь на передовую попасть, а?»* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960), НКРЯ].

В первых двух примерах это мать, ругающая своих детей, а в последнем примере — начальник, ругающий подчиненного. Можно сказать, что речевое воздействие говорящего на слушателя более эффективно, когда социальный статус и относительная власть говорящего выше, чем у слушателя, и говорящий,

по существу, выполняет речевое намерение. Стоит отметить, что, когда говорящий и слушающий находятся в отношениях старшего и младшего, глагол *ругать* может указывать на добродушную брань, которая может исходить из заботы и любви старшего к младшему. Напротив, ругань в отношениях между начальником и подчиненным часто является злобным речевым воздействием.

2. Социальный статус и относительная власть говорящего равны статусу и относительной власти слушающего. Например, между друзьями, между коллегами, между супругами. Ср.:

- «Зуева *ругала* подругу за глупое решение перейти в общагу.» [В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко (2016), НКРЯ];
- «Маланья металась, блажила, *ругала* мужа самой мерзкой бранью; но это только подливало масла в огонь.» [С. Т. Семенов. Гаврила Скворцов (1904), НКРЯ].

Когда говорящий и слушающий находятся в относительно равных социальных статусах, вербальное воздействие говорящего на слушающего часто сопровождается интенсивной эмоциональной отдачей и спорами, а речевое воздействие на слушающего часто сопровождается определенным сопротивлением.

3. Социальный статус и относительная власть говорящего ниже, чем у слушающего. Например, дети ругают своих родителей, народ ругает своих лидеров и т. д.:

- «Только при чрезвычайных обстоятельствах *слабый ругает сильного*, и это — смелость отчаяния.» [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961), НКРЯ];
- «— Ты зачем, старый хрыч, *ругаешь* нашего товарища Ленина?» [А. М. Титов. Общежитие писателей (2015), НКРЯ];
- «— Еще не хватало замечать тебе всякий вздор! Но я *ругала* маму. Почему просто не сказать: “Леночка, нам нужны чашки, и не ставьте, пожалуйста, ведро здесь, а ставьте там.» [Юрий Трифионов. Обмен (1969), НКРЯ].

Обычно дети ругают своих родителей по доброте душевной (дети используют упрек как способ выразить насущную заботу о своих родителях), но они могут делать это и от обиды. Мы обнаружили, что, за исключением ругани детей в адрес родителей, речевое воздействие брани в ситуациях, когда социальный статус и относительная власть говорящего ниже, чем у слушающего, довольно слабое. Эмоциональное состояние говорящего в таких сценариях обычно представляет собой спокойную решимость, а не буйство.

Очень распространенным сценарием в русских текстах является осуждение политических лидеров народом. Обратимся к примерам:

«Только не ругайте советскую власть, как это делал Есенин.» [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016), НКРЯ];

*«Горелов жаловался, что она **ругает власть**, но какими именно словами, сообщить не смог, — критика шла по-французски.»* [Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза (2015), НКРЯ];

*«Только на кухне, где по привычке продолжали ругать власть. **Ругали Ельцина и Горбачева. Ельцина за то, что изменил Россию»*** [Светлана Алексиевич. Время second-hand (2013), НКРЯ].

В отличие от русских текстов, в китайских текстах мало примеров, в которых обычные люди ругают современных политических лидеров.

Контексты показывают, что в большинстве случаев акт упрека говорящего в адрес слушающего наносит эмоциональный ущерб последнему. Это отчетливо видно, когда ситуация разворачивается на публике или в присутствии других людей. Исключение составляют случаи, когда говорящий ругает слушателя из лучших побуждений.

В китайской культуре существует высказывание: «Будь строг к себе и снисходителен к другим». Это соответствует основной китайской культуре коммуникации. В отличие от русских, китайцы более склонны ругать других за их спиной, чем напрямую обвинять других в их недостатках. По мнению китайцев, обвинение других в лицо может показаться неприемлемым и тем самым

повредить им самим, что не способствует формированию положительного социального имиджа.

Мы утверждали, что и в русском, и в китайском языках в процессе речевого воздействия похвалы пронизывают весь процесс человеческого взаимодействия, посредством которого говорящий может достичь всех своих жизненных целей. Будь то просьба или убеждение, обещание, приказ или приветствие, похвала играет важную роль. Даже в той группе, которая указывает на негативное речевое воздействие, ругань, насмешки и т. д., говорящий может выразить ругань или насмешки в форме похвалы, которые, можно сказать, способствуют реализации речевого воздействия, речевой цели говорящего. Поясним на примерах:

- **Вроде бы похвала, но на самом деле ругань (саркастический контекст):**

Вдруг издалека доносится теплый комплимент от зрителя: как ловко вы пробрались в зоопарк через боковую дверь! (упрек за уклонение от оплаты билета).

忽然，远处传来管理员热情的赞美：你从侧门进入动物园的方式多么巧妙啊！你是怎么做到的？

- **Вроде бы ругает, а на самом деле хвалит:**

Бабушка просыпается посреди ночи и видит, что внучка все еще занимается, поэтому она ругает ее: не можешь ли ты просто пойти спать! Уже поздно! Ты хочешь проучиться весь семестр за одну ночь? (этот упрек вызван беспокойством о слушателе, но на самом деле он подтверждает его усердие).

祖母半夜醒来，看到孙女还在学习，就骂她：你就不能去睡觉吗！？都这么晚了！你想在一个晚上学完整个学期的课程吗？

- **Похвала в предложении после упрека:**

Хотя на протяжении всего матча он играл не очень хорошо, Юдзуру Ханю в конце концов справился. (похвала выражается на фоне упрека).

虽然羽生结弦在整场比赛中发挥得并不好，但他最终还是扳回了一局。

- **Упрек в предложении после похвалой:**

Дети принимали участие в практическом занятии по стирке собственной одежды. Учитель жизни похвалил Мина и сказал: «Ты так хорошо отстирал медведя на своем джемпере! Было бы лучше, если бы ты постирал и манжеты, поэтому учитель мог дать тебе только четыре маленьких красных цветочка, а не пять». (упрек выражаются на фоне похвалы).

孩子们参加了一个关于自己洗衣服的实践课。生活老师表扬了小明：“你把毛衣上的小熊洗得真干净！如果你把袖口也洗了就更好了！因此老师只能给你四朵小红花而不是五朵。

В приведенных выше примерах мы рассмотрели глагол как лингвистическое понятие, тем самым рассмотрев возможные отношения между этими двумя понятиями. Хотя похвала и ругань в примерах не обязательно имеют форму глаголов (особенно переведены с китайского язык на русского), связь между этими двумя понятиями действительно существует.

Можно сказать, что по данным фразеологических словарей отрицательные поля во всех славянских языках больше положительных. Ассоциации отрицательных синонимических звеньев гораздо богаче, чем в положительных. Например:

1. Глаголы *костерить – собачить – шерстить – лаять* построены на ассоциации с собакой (кость – еда, шерсть – внешность, лай – голос собаки). Человеческая ругань похожа на собачий лай — а это один из самых неприятных, вызывающих сильное раздражение, звуков в русской ментальности по данным словаря «Славянские древности».

2. Со словами с отрицательным денотатом: хай, хула, порок, сволочь — это синонимические звенья *хаять – хулить – порочить – сволочить*.

3. С глаголами, обозначающими повседневные домашние занятия: *утюжить* — гладить утюгом; *песочить* — тереть песком, как черное дно подгоревшего котелка; *распекать* — от корня печь (нагревать) как в духовке т. д. В китайском языке подобных ассоциаций не возникает.

В китайском языке трудно определить внутреннюю форму глаголов и трудно ассоциировать глаголы с какими-либо конкретными предметами или явлениями

из-за абстрактного характера мышления китайского народа. Например, глагол *выхвалять* в китайском языке как — 吹嘘 (медленно дуть), глагол *возвышать* 抬举 в китайском языке как поднимать кого-, что-л. двумя руками. Глагол *порочить* 挑剔 в китайском, *причинить боль*, такой как выломать кости и соскоблить мякоть и т. д.

В ходе анализа нам удалось обнаружить, что глаголы можно сопоставлять по а) аксиологическим характеристикам (жизнь – смерть, здоровье – болезнь, похвала – ругань). В нашем материале глаголы *льстить*, *захваливать* в русском языке с отрицательной оценкой, а в китайском — можно с положительной оценкой; б) по образу, или по внутренней форме — *утюжить* (использовать слова горячие как утюг) и т. д.; в) можно сопоставлять по оценке, по форме выражения значения похвалы и порицания.

Мы обнаружили 1) небольшую группу полностью совпадающих глаголов (*хвалят* и *ругать* в позиции доминанты) (абсолютные эквиваленты); 2) небольшую группу глаголов, которые являются лакунами относительно китайского языка (типа *сволочить*, *обзывать*) (лакуны); 3) остальные глаголы можно отнести к аналогам или частичным эквивалентам (аналоги).

ВЫВОДЫ

Сравнение показывает, что как в русском, так и в китайском языках глагольных единиц с отрицательным значением больше, чем тех, которые выражают положительное значение.

Что касается внутренней формы глагола, то глагольные единицы в русском языке богаты ассоциациями. Глагол *хвалят* представляет понятие *хвала*; глагол *величать* связан с величием; глагол *идеализировать* соотносится с понятием *идеал*; глагол *честновать* представляет понятие *честь* и т. д. Члены синонимического ряда с доминантой *ругать*, например, *костерить* – *собачить* –

шерстить, это звено построено на ассоциации с собакой (кость/еда/лай собаки). Человеческая ругань похожа на собачий лай — это один из самых неприятных, вызывающих сильное раздражение, звуков в русской ментальности. Глаголы РВ демонстрируют связь с неблагозвучными глаголами речи: брань, крик, ор, лай — это синонимические звенья *кричать* – *орать* – *лаять*. Со словами с отрицательным денотатом: хай, хула, порок, сволочь — это синонимические звенья *хаять* – *хулить* – *порочить* – *сволочить*. С существительными, обозначающими понятие — делать лучше, чище от боли: *утюжить* — гладить утюгом; *песочить* — тереть песком, как черное дно подгоревшего котелка; *распекать* — от корня печь (жарить) как в духовке т. д. А в китайском языке подобных ассоциаций не возникает.

В китайском языке трудно ассоциировать исследуемые глаголы с китайской национальной психикой из-за его абстрактной внутренней формы. Лишь очень немногие глаголы, такие как глагол 谄媚 (льстить), могут ассоциироваться с женщинами, что означает, что большинство людей, которые льстят, имеют женский образ действий или указывают на то, что женщины вынуждены льстить мужчинам из-за своего низшего статуса. Глагол 臭骂 (костерить) может ассоциироваться с дурным запахом. Глагол 痛骂 (шерстить) может ассоциироваться с болью, но в отличие от русского языка, эта боль относится к глубокой степени.

Со стороны особенностей речевых актов и лингвокультурологического потенциала, *хвалить* — это действие, направленное на то, чтобы доставить удовольствие другому человеку и заставить его чувствовать себя комфортно (иметь «позитивное лицо»), в основном в соответствии с принципом вежливости. Для достижения определенной цели неискренне и чрезмерно восхвалять других — это уже речевое действие, называемое лестью, которое, хотя и не нарушает правила вежливости, и не наносит вреда «лицу» адресата, но может в определенной степени навредить «лицу» адресанта. Наоборот, в большинстве случаев акт упрека говорящего в адрес слушающего наносит эмоциональный ущерб последнему. Это отчетливо видно, когда ситуация разворачивается на

публике или в присутствии других людей. Исключение составляют случаи, когда говорящий ругает слушателя из лучших побуждений.

Россияне гораздо лучше выражают похвалу, чем китайцы. Такие выражения, как «умничка», «отличница», «хорошенько» и др. часто встречаются в русской речи, в то время как в китайском языке нет эквивалента одной и той же части речи. Китайцев просят выразить удовлетворение или похвалу, что стало стандартом оценки поведения человека и доминирующей культурой, но в частной жизни похвала не распространена. Также китайцам не разрешается выражать недовольство или ругать кого-л. или что-л. во многих официальных ситуациях, поэтому глагол ругать в китайском языке чаще используется между близкими людьми. А в русском языке, с другой стороны, объектом ругани может быть политическая фигура, находящаяся у власти, т. е. глагольные единицы с доминантой *ругать* могут быть использованы в политическом дискурсе в русском языке, но в китайском языке эти глаголы практически не используются в политическом дискурсе.

При презентации русских глаголов РВ в китайской аудитории необходимо представить существующее употребление каждой единицы в сознании носителей русской лингвокультуры и прокомментировать дифференциальную семантику, оценочную окраску и стилистические особенности, содержащиеся в их функциональной семантике, а также обратить внимание на системные связи и частотность употребления лексических единиц. Глагольные единицы, находящиеся на самой периферии, предполагают отношение к ним как к пассивному запасу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционально-семантический метод исследования демонстрирует необходимость комплексного рассмотрения языковой системности глаголов речевого воздействия, их структуры и употребления. Парадигматические отношения глаголов существенно отражаются на лексическом уровне и предоставляют возможность семантической иерархической классификации единиц. Глагол как центральный предикат формирует возможность его семантической валентности в сопровождении актантов. Глаголы вступают в синтагматические отношения с помощью актантов, а их лексическое значение реализуется в конкретных контекстах.

В настоящее время в лингвистических исследованиях отсутствует единообразие в наименовании терминов, относящихся к лексическим объединениям. Настоящее исследование ориентировано на терминологию Л. Г. Бабенко и опирается на понятия *лексико-семантическое поле*, *лексико-семантическая группа*. Эти термины обозначают лексическую область парадигматического типа, в рамках которой лексические единицы связаны инвариантным идентификатором общего значения. Глагол речевого воздействия может быть включен в лексическую систему русского языка прежде всего в подполе глаголов речи, которое может быть подчинено полю «действие и деятельность».

Все семантические варианты лексическо-семантической группы глаголов речевого воздействия могут быть интерпретированы с помощью глаголов *говорить/сказать*, *произносить/произнести* и *сообщать/сообщить*. Это создает лексическую совокупность глаголов речевого воздействия с данными тремя базовыми глаголами в качестве ядра и другими лексико-семантическими вариантами в качестве периферии. Поскольку члены всей лексическо-семантической группы могут быть разделены на более мелкие

лексические объединения (синонимические ряды), понятия синонимии, синонимических рядов и доминанты имеют решающее значение в данном исследовании для таксономического изучения глаголов речевого воздействия.

В данном исследовании приняты традиционные определения синонима, синонимического ряда и доминирующего слова, также уточняется, что в синонимический ряд попадает не само слово, а лексико-семантический вариант слова, дополняя определение доминирующего слова — в рамках категории семантического синонима доминирующее слово можно считать истинным подмножеством других членов синонимического ряда, на основе которого оно построено.

Лексико-семантическая группа глаголов речевого воздействия как важного средства реализации определенного намерения может быть расширена с зафиксированных в словарях 54 семантических вариантов до 233. Объект данного исследования — глаголы, содержащие сему 'хвалить', и глаголы, содержащие сему 'ругать'. Данные единицы являются двумя наиболее важными лексическими объединениями глаголов речевого воздействия, которые нельзя игнорировать. С точки зрения слушающего, в этих двух группах глаголов представлена высокая степень психологической востребованности в первом случае и высокая степень психологического сопротивления говорящего во втором случае, и они составляют некое «равновесие» речевой деятельности человека.

В русском языке более чем в два раза больше слов для выражения порицания, чем для похвалы. Глаголы речевого воздействия в синонимических рядах с доминантой *хвалить* были расширены от 3 до 23, а глаголы речевого воздействия в синонимических рядах с доминантой *ругать* — от 9 до 36. Многочленный характер исследуемых синонимических рядов требует их сегментации в виде синонимических звеньев. Если синонимические звенья устанавливаются между семантически более близкими членами, то при определении семантической близости между членами учитывается понятие амплитуды.

Функционально-семантический анализ двух синонимических рядов глаголов речевого воздействия показал, что каждое из них характеризуется своими

параметрами. С точки зрения практической значимости данного исследования, а также для дальнейшего ознакомления иностранных студентов с данными единицами, целесообразно сгруппировать эти параметры следующим образом: особенности синтагматических отношений, семантические особенности глаголов, парадигматические особенности, стилистические особенности и лингвокультурологические особенности.

Что касается актантно-субъектной структуры, то наиболее важными актантами исследуемых глаголов речевого воздействия являются адресант (говорящий) и адресат (слушающий). В редких случаях, обычно в деловых контекстах, адресат может быть заменен названием органа или организации, например, *строжили* на оргкомитете.

Синтагматическая связь глаголов речевого воздействия способствует имплицитной семантике, например, сокрытие недостатков или скандального поведения (к глаголу *прославлять*), заискивание перед кем-л. (к глаголу *выхвалять*), забота о ком-л. (к глаголу *бранить*).

В тех случаях, когда некоторые глаголы могут использоваться в качестве глаголов речевого воздействия, в исследуемых текстах появляется глагольное управление, не зафиксированное в существующих словарях, например *лаять/строжить на кого-л.*; *костерить кого-л. про что-л.* Еще одним глаголом, заслуживающим внимания с точки зрения грамматических особенностей при его употреблении в значении глагола РВ, является *выговаривать*, который не используется в качестве переходного глагола в контексте реализации лексико-семантического варианта 'ругать', отношением управления которого является *выговаривать кому-л.*

Некоторые глаголы ограничены определенными объектами, например, *славословить*, *прославлять*, *воспевать* и т. д., которые имеют более слабое речевое воздействие. Адресатами глаголов *жучить*, *строжить* обычно являются лица, которые имеют более низкий статус или относительную власть, чем адресанты.

Общая смысловая характеристика различных синонимических рядов глаголов речевого воздействия заключается в том, что они побуждают кого-л. сделать что-л. или вводят кого-л. в определенное эмоциональное состояние с помощью речи. Речевое воздействие глаголов с доминантой *хвалить* является позитивным, а эмоции слушающего — положительными. Речевое воздействие глаголов с доминантой *ругать* — негативное, так же как и эмоции слушающего — отрицательные. Важно подчеркнуть, что границы классификации глаголов не совсем четкие и что некоторые глаголы могут присутствовать в обоих исследуемых синонимических рядах, что связано с пересекаемостью парадигмы глаголов, поэтому лексико-семантические варианты являются важной основой для идентификации членов синонимического ряда глаголов.

Исследуемые глаголы речевого воздействия изучаются как синонимические ряды, поэтому парадигматические особенности объекта исследования отражаются в синонимических отношениях. Члены двух исследуемых синонимических рядов находятся в антонимических отношениях. По данным существующих словарей синонимов в синонимическом ряду с доминантой *ругать* практически нет однокоренных слов, что является одной из трудностей при представлении этого объединения глаголов в иностранной аудитории.

В настоящем исследовании один и тот же глагол может оказаться в разных синонимических рядах благодаря своим различным семантическим вариантам. Глаголы *славить*, *прославлять*, *честить* и т. д. могут быть членами синонимического ряда с доминантой *хвалить* и синонимического ряда с доминантой *ругать*. Это отражает пересекаемость лексики в парадигматической связи и еще раз подтверждает незаменимость синтагматической связи для изучения лексической семантики.

В изученных текстах присутствует множество случаев, когда члены синонимических рядов используются параллельно. В ситуациях, когда синонимы используются в суперпозиции, семантический смысл, передаваемый говорящим, постепенно углубляется, а эмоциональное воздействие, передаваемое слушателю,

постепенно усиливается. Это делается для того, чтобы усилить речевое воздействие говорящего на слушателя.

Стилистические маркеры можно считать важным показателем для различения синонимов. Иногда стиль служит единственным показателем различия между единицами. Стилистические различия имеют решающее значение для выбора контекста, в котором уместно использовать глагол. Члены синонимических рядов глаголов речевого воздействия могут обладать совершенно разными стилистическими свойствами. Например, в синонимическом ряду с доминантой *хвалить* отличительными стилистическими маркерами являются *офиц.*, *поэт.* и *ритор.*, а в синонимическом ряду с доминантой *ругать* отличительными стилистическими маркерами являются *вульг.*, *фам.*, *сниж.* и *груб.*

Доминирующие слова в синонимических рядах *хвалить* и *ругать* представляют собой два противоречащих коммуникативных сценария: похвалы и обвинения. Носители русского языка гораздо лучше выражают похвалу, чем китайцы. Такие выражения, как «умничка», «отличница», «хорошенько» и др. часто встречаются в русской речи, в то время как в китайском языке они не имеют аналогов в той же части речи. Китайцев просят выразить удовлетворение или похвалу, что стало стандартом оценки поведения человека и основной культурой, но в частной жизни похвала не распространена. Также китайцам не разрешается выражать недовольство или ругать кого-л. или что-л. во многих официальных ситуациях, поэтому глагол *ругать* в китайском языке чаще используется между близкими людьми.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в разработке структуры и словника учебного словаря русских глаголов речевого воздействия для китайской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов С. И. Учебник русской грамматики. Ч. 1. Фонетика и морфология. – М.: Госиздат, 1924. – 64 с.
2. Авилова Н. С. и др. Русская грамматика: [В 2 т.] / АН СССР, Ин-т рус. яз; [Редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонации. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др.]. – Москва: Наука, 1980. – 783 с.
3. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л., 1988. – С. 77–78.
4. Анипкина Л. Н. Оценочное высказывание в прагматическом аспекте. Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 58–66.
5. Антомонов Ю. Г., Харламов В. И. Кибернетика и жизнь. – М., 1968. – 327 с.
6. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
7. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–68.
8. Апресян Ю. Д. Проблема синонима // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 84–88.
9. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
10. Балашова Л. И. Синонимический ряд в “Комплексном словаре русского языка для учащихся общеобразовательной школы” // Актуальные проблемы современной лексикографии. Словарная работа в вузе и школе. – Астрахань, 1999. – С. 21–29.

11. Бацевич Ф. С. Функционально-отражательное изучение лексики (на материале русских глаголов). – Львов, 1992. – 71 с.
12. Белинский В. Г. Рецензия: Словарь русских синоним // Отечественные записки, 1840, т. XI, № 7, отд. VI.
13. Белов В. А. Реализация теоретических подходов к синонимии в методике русского языка // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 1 (170). – С. 96–101.
14. Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др. Современный русский язык. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.
15. Берталанди Л. фон. Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс. 1969. – С. 28.
16. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88–125.
17. Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
18. Богданова Л. И. Представление актантной структуры русского глагола в грамматике // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. Т. 1. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2001. – С. 157–158.
19. Бойкова И. В. Проблема системности в лексике // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2004. – № 6. – С. 61–62.
20. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление): пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1971. – 238 с.
21. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – 136 с.
22. Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. – М.: Наука, 1986. – 124 с.
23. Будагов Р. А. Задачи изучения лексики // Доклады и сообщения филологического института ЛГУ, 1949. – С. 103–123.

24. Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике. Изд-во АН СССР, ОЛЯ, т. X, вып. 2, 1951. – 106 с.
25. Будагов Р. А. Об основном словарном фонде и словарном составе языка: Стенограмма публичной лекции / д-р филол. наук проф. Р. А. Будагов; Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Ленингр. отд-ние. – Ленинград: [б. и.], 1952. – 31 с.
26. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 207 с.
27. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. II. – М.: Учпедгиз, 1953. – 178 с.
28. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 320–355.
29. Васильев Л. М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения. – Уфа: БГУ, 1981. – 71 с.
30. Васильев Л. М. Семантические классы русского глагола: Глаголы чувства, мысли, речи и поведения: диссертация ... доктора филологических наук: 10.00.00. – Уфа, 1970. – 661 с.
31. Васильев Л. М. Семантический класс глаголов поведения в современном русском языке // Исследования по семантике. – Уфа: БГУ, 1976. – С. 41–64.
32. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: Уч. пос. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.», «Прикладная лингвистика». – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
33. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
34. Васильев Л. М. О структурной организации лексико-семантической системы языка и методах ее изучения // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1–1. – С. 453–455.
35. Виноградов В. В. Из истории лексикологии // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. Т. 10. – М., 1956. – С. 3–16.

36. Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
37. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г. А. Золотовой, 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
38. Власян Г. Р. Природа речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 31–34.
39. Выгонная Л. Т. К системному описанию полесских названий земельных угодий // Полесье: Сб. научн. тр. – М., 1968. – С. 118–125.
40. Гаврилова Е. С. Структура речевого воздействия // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 4–1 (87). – С. 145–148.
41. Гак В. Г. От толкового словаря к энциклопедии языка. Т. XXX. Вып. 6. – М., 1971. – С. 524–530.
42. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале фр. и рус. яз. – Москва: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
43. Гаус К. О., Рябова М. Ю. Когнитивный сценарий вербализации концепта threat в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21, № 1 (77). – С. 164–170.
44. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. – Москва: Просвещение, 1965. – 408 с.
45. Горбачевич К. С. О переменном характере лексической синонимии // Лексическая синонимия: Сб. статей. / Отв. ред. Бархударов С. Г. – М.: Наука, 1967. – С. 74–78.
46. Горло Е. А. Прямое речевое воздействие в стихотворном тексте // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 24. – С. 554–563.
47. Горло Е. А. Речевое воздействие в поэтическом тексте // Известия ТРТУ. – 2006. – № 2(57). – С. 34–37.

48. Горшкова К. Ю. Речевые жанры аргументативного дискурса: убеждение и уговаривание // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (128). – С. 108–116.
49. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985.
50. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 4. – С. 53–59.
51. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
52. Гумбольдт В. Язык и философия культуры (изданные с 1831 г. по настоящее время). – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
53. Гусейханова З. С. Когнитивно-прагматические особенности и контексты функционирования высказываний со значением “предложение” и “совет” // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 14, № 37. – С. 55–61.
54. Гуцал Н. А. Типология речевых актов вызова и их дискурсивное поведение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 74–1. – С. 132–136.
55. Давыдов И. И. О словаре русских синоним / [Соч.] И. И. Давыдова. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1857. – 26 с.
56. Дегтярева Т. А. К проблеме синонимии // Уч. зап. I МГПИИЯ. Т. V, 1953. – С. 23–26.
57. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980. – 253 с.
58. Денисов Ю. Н. О некоторых подходах к проблеме выделения доминанты синонимического ряда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, выпуск 2 (118), 2013. – С. 169–174.
59. Десяева Н. Д., Айбятובה Е. В. Средства, формы и функции педагогического речевого воздействия // Вестник университета. – 2013. – № 18. – С. 231–236.

60. Диманте И. В. Речевое воздействие в процессе коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). – 2011. – № 2. Часть 1. – С.72–77.
61. Евгеньева А. П. О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка // Лексическая синонимия: Сб. статей. / Отв. ред. Бархударов С. Г. – М.: Наука, 1967. – С. 56–74.
62. Ермолаева И. А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 362–375.
63. Желтухина М. Р. Топологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М. Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; – Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
64. Жирар Р. Правильность французского языка, или Различные значения слов, могущих быть синонимами, 1718.
65. Зализняк А. А. Глагол говорить: три этюда к словесному портрету // Язык о языке. – М., 2000. – С. 381–402.
66. Зализняк А. А. Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. – Москва: Издательство “Языки славянских культур”, 2012. – С. 388–395.
67. Земский А. М. и др. Русский язык: учебник для пед. Училищ: В 2 частях. Ч. 1. / А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев; под ред. акад. В. В. Виноградова. 13-е изд. дораб. – М.: Дрофа, 2003. – 400 с.
68. Зиновьева Е. И., Гуднов Р. Н. Параметры функционально-семантического описания русских глагольных синонимов на материале глаголов интеллектуальной деятельности // Ученые записки орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5(61). – С. 216–220.

69. Зубова Ю. В. Синонимические ряды экспрессивных глаголов русского языка в учебном словаре для иностранцев: специальность 10.02.01 “Русский язык”: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 243 с.
70. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
71. Калайдович И. Ф. Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского, с приложением пробных листов словаря. – Москва: Унив. тип., 1826. – 28 с.
72. Калайдович П. Ф. Опыт словаря русских синонимов / Издан московских обществ: Истории и древностей российских соревнователем и Любителям российской словесности сотрудником Петром Калайдовичем. – Москва: В Университетской типографии, 1818. – 157 с.
73. Калиновская В. В. Речевое воздействие в юридическом дискурсе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 1(65). – С. 32–36.
74. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
75. Кинцель А. В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2–2 (78). – С. 150–154.
76. Кирьякова О. В. Акторечевой потенциал перлокутивных глаголов современного немецкого языка // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, № 1. – С. 102–104.
77. Кирьякова О. В. Перлокутивные глаголы в современном немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3 (105). – С. 81–85.
78. Ключева В. Н. Предисловие / О синонимах и синонимическом словаре // Краткий словарь синонимов русского языка, 2-е изд. испр. и доп. – М.: Учпедгиз, 1961. – С. 3–12.

79. Кодухов В. И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. – Л., 1957. – 86 с.
80. Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов. – Л., 1955. – 28 с.
81. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
82. Комарова Е. А. Анализ тактик демагогического речевого воздействия (на материале произведений Ф. М. Достоевского // Terra Linguistica. – 2012. – № 1 (143). – С. 222–228.
83. Коннова О. В. О синонимии во французском и русском языках (при обучении физике и углубленном изучении иностранного языка) / О. В. Коннова, И. Р. Шагина // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – № 1(37). – С. 76–82.
84. Косов А. В. О двух направлениях в изучении соотношения семантических и синтаксических признаков глагола // Русский глагол в сопоставительном освещении. – Волгоград: Изд-во ВПИ, 1988. – С. 186–194.
85. Кузнецов С. А. О категории репрезентации русского глагола // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 109–126.
86. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы её исследования. – М., 1963. – 59 с.
87. Кузнецова А. И. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка с XI по XX вв.: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. МГУ. – М., 1963. – 21 с.
88. Кузнецова Э. В. Лексико-семантическая группа слов и методы её описания. Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1969. – С. 99–101.
89. Кузнецова Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / (О. П. Жданова, И. Т. Вепрева, М. Л. Кусова и др.); Науч. ред.: Э. В. Кузнецова. – Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 176 с.
90. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 215 с.

91. Кузнецова Э. В. Предисловие / Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник. – Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1988. – С. 3–11.
92. Лагутина А. В. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка // Лексическая синонимия: Сб. статей / Отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1967. – С. 121–129.
93. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. Изд. третье, стер. – Москва: URSS, 2005. – 211 с.
94. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л., 1986. – С. 453.
95. Лысякова М. В. Лексико-семантические парадигмы: лингвистический статус, критерии разграничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2005. – № 7. – С. 5–12.
96. Ма Мэнфэй. Семантика русских глаголов со значением осмеяния в зеркале китайского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.01 “Русский язык”. – Москва, 2020. – 27 с.
97. Магсумова Л. И. Концепт “угроза” в англоязычном политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11–1 (65). – С. 125–128.
98. Макарова Д. В. Речевое поведение учителя в структуре педагогического дискурса: специальность 13.00.02 “Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)”: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Москва, 2008. – 45 с.
99. Маясов В. Е. Глаголы речевой деятельности в замятинском тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 3 (28). – С. 121–125.
100. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. – М., 1974. – 202 с.

101. Мирзоева М. М. Лексико-фразеологическая синонимия в художественных произведениях С. Айни: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.22. – Душанбе, 2013. – 45 с.
102. Мищук О. Н. Речевое воздействие в политическом дискурсе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 248–253.
103. Морозова Е. Н., Тимошилова Т. М. Семантико-этимологические особенности глаголов намеренной речевой дискредитации объекта (на материале английского языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 12 (131). – С. 113–118.
104. Морозова Е. Н., Тимошилова Т. М. Семантические особенности глаголов порицания через призму этимологической дескрипции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 13(156). – С. 124–130.
105. Москович В. А. Статистика и семантика. – М.: Наука, 1969. – 304 с.
106. Нагаева А. Э. Характеристика речевого воздействия в СМИ // Colloquium-journal. – 2021. – № 3 (90). – С. 59–60.
107. Небольсина М. С. Полиситуативный анализ семантики глаголов как способ изучения национальной специфики русских глаголов речевого воздействия // Культура и текст. – 2005. – № 10. – С. 149–154.
108. Небольсина М. С. Русские глаголы речевого воздействия в аспекте полиситуативности: специальность 10.02.01 “Русский язык”: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Барнаул, 2006. – 20 с.
109. Неняева А. А. Функционирование семантического класса глаголов речевого воздействия в старославянских и древнерусских письменных памятниках XI–XVII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6–2. – С. 455–458.

110. Низкая Н. С. Методология речевого воздействия // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 46. – С. 102–104.
111. Никитина Е. Н., Онипенко Н. К. Семантика и прагматика высказываний с эмотивными предикатами // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 2. – С. 271–285.
112. Николенко Л. В. Лексикология и фразеология современного русского языка. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 144 с.
113. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике. – М., 1973. – 290 с.
114. Новиков Л. А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 672 с.
115. Новиков Л. А. Семантика русского языка. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
116. Одинцова М. П. Проблема доминанты синонимического ряда // Семантические категории языка и методы их изучения: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. (28–30 мая 1985 г.) / (Редкол.: Л. М. Васильев (отв. ред. и др.)) Ч. 2. – Уфа: [б. и.], 1985. – С. 67–68.
117. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. – М., 1986. – С. 22–129.
118. Остякова-Почежерская Г. А. Речевое воздействие как объект исследования // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 4 (136). – С. 168–177.
119. Падучева Е. В. Глаголы речевого действия как тематический класс // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 201–226.
120. Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. – М.: Просвещение, 1964. – 128 с.
121. Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.

122. Паршутина Г. А. О функциональном потенциале глаголов коммуникации в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 1. – С. 238–243.
123. Пересада О. В. Организация семантики глаголов речи в русских говорах Прибайкалья // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6(195). – С. 9–15.
124. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка: перевод с французского (изданные с 1831 г. по настоящее время). – Москва: АСТ, 2020. – 351 с.
125. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.
126. Половникова В. И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1988. – 155 с.
127. Полякова Л. С. Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 118–121.
128. Рабенко Т. Г. Жанр мольба и средства его языковой реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4–4(64). – С. 198–203.
129. Рогожникова Р. П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия: Сб. статей / Отв. ред. Бархударов С. Г. – М.: Наука, 1967. – С. 151–163.
130. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. 11-е изд. – М.: Айрис-Пресс, 2009. – 443 с.
131. Романова Н. П. Отличие синонимических пучков от родо-видовых групп // Синонимия в языке и речи. Доклады конференции. – Новосибирск: [б. и.], 1970. – С. 51–63.
132. Руссу К. Р. Как можно было распространять заведомо ложную информацию в XVIII веке? // Вестник Омского государственного

- педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 1 (30). – С. 92–95.
133. Сапега А. В. Речевое поведение лингвистов-субъектов научной коммуникации (на материале русского и французского языков): специальность 10.02.19 “Теория языка”: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 163 с.
134. Серебренников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1970. – 597 с.
135. Серегина М. А. Паремии в дискурсе речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2011. – № 11. – С. 300–308.
136. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт?; Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М., 1986. – 424 с.
137. Сёрл Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
138. Сиротинина В. А. Лексическая синонимика в русском языке. – Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1960. – 48 с.
139. Скворецкая Е. В. Датив в отношении к другим падежам в русской падежной системе // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 86–90.
140. Скребцова Т. Г. Речевое воздействие в детективном произведении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 113–117.
141. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 174 с.
142. Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике (анализ семантической структуры слова). – Киев: Вища школа, 1979. – 189 с.

143. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – Москва; Ленинград: Наука, 1965. – 565 с.
144. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания: Уч. пос. для студентов филол. спец. пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
145. Стернин И. А. О понятии «менталитет» // Язык и национальное сознание. Вып. 1. – Воронеж, 1998. – С. 22–24.
146. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.
147. Терехов И. В. Изучение студентами-лингвистами речевого поведения носителей языка на материале художественного кино Британии: проблема и пути решения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3(95). – С. 97–101.
148. Теркулов В. И. Определение глагола // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 50–56.
149. Туктагулова М. Н. К вопросу о соотношении понятий “речевое поведение” и “речевая деятельность” // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 2 (6). – С. 60–63.
150. Уфимцева А. А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия: Сб. статей / Отв. ред. Бархударов С. Г. – М.: 1967. – С. 26–38.
151. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. (На материале английского языка). – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 286 с.
152. Фаворин В. К. Синонимы в русском языке: Науч.-попул. очерк. – [Свердловск]: Свердл. кн. изд-во, 1953. – 71 с.
153. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. – Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 336 с.
154. Федосов Ю. В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. н.: Спец. 10.02.01. – Волгоград, 2002. – 40 с.

155. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
156. Фоменко Ю. В. Глагол // Современный русский литературный язык, под ред. П. А. Леканта. – М.: Высш. школа, 1996. – 462 с.
157. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 1990. – 416 с.
158. Фонвизин Д. И. Примечание на критику, напечатанную на 113-й и 114-й страницах II части «Собеседника», касающуюся до «Опыта Российского сословника», Собр. соч., т. I, Гос. изд. художественной литературы. – М., 1959. – 238 с.
159. Фонвизин Д. И. Опыт Российского сословника. – СПб., 1783, ч. I. – С. 126–134; ч. IV, С. 143–157; ч. X, С. 137–142.
160. Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения: научно-популярное издание. 2-е изд., доп. и испр. – Москва: Изд-во ИКАР, 2010. – 237 с.
161. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – Москва: Издательство Икар, 2007. – 478 с.
162. Фу Ямэй. Русские и китайские глаголы речевого воздействия со значением «хвалить»: сравнительный анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 6 (169). – С. 208–215.
163. Фу Ямэй. Глаголы речевого воздействия, обозначающие понятие «укор», и их китайские аналоги // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 12. – С. 339–344.
164. Фу Ямэй. Синонимический ряд русских глаголов с доминантой «насмехаться»: функционально-семантический и лингвокультурологический подходы // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 6 (45). – С. 706–712.
165. Фу Ямэй. Лексема-уточнитель глаголов «клясться» и «божиться»: на фоне их китайских аналогов // Современный ученый. – 2022. – № 4. – С. 138–143.

166. Фу Ямэй. Семантика и функционирование глагола «приветствовать» на фоне его китайских аналогов // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6 (97). – С. 481–485.
167. Фу Ямэй. Семантика и функционирование глагола «взмаливаться/взмолиться» в прозе М. Горького и его китайские аналоги // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 10 (2). – С. 95–97.
168. Фу Ямэй. О составе лексико-семантической группы глаголов речевого убеждения // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: матер. докл. и сообщ. XXV междунар. науч. метод. конф. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2020. – С. 79–82.
169. Харабаева В. И. Глаголы речевой деятельности в якутском языке // Интерактивная наука. – 2021. – № 9 (64). – С. 72–74.
170. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Публикации Отд-ния структурной и прикл. лингвистики. Под общ. ред. В. А. Звегинцева. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.
171. Чаплин Е. В. Когнитивная интерпретация акта говорения в естественном языке: специальность 10.02.19 “Теория языка”: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2020. – 246 с.
172. Черняк В. Д. Синонимические связи слов в лексической системе русского языка: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. н / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1992. – 41 с.
173. Черняк В. Д. Синонимия в русском языке. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 128 с.
174. Шагдурова О. Ю., Озонова А. А. Глаголы речевой деятельности в тюркских языках и диалектах севера Саяно-Алтая // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 157–163.
175. Шайкевич А. Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей // ИЯШ. – 1963. – Вып. II. – С. 14–26.

176. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности “Русский язык и литература”. 4-е изд., доп. – Москва: URSS: Либроком, 2009. – 305 с.
177. Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов (на материале русского языка) // Доклады и сообщения ин-та языкознания АН СССР. – 1955. – № 8. – С. 69–87.
178. Шапиро А. Б. Рецензия на книгу «Синонимы в русском языке» // Русский язык в школе, 1953, № 6.
179. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова) / (Редкол.: М. В. Ляпон (отв. ред.) и др.). – М.: ИРЯ, 1995. – С. 409–414.
180. Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2-х т.: Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
181. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и таксономия // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 1 (10). – С. 23–30.
182. Шишков А. С. Разсуждение о красноречии священнаго писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие красота и сила российскийскаго языка, и какими средствами оный еще боле разпространить, обогатить и усавершенствовать можно. – Санкт-Петербург: Печатано в Императорской типографии, 1811. – 111 с.
183. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале рус. яз.) / АН СССР. Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 1973. – 280 с.
184. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
185. Эгамназаров Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2018. – № 1(54). – С. 185–189.

186. Aler Paul. *Gradus ad Parnassum sive Novus synonymorum, epithetorum, et phrasium poeticarum thesaurus...* Ab uno e Societate Jesu recognitum. Editio novissima. Coloniae Agrippinae [Köln]: apud Wilhelm, et Francisc. Metternich, 1687, 792 c.
187. Brown P., Levinson S. C. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge, 1987.
188. Butler H. E. *The Institutio oratoria of Quintilian*. vol. II, Lipsial, 1866, 149 p.
189. Charles E. Osgood, *Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind*. Praeger Publishers, 1988.
190. George A. Miller *Language and Communication*. 1963. 298 p.
191. Ipsen G. *Der Alte Orient unt die Indogermanen*, 1924. pp. 30–45.
192. La Porte, Maurice de, parisien *Les Épithètes de M. de la Porte, parisien*. 1571.
193. Leech Geoffrey. *Principles of Pragmatics*. New York, 2016.
194. Meyer R. N. *Bedeutungssysteme // KZ*, 43, 4, 1910. pp. 358– 366.
195. Mischel W., Shoda Y. *A cognitive-affective system theory of personality: Reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure*, *Psychological Reports*, 1995, vol. 102 (2), pp. 246–268.
196. Montmerana A. *Synonymes et épithètes françoises*. 1645.
197. Ron Scollon, Suzanne Wong Scollon, Rodney H. Jones. *Intercultural Communication: A Dis- course Approach*. Third Edition. Oxford, 2012.
198. Skinner B. F. *Verbal behavior*. New York: Appleton-Century-Crofts, Cop.1957. XII, 480 p.
199. 贾玉新, *跨文化交际学 [M]*, 上海, 上海外语教育出版社, 1997. 532 页. (Цзя Юйсинь. *Межкультурная коммуникация [M]*, Шанхай: Изд-во «Шанхайское издательство по изучению иностранных языков», 1997. 532 с).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

200. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. – М.: Русские словари: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 667 с.
201. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11000 синонимических рядов. 17-е изд., стереотип. – М.: Русский язык Медиа; Дрофа, 2010. – 564 с.
202. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
203. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: [Ок. 7 тыс. терминов]. 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.
204. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.
205. БАС — Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. – Москва: Наука; – Санкт-Петербург: Наука, Т. 1. СПб., 2004. – 661 с.; Т. 2. СПб., 2005. – 657 с.; Т. 3. 2005. – 664 с.; Т. 4. 2006. – 677 с.; <...> Т. 27. 2021. – 799 с.
206. Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи: около 300000 словарных статей; Хэйлунцзянский университет, научно-исследовательский центр по русской филологии и культуре, институт лексикографии. – Пекин: Изд-во «Шаньфу иньшугуань», 2014. – 4463 с.
207. Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10000 глаголов:

- идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / [Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Пробл. группа “Рус. глагол”; авт.-сост.: д. филол. н. Л. Г. Бабенко и др.] под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-Пресс: АСТ Пресс книга, 2007. – 573 с.
208. Галич А. И. Словарь русских синоним или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений: Ч. 1. – Санкт-Петербург: тип. Третьего деп. М-ва гос. имуществ, 1840. – 496 с.
209. Горбачевич К. С. Словарь синонимов русского языка: более 4000 синонимов. – Москва: Эксмо, 2012. – 599 с.
210. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4 Т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы, Т. 3. 1999. – 752 с.
211. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 680 с.
212. Ключева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. Предисловие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Учпедгиз, 1961. – 344 с.
213. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка / [составитель: Г. А. Крылов]. – СПб.: ООО «Виктория плюс», 2017. – 432 с.
214. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
215. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
216. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка: [Св. 4000 словар. ст.] / Составители Л. А. Войнова и др.; под ред. А. И. Молоткова. 5-е изд., стер. – СПб.: Вариант, 1994. – 543 с.
217. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; [В. Ю. Апресян и др.] Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 1417 с.
218. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000

- слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4 е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
219. Павлов-Шишкин В. Д., Стефановский П. А. Учебный словарь синонимов русского литературного языка. – Москва: [Мир], 1930. – 242 с.
220. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
221. Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. – Москва, 1994.
222. Семенов А. В. Большой этимологический словарь [Электронный ресурс]: [русский язык]. – [Саратов]: Научная книга, 2008. – 588 с.
223. Словарь синонимов русского языка: [около 8000 статей]. Словарь антонимов русского языка: [около 8000 пар антонимов / к сб. в целом: ред. Михайлова О. В.]. Изд. 3-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург: Victory: Виктория плюс, 2016. – 608 с.
224. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т.: Ок. 145000 слов. 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Т. 1. 1990. – 885 с.
225. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т.: более 145000 слов. 3. изд., испр. и доп. – Москва: АСТ: Астрель, Т. 2. 2003. – 941 с.
226. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / сост.: Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов ... [и др.]; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Москва: Государственный институт “Советская энциклопедия”, 1934–1940.
227. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. пер. с нем. и доп. акад. РАН О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. – Москва: Астрель: АСТ, 2009. – 860 с.
228. Частотный словарь русского языка [Текст] : Около 40000 слов / [Сост. В. А. Аграев, В. В. Бородин, Л. Н. Засорина и др.] ; под ред. Л. Н. Засориной; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова, Науч.-исслед. ин-т прикл.

математики и кибернетики при Горьковском гос. ун-те им. Н. И. Лобачевского. – Москва: Рус. яз., 1977. – 935 с.

229. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. – М.: Русский язык, 1994. – 623 с.

230. 程荣. 同义词大词典 (辞海版). 上海:上海辞书出版社. 2010 年 10 月 1151 页 Чен Рон. Большой словарь синонимов. – Шанхай: Шанхайское изд-во словарей, 2010. – 1151 с.

231. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典(第七版). 北京: 商务印书馆. 2016 年 9 月. 1800 页. Словарь современного китайского языка. Редакционный кабинет словаря, институт языковых исследований Китайской академии социальных наук. 7-е изд. – Пекин: Изд-во «Шанъуиньшугуань», 2016. – 1800 с.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

232. Ибрагимов Н. О синонимах. 1814.
http://az.lib.ru/i/ibragimow_n_m/text_0020oldorfo.shtml?ysclid=lgdfh7fvz1237861694
233. Карева Н. В. Французские словари синонимов, эпитетов и поэтического языка (конец XVII – первая половина XIX в.)
<https://www.ruslang.ru/doc/kareva20.12.2016.pdf>
234. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — URL:
http://ruscorpora.ru/new/search_main.html (дата обращения: 25.06.2022)
235. Онлайн-Лингвистический корпус китайского языка [Электр. ресурс]. URL:
<http://corpus.zhonghua.yuwen.org> (дата обращения: 09.01.2022).
236. CCL 语料库检索系 (Лингвистический корпус китайского языка Пекинского университета) [Электр. ресурс]. — URL:
http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai (дата обращения: 09.01.2022).
237. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». — URL:
<https://cyberleninka.ru/search?q=речевое%20воздействие&page=1> (дата обращения: 09.03.2023).
238. 百度汉语 (Вай Ду китайский язык) [Электр. ресурс]. — URL:
<https://hanyu.baidu.com> (дата обращения: 09.01.2022).
239. 中华语文 (Китайская филология). — URL: <http://corpus.zhonghua.yuwen.org>
(дата обращения: 09.03.2023).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ – Академическая грамматика

АП – Антонимическая пара

АСБ – Антонимо-синонимичный блок

БТС – Большой толковый словарь

ЛСВ – Лексико-семантический вариант

ЛСГ – Лексико-семантическая группа

ЛСП – Лексико-семантическое поле

ЛТГ – Лексико-тематическая группа

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь

МАС – Малый академический словарь

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

НСВ – Несовершенный вид

РВ – Речевое воздействие

РД – Речевая деятельность

РКС – Русско-китайский словарь

РЯЭ – Русский язык: Энциклопедия

СВ – Совершенный вид

СМИ – Средств-массовой информации

СП – Семантическое поле

СР – Синонимический ряд

ТСКЯ – Толковый словарь китайского языка

ССЛ – Лингвистический корпус китайского языка Пекинского университета

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ 1**Образец анкеты для носителей русского языка**

Уважаемые информанты, ответьте, пожалуйста, на вопросы анкеты. Пожалуйста, не пользуйтесь словарями или Интернетом при ответе на вопросы. Спасибо!

Ваш пол:

Ваш возраст:

Образование:

1. Пожалуйста, напишите своими словами значение глагола *хвалить*:
2. Укажите его стилистическую отнесённость: разг., книжн., прост., или др.?
3. Укажите выражаемую глаголом оценку: положительную, отрицательную или нейтральную.
4. Напишите предложение с указанным глаголом.
5. Употребляете ли вы в своей речи этот глагол?

Продолжение таблицы № 3

Возможные особенности глаголов СР *хвалить*

Глагольные единицы	Синоним к глаголу <i>хвалить</i>	Разг.	Книжн.	Нейтр.	Прост.	Полож.	Отриц.	Нейтр.
<i>честить</i>								
<i>чествовать</i>								
<i>льстить</i>								
<i>рукоплескать</i>								

7. Напишите своими словами значения глаголов, которые вы отметили выше.

Таблица № 4

Возможные определения глаголов СР *хвалить*

Синонимы к глаголу <i>хвалить</i>	Значения глаголов
<i>одобрять</i>	
<i>превозносить</i>	
<i>расхваливать</i>	
<i>нахвалять</i>	
<i>восхвалять</i>	
<i>выхвалять</i>	
<i>выхваливать</i>	
<i>славословить</i>	
<i>славить</i>	
<i>выславлять</i>	
<i>прославлять</i>	
<i>величать</i>	
<i>возвеличивать</i>	

Продолжение таблицы № 4

Возможные определения глаголов СР *хвалить*

Синонимы к глаголу <i>хвалить</i>	Значения глаголов
<i>возвышать</i>	
<i>возносить</i>	
<i>идеализировать</i>	
<i>рекламировать</i>	
<i>рекомендовать</i>	
<i>воспевать</i>	
<i>захваливать</i>	
<i>честить</i>	
<i>чествовать</i>	
<i>льстить</i>	
<i>рукоплескать</i>	

8. Какие из них вы чаще употребляете в своей речи? Какие из них вы практически не используете?

Таблица № 5

Возможности употреблений глаголов СР *хвалить*

<i>одобрять</i>	<i>превозносить</i>	<i>расхваливать</i>	<i>нахваливаться</i>	<i>восхвалять</i>
<i>выхвалять</i>	<i>выхвалять</i>	<i>славословить</i>	<i>славить</i>	<i>выславлять</i>
<i>прославлять</i>	<i>величать</i>	<i>возвеличивать</i>	<i>возвышать</i>	<i>возносить</i>
<i>идеализировать</i>	<i>рекламировать</i>	<i>рекомендовать</i>	<i>воспевать</i>	<i>честить</i>

Продолжение таблицы № 5

Возможности употреблений глаголов СР *хвалить*

<i>чествовать</i>	<i>льстить</i>	<i>рукоплескать</i>	<i>захваливать</i>	<i>гладить по головке</i>

9. Допишите глаголы, которые вы считаете синонимами к глаголу *хвалить*, но которые не указаны в списке:

Спасибо Вам огромное!

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ 2**Образец анкеты для носителей русского языка**

Уважаемые информанты, ответьте, пожалуйста, на вопросы анкеты. Мы убедительно просим вас не пользоваться словарями и Интернетом при ответах на вопросы. Спасибо.

Ваш пол:

Ваш возраст:

Образование:

1. Пожалуйста, напишите своими словами значение глагола *ругать*:

2. Укажите его стилистическую отнесённость: разг., книжн., прост., или др.?

3. Укажите выражаемую глаголом оценку: положительную, отрицательную или нейтральную.

4. Напишите предложение с указанным глаголом.

5. Употребляете ли вы в своей речи этот глагол?

Продолжение таблицы № 6

Возможные особенности глаголов СР *ругать*

Глаголы	Синоним к глаголу <i>ругать</i>	Разг.	Книжн.	Нейтр.	Прост.	Полож.	Отриц.	Нейтр.
<i>пенять</i>								
<i>гвоздить</i>								
<i>набрасываться</i>								
<i>нападать</i>								
<i>орать</i>								
<i>порочить</i>								
<i>придираться</i>								
<i>сквернословить</i>								
<i>укорять</i>								
<i>стервить</i>								
<i>расхаивать</i>								

7. Напишите своими словами значения глаголов, которые вы отметили выше.

Таблица № 7

Возможные определения глаголов СР *ругать*

Глаголы	Определения глаголов
<i>бесславить</i>	
<i>бранить</i>	
<i>проклинать</i>	
<i>стыдить</i>	
<i>пилить</i>	
<i>грызть</i>	
<i>поносить</i>	
<i>крыть</i>	
<i>хаять</i>	

Продолжение таблицы № 7

Возможные определения глаголов СР *ругать*

Глаголы	Определения глаголов
<i>охаивать</i>	
<i>хулить</i>	
<i>кричать</i>	
<i>честить</i>	
<i>чихвостить</i>	
<i>обзывать</i>	
<i>костить</i>	
<i>костерить</i>	
<i>лаять</i>	
<i>собачить</i>	
<i>сволочить</i>	
<i>прорабатывать</i>	
<i>поругивать</i>	
<i>выговаривать</i>	
<i>пробирать</i>	
<i>разносить</i>	
<i>распекать</i>	
<i>песочить</i>	
<i>шпиговать</i>	
<i>пушить</i>	
<i>отделявать</i>	
<i>шерстить</i>	
<i>греть</i>	
<i>жучить</i>	
<i>утюжить</i>	
<i>строжить</i>	

Возможные определения глаголов СР *ругать*

Глаголы	Определения глаголов
<i>журить</i>	
<i>протаскивать</i>	
<i>протягивать</i>	
<i>продергивать</i>	
<i>прохватывать</i>	
<i>громить</i>	
<i>критиковать</i>	
<i>упрекать</i>	
<i>порицать</i>	
<i>отчитывать</i>	
<i>пенять</i>	
<i>гвоздить</i>	
<i>набрасываться</i>	
<i>нападать</i>	
<i>орать</i>	
<i>порочить</i>	
<i>придираться</i>	
<i>сквернословить</i>	
<i>укорять</i>	
<i>стервить</i>	
<i>расхаивать</i>	

8. Какие глаголы из тех, что вы отметили, как близкие по значению к глаголу *ругать*, являются наиболее частотными, по вашему мнению?

Таблица № 8

Возможности семантической близости глаголов СР *ругать*

<i>ругать</i>	<i>бесславить</i>	<i>бранить</i>	<i>проклинать</i>	<i>стыдить</i>
<i>пилить</i>	<i>грызть</i>	<i>поносить</i>	<i>крыть</i>	<i>хаять</i>
<i>охаивать</i>	<i>хулить</i>	<i>кричать</i>	<i>честить</i>	<i>чихвостить</i>
<i>расхаивать</i>	<i>обзывать</i>	<i>костить</i>	<i>костерить</i>	<i>лаять</i>
<i>собачить</i>	<i>сволочить</i>	<i>прорабатывать</i>	<i>поругивать</i>	<i>выговаривать</i>
<i>пробирать</i>	<i>разносить</i>	<i>распекать</i>	<i>песочить</i>	<i>ипиговать</i>
<i>пушить</i>	<i>отделявать</i>	<i>шерстить</i>	<i>греть</i>	<i>жучить</i>
<i>утюжить</i>	<i>строжить</i>	<i>журить</i>	<i>протаскивать</i>	<i>протягивать</i>
<i>продергивать</i>	<i>прохватывать</i>	<i>громить</i>	<i>критиковать</i>	<i>упрекать</i>
<i>порицать</i>	<i>отчитывать</i>	<i>пенять</i>	<i>гвоздить</i>	<i>набрасываться</i>
<i>нападать</i>	<i>орать</i>	<i>порочить</i>	<i>придираться</i>	<i>сквернословить</i>
<i>укорять</i>	<i>стервить</i>			

9. Какие из них вы чаще употребляете в своей речи? Какие из них вы практически не используете?

Таблица № 9

Возможности употреблений глаголов СР *ругать*

<i>ругать</i>	<i>бесславить</i>	<i>бранить</i>	<i>проклинать</i>	<i>стыдить</i>
<i>пилить</i>	<i>грызть</i>	<i>поносить</i>	<i>крыть</i>	<i>хаять</i>
<i>охаивать</i>	<i>хулить</i>	<i>кричать</i>	<i>честить</i>	<i>чихвостить</i>
<i>расхаивать</i>	<i>обзывать</i>	<i>костить</i>	<i>костерить</i>	<i>лаять</i>
<i>собачить</i>	<i>сволочить</i>	<i>прорабатывать</i>	<i>поругивать</i>	<i>выговаривать</i>
<i>пробирать</i>	<i>разносить</i>	<i>распекать</i>	<i>песочить</i>	<i>ипиговать</i>
<i>пушить</i>	<i>отделявать</i>	<i>шерстить</i>	<i>греть</i>	<i>жучить</i>
<i>утюжить</i>	<i>строжить</i>	<i>журить</i>	<i>протаскивать</i>	<i>протягивать</i>
<i>продергивать</i>	<i>прохватывать</i>	<i>громить</i>	<i>критиковать</i>	<i>упрекать</i>
<i>порицать</i>	<i>отчитывать</i>	<i>пенять</i>	<i>гвоздить</i>	<i>набрасываться</i>
<i>нападать</i>	<i>орать</i>	<i>порочить</i>	<i>придираться</i>	<i>сквернословить</i>
<i>укорять</i>	<i>стервить</i>			

10. Допишите глаголы, которые вы считаете синонимами к глаголу *ругать*, но которые не указаны в списке:

Спасибо вам огромное!

ПРИЛОЖЕНИЕ III. ОБРАЗЕЦ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

В соответствии с *тематическим* принципом построения словаря вводятся следующие рубрикаторы: *хвалять*, *ругать*, которые набираются полужирным прямым шрифтом. Под тематическим рубрикатором, в порядке сокращения количества единиц, под знаком *, прямым шрифтом, помещаются наименования подрубрик — это наименования звеньев синонимических рядов *хвалять* и *ругать*:

- 1) *Глаголы синонимического звена *хвалять* – *расхвалявать* – *нахвалять*.
- 2) *Глаголы синонимического звена *ругать* – *бранить* – *крыть* – *кричать* – *орать* – *лаять* – *пробирать*.

Под рубрикаторами подрубрик помещаются словарные статьи, включающие несколько зон. Словарная статья состоит из 5-ти зон:

➤ **В первой зоне**, под знаком* заглавные слова печатаются в начале словарной статьи прописными буквами полужирным шрифтом, затем дается краткая грамматическая информация о глаголе, приводятся функционально-стилистическая и эмоционально-экспрессивная пометы.

***ХВАЛІТЬ**, хвалю, хвалишь; НСВ. Управление глагола: *хвалять кого-, что-л.*

✓ **Толкование**

➤ **Вторая зона — зона толкования.** В зоне толкования размещаются глагольные единицы, в том порядке, который принят в синонимическом звене. Предлагаемый словарь является учебным, поэтому в нем в первую очередь представлена нейтральная лексика. Авторы пытались внедрить принцип

«семантической ступенчатости описания» или другими словами «описание некоторого слова цепочкой предельно простых в семантическом отношении слов» [Денисов 1980].

☺ **ХВАЛИТЬ** — ‘Вербальное действие, выражающее положительную оценку. ’; ‘Распространяться о чьих-н. высоких качествах, достоинствах; ‘прославлять, возносить хвалу богам, божествам, высказывать одобрение, похвалу кому-, чему-л.’

➤ **Третья зона. Иллюстративный материал.** Авторы старались, чтобы иллюстративный материал выполнял две основные функции: дополнительной семантизации глагольных единиц и быть примером нормативного употребления.

В контекстах НКРЯ в глаголе *хвалить* актуализуется основное лексическое значение, приводимое во всех толковых словарях — ‘хвалить действия или качества кого-л.’; его антонимом является глагол *порицать*. в большинстве говорящий, выражая искреннюю похвалу, оказывает на реципиента положительное эмоциональное воздействие:

«А Мария Петровна всё *хвалила* Якова и *хвалила*: “Молодец, молодец...” — и гладила его по голове горячей ладонью» [Борис Екимов. Фетисыч (1996), НКРЯ].

«Училка ему пятерку поставила и так *хвалила*: я, говорит, всегда знала — ты можешь, если очень постараться, “терпенье и труд все перетрут”» [Инна Андреева. Брызги шампанского (2014), НКРЯ].

«У нас европейцев много бывает на спектаклях, заказывают билеты по интернету и очень *хвалят*» [О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016), НКРЯ].

➤ **Четвертая зона. Особенности:**

Примечательно, что подобного рода контексты сопровождаются дополнительными лексическими средствами типа слов *очень* (*хвалила*), *так* (*хвалила*) или повторением самого глагола с местоименным наречием *всё* в значении ‘постоянно’ (*всё хвалила и хвалила*) с целью усиления речевого

воздействия на реципиента. В целом, интерпретация стержневого глагола *хвалить* может быть сформулирована следующим образом: ‘говорить похвалу кому-л. или чему-л.; форма общения, выражающая вежливость и учтивость; действие по получению выгоды или достижению обмена выгодами; дружеский сигнал, чтобы переломить ход неприятных взаимодействий; слепо, порой под влиянием толпы/коллектива давать кому-л. высокую оценку, чтобы соответствовать предпочтениям начальства; признание личных предпочтений или собственной этнической принадлежности’.

➤ **Пятая зона.** Сопоставление с китайскими аналогами.

SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY

Manuscript copyright

Fu Yamei

**SYNONYMIC ROWS OF RUSSIAN VERBS OF SPEECH AFFECT WITH THE
DOMINANTS *TO PRAISE* AND *TO SCOLD*
IN THE BACKGROUND OF CHINESE:
FUNCTIONAL AND SEMANTIC ASPECTS**

Scientific specialty 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

Dissertation

For a scientific degree of Candidate of Philological Sciences

Translation from Russian

Scientific advisor:
Candidate of Pedagogical Sciences
Yakimenko Nadezhda Yegorovna

Saint Petersburg

2023

200
CONTENTS

INTRODUCTION	201
CHAPTER I. THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF VERBS OF SPEECH AFFECT.....	210
1.1. THE VERB AND ITS FEATURES	210
1.2. SYSTEMATICITY AS THE MAIN APPROACH TO THE STUDY OF THE RUSSIAN LANGUAGE LEXICON	218
1.3. SYNONYMS IN LINGUISTICS.....	230
1.3.1. WAYS OF IDENTIFYING AND DESCRIBING SYNONYMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE	231
1.3.2. THE MAIN UNITS AND DOMINANTS OF A SYNONYMIC ROW	241
1.4. MAIN ASPECTS OF THE STUDY OF RUSSIAN VERBS OF SPEECH AFFECT	247
CONCLUSIONS I	257
CHAPTER II. FUNCTIONAL-SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF SPEECH AFFECT VERBS IN RUSSIAN.....	261
2.1. PRINCIPLES OF CLASSIFICATION AND DESCRIPTION.....	262
2.2. SYNONYMIC ROW OF RUSSIAN VERBS WITH THE DOMINANT <i>TO PRAISE</i>	269
2.3. SYNONYMIC ROW OF RUSSIAN VERBS WITH THE DOMINANT <i>TO SCOLD</i>	281
CONCLUSIONS II.....	303
CHAPTER III. COMPARISON OF RUSSIAN VERBS OF SPEECH AFFECT WITH THEIR CHINESE EQUIVALENTS IN SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECTS	310
3.1. VERB UNITS OF THE SYNONYMIC ROW WITH THE DOMINANT <i>TO PRAISE</i> IN THE MIRROR OF THE CHINESE LANGUAGE	310
3.2. VERB UNITS OF THE SYNONYMIC ROW WITH THE DOMINANT <i>TO SCOLD</i> IN THE MIRROR OF THE CHINESE LANGUAGE	321
CONCLUSIONS III	330
CONCLUSION	333
REFERENCE.....	337
LIST OF ABBREVIATIONS	358
APPENDIX I. SAMPLE QUESTIONNAIRE 1.....	359
APPENDIX II. SAMPLE QUESTIONNAIRE 2	364
APPENDIX III. SAMPLE DICTIONARY ENTRY	373

INTRODUCTION

This paper is devoted to the description of semantic, functional and, partially, linguistic, and cultural features of Russian verbs of the speech affect group, against the background of the Chinese language. The notion of speech affect is closely connected with the processes of thinking, speech behavior and speech activity. The success of linguistic research depends on the degree of development of these problems.

The important role of speech behavior in the life of an individual and society has been mentioned by many researchers, and many scientists have dealt with human mental and cognitive processes. For example, Wilhelm von Humboldt introduced the concept of speech activity, in his works language was considered as a means of interaction between people and society (1831); the famous Swiss psychologist J. Piaget developed a theory about the relationship between verbal behavior of children and the development of their thinking and changes in their psychological characteristics in the process of socialization (1932); American psychologist B. F. Skinner described his ideas on this issue in his book “Verbal Behavior” (1957); Noam Chomsky in his work “Aspects of Syntax Theory” (1972) introduced the concept of deep structure, which determines the semantic interpretation of sentence syntax from the position of psycholinguistics; Charles E. Osgood — developed the theory of the “neo-behaviorist concept” (1988); American psychologist Walter Michel believed that human behavior is shaped by the interaction of cognitive-affective units and situational variables, including, of course, speech behavior (1995). Linguists also pay due attention to speech behavior (N. I. Formanovskaya “Culture of communication and speech behavior”, 2010; I. V. Terekhov “The study of speech behavior of native speakers by linguistic students on the material of British art cinema: problem and solutions”, 2011; A. V. Sapega “Speech behavior of scientific communication subjects: on the material of Russian and French”, 2008 and others). The methodologists (M. N. Tuktagulova «To a question on a

parity of concepts “Speech Behaviour” and “Speech Activity” », 2009); D. V. Makarova “Speech Behaviour of the Teacher in the Structure of Pedagogical Discourse”, 2008, etc.) do not leave speech activity beyond the limits of their scientific and practical interests. This problem is also considered by philosophers of language (J. Austin (1986), John Searle (1986), G. P. Grice (1985), etc.).

Speech is closely related to all human mental and cognitive processes, and its functions are an important component of society's existence. Through speech, humans store and transmit spiritual and cultural values. With the help of speech, people can express their thoughts, express emotions, and describe various processes. One of the main means of conveying the features of human speech behavior are verbs of the lexical-semantic group (LSG) of verbs of speech, including verbs of speech affect (to praise, flatter, scold, blaspheme, etc.). Playing an important role in describing speech activity, these verbs in the Russian language differently describe the communicative activity of the characters in the Russian text, have their own characteristics that require further research, including in the aspect of Russian as a foreign language.

The semantics of verbs of speech affect is difficult for Chinese learners, who do not always understand their meaning in certain contexts. These verbs often do not correlate with the Chinese units neither in the volume of meaning, nor in their functions, which generates not only linguistic and speech errors, but also leads to misunderstanding of the meaning of the text, and, as a consequence, to a violation of communication. This can be explained, in particular, by the peculiarities of the mentality of both Russian and Chinese people.

Since the 1950s there has been a large number of studies of verb semantics, including the semantics of verbs of speech influence (hereinafter — verbs of speech affect). Scholars who have made significant contributions to the development of verb semantics are V. V. Vinogradov 1956, Y. D. Apresyan 1967, V. G. Gak 1971, L. M. Vasiliev 1976, Y. N. Karaulov 1976, etc. The number of scholars studying RV verbs includes T. V. Kochetkova 1978, L. G. Babenko 1999, A. A. Zalizniak 2000, 2012, E. V. Paducheva 2003, etc.

Over the last two decades many linguists have been studying the verbs of speech affect: M. S. Nebolosina (“Russian verbs of speech affect in the aspect of polysituativity”, 2006); E. V. Paducheva (“Verbs of speech action as a thematic class”, 2003); N. I. Formanovskaya (“Speech interaction: communication and pragmatics”, 2007); Y. V. Zubova (“Synonymic series of expressive verbs of the Russian language in a training dictionary for foreigners”, 2002); E. V. Chaplin (“Cognitive interpretation of the act of speaking in natural language”, 2020); Ma Mengfei (“Semantics of Russian verbs with the meaning of ridicule in the mirror of Chinese”, 2020) and others.

A comparative study of the semantics of verbs of speech affect in Russian and Chinese has not yet been conducted. No one has proposed an algorithm for their semantization, with clear indications of the similarities and differences of the verbs of these synonymic series, nor have these similarities and differences themselves been described. What has been done in L. G. Babenko's dictionary is already scarce, and what is available is not sufficiently developed for foreigners. The group of verbs of speech affect was not complete. The semantization given in the dictionary is designed for native speakers. We propose to create a maximally extended list of verbs of speech affect, supplementing it with units from other groups of verbs of speech activity and suggest ways of their description and semantization that are most effective in the Chinese audience. Praise and censure occupy an important position in human education in any culture, but the scope of the meaning of these concepts and the conditions of their implementation do not always coincide in differently structured languages, which are Russian and Chinese in relation to each other.

Verbs of praise and censure are numerous in their composition and form in Russian a large number of synonymous series, as well as antonymous pairs. The totality of synonymic series and antonymic pairs is called antonymo-synonymic blocks (ASB). Such paradigms, it seems to us, especially clearly reflect lexical relations, which is especially valuable and convenient when teaching Russian as a foreign language. In this work, ASB is defined as “such an association of synonyms and antonyms, the core of which is an antonymy pair that heads two synonymic series ordered by a single gradality in meaning for the whole association” [Fedosov 2002: 6].

The combinations of verb units with the meaning to praise and verb units with the meaning to scold represent two groups of verbs expressing positive and negative speech affect, which occupy a central place in the communication of any national language. These two sets of verbs exist in multi-member synonymic series (with the dominant verb praise: 23 verb units in Russian and 33 in Chinese; with dominant scolding: 36 in Russian and 35 in Chinese), which are difficult for foreign learners to distinguish and master because of the semantic proximity of their members. At the moment, there are no synonymic training dictionaries of these verb synonyms of the Russian language, oriented to a foreign (in particular, Chinese) user.

All of the above explains the **relevance** of the present work.

The **aim** of the study is to identify the features of semantics and functioning of the synonymic series of verbs of speech affect with the dominants praise and scold in the modern Russian language for their further presentation to the Chinese audience.

In order to achieve this goal, it is necessary to solve the following **tasks**:

1. to describe the theoretical basis of the research.
2. to select verbs of speech affect from the dictionary of L.G. Babenko “Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms” (1999).
3. Propose an ideographic classification of the selected verb units and identify the core words for each subgroup.
4. select synonyms to basic verbs from the Russian language dictionaries of synonyms, expand the number of each subgroup, and construct a synonymic series of verbs of speech affect.
5. To develop questionnaires and conduct a survey of speakers of modern Russian to identify the differences between synonyms in the Russian linguistic consciousness, to clarify the composition of synonymic rows.
6. Conduct a linguistic analysis of the selected material in the National Corpus of the Russian language.
7. To conduct a comparative analysis of Russian verbs of speech affect with their Chinese counterparts.

The **object** of research in this paper is the synonymic series of Russian verbs of speech affect with the dominants praise and scold.

The **subject** of the research is the peculiarities of semantics and functioning of Russian verbs of speech affect against the background of their Chinese counterparts.

Research methods and techniques: semantic analysis method, descriptive analysis method, distributive analysis method, component analysis method, functional semantic field method, comparative analysis method, contextual analysis method, as well as methods of continuous and directed sampling, questioning, formalization, deduction, induction, word-formation analysis, methods of stylistic characteristics of units and quantitative counting.

The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time the study of semantics and functioning of the Russian verbs of speech affect against the background of their Chinese counterparts.

The hypothesis of the study is the assumption that 1) the study of peculiarities of the semantics of Russian verbs of speech influence will be more complete and correct if it is carried out against the background of another, unrelated, in our case Chinese language. The identification of peculiarities of semantics will allow to visualize universal and national-specific in the use of verbs RV in Russian and Chinese, and to draw conclusions about some specific features of Russian and Chinese mentality; 2) given the differences in the language system (functional, grammatical, and syntactic properties) of the verbs under study, we can implement multivariant interpretations of these verb units in the Chinese audience; 3) the study of peculiarities of semantics and functioning of Russian verbs of speech impact will allow to predict difficulties in working with these synonymous verbs in the Chinese audience, as well as ways to present this material by means of clear linguistic and methodological description.

The material of the study consists of data from Russian and Chinese explanatory dictionaries, dictionaries of synonyms, as well as contexts from the National Corpus of the Russian language, containing Russian verbs of speech influence, and contexts from Peking University Linguistic Corpus and Baidu Chinese language, containing verbs of speech affect in the Chinese language.

The theoretical significance of this study is that its results may contribute to the functional-semantic study of verbal synonyms of one language against the background of another. Such research is aimed at studying the problems of lexical functional semantics, pragmatics and linguoculturalism and can supplement and improve the theory of educational lexicography, educational linguoculturalism, educational linguocountryology. Presentation of comparative analysis of Russian verbs and their translational equivalents in Chinese may contribute to the theoretical development of contrastive linguistics.

The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language, in particular, when reading special courses on lexical semantics, grammar, word formation and pragmatics, when compiling Russian Chinese dictionaries of verbs, dictionaries of synonyms and even when developing translation programs using artificial intelligence.

The theoretical and methodological basis of the thesis research was formed by:

- works devoted to verbs: L. L. Bulanin 1967, A. V. Bondarko 1971, S. I. Bogdanov 2009; semantic features of Russian verbs: Y. D. Apresyan 1967, L. M. Vasiliev 1976, 1981, Y. N. Karaulov 1976, A. V. Kosov 1988, E. V. Kuznetsova 1989, F. S. Bacevich 1992, N. Y. Shvedova 1995; functional and grammatical features of verbs: T. V. Bulygina 1980, A. V. Bondarko 1984, L. I. Bogdanova 2001.

- Studies in the field of lexical systematics and dictionary associations of the Russian language: R. A. Budagov 1949, 1951, 1952, A. V. Fedorov 1953, V. V. Vinogradov 1956, 1977, A. A. Ufimtseva 1962, A. I. Kuznetsova 1963, Y. S. Sorokin 1965, V. G. Gak 1971, 1977, L. M. Vasiliev 1971, 1990, P. N. Denisov 1980, F. P. Filin 1982, V. I. Polovnikova 1988, I. P. Slesareva 1990, E. I. Zinovieva 2003, I. V. Boikova 2004, L. V. Nikolenko 2005, etc.

- Works on synonymy problems: V. K. Favorin 1953, Y. D. Apresyan 1957, 1995, V. A. Sirotinina 1960, V. N. Klyueva 1961, M. F. Palevskaya 1964, A. A. Ufimtseva 1967, K. S. Gorbachevich 1967, A. P. Evgenjeva 1967, 1999, 2003, B. A. Serebrennikov 1970, N. P. Romanova 1970, L. A. Novikov 1973,

M. P. Odintsova 1985, A. A. Bragina 1986, V. D. Chernyak 1992, L. I. Balashova 1999, Y. N. Denisov 2013, E. I. Zinovjeva 2014, 2020).

- Works on the study of verbs of speech affect: V. I. Kodukhov 1957, L. G. Babenko 1999, A. A. Zalizniak 2000, E. V. Paducheva 2003, M. S. Nebolsina 2005, Z. S. Guseikhanova 2007, A. A. Nenyaeva 2011, O. V. Kiryakova 2011, 2013; T. M. Timoshilova, E. N. Morozova 2012, 2013; O. Y. Shagdurova, A. A. Ozonova 2014, I. A. Ermolaeva 2017, O. V. Peresada 2018, K. O. Gaus, M. Y. Ryabova 2019, K. R. Russu 2021, V. I. Kharabaeva 2021, E. N. Nikitina, N. K. Onipenko 2022.

The following statements are presented for the defense:

1. Verbs of speech affect is a subcategory of the group of “verbs of speech activity” in the field of “action and activity”, which suggests the possibility of a functional-semantic analysis of these verbs within the lexico-semantic groups forming this subcategory, based on the main synonymic series contained therein.

2. It is advisable to divide verbs of speech affect into synonymic rows. Central for our work (in terms of meaning and volume) are the synonymic rows with the dominants praise and scold. Among the other numerous synonymic series, they have the clearest and most indisputable lexical systemic connection. These two series are antonymous, and together they form an antonymo-synonymic block (ASB), an ideal model for teaching practice in a foreign classroom.

3. Description of synonymic series based on the model of synonymic links, selection of similarities and differences between synonyms having similar lexical-semantic variants according to certain parameters will help to optimize the data in the bilingual teaching dictionary of synonyms. The presence of semantic shades of meaning realized in specific situations of verb usage, differential semes actualized in discourse, derivational and functional features of the row members are essential parameters of the characteristics of the considered synonyms of the Russian language.

4. When teaching foreigners synonymic verbs of speech affect in Russian, the quantitative characteristic of synonymic series in both languages, the possibility of interlingual vector correspondences, the multiple meanings of Russian and Chinese

lexemes, and the complete absence of coincidence in the linguistic and cultural potential of the studied verbs in the two languages should be considered.

Approbation of the results of the research:

The main provisions of the work were discussed at postgraduate seminars of the department “Russian as a foreign language and the methodology of its teaching” St. Petersburg State University; presented in the form of reports at scientific-methodical and practical conferences:

- XII International scientific and methodological conference “Spiritual and moral issues of Russian literature in classes with foreigners” on the problems of teaching Russian literature in a foreign audience (St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2019).
- XXV International Scientific and Methodological Conference “Actual Problems of Teaching Philological Disciplines” (St. Petersburg, SPBGUPTD, 2020).
- XVI International Scientific and Practical Conference “Professional Linguistic Education” (NRU RANEPА, 2020).
- All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Ethnocultural Phenomena in the Educational Process” (Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev, 2020).
- XXVI International Scientific and Methodical Conference “Problems of Teaching Philological Disciplines in New Educational Conditions” (St. Petersburg, SPBGUPTD, 2021).
- XXVII International Scientific and Methodical Conference “Problems of Teaching Philological Disciplines in Higher Education” (St. Petersburg, SPBGUPTD, 2022).

On the topic of the dissertation 11 works were published, including 6 in the journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

Structure of the work. The work consists of an introduction, three chapters, a conclusion, a list of references, a list of dictionaries and electronic resources, a list of abbreviations and three appendices.

The introduction defines the relevance of the topic, object and subject of research, formulates the goal and objectives, hypothesis, novelty, theoretical and practical significance of the work. The methods and techniques of research are indicated, the provisions for the defense are outlined.

The first chapter reviews the theoretical foundations of the study of the verbal vocabulary of the Russian language; presents the history of the study of verbs of verbal influence within the framework of linguistic systematics, with particular attention to the synonymic connection of verbal units; describes the directions of research on verbs of verbal influence in the scientific literature.

The second chapter determines the composition and structure of the studied synonymic series of Russian verbs of verbal influence and provides their detailed functional-semantic analysis.

The third chapter provides a comparative analysis of verb units from the synonymic series of speech influence in the Russian and Chinese languages.

The conclusion contains the main conclusions of the study.

CHAPTER I. THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF VERBS OF SPEECH AFFECT

1.1. The verb and its features

As a part of speech, the verb occupies a significant place among all lexical categories in the Russian language. In the Russian Grammar edited by N. Y. Shvedova, almost the largest number of pages is devoted to morphological features of the verb and its word-formation characteristics (in the section “Morphology” — 121, in the section “Word-formation” — 66) [AG-80: 580-700; 331-396], which indicates the importance of the considered part of speech in the derivational, lexico-semantic and lexico-grammatical systems of Russian, compared to other parts of speech by the number of grammatical categories and the set of grammatical forms.

The key positions of the verb were pointed out by many famous scientists. So, V. V. Vinogradov notes that “the verb is the most complex and the most capacious grammatical category of the Russian language. The verb is the most constructive in comparison with all other categories of parts of speech”. [Vinogradov 2001: 349]. N. Y. Shvedova put forward the theory of the verb nucleus, which states that “the verb occupies a central position in the lexical system of the Russian language, it is the dominant Russian lexicon” [Shvedova 1995: 414]. L. M. Vasiliev points out that the verb is characterized by “the complexity of its content, the variety of grammatical categories and forms, the richness of paradigmatic and syntagmatic relations” [Vasiliev 1981: 34]. However, the complexity of the study of verbs is manifested not only in the identification of the species categories, the categories of voice, inflection, time, person, number, gender, determination of transitivity/non-transitivity, etc., but also in the

analysis of their semantics, determination of lexical-semantic groups of verbs, which was the subject of our attention in this study.

The term “verb comes from the Old Slavic word *glagolat*, which is translated into modern Russian as ‘to speak’. In Old Russian one of the meanings of the word verb was ‘word’, ‘speech in general’” [Chernykh 1994: 189]. It is in this sense that A. C. Pushkin uses it in his poem ‘Prophet’: ‘Burn the hearts of people with a verb’. In modern Russian language a verb is understood as “a part of speech denoting action or state of an object as a process and changing in tenses, numbers, persons (in the present tense) and genders (in the past tense)” [BTS 1998: 206]. Such a broad definition provides an opportunity for a different understanding of the scope of the verb lexeme in the scientific literature. So, V. V. Vinogradov, A. N. Tikhonov, N. M. Shansky and some others argue that only the personal (conjugated) form should be considered a verb, the infinitive as a separate part of speech, the participle as an adjective, and the deuterine as an adverb. They also proposed that the verb should be treated as an infinitive, the participle as a subordinate verb, the adjective and the adverb, or as a special part of speech. However, among linguists there still prevails the recognition that the conjugated forms of the verb, the infinitive, the participle and the de-participle are considered forms of the same lexeme. This is reflected in the National Corpus of the Russian language — where the lexical forms of all verbs include the infinitive, the conjugated forms of the verb, and the forms of the participles. This understanding of the volume of the verb lexeme is considered traditional in linguistics. According to one of the founders of corpus linguistics, V. A. Plungian, the use of corpora is particularly closely connected with the problem of proving the existence of a phenomenon in a language: we cannot identify the concepts of “being in a corpus” and “being in a language”, but the concepts of “existing in a language” and “reliably attested in a corpus”, may be equivalent [Plungian 2008: 15-16].

However, we can find few arguments in favor of the specific identity of the units in question: different verb forms have different grammatical indicators and grammatical meanings, which makes it impossible to give them a single grammatical treatment. And that is why it is often suggested that “the system of the basic verb forms does not

constitute a grammatical class, since morphologically and syntactically it presents a very motley picture” [Kuznetsov 2001: 109].

The definition of a verb causes a lot of disputes in scientific circles. One of the most authoritative is the definition proposed by L. L. Bulanin: “A verb denotes action, process, that is, a dynamic feature of an object, a feature that exists in time” [Bulanin 1976: 102].

The definitions of the verb presented in the scientific literature can be divided into three groups:

1) purely semantic definitions: in this direction a verb is understood as “a part of speech, which includes words denoting the action or state of an object” [Zemsky 2003: 272]. According to this approach, verbal nouns such as praise and criticism also belong to this category, since they denote an action or state of being. Therefore, it is considered unacceptable to define a verb only in semantic terms.

(2) Semantic definition with the indication of grammatical features: “A verb is a part of speech denoting a process and expressing this meaning in the categories of kind, collateral, inclination, time and person; a verb has also the categories of number and, in the past tense and subjunctive inclination forms, the category of gender” [AG-80: 582]. However, this definition, in our opinion, emphasizes only the grammatical properties of the verb, but does not determine the properties of the action or state of the verb; the concept of “process” does not reveal the semantic essence of the verb as a part of speech.

3) “Formal-grammatical” definition: there is a narrow understanding of the verb as a part of speech within the formal-grammatical orientation, in which the verb is understood as “words conjugable (changeable in persons)” [Abakumov 1924: 30]. From S. I. Abakumov's point of view, only the personal form refers to the verb, and the other forms to the other parts of speech.

“There are two approaches to interpreting the general semantics of the verb. Some scholars note that the verb denotes either action or state. Other scholars advocate a comprehensive consideration of the semantic features of the verb and suggest the possibility of such a unified interpretation. Neither of these options, however, is

convincing. It is often said that the basis for combining semantically different units into verb categories is the existence of the procedural seme” [Shvedova 1980: 582]. Proponents of the first direction are linguists led by L. V. Scherba. They argue that such verbs as lie and blush (A sick man lies on the bed. A berry blushes in the grass) express not a state, but an action [Shcherba 1974: 91]. Other scholars interpret the definition of a verb as “denoting a procedural (dynamic) feature of an object, i.e., such a feature that is capable of changing over time. In fact, verbs can denote static features” [Bogdanov 2009: 323].

B. I. Terkulov believes that the definition of a verb “can be given through a set of linguistic grammatical-semantic features, and linguistic consciousness is associated with this linguistic proceduralism” [Terkulov 2013: 52]. These include:

1) “the attribute of predicative: the ability of the verb to be the center of the sentence, absorbing the semantics of not only the attribute but also the object (transitivity, inclination, voice and person)” [ibid].

2) “the attribute of linguistic proceduralism: the idea of the attribute denoted by the verb as flowing in time (species) and existing in time (time), distinguishing between an actual process (script) and a static process (frame)” [ibid].

In other words, the verb can also describe the whole situation. Y. V. Fomenko says it more definitely: “unlike other parts of speech, a verb denotes a whole procedural situation, the elements of which are (maybe) the subject, the object and other participants” [Fomenko 1996: 233].

In the cited work, the researcher tends to agree with the third point of view. In other words, the verb denotes not only actions, states of being (properties) of the subject, but also (in some contexts) certain relevant linguistic concepts. Let us turn to examples:

1. “And Maria Petrovna kept praising Yakov and praising: “Well done, well done...” — and stroked his head with her hot palm.” [Boris Yekimov. *Fetishy* (1996), NKRY].

2. “— You have a good daughter. — Timofeyevna always praised Olga. She herself did not have a daughter, only a son.” [Raisa Korenevskaya. *Green cherries* (2015), NKRY].

3. “The teacher gave him an A and praised him so much: I, she said, always knew — you can, if you try very hard, “patience and work will get you through it all”.” [Inna Andreeva. *Splashes of Champagne* (2014), NKRY].

In the first case, the verb *praise* describes the behavior of the subject, Marya Petrovna, who praises another person (Yakov). In the second example, the speaker (Timofeyevna) praises another person's daughter not for any particular reason, but because of a long-standing habit, so we believe that the verb *to praise* reflects the character traits and positive personal qualities of the subject. In the third example, one of the lexico-semantic variants of the verb *praise* in combination with the verb *put*, the adverb *so* and the colon represents the whole situation — ‘the student achieved something worthy of the teacher's praise by making certain efforts’. And the other components of the sentence simply give a more vivid description of the situation, with the noun *teacher* giving the verb *praise* a slangy character. And the central position of the verb in this sentence represents the concept of praise as a whole.

The semantic specificity of the Russian verb is determined by the interrelation of lexical and grammatical properties, that is, the grammatical categories that the verb possesses are closely related to its semantics. The category of kind is most closely related to its lexical semantics. The verbal kind denotes how the process denoted by the verbal base proceeds or is distributed in time. It represents a system of two-part oppositions of verb forms: some verb forms denote restricted whole actions (verbs of the perfect kind) and some verb forms without restricted whole signs (verbs of the imperfect kind).

According to a note in *Russian Grammar*, “one of the members of a species pair may be represented by a verb having a variant formation of the same species in the language. In this case one of the members of a species pair may be represented by not one, but two verbs”. [AG-80: 582]. For example, for the SV verb *to vyshlate*, the paired NSV verbs are both the verb *to vyshlate* and the verb *to vyshlate*; for the NSV verb *to recommend*, the paired SV species verbs are both *to recommend* and *to recommend*. In addition, there are verbs with the same perfect and imperfect forms: *to idealize*, *to advertise*.

However, not all verbs can form species pairs. This means that there are verbs that are only single-species verbs. “The ability of verbs to join into species pairs depends on the lexical meaning of the verb.” [AG-80: 582]. In this study, we pay more attention to single-species NSV verbs, which belong to “the lexico-grammatical category of verbs with a limiting meaning” [ibid], that is, the bases of these verbs “have a characterized limiting meaning” in accordance with their semantics [ibid]. For example, our study analyzes verbs that have only the imperfect form: *to praise*, *to honor*, etc. According to the explanatory dictionaries of the Russian language, the verb *praise* is defined as “to extemporaneously praise, glorify someone, something; to pronounce or sing praises to someone (church)” [Ushakov 1940, t4: 251; Ozhegov 2003: 727; Kuznetsov 1998: 1206; MAS 1999, t4: 129]. One may say that *to glorify* denotes only a permanent sign of action and a lasting state.

In all the studies on the category of species, it is noted that there are different views on the properties of the species pair. Some scholars, e.g., V. V. Vinogradov, consider the members of “the species pair as belonging to the form of the same verb” [AG-80: 582] on the basis of semantic criteria. [AG-80: 582] on the basis of semantic criteria. That is, in most cases, the members of the generic pair have equivalent semantics, which means that they are the same form of the verb. Other scholars in the person of Y. S. Maslov, A. V. Bondarko et al, proceeding from the regularity of formation of species pairs as an imperfective process, note that if a SV member is formed in a species pair by prefixation, then such two units are considered independent verbs (verbs like *to flatter* – *flattered*; *to praise* – *praised*; *to glorify* – *glorified*); if the method of prefixation is not used in forming a species pair (verbs like *to praise* – *praised*; *to exalt* – *exalted*) — the forms of one verb [AG-80: 582]. “The meaning of species is formally expressed by suffixes and prefixes in their conjunction with the bases of coeval and noncoeval verbs” [AG-80: 583].

In this study, we share the first point of view, according to which pairs of words have the same lexical meaning, differing only in grammatical meaning. For example, in our material: *to praise* – *praised*, *to flatter* – *flattered*, *to approve* – *approved*. The complexity of this topic is also connected with the abundance of verbal prefixes in

Russian, the variety of their meanings, the regularities of syntactic and lexical combinability. Verbal prefixes in Russian are heterogeneous. They can change not only the grammatical – species – meaning of the verb, but also its lexical meaning, indicating the spatial or quantitative-temporal features of the action. The same prefix in combination with different verbal bases, or even with the same base, can express different shades of meaning. The description of prefixes requires special attention, and the difficulties are related to the great variety of verbal prefixes in Russian (more than 20), the fact that prefixes are polysemantic, the fact that the same meaning can be denoted by different prefixes (sit – nadolokit: incomplete action), the fact that one verb can be joined to several prefixes [Rozhkova 1981, Shvedova, Trofimova 1987].

Only the NSV can be used to denote an action in the process of its realization. Not only the type, but also the context and the lexical meaning of the verb itself are involved in expressing processuality. Proceduralism may have different connotations due to the lexical meaning of the verb - process-action, process-state, the process of transition to a new state [AG-80]. In the group of verbs of speech influence, it is the process of transition to a new state as a result of the produced action that is important, so we will focus on the group of NSV verbs. The imperfect form determines the lexical and grammatical behavior of the derived word, which is dependent on the derivative both in meaning and form [Rozhkova 1981]. The imperfect form acts here as a marked member of the species opposition. Verbs of the imperfect form are most appropriate for the purposes of this study and will be the focus of our attention.

It is worth noting that for polysemic verbs, the semantics of the perfect and imperfect kinds may not coincide, which must be specific to each lexico-semantic variant of the verb. For example, the imperfect and perfect forms of the verb *to glorify/glorified* have a common semantics 1) “to extol the virtues, valor, merits, etc., To glorify someone or something with glory or fame” and 2) “to glorify with a majestic song, to sing sb. glory to somebody” [MAS 1999, t4: 129; t3: 522], but the imperfect form glorify also has lexical variants 1) “to go door-to-door with singing of church songs during the Christmas celebration” and 2) “to spread rumors, rumour (mostly bad ones)” [MAS 1999, t4: 129], which the perfect form does not have. This also proves

that “verbs in a species pair may possess — and very often do possess — different systems of lexical meaning. This means that a SV and NSV verb can have meanings that are incommensurable with the meanings of the other member of the species pair” [AG-80: 582].

Along with that, when it comes to the relationship between the lexical and grammatical properties of the verb, we should also pay attention to the valency of the verb. According to the Linguistic Encyclopedic Dictionary, “valency is the ability of a word to enter into syntactic relations with other elements” [LES 1990: 79]. In the case of the valency of a verb, it should be emphasized that it is very important. This is due to the fact that, being predicates of a sentence, all Russian verbs in one way or another govern words of other parts of speech, primarily names, and, of course, are combined with other words in different ways. This feature of the verb is also one of the indicators determining the differences between the members of the same synonymic series. Let us consider a fragment of the synonymic series of Russian verbs of speech influence, in which *mock* dominates: “*to mock* (at whom) – *to laugh* (at whom / without addition) – *to tease* (without addition / whom) – *to joke* (without addition / at whom / with whom)”. [Fu Yamei 2022: 712]. These verbs have different governing relations and correspond to different actant propositions. In addition to the different valence relations created by the different control relations, the age and gender of the subjects of these synonyms is also an important indicator affecting their valence: the subjects to *mock*, *joke* and *sneer* can be both children and adults, and *sneer* has more men than women, and *laugh* suggests the widest age range of subjects, which can include infants in addition to children and adults [Fu Yamei 2022: 706-712]. The main meaning of this synonymic series ‘to mock’ runs through our target synonymic series with the dominants *praise* and *scold*: the speaker may ridicule sb. with praise or scold him with mockery. Because of their specificity, we have analyzed this synonymic series of verbs of speech influence with the dominant *to mock* separately [ibid.]

The verb is thus diverse and complex both in form and in content. In terms of form, the verb possesses such inherent properties as the categories of kind, voice, inflection, time, person, number, and gender, which constitute its grammatical meaning. In terms

of content, the verb forms an active part of speech naming an action, process, state, relation, and even a linguistic concept; it is central to the structure of a sentence, and its valency establishes the possibilities of meaningfulness in a sentence. These two parameters (form and content) complement each other, which ensures the grammatical richness and complexity of the verb's lexical meaning, thus forming a map of the verb's characteristics.

1.2. Systematicity as the main approach to the study of the Russian language lexicon

It is well known that vocabulary means “the totality of the words of a language, that is, its vocabulary” [Rosenthal, Telenkova 2009]. Scientists note that the vocabulary of the Russian language is “a set of words, but not just a set, but a system of interrelated and interdependent units of the same level” [Shmelev 1977; Novikov 2001]. In our opinion, since the verb is so deeply rooted in its formal and substantive images, it is in many cases understood as a type of lexicon, especially in terms of lexical collections, and the term verb is often used to refer to the totality of all verbal units.

It is known that the vocabulary of any national language is interconnected and has vocabulary associations of different volume, built into a single system. The founder of the general systems theory L. von Bertalanffy defined a system “as a complex of interrelated and interacting elements” [Bertalanffy 1969]. Linguistics also reveals the interconnection and interaction of elements in its system. A linguistic system is understood as “a set of linguistic elements of any natural language in relations and interconnections with each other, which forms a certain unity and integrity.” [LES 1990: 452]. According to P. N. Denisov, “language has many systemic features, such as: 1) a system is an integral complex of interrelated elements; 2) it forms a special unity with the environment; 3) the system under study is an element of a higher-order system; 4) elements of any system under study usually act as lower-order systems” [Denisov 1980:

53]. These features outline the broad contours of a language system and direct us to a more vivid description of the systemic nature of language.

The identification of the lexical associations of the Russian language remains a rather controversial issue. However, “despite the many different points of view on the principles of word grouping and the related heterogeneity and overlap of terminology, some general tendency to distinguish, at least, some ordering of terminology is revealed. Nowadays, when describing vocabulary, it is customary to distinguish semantic field (SP), lexico-semantic field (LSP), lexico-semantic groups (LSG) and lexico-thematic groups (LTG), including such associations as synonymic series (SR) and antonymic pairs (AP), etc.” [Nikolenko 2005: 8]. This study adopts the terminology commonly used and recognized by the academic community when dealing with lexical systematics. We argue that verbs of speech influence may belong to the semantic field “speech”, the lexico-semantic field “verbs of speech”, the lexico-semantic group “verbs of speech affect”. In turn, within the LSG we can distinguish several synonymic series: either as two semantically opposite series (as in the case of our subject synonymic series with the dominants “praise” and “scold”), or as semantically close series (as in the case of synonymic series with the dominants “scoff” and “scold”). In any case, these synonymic series are juxtaposed in the lexico-semantic group at the same level and differ from each other by the different reference words that represent them.

The question of the systemic nature of the lexicon has been studied for a long time. As far back as in the nineteenth and twentieth centuries. “The systematic nature of the lexicon was discussed in the works of such scholars as Wilhelm Humboldt, H. Osthof, A. A. Potebnya, M. M. Pokrovsky, G. Sperber, G. Ipseni” [Lysyakova 2005: 5]. Over the last century many linguists have noted the complexity of the lexical system of language: V. V. Vinogradov (1956), A. I. Kuznetsova (1963), “R. A. Budagov (1949, 1951, 1952), F. P. Filin (1982), A. A. Ufimtseva (1962), A. V. Fedorov (1953), V. G. Gak (1971, 1977)”. [Boykova 2004: 61], etc. The works of these scholars laid the foundation for our current further study of lexical systems.

B. I. Polovnikova argues that “lexical systemicity — the peculiarity and diversity of the types of grouping of lexical units, their semantic relations, as well as the nature of

connectedness and interaction with each other” [Polovnikova 1988: 7]. From the point of view of L. A. Novikov, “vocabulary, like the other levels of language (grammatical, phonetic, word-formation), includes many elements that are in regular relations and form in their totality a certain integrity” [Novikov 2001: 411]. The scholar emphasizes that “the elements of the lexical-semantic system are lexical units connected by relations of identity, similarity, opposition, inclusion, etc., which are opposed to other units, combined with them in the text and at the same time each lexical unit occupies a certain place in the lexical-semantic system, is quite isolated” [Novikov 2001: 411-412]. Taken together, the initial features of lexical systematicity are the diversity of lexical groupings, the regularity and completeness of connections between lexical units, the possibility of interconnections between lexical units and their independence. In our study of verbs of speech influence, for example, verbal units can be regularly grouped around the semantics ‘speech affect’, forming a complete lexical system — LSG of verbs of speech affect, and verbal units within this group may be divided into several more specific semantic subgroups, such as a subgroup of verbs with the meaning ‘to ask’, a subgroup with the meaning ‘to swear’, a subgroup of verbs with the meaning ‘to scold’, a subgroup with the meaning ‘to praise’, etc. These verbal units are either similar to each other (to praise – to approve) or opposed to each other (to praise – to scold), or are in derivational relations (to praise – to eulogize), but each of them has its own lexical characteristics.

It should be noted that all levels of language are organized differently. “Vocabulary as the level of language that comes into closest contact with reality (unlike phonetics, grammar), so it must have the least rigid system” [Nikolenko 2005: 8-9]. “In order to achieve ideal organization, a dialectical combination of certainty, formality, richness of connections with their sufficient flexibility within the system, the plasticity of its structure responding to the dynamics of changes in external connections, the environment is necessary” [Antomonov, Kharlamov 1968: 17]. Although Russian verbal units of speech influence were combined into a miniature lexical system — LSG of verbs of speech affect [see list Babenko 1999: 374-379], the composition of its internal members and possibilities of internal members affiliation are not static. For

example, in the case of the verb *praise*, only three verb units coexist with it in synonymous relations in the existing LSG of RV verbs, and we can increase this number to 23 (see details in Chapter 2). The verb *to praise*, for example, may belong both to the group of verbs of speech affect [Babenko 1999: 379] and to the group of verbs of external manifestation of attitude [Babenko 1999: 603]. Thus, “the specificity of vocabulary as a system is determined by the fact that lexical units are connected with each other by various relations, which gives researchers grounds to say that vocabulary is the most complex linguistic subsystem” [Novikov 2001: 170].

Nowadays the systemicity of the lexicon is recognized by all researchers. I. P. Slesareva rightly notes that “the property of systemicity is inherent in the lexicon, rather than being brought in by the researcher” [Slesareva 1990: 16]. According to D. N. Shmelev, “the systemic connections of words, the interaction of different meanings of one word and its relations with other words are very diverse, which indicates the great expressive power of the lexicon. At the same time, one must not forget that the lexical system is a component of a larger linguistic system, in which certain relations between the semantic structure of a word and its formal-grammatical features, phonetic features have developed, as well as the dependence of word meaning on paralinguistic, extralinguistic factors: mimics, gestures, intonation, conditions of functioning, time of fixation in the language, etc.” [Shmelev 1977: 228].

“Traditionally, the systemicity of vocabulary is formulated from two positions: 1) from the position of categorical or hierarchical (distributive) approach as a set of words compared by any attribute (for example, by origin or sphere of use); 2) as a system of semantic relations” [Novikov 2001] (supported by the works of D. N. Shmelev, Y. D. Apresyan, E. V. Kuznetsova, I. A. Sternin, etc.).

Moreover, according to M. I. Fomina, “the concept of lexical systemicity includes two interdependent characteristic features of this level: first, the lexical system as a set of vocabulary units (words and turns, which are the named means); second, the lexical system as a form of organization of these units and ways of their interaction” [Fomina 1990: 15-16].

As mentioned above, the lexicon has a systemic, hierarchical nature, which is reflected in the relations between the vocabulary compositions of LSG, LTG and LSP, in SR, AP and derivational relations, as well as in the structure of hypo-hyperonymic relations, etc. As P. N. Denisov points out, “the systemicity of the lexicon can be traced in the following lexical associations: 1) semantic field, 2) lexical-semantic group, 3) thematic group, 4) situational group, 5) communicative group, 6) genus-species group, 7) synonymous series, 8) antonymic pair, 9) word-formation nest, 10) epidigmatic group (the set of all meanings, or LSV of one multi-valued word)” [Denisov 1980: 119]. We believe that such an aggregation approach is intended only for a more orderly description of lexical systems in semantic space, and that its operational mechanism is not applicable to the description of all lexical systems, which, as we have already said, are very flexible and open. However, there is no doubt that the approach proposed by P. N. Denisov lays down a basic coordinate system for studying lexical systems, for example, in this study we can use LSP, LSG, SR as basic coordinates to discuss the lexical system of verbs of speech affect.

The LSP is an important proof of the systemic nature of the lexicon and is considered the largest lexical association. In fact, “the term field was first used in physics by such scientists as M. Faraday in the first quarter of the nineteenth century (1791-1867), A. Ested (1777-1851), and A. Amper (1775-1867), with the concept being associated with electric charge (e.g., as the reciprocal effect of magnetic field theory)” [Admoni 1988: 77-78]. In the nineteenth century, field theory in physics and linguistics again became the subject of theoretical discussion. Turning to the concept of the field in linguistics, “V. G. Admoni points out some parallels justifying the transfer to linguistics of concepts borrowed from physics: the presence of center and periphery in a grammatical category, the juxtaposition and interaction of peripheries of adjacent fields, different degrees of coupling of field components” [Admoni 1988: 77-78].

“Modern linguistics has witnessed the emergence of various theoretical concepts and methodological approaches in the study of the field” [Egamnazarov 2018: 185-189]. “The term SP was first introduced by G. Ipsen in 1924 in his book “Der Alte Orient und die Indogermanen” [Ipsen 1924: 30]. “This concept is defined as a group of words

having a common meaning.” [Ipsen 1924: 30-45]. When describing the vocabulary, famous foreign scholars, “such as J. Trier, W. Humboldt and G. Osthof” [Admoni 1988: 78], used the term system instead of field.

The nature of SP remains unclear. According to one point of view [Vygonnaya 1968: 118-125; Moskovich 1969: 304], SP is an extralinguistic, psychological or logical phenomenon, and is reflected in language. From the other point of view [Kuznetsova 1963: 21; Shaikevich 1963: 14-26], it is a linguistic phenomenon that should be identified based on linguistic data. The observation made by R. N. Meyer regarding the classification of SP “into natural (names of trees, animals, body parts, sense perceptions, etc.), artificial (names of military ranks, parts of mechanisms, etc.), semi-artificial (terminology of hunters and fishermen, ethical concepts, etc.)” [Meyer 1910: 358-366]. He defines semantic classes as a certain number of expressions ordered in a certain way, that is, by one semantic feature, which the author calls the differentiation factor.

LSP is a very capacious concept. It covers the main problems of lexicography — synonymy, antonymy, polysemy and association of words with concepts. The solution of the problems connected with semantic fields in lexicons allows one to illuminate the listed problems in a new way [Anipkina 2000: 58-66]. In this study LSP is understood “as a special system-forming unit with a complex and very specific structure, whose constituent elements are connected with each other by paradigmatic relations” [Egamnazarov 2018: 185-189].

The object of this study is a set of lexical units belonging to the same part of speech, which leads us to the concept of LSG. The most important component of the LSP is the LSG.

By LSG we mean “a class of words of one part of speech, having in their meanings a sufficiently common integral semantic component (components) and typical clarifying differential components, and also characterized by a high schematic combinability and a wide development of functional equivalence and regular polysemy” [Kuznetsova 1989: 62].

J. M. Vasiliev believes that “the term lexical-semantic group can denote any semantic class of words (lexemes) united by at least one common lexical paradigmatic semantics or at least one common semantic multiplier” [Vasiliev 1971: 102].

Given the practical purpose of this study in teaching Russian as a foreign language, I. P. Slesareva is especially important. According to her, LSG is “a linguistic and psychological reality, a fundamentally distinguishable association of words whose members have the same grammatical status and are characterized by the homogeneity of semantic relations — relations of semantic proximity according to the synonymous type” [Slesareva 1990: 52]. This definition emphasizes the synonymic relations of the members within the LSG, and the identification of relations of semantic proximity is important when teaching vocabulary in the stream of one LSG.

The LSG includes smaller units of lexical associations: synonymic series, antonym-synonymic blocks, etc. The former is the subject of this dissertation. (For more details about the synonymic series, see section 1.3).

According to D. N. Shmelev's point of view, “the lexical system of a language combines groups of words connected by the commonality (or opposition) of meaning; similar (or opposed) by stylistic properties; united by a common type of word formation; connected by common origin, peculiarities of functioning in speech, belonging to the active or passive vocabulary, etc.” [Shmelev 1977:183-187].

The systemic relationships in groups of words, which are united based on common characteristics, are called paradigms. “Paradigmatics is the consideration of language units as a set of structural units connected by relations of contraposition, but compared with each other, their inclusion in rows “vertically” — columns (case forms of one declinable word or personal forms of one verb, the same root in different affixal surroundings, a series of positional alternating sounds)” [Rosenthal, Telenkova 1985: 175-176]. Paradigmatic relations of words are the basis of the lexical system of any language. The largest paradigmatic groupings (classes) of words are parts of speech. They combine words whose similarity is sometimes minimal. The meanings of these words share a common sema of a categorical grammatical nature: subjectivity in nouns, a feature of an object in the meanings of adjectives, an action in verbs, etc. Generality is

expressed in the variability of word forms, for example: nouns have case paradigms, verbs — paradigms of conjugation, etc.

Paradigmatic relations in vocabulary are multilayered and varied. In the case of verbs, a verb can denote either gender or species, which allows us to group them into different paradigmatic types. Because of their semantic differences, verbs can be included in various lexical-semantic paradigms in which verb units differ in specific semantic features. It follows, as D. N. Shmelev points out, that “every essential element of lexical meaning is distinguished as essential for some meaning because it is conditioned by a certain paradigmatic opposition of some other word or several words to a word” [Shmelev 1973: 108-109].

The most common reason for the opposition of paradigms is the distribution of certain features among the lexical units. However, a variant is also possible — the ratio “presence/absence” of a certain feature. According to D. N. Shmelev, “the approach to lexical units as units whose meaning is determined by paradigmatic relations allows one to clarify notions about the systemicity of words and about the different nature of system relations within different lexical groups” [Shmelev 1973: 190].

A verb lexeme is usually contained in several lexico-semantic paradigms. “Paradigmatics include groupings of words in the language system, the basis of which is opposition — synonymy, antonymy, hyponymy, paronymy, nest of words, family of words, lexico-semantic group, as well as the most general grouping of words — field” [Yartseva 1990: 366-367].

“Another manifestation of the systemic relations of words is their ability to combine with each other.” [Shmelev 1977, Novikov 2001]. The proof of the existing systemicity of vocabulary in a language is also the identification of the regularities of the connection between the semantics of a word and the surrounding context. The links that are revealed in the compatibility of words with each other are called syntagmatic, and the consideration of bases, the rules of their connection with each other — syntagmatic.

The word syntagma is formed “from the Greek syntagma — built together, joined together. Syntagmatic is a set of rules and regularities that determine the relationship

between units in a speech chain. They are based on the linear nature of speech, which excludes the simultaneous utterance of several linguistic units, but only in a linear temporal sequence. Syntagmatic relations are always present in speech, they are relations of coexistence and sequence.” [RYE 1979: 288-289].

Since this type of relations to a greater extent depends on the context, syntagmatic relations may be revealed exactly in certain lexical combinations and are subject to changes. Thus, for example, figurative meanings may develop in different word combinations and sentences. For example, the verb *attack* in the sentences “The beast attacked the man” and “The robber attacked a passer-by” denotes ‘to rush at somebody, something with hostile intent, as well as generally begin to act against somebody with a hostile purpose’ [Ozhegov 2003: 387]. And in the sentences “One appearance of Fedor has already caused a general commotion, and the girls attacked him with their complaints with the whole herd” [Babenko 1999: 376] the verb *to attack* has a meaning ‘to pronounce (utter) suddenly, unexpectedly and sharply, with a special and a sense of disapproval reproaches, accusations against somebody’ [Ibid].

Here are more examples in which the same lexeme, depending on the context, has different meanings, one of which is the meaning of speech affect:

To pounce. In the sentence “The beast pounced on the hunter” the verb *to pounce* means ‘to rush, to attack; to pounce’ [Kuznetsov 1998: 570]. And in the sentence “Ah, Grigory, don't you see what is being done to your son? — Olga pounced on her husband as soon as they entered the house” [Babenko 1999: 376] the verb *to pounce* has the semantics ‘to utter unexpectedly and with particular force, feeling sharp words of disapproval, reproaches, scolding to somebody’ [Ibid].

To fluff. In the word combinations *fluff wool* and *fluff feathers* the verb *to fluff* means ‘to make fluffy’ [Ozhegov 2003: 634]. And in the sentence “And the general in front of the lower ranks let's fluff the commander: How do you lead the company!” [A. I. Kuprin. *Duel* (1905), NKRY] this verb realizes the meaning ‘scold’.

Paradigmatic and syntagmatic relations are closely connected through the semantic properties of lexical units. Paradigmatic relations are the basis for assigning words to semantic classes of units that have equivalent functions in discourse, and through

syntactic relations the units of paradigmatic classes combine with each other to achieve communicative intentions.

Unlike syntagmatic relations, paradigmatic relations are not linear or simultaneous in the flow of speech or text. Paradigmatic relations are associative relations between linguistic elements based on the commonality of form or content, or both. Paradigmatic relations are characterized by the fact that the presence of one member of a paradigmatic series excludes the presence of another in a syntagmatic chain.

Unlike paradigmatic relations, which are stable, syntagmatic relations may appear with the emergence of new realities and the expansion of our ideas about the world around us (glass ceilings, glass pan, virtual reality, etc.).

“Another manifestation of lexical systemicity that cannot be ignored is the existence of derivational (word-formation) relations between units - semantic relations in which some words are motivated by other words.” [Shmelev 1977: 225-227]. The term derivation comes from the Latin word *derivatio* — ‘derivation’, defined as “the formation of new words with the help of affixes or by a non-affix method” [Rosenthal 1985: 103], accordingly to “word-formation models peculiar to a given language” [Akhmanova 2004: 129].

Systematicity in the derivational relation is manifested in the presence of: a word-formation nest, a word-formation pair, a word-formation chain. The element of meaning common to all related words is contained in the root. A word-formation nest is understood as “a set of words characterized by a common root, ordered by the relations of derivation” [Tikhonov 1990: 36]. “A nest of words <...> is not all words, historically connected by the unity of origin, but only those in which these relations remain open, cognizable” [Sorokin 1965: 181]. Usually, a nest is formed by a non-derivative (source) word and all its derivatives. Non-derivative words head the nests, for example, *to praise*, *to scold*. Derivative words in nests are grouped based on the core meanings. Most often, a word-formation nest is “a complex structural formation consisting of a large number of derivatives” [Tikhonov 1990: 40]. For example, *to praise* has 94 derivatives, *to scold* has 60 [Tikhonov 2003, vol. 2: 323-324; 52-53] etc.

A distinction is made between a word-formation pair and a word-formation chain.

“The members of a word-formation pair — the derivatives are linked both formally and semantically” [Tikhonov 1990: 41], so, for example, the type of verb *to pairs* in the material of our work: to flatter – flattered, to glorify – glorified, formed by prefixal method. It is worth noting that prefix constructions are also reflected in our material in the members of the synonymous series of verbs, all of which have the same root. e.g.: *praise – commend – extol – laud – eulogize – cheer – boast – applaud*.

The word chain, as the most important syntagmatic unit in the structure of the nest, “is characterized by complex formal and semantic relations of words representing all its links. This diversity is created primarily by the combination of parts of speech in the word-formation chain: words of most parts of speech, including verbs, act as the initial ones. In its final link, words of all the main parts of speech are formed. The word chain consists of one word-formation pair at a minimum, and 7 pairs at a maximum” [Tikhonov 1990: 44]. For example, in the studied material the verb unit and its derivatives form the following word-formation chain: to criticize – criticism – critical, all of which may reflect the same linguistic concept “criticism”, having only differences in parts of speech.

This study focuses more on the paradigmatic relationship between words. This is due to the fact that the verbs we analyzed actually consist of two SR, in which verbal units are connected by a paradigmatic (in particular, synonymic) connection: synonymic series with the dominants *to praise* and *to scold*.

From the position of linguistic logic, it was developed the idea that “lexical units are connected with each other by various relations of similarity, opposition, hierarchy: synonymic series, antonymic pair, homonymic chain, word-formation nest, hyperonymic hyponymic group, lexico-semantic group, lexico-semantic field, thematic group” [Stepanov 1975: 139]. However, the degree of systematicity of different lexical groupings varies. “These differences are largely due to extralinguistic factors. The structure of thematic groups of words depends on them to the greatest extent, and the structure of synonymic rows depends on them to the least extent” [Vasiliev 1990: 127]. “The main unit in lexical semantics is the word” [Novikov 1982: 111], and “the elementary unit is the lexico-semantic variant” (LSV) [ibid]. LSV and word are

“bilateral units: it is a unity of sign and meaning. The wording plan of the lexical variant and the word are lexemes, and their content plan is a seme. The least restrictive component of basic meaning is the seme. The meaning of a word is a set of semes” [ibid], which can be used to analyze the similarities and differences between lexical units. This makes it possible to identify the definitions of synonyms, homonyms, antonyms, as well as polysemous words, which together give “the basic categories of words and its signs of systemic manifestations” [Slesareva 1990: 27-28].

The system in vocabulary manifests itself: “1) in the semantic structure of a word, reflecting its relation to reality; 2) in word-production relations, connections of words with other words by their form, the relation of a word to one or another general or private lexico-grammatical category (parts of speech, nest of words); 3) in semantic connections and relations of a word with other words: synonymy, antonymy; associations of words in lexical-thematic groups, separate terminological series, semantic microsystems; 4) in contextual, semantic-phraseological relations of words: the presence of a stable combination of words in speech, certain uniform types of this combination; 5) in unification, grouping of words according to stylistic properties” [Sorokin 1965: 13].

The systemic nature of the vocabulary is reflected in the “distribution of words into some semantically unified lexical groups — lexico-semantic paradigms. Each word of the language is included in a particular lexico-semantic paradigm, and more often due to multiple meanings not only in one. The individual semantics of a word is revealed through its opposition to other members of the paradigms to which it belongs, according to certain essential features” [Mednikova 1974: 48].

Due to the importance of the concept of synonymy in this study, we decided to consider it as a subsystem in a separate paragraph.

1.3. Synonyms in linguistics

Western scholars believe that the concept of synonymy was first introduced by the ancient Greeks, who understood synonymy as a variety of expressions within one word [Palevskaya 1964: 6]. The Roman scholars noted that in addition to the similarity of synonyms, there were also differences between them. The representative of this view Quintilian argued that “since different things have different names-either more exact, or more beautiful, or more expressive, or better sounding-they should all not only be known, but also at the ready and, so to speak, in plain sight, so that when the speaker needs them, one may easily select the best of them.” [Butler et al. 1866: 149].

According to N. V. Kareva, the study of synonyms was first undertaken in the XVI century. The earliest collections of Latin synonyms and epithets were published in Europe:

- P. Chastillon's “Novus synonymorum, epithetorum et phrasium, seu elegantiarum poetarum thesaurus, sive Gradus ad Parnassum”, which had more than thirty editions over the course of two centuries, was known from the XVI century and then in the XVII century until the late XVIII century. However, dictionaries of this type were created not only on the basis of Latin and antique poetry.

- In 1571 the French dictionary of epithets by M. de la Porte “Les épithètes de M. de la Porte parisien” appeared in Paris.

- In 1645 the dictionary “Synonymes et épithètes françoises” by A. Montmeran was published [<https://www.ruslang.ru/doc/kareva20.12.2016.pdf>].

In addition to lists of synonyms and epithets, the dictionaries of de la Porte and Montmeran provided information on etymology, commentary on mythological characters, and definitions of some terms.

In the XVIII century, the work of French scholars was devoted to synonymy. Thus, Girard's study entitled “The Correctness of the French Language, or the Various Meanings of Words That May be Synonyms” (1718) may be regarded as the first attempt at a scientific approach to the study of synonymy. Bose later published the

synonyms he had collected in the book “French Synonyms”, and Abbé Roubaud compiled a dictionary of synonyms of the French language, “the Grand Dictionary of Synonyms” [ibid; Konnova 2018: 76-82].

We believe that French had a great influence on Russian. At this time, at the beginning of the XVII century, it was coming into fashion in Russia; Russians knew French better than their native language: even Alexander Pushkin, the ancestor of modern Russian literary language, had the highest score in French and a C in Russian in the Lyceum. To be fair, it should be noted that this did not prevent him from becoming a great Russian poet.

1.3.1. Ways of identifying and describing synonyms in the Russian language

In Russia, the first studies in the field of synonymy appeared in the XVII century. E.g.: “The first Russian work that touched to some extent on the problem of synonymy was the “Lexicon of Slavenoros and Names Interpretation”, compiled by P. Berinda and published in Kiev in 1627.” [Palevskaya 1964: 7].

In the XVIII and XIX centuries Russian linguists, in accordance with M. V. Lomonosov's doctrine of the three styles, made several attempts at theoretical and practical development of the problem of synonymy, which were reflected in various kinds of publications — articles, commentaries, lists of special synonymic series and dictionaries. E.g.: D. I. Fonvizin's “Experience of Russian Compendium” (1783); “Discourse on the eloquence of Holy Writ and on what is the richness, abundance, beauty and power of the Russian language and by what means it can be further spread, enriched and improved” by A. S. Shishkov (1811); “On Synonyms” by N. M. Ibragimov (1814); “Experience of the Dictionary of Russian Synonyms” by P. F. Kalaidovich (1818); “A brief statement of the rules for the hand dictionary of the present Russian language with the appendix of trial sheets of the dictionary” by

I. F. Kalaidovich (1826); “Dictionary of Russian Synonyms or Societies, compiled by the Editorial Board of Moral Works” edited by A. I. Galich (1840); “About the dictionary of Russian Synonyms” by I. I. Davydov (1857), etc.

It is noteworthy, that in response to the critics' statement that synonyms “were invented for the purpose of alternate use of the same meaningful words in lengthy works, and not for changing them into a different meaning” [Fonvizin 1959: 238], D. I. Fonvizin objected: “There are no words with the same meaning in the world. How can they be invented at that end, to use them alternately in lengthy writings? If we will examine, what is the similarity of synonyms, we will find that one word never covers all the space and all the strength of the signification of another word, and that all the similarity between them consists only in the main idea. Does verbosity constitute the abundance of language? And what would be the stupid riches if ten or more words represented only one idea? Here memory would only be burdened in vain”. [Fonvizin 1959: 238]. This statement has not lost its meaning in our days.

“The synonymic dictionaries of the XVIII and XIX centuries, scientifically unsound and methodologically weak, turned out to be completely unusable. This was noted by the contemporaries. For example, V. G. Belinsky [Belinsky 1840], I. I. Davydov [Davydov 1857] pointed out numerous errors in the dictionaries and the need for a critical approach to them [Palevskaya 1964: 13].

In fact, one of the main drawbacks of the synonymic dictionaries of the first half of the 19th century was the absence of a critical approach to the previous works, which in one way or another touched upon this topic, which is especially noticeable when analyzing and studying the dictionaries in depth: each compiler included in his dictionary not only synonymic series scattered in various periodicals, but the whole dictionary, without any critical revision [Ibid]. Thus, I. F. Kalajdovich's Dictionary of Synonymy completely, without changes, contains D. I. Fonvizin's Dictionary, and P. F. Kalajdovich's and D. I. Fonvizin's Dictionaries were included in A. Galich's dictionary without any changes.

Interest in synonymy, as in all lexicographic issues, declined sharply in the second half of the XIX century and revived only in the XX century.

At the beginning of the XX century dictionaries of synonyms by N. Abramov (“Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions”, first edition came out in 1900, second edition in 1911), by V. D. Pavlov Shishkin and P. A. Stefanovsky (“Study Dictionary of Synonyms of Russian Literary Language”, first edition came out in 1930; second edition, corrected and supplementary in 1931) appeared. However, these dictionaries have less reference value in comparison with the dictionaries of the XIX century.

Only in the Soviet period did the interest in synonyms, stimulated by cultural and educational factors, increase considerably. Thus, in 1953 in Sverdlovsk V. K. Favorin's popular scientific essay “Synonyms in the Russian Language” was published. “This work consists of several chapters: Vocabulary composition and synonyms; Specific synonyms; Genre synonyms; Expressive synonyms; Euphemisms; Additional remarks to the classification of synonyms” [Mirzoeva 2013]. At first, the author states that “synonyms in the strict sense of the word should be considered only words that are easily replaced in one context or another.” [Favorin 1953: 23]. However, this formulation was further supplemented by the following statement: “But since a word can change its meaning in context, it becomes clear how conditional and fluid the boundary between synonyms in the narrow sense of the term and words in general of related, close, unified meaning is” [ibid: 24], it “made the author break the logical grammatical principle of singling out synonyms and establish synonymic relations between words belonging to different parts of speech” [ibid.], e.g.: *clever – clever man*.

A. N. Gvozdev defines synonym as “words with the same subject meaning, serving to denote the same concepts and differing only by additional connotations” [Gvozdev 1955: 57]. Here it should be noted that the author pays special attention to such a phenomenon as the possibility of replacing a word with another word: “in fact, where such replacement is impossible, there are no synonyms, but only words denoting different concepts, although sometimes close to each other...” [Ibid]. This paper analyzes the differences in shades of meaning between synonyms and gives an extensive account of their use in various styles of speech.

A. B. Shapiro's article "Some Questions of the Theory of Synonyms" contributes many valuable observations to the development of the theory of synonyms of the modern Russian language. The text defines synonymy as a system, considers the relations of synonymy and terminology, synonymy and polysemy, lexical and grammatical types of synonyms, and such a notion as synonymic series [Shapiro 1955: 69-87].

The first dictionary that is traditionally considered to have been compiled on the basis of strict definitions and sound principles was V. N. Klyueva's "Concise Dictionary of Synonyms of the Russian Language" (1956). It is also considered the first dictionary of Russian synonyms suitable for practical use. According to V. N. Klyueva, synonyms are defined as "concept words, reflecting the essence of the same phenomenon of objective reality, differing in additional shades of meaning and serving not so much to substitute one another as to clarify thought and our attitude to what is being said" [Klyueva 1961: 4]. V. N. Klyueva's dictionary consistently supports the author's view that the relationship of synonymy arises exclusively between words of the same part of speech. Words belonging to different lexical and grammatical categories are not considered synonyms, even if they may express similar concepts. However, this dictionary meets the needs of only school-level learning and cannot be considered a complete scientific dictionary. What is valuable in V. N. Klyueva's system of word interpretation is that she first determines the common denominators that allow to unite separate groups of words under one dominant, and only then gives the distinguishing meaning of each synonym, presenting each word with an example of its use in the text. This idea is used in our study as well.

B. A. A. Sirotinina defines synonyms as "words that coincide in the basis of their meanings, having a common core of meaning" [Sirotinina 1960: 3]. That is, "synonyms denote the same phenomenon of objective reality in different ways" [ibid]. Her book "Lexical synonymy in the Russian language" covers almost all the problems of synonymy: the definition of synonyms; the question of synonyms in the modern linguistic literature; how to explain the presence of synonyms in a language; the meaning of synonymy; whether all words of the language have synonyms; sources of

synonymy; the concept of a synonymous series and its historical variability; synonymistic dictionaries; stylistic use of synonyms and individual authorial synonymy [Ibid]. As we see, the value of V. A. Sirotinina's work is that she not only gives a definition of the synonymic series, but also considers the processes that took place in the synonymic series from the point of view of the historical development of language. In a synonymic series a common core of meaning is distinguished; words of the same synonymic series may differ in the quality of emotional expression, stylistic coloring, semantic nuances while preserving the logical core of meaning. Thus, for example, in the synonymic pair *mouth – lips*, only the functional and stylistic distinction is evident: mouth is high, used in poetic speech, lips is interstitial; semantic differences in the words are absent.

Within the framework of function, synonymy is a strictly synchronic and stylistic phenomenon [Evgenieva 1967: 56-74; Gorbachevich 1963: 74-78; Novikov 1973: 11-23]. The disappearance of old synonyms and the appearance of new ones in a language can be explained by three main processes: “the development of figurative and phraseologically related meanings in a word; word-formation processes; and borrowing, that is, the replenishment of the vocabulary of a language with words from other languages” [Apresyan 1995: 226].

As Y. D. Apresyan notes, “synonymy is one of the most well-studied semantic categories” [Apresyan 1995: 216]. Hence, there are clear, well-established in the scientific works of various researchers’ interpretations of this phenomenon. Thus, V. V. Vinogradov, P. A. Budagov, A. E. Efimov, O. S. Akhmanova, D. N. Shmelev, A. P. Evgenieva, E. M. Galkina-Fedoruk, V. N. Klyueva, Y. D. Apresyan, Z. E. Aleksandrova, P. N. Denisov and many others understand synonyms as “words that are close or identical in meaning but differ in shades of meaning or expressive and stylistic features” [Ibid]. V. I. Polovnikova's definition is also in line with this, as she calls synonyms “words that are as close in meaning as possible, colored by expression, connected with belonging to a particular sphere of communication, having semantic differences, albeit minimal” [Polovnikova 1988: 22].

There is, however, another point of view on synonymy, when synonyms are understood exclusively as words identical in meaning. This point of view, known as the linguistic approach, “is opposed to the traditional logical approach to synonyms, and J. P. Sokolovskaya points out that it is shared by A. D. Grigoryeva, V. M. Grigoryan, P. S. Aleksandrov, S. G. Berezhan, etc.” [Sokolovskaya 1979].

The interpretation of synonyms is directly connected, from our point of view, with the approach to the phenomenon of synonymy. Thus, in Russian studies synonymy is studied according to: 1) “the denotative approach, which implies considering synonyms as words that express one phenomenon of reality (see the definition of M. F. Palevskaya, V. N. Klyueva, V. A. Belov, etc.; 2) the signifying approach, in which synonyms are understood as words that are identical or close in semantics” [Zinovieva 2020: 46] (see A. P. Evgenieva, R. A. Budagov, L. A. Novikov, S. G. Berezhan, A. A. Bragina); 3) the structural approach, in which synonyms are considered from formal and semantic sides (Y. D. Apresyan) [Apresyan 1995: 218]; 4) the pragmatic approach, defining synonyms on the basis of contextual interchangeability (L. A. Bulakhovsky, S. Ullman, J. Lyons, A. K. Zholkovsky, I. A. Melchuk, as well as Y. D. Apresyan); 5) the psycholinguistic approach, in which synonyms are considered as units of the native speaker's lexicon (A. A. Zalevskaya, I. A. Sternin, A. S. Stern, A. A. Shumilova and others) [Belov 2018: 96].

Since the main task of the undertaken research is to dissect the semantics of the members of synonymic series and links (a component of a synonymic series), we consider it most effective and expedient to refer to the signification approach in defining synonyms, in particular, as a working definition we stick to the traditional definition of synonym: “synonyms — words close or identical in their meaning, expressing the same concept, but differing either in shades of meaning, or stylistic coloring, or both” [Denisov 1980: 98]. It is a common phenomenon that Chinese students, when listing the synonyms of a word, often use similar expressions with this word or similar concepts represented by this word to explain it. In other words, perhaps because of their limited vocabulary, foreign learners tend to ignore that synonyms must belong to the same part of speech. In the present study we fully agree with P. N. Denisov that “synonyms, as a

rule, belong to the same part of speech and act as interchangeable elements of a statement” [ibid].

There is a consensus among researchers concerning the study of synonyms within certain parts of speech. The results of V. D. Chernyak prove that among the lexical synonyms in Russian “the first place is occupied by verbs (1171 rows), the second by nouns (1154 rows) and the third by adjectives (935 rows)” [Chernyak 1992: 16]. V. D. Chernyak argues that the specificity of synonymic associations, the interactive nature of “synonymic paradigms directly depend on the particerrelation of synonyms. In this respect, one should avoid directly transferring the regularities established for synonyms of one part of speech to the synonymic relations of other parts of speech”. [Chernyak 1992: 16-18].

In Russian linguistics, synonyms can be grouped by semantic and/or stylistic differences between them, or by the principle of word formation, or by their relation to linguistic or speech phenomena. There are the following classification criteria:

The first criterion is that there are “absolute” [R. A. Budagov] / “exact” [Y. D. Apresyan] / “one hundred percent” [A. A. Reformatsky] synonyms and “inaccurate” / “incomplete” synonyms / “quasi-synonyms” (according to Y. D. Apresyan terminology). Absolute synonyms are words that are completely identical in meaning. Traditionally in linguistics such units are also called lexical doublets, e.g., *prefix – predicate*.

According to Y. D. Apresyan, “lexical synonyms can be divided into synonyms in the narrow sense (exact, absolute) and quasi-synonyms. For exact synonyms, according to the author, the following three requirements must be met: words must have the same interpretation in the dictionary, that is, be translated into the same semantic linguistic expression; the actant structures of words must coincide; words must belong to the same part of speech” [Apresyan 1995: 220-224]. Y. D. Apresyan states that “the content of the term ‘absolute synonym’ is not revealed, but he emphasizes that if we understand exact synonyms in the above sense, they are common in natural language” [ibid].

The appearance of most paired exact synonyms in Russian can be explained by “contact with other languages” [Lagutina 1967: 122]. This fact led to a discussion

among Russian linguists about the expediency of “taking borrowed words beyond synonymy” [Lagutina 1967: 121]. A. B. Shapiro calls this phenomenon “atypical”, “alien” [Shapiro 1955: 72]. And L. A. Bulakhovsky and T. A. Degtyareva note that absolute synonyms are actively used in speech, so in their works these researchers not only acknowledge the existence of exact synonyms, but also try to describe this phenomenon comprehensively [Bulakhovsky 1954: 38; Degtyareva 1953: 23-26].

The phenomenon of complete synonymy, which should be noted, is the synonymy of borrowings with Russian words. In the context of globalization in the modern Russian language it is not uncommon to see Russian words being replaced by borrowings in the speech of native speakers, especially among young people. For example, *prime-time*, *remake*, *face-control*. A. A. Bragina pays special attention to the problem of borrowing in synonymy. She stresses that when studying “foreign words (exotisms) in a synonymic series” one must take into account their individuality, because “foreign or own words are of great importance in semantic and stylistic terms” [Bragina 1986: 44-49]. In other words, if we consider the above examples as a pair of exact synonyms, then, in our opinion, an additional criterion is needed: exotisms, which are absolute synonyms of existing Russian words, must not be recent borrowings, they must be adapted to the standard conditions of the Russian language.

Inaccurate synonyms are lexemes, the semantic parts of which coincide. In our opinion, A. A. Bragina rightly notes that “the very identity of synonymous meanings implies also the difference between them” [Bragina 1986: 23]. Thus, the two main functions of synonyms are defined as “differentiation and identity” [ibid], which “corresponds to the most common understanding of synonyms” [Shmelev 1977: 196-197].

It should be noted that in linguistic works incomplete synonyms are classified as:

- semantic: *to curse* – *to scold*; in this grouping one synonymic unit differs from another by a shade of meaning.

- stylistic: *to reproach* (pl.) – *to reprobate* (uncial, bookish); the units included in the synonymous series are distinguished by stylistic features.

- semantic-stylistic: *to shame* – *to gnaw*; the words in this grouping differ semantically and stylistically [Rosenthal 1991: 51-54].

This classification, reflected in the works of M. F. Palevskaya (1967) and L. A. Novikov (1982), as well as other researchers, is considered traditional in lexicology courses.

In contrast to the above classification, P. N. Denisov divides synonyms into the following categories:

- “conceptual — distinguished by shades of meaning” [Denisov 1980: 100-101] (*to praise* – *to approve* – *to extol* – *to glorify*);

- “stylistic — distinguished by belonging to different stylistic layers of the lexicon” [ibid] (*praise* – *glorify*);

- “Syntactic — differing in combinability (*flatter to whom* – *praise whom*)” [ibid].

The second approach, as we see, allows us to distinguish synonyms according to their structure. This theory is based on the fact that “the main issue in the consideration of synonyms, to which numerous articles have been devoted since the late XVIII century, is the question of the possibility, the admissibility of having two (or more) words in language to denote the same concept” [Evgenieva 1999, Vol. 1: 8]. There is also an opinion that “words identical in meaning, (single-valued) cannot be in a language” [Ibid]. The central idea of this theory is that only groups of words with “similar signifiers” are synonyms [ibid]. In this connection, the second approach to the grouping of synonyms is based on the morphological nature of the Russian language; synonyms are divided into “multi-root” (*to praise* – *to glorify* – *to exalt* – *to flatter*) and “single-root” (*to khayat* – *to ohait* – *to raskhayat*) [Beloshapkova 1989: 217].

In the verb units we have studied, the structural difference between the members of the synonymous series is reflected in prefixes, suffixes or postfixes. As R. P. Rogozhnikova and her supporters note, “the presence of different suffixes and prefixes in a word, although close or coinciding in meaning, usually leads to the appearance of new words.” [Rogozhnikova 1967: 153]. It is well known that prefixes, suffixes and postfixes can change the semantics of words, for example, *to praise* – *to exalt*; *to honor* – *to honor*; *to scold* – *to swear*. However, this feature is not described

separately in the analyzed classification, so it seems necessary for us to focus on the peripheral nature of affixal synonyms.

In addition to the two above-mentioned approaches, synonymic units can be divided into linguistic and contextual (occasional/individual-author). Linguistic synonyms are synonymic units recorded in dictionaries of synonyms. Contextual synonyms refer to words that arise in a particular context with a similar meaning and are interchangeable only in that context (or in a group of similar ones), but not in the language.

According to D. N. Shmelev, the understanding of contextual synonyms as words conditioned by context is found “in a number of works analyzing the language and style of works of fiction” [Shmelev 1977: 201]; these units are sometimes called “stylistic, contextual or situational synonyms” [Shmelev 1977: 201]. Let us take an example: “For in this case not only Prince Volkonsky will be upset and embarrassed, but I myself will not be saved in the least, and before the whole world I praise and exalt the first liar and my personal insulter above all in the empire...”. [V. Y. Shishkov. Yemelyan Pugachev. Book III. Part 2 (1934-1945), NKRY]. In this context both the verb praise and the verb exalt mean ‘to give praise to sb. or sth’, their association in one sentence becomes the climax in the description of the emotional state of the speaker.

There is another point of view in scientific works. In particular, G. V. Kolshansky argues that ‘synonymy as a categorical semantic phenomenon can be considered only at the level of context’ [Kolshansky 1980: 109-110]. According to G. V. Kolshansky, there cannot be many synonymic words in a language, and “the role of context in the synonymization of words would be correctly defined as the role of desynonymization of words” [ibid].

V. D. Chernyak's observation that “the study of the function of synonyms has so far been limited to the study of individual contexts, even when analyzing the use of synonyms in the texts of a particular author” is relevant for this study.” [Chernyak 1992: 30-31]. However, according to her observations, “miniature texts — text fragments of the size of two to five sentences — are sufficient to reveal the main functions of synonyms” [ibid]. Our observations on the material from the National Corpus of the

Russian language show that even one sentence using the verb in question is sufficient to determine its function.

This research takes the second criterion of classifying synonyms (P. N. Denisov), and reveals their differences in terms of meaning, stylistic relevance and combinability. This approach to the description of the material under study will make it possible to reveal the nuances of the vocabulary, which is especially important for the linguistic representation of verbs in a foreign audience.

Let us turn to the key terms for this thesis — “synonymic series” (hereinafter SR) and “dominant”.

1.3.2. The main units and dominants of a synonymic row

Synonymic series are “one of the indicators of the systemic organization of vocabulary” [Zinovieva, Gudnov 2014: 216-220]. “Words and word equivalents denoting the same phenomenon of objective reality form synonymic series” [Palevskaya 1964: 56]. Y. D. Apresyan explains the term as “a historically developed synchronous grouping of words (and expressions), which has a systemic character” [Apresyan 1957: 85]. At that, let us note, not words, but independent lexical-semantic variants of words are grouped in the synonymic series. This situation is especially significant for this study since many verbal units of speech impact are polysemic. The study of verb synonyms will illustrate the relationship between lexical-semantic variants of verbs and the synonymic series they can form, which is due to “firstly, transitivity, secondly, different degrees of generalization of words and, thirdly, multiple meanings” [Ufimtseva 1967: 35]. To demonstrate this point, let us dwell on the verb *exalt*, which is included in the synonymic series with the dominant *praise*. According to the Russian explanatory dictionaries, the verb *exalt* is interpreted in six lexico-semantic variants: ‘1) to give to somebody, something a higher social position or importance (old); 2) to

increase, to raise (book); 3) to raise, to make higher (old); 4) to create a higher mood, to push to higher aims; 5) to amplify, to make louder, sharper (voice); 6) to morally raise, to ennoble' [Ushakov 1934, vol.1: 344; Kuznetsov 1998: 144; MAS 1999, vol.1: 202; Ozhegov 2003: 93]. This means that this verb can be attached to six corresponding synonymic series.

A. A. Bragina, acknowledging the above-mentioned properties of verbal synonymy, also states that “the synonymic series relates to the past by archaisms functioning in high style and occurring in classical literature, <...> synonymizing new words and new shades of meaning of old words ‘keep its boundary open’ for future linguistic movements” [Bragina 1986: 65]. A similar idea is expressed by V. D. Chernyak, saying that “on the periphery the composition of synonymic series is in constant motion. This is especially true for expressively stylistic resources, which move to the periphery of the synonymic series, supplementing it with connotatively marked units” [Czerniak 1992: 12].

This study argues that the membership in a synonymic series is not static. The principle of dynamism allows the disappearance of obsolete lexemes in some synonymic series and the appearance of new lexemes. Regarding this phenomenon, B. A. Serebrennikov writes the following: “individual links of this microsystem may semantically touch individual links of other microsystems. But these links will be links of partial character” [Serebrennikov 1970: 281]. Here microsystems are equated to synonymic series.

In the present study we consider it legitimate to consider synonymic series in the space of synchronicity, which is caused by several processes occurring in the modern Russian language, in particular, “the emergence of new semantic contexts in connection with the shift of conceptual and object relatedness of words, the redistribution of word meanings in connection with the change of meanings of words parallel or close in meaning” [Serebrennikov 1970: 281].

K. S. Gorbachevich in his article “On the variable nature of lexical synonymy” draws attention to the problem of the limits of synonymy and synonymic series. The researcher emphasizes that synonymy has exactly a variable character, which is

manifested in both synchronous and historical schemes. In the synchronous scheme, synonym variation is manifested in the coexistence of nominative, divergent within the same word. On the one hand, “synonymy between semantically identical words may be temporarily lost in a particular context; on the other hand, emotional contexts often allow semantically unequal words to enter into synonymy” [Gorbachevich 1967: 76-77]. From the historical point of view, according to K. S. Gorbachevich, “the variability of lexical synonyms is determined by the presence or absence of the simultaneous use of two synonyms” [ibid]. He notes that “words that are out of use do not interact with words in the actual lexicon, from which it follows that the synonymic connection between them is broken” [Ibid: 77]. At the same time, however, NKRY data show an increasing frequency of use of many obsolete verbs, which allows us to include them in the material of our study (e.g., the verb *to great*).

A synonymic series is also referred to in some works as a “synonymic group and synonymic bundle” [Odintsova 1985: 64]. When describing the structure of synonymic series, N. P. Romanova notes “a deep similarity between generic groups and synonymic series. For both word associations the generic group is characterized by the presence of an unlabeled member (generic word), with which the labeled member (species word)” [Romanova 1970: 56] is in private opposition. In a generic group, however, the marked members form an equal opposition to each other, while in a synonymic group there is no such opposition. This is the main quality of synonymic bundles, according to N. P. Romanova, because the private opposition of a lexical unit can be neutralized in speech, whereas the equipollent opposition cannot. Proceeding from the branched relations within synonymic groups, the researcher prefers to introduce the term “synonymic bundle” instead of “synonymic series”, “which, in her opinion, better reflects the internal structure of synonymic unions and relations between synonyms” [Romanova 1970: 56-60]. Certainly, N. P. Romanova's position is quite argumentative and thus interesting, but we will stick to the traditional terminology — “synonymic series”, since this term is generally accepted in scientific literature.

According to Y. D. Apresyan, “several exact synonyms have no internal structure since exact synonyms are semantically indistinguishable. A few quasi-synonyms, on the

other hand, demonstrates a certain structure since quasi-synonyms differ in meaning” [Apresyan 1995: 248]. According to the author, “quasi-synonyms manifest themselves in language mainly as generic and species-species relations” [Apresyan 1995: 234]. However, this does not force him to abandon the term “synonymic series”. In the material under study, we can also distinguish generic and species-species relations: the verb *praise* acts as generic in its two lexico-semantic variants, respectively in two synonymic series, united by different definitions. 1) *to praise – to approve – to extol* and 2) *to praise – to glorify – to exalt*. At the same time, the verbs *to approve – to praise* and *to glorify – to magnify* are manifestations of species relations.

B. D. Chernyak distinguishes “adjacent, parallel and correlative” synonymic series. “Members of a related series 1) denote close concepts, lexical meanings of which have great similarity in their semantic components. Covering a coherent part of the semantic space within the LSG, adjacent synonymic series allow smooth semantic transformations in the common conceptual domain. Parallel synonymic series 2) are formed on the ‘basis of synonymic irradiation’, that is, when the members of the original series are synonymous in two or more senses. Relative synonymic series 3) are represented by members connected with the original series by word-formation relations” [Chernyak 1992: 19-25].

According to our material, the first two types of synonymic series are clearly distinguished: the related synonymic series of the LSG of verbs of verbal influence with the general meaning ‘to express approval, praise of someone, something’ (*to praise – to approve – to glorify – to magnify – to exalt – to idealize – to advertise – to recommend – to honor – to flatter*) and a parallel synonymous LSG of verbs of speech affect. For example, the members of the synonymic series with the dominant word *scold* may exist as two parallel synonymic series, depending on their different semantic orientation: 1) with the general meaning ‘to subject to severe or unkind criticism’ [Ushakov 1939, vol. 3: 987; Ushakov 1938, vol. 2: 916] and 2) with a general meaning ‘to study something thoroughly, to become thoroughly acquainted with it’ [Ibid]. But since the second lexical variant lacks the semantic element of speech impact, so the second SR *to work through – to finish off* is beyond the scope of our study. Relative synonymic series, on

the other hand, are represented in our study almost exclusively by synonymic series with praise as the core word, e.g., *to praise – to laud – to eulogize*, etc.

The study of synonymic series in modern linguistics cannot do without the concept of the core word (dominant word). V. N. Kliuyeva argues that the core word of a synonymic series is “as if the leitmotif of the whole series and determines its main character” [Kliuyeva 1961: 6]. As V. A. Sirotinina notes, the central word (dominant) “should be as stylistically neutral as possible, devoid of any additional emotionally expressive connotations” [Sirotinina 1960: 29]. According to L. A. Novikov's definition, the dominant can be defined as “the word that is semantically the simplest, stylistically neutral and syntactically the freest and in use. The dominant is the starting unit of comparison of synonyms, and in dictionaries of synonyms it is given first in a row” [Novikov 1973: 59]. And “the order of synonyms in the series is traditional - from the dominant to the ascending order of additional features (semantic, stylistic, etc.)” [Balashova 1999: 22].

According to V. D. Chernyak's observations, “synonymic series differ in their composition — from two-membered (in most cases representing doublets) to extended series” [Chernyak 2010: 8]. The synonymic series we have studied are polynomial, which means that the degree of remoteness of meaning between the members of such synonymic series is more difficult to determine than for synonymic series with fewer members. Based on this problem, V. K. Favorin proposes the term “amplitude of synonyms”. He believes that “such a series of synonyms, within which neighboring members are closest in meaning, and words distant from the original word, the more deviated from it in meaning, the further they are distant. The outermost members of the amplitude are least synonymous with each other” [Favorin 1953: 16]. In our material, such extreme representations of amplitude are, for example, verbs *to praise – to flatter*.

Moreover, according to M. P. Odintsova, “the dominant (core) and non-dominant (peripheral) position of synonyms in a synonymic series is one of the most common types of oppositions in synonymic series” [Odintsova 1985: 65]. The researcher also considers “the main features of the dominant to be maximum semantic simplicity and syntactic freedom” [ibid]. Sometimes “several words in a synonymic series may possess

these attributes, which gives grounds for reasoning about polynomial dominant links in the members of synonymic series” [ibid]. For example, in a synonymic series with the dominant *to scold*, its members *to reproach*, *to rebuke*, *to criticize* and *to berate* share these characteristics, and they can all create semantically closer synonymic links.

However, it is impossible to identify the dominant word in all synonymic rows, which has been noted by many researchers. Thus, M. F. Palevskaya writes that “it is not always possible to single out the word that most clearly conveys the meaning of all the words” [Palevskaya 1964: 58]. For example, “in a series of words with a general meaning ‘lost its original color’: *faded* – *lined* – *burnt* – *discolored* — words differ only by the indication of the cause of the loss of color, and it is difficult (or perhaps impossible) to single out among them the word that expresses the most generalized meaning of words in the entire series” [ibid].

In the available scientific research, most linguists support the idea of the existence of dominant words. After all, “in the cognitive understanding of reality there is a conceptual prototype of an object or phenomenon in reality, which in our consciousness will be evaluated as a better example of its class or a more prototypical instance than all others” [Denisov 2013: 170]. Besides, the main function of the dominant is “to unite the synonymic series” [Odintsova 1985: 65]. Thus, singling out the dominant word in one synonymic series is necessary because the meanings of the other members in it can be explained by the dominant word, which organizes this synonymic series, and its singling out is relevant and significant in the lexicographic practice of synonymic description. The dominant verbs in the studied material are the verbs *to praise* and *to scold*. They are stylistically neutral, frequently used in the language according to NKRY and have a wide combinability within the syntagmatic relations.

Thus, a synonymic series is a group of lexemes with similar semantics, which are systematically related to each other. Within a synonymic series, the dominant is usually distinguished, which is understood as a word that is stylistically neutral, most frequently used and has the most common meaning.

Moreover, we believe that the definition of the dominant in a semantic-type synonymic series can be referred to the mathematical notion of a true subset. In other

words, it is assumed that the semantic components of the dominant in the synonymic series it forms are a true subset of the semantics of the other members, that is, the semantics of the dominant word is completely covered by the semantics of the other members. In addition, the dominant word is also considered as the leitmotif of the synonymic series, since all synonymic series in this study clearly represent a certain theme in speech communication: scenarios of *praise, scolding, flattery, reproach*, etc.

1.4. Main aspects of the study of Russian verbs of speech affect

There are a considerable number of works by Russian scholars devoted to the study of Russian verbs. The main research interests are morphological properties of Russian verbs (L. L. Bulanin 1967, A. V. Bondarko 1971, S. I. Bogdanov 2009, etc.), semantic features of Russian verbs (Y. D. Apresyan 1967, L. M. Vasiliev 1976 and 1981, A. V. Kosov 1988, E. V. Kuznetsova 1989, F. S. Bacevich 1992, N. Y. Shvedova 1995, etc.) and the functional and grammatical features of verbs (T. V. Bulygina 1980, A. V. Bondarko 1984, L. I. Bogdanova 2001, etc.). There are also studies devoted to Russian verbs of speech influence, analyzed from different sides and points of view. To distinguish verbs of speech affect, it is necessary to consider the concept of “speech affect”.

Speech affect is understood as “the impact on individual and/or collective consciousness and behavior, carried out by a variety of speech means, in other words — with the help of messages in natural language” [Parshin 1996: 19-42]. P. B. Parshin notes that “sometimes speech influence includes paralinguistic semiotic systems, mainly relating to facial expressions, gestures, poses, as well as aesthetic codes of verbal creation and metagraphemics (means of graphic design of texts). Graphic means (colors, fonts)” [ibid] perform an informative and expressive function and are closely connected with the verbal components.

O. S. Issers defines “speech impact as speech communication, taken in the aspect of its purposefulness, motivational conditionality” [Issers 2003: 21]. According to the researcher, language, as a semiotic code, constructs a model of the world of the speaker. However, “language as an instrument of influence cannot be a normal mirror” [Vlasyan 2007: 32]. Irrespective of the speaker's intentions, it is always a crooked mirror whose degree of “curvature” depends on the communicator's communicative task and his worldview. Therefore, it is necessary to acquire certain techniques for the impact of speech to be effective [Issers 2006]. Earlier, R. M. Blakar expressed a similar idea, only without visualization — it is impossible to express oneself “neutrally”, “because even informal conversation involves the ‘exercise of power’, that is, the influence on the perception and structure of the other person's world” [Blakar 1987: 88-125].

Г. P. Vlasyan defines “speech influence in a broad and narrow sense: in the narrow sense speech influence refers to the use of the features of the device and functioning of the listed sign systems, primarily natural language, in order to construct messages with an increased ability to influence the addressee” [Vlasjan 2007: 31-34]. And from a broad perspective, speech impact can be “identified with the process of speech communication, taken in the aspect of its purposefulness. Scientific studies show that in any act of speech communication communicants pursue certain non-verbal goals, which eventually affect the activity of the interlocutor” [Vlasyan 2007: 31].

И. A. Sternin notes that speech influence is “a new modern science, the subject of which is the effectiveness of communication” [Sternin 2012: 3]. He believes that “the science of speech influence has three parts. It is divided into the history of science, the theory of science, the practical part related to the teaching of speech influence” [Sternin 2012: 3-4]. The researcher also suggests that “the theory of the science of speech influence has basic sections: rhetoric as a science of effective public speech; business communication (in the broad sense) as a science of effective communication to achieve a human subject goal in interpersonal communication; advertising as a science of effective product promotion in the market (in its textual, linguistic component)” [ibid].

It can be argued that P. B. Parshin's definition focuses on the impact of verbal and non-verbal media on a person or a collective, while O. S. Issers emphasizes the purpose

and motivation of the speaker in verbal communication, the difficulty of achieving the speaker's intentions and the need to master the means of speech. G. R. Vlasian firmly believes that the impact of non-verbal goals in communication on the activities of the interlocutor is unavoidable. I. A. Sternin, on the contrary, considers speech influence as a science, focusing on the construction and justification of its theoretical foundations.

Thus, speech influence is still a highly relevant object of research, and its definition is still being refined due to its broad interdisciplinary nature and high dynamism. In this study, “speech influence” is considered in a narrow sense, that is, as the impact of verbal means on the interlocutor. This is due to the fact that the object of this study is verbs containing speech semantics, on the basis of which we investigate the connotations of speech influence, which verbs are endowed with.

The concept of speech influence has always been a hot topic in scientific research, especially in the last two decades, and many scientific works devoted to speech influence have appeared. Studies devoted to this issue have been conducted in various scientific fields: in linguistics and literary studies; in psychology and pedagogy; in media and mass communications; in clinical medicine; in sociology, philosophy, ethics, religious studies; art studies; law, etc. Of these, the field of linguistics and literature has the most research, even more than twice as much as the field of the so-called “education sciences” which ranks second in the number of scientific papers (according to the Scientific Electronic Library “CyberLeninka”) [<https://cyberleninka.ru/search?q=речевое%20воздействие&page=1>].

Over the past two decades, the following studies have been conducted in the direction of linguistics concerning speech affect:

studies devoted to the theory of speech affect: “The nature of speech affect” (G. R. Vlasian 2007); “Speech affect: ontology and taxonomy” (E. V. Shelestyuk 2007); “Definition of the concept of speech influence and types of this affect” (E. G. Grishchko 2008); “Methodology of speech affect” (N. S. Nizkaya 2009); “Speech affect: theoretical aspects” (L. S. Polyakova 2010); studies devoted to psycholinguistic mechanisms of speech influence in the process of human verbal communication: “Psycholinguistic mechanisms of speech affect” (A. V. Kintsel 2013);

studies devoted to speech behavior of the teacher: “Means, forms and functions of pedagogical speech affect” (N. D. Desyaeva, E. V. Aibiatova 2013); “Structure of speech influence” (E. S. Gavrilova 2015) etc.; studies in the study of works of fiction: “Speech affect in a poetic text” (E. A. Gorlo 2006); “Speech affect in a detective work” (T. G. Skrebtsova 2012); “Analysis of tactics of demagogic speech affect (on the material of the works of F. M. Dostoevsky)” (E. A. Komarova 2012), etc. ; studies of speech affect within a particular discourse: “Speech influence in political discourse” (O. N. Mishchuk 2013); “Speech affect in legal discourse” (V. V. Kalinovskaya 2020); “Characteristics of speech affect in media” (A. E. Nagaeva 2021); studies of speech affect in terms of speech acts (using literary works as material for research): “Speech affect in the communication process” (I. V. Dimante 2011); “Speech impact as an object of research” (G. A. Ostyakova-Pochezherskaya 2022). And there is also a scientific work that studies paroimia in terms of verbal means of achieving effective speech on the material of the Russian and German languages: “Paroimia in the discourse of speech affect” (M. A. Seregina 2011).

Based on the position on the indispensability of verbs of speech in communication, as well as on the speaker's desire for communicative efficiency in various spheres of communication, L. G. Babenko in her classification of verbs of speech has allocated verbs of verbal influence as an independent group. In the present study under verbs of speech influence we, following L. G. Babenko, understand verbal units with the semantics “to pronounce (say) sth. in some way, expressing various emotions and thereby influencing the interlocutor, bringing him into a certain emotional state, as well as encouraging him to do something, to perform some action” [Babenko 1999: 374].

As we see, the archiseme is the sema ‘to influence the interlocutor in some way’. Speech impact is carried out by conveying certain emotions to the interlocutor, as well as encouraging him to certain actions, which actualizes the differential semes of verbs of speech impact. The success of the intention of speech influence should be judged by the reaction of the listener (recipient). According to O. S. Issers' mirror theory, certain techniques are necessary for speech influence to be effective, and M. R. Zheltukhina argues that the probability and effectiveness of speech influence is determined by the

following factors: “linguistic factor, extralinguistic factor, semiotic factor, social factor, cognitive factor and psychological factor” [Zheltukhina 2003: 59-60].

In the study we have undertaken in analyzing the contexts, the role of these factors in specific situations of speech influence is considered, with particular attention paid to the connotative and semantic depth of the units included in the object of our work, and their explicit and implicit nature, the intentions of communicative parties in this context, psychological reactions, cognitive processes and ethnopsychological characteristics. Moreover, these factors are decisive in determining whether a particular verb unit correlates with the meaning of speech impact in each context. There is no doubt that these factors play an important role in the construction of the communicator's personal image, and that the speaker's own image plays an important role in the process of speech influence, even almost dominant, in its completion. Therefore, a speaker's image is directly proportional to the degree of impact he or she has on the listener. This study aims to reveal the linguistic and cultural potential of verb units that perform the function of speech influence in each situation, in terms of the social status of the two parties, their relative power, face theory and the principle of politeness (see Chapter 3).

The list of research works on the study of speech influence is quite extensive, but there are not many works devoted to the study of verbs of speech influence. Research on verbs of verbal influence in the last 20 years has been conducted in the following directions:

First of all, there are scientific works devoted to the study of verbs of speech affect in the functional-semantic aspect: “The multisituational analysis of verb semantics as a way to study the national specificity of Russian verbs of speech affect” (M. S. Nebolsina 2005); “Functioning of the semantic class of verbs of verbal influence in Old Slavonic and Old Russian written monuments of the XI-XVII centuries” (A. A. Nenyaeva 2011); “How could one distribute deliberately false information in the XVIII century? (K. R. Russu 2021); “Organization of Semantics of Speech Verbs in Russian Speeches of the Baikal Region” (O. V. Peresada 2018); “Semantics and Pragmatics of Statements with Emotive Predicates” (E. N. Nikitina, N. K. Onipenko 2022).

Verbs of speech affect have also been actively studied in the material of other languages: “Verbs of speech activity in the Yakut language” (V. I. Kharabaeva 2021); “Verbs of speech activity in the Turkic languages and dialects of the northern Sayan-Altai” (O. Y. Shagdurova, A. A. Ozonova 2014); “Cognitive and pragmatic features and contexts of functioning of statements with the meaning of sentence and advice” (the article considered speech acts involving verbs of speech impact on the material of English in the cognitive and pragmatic aspect) (Z. S. Guseikhanova 2007); “Cognitive scenario of verbalization of the concept threat in media discourse (on the material of statements of D. Trump)” (the article analyzes verbs of speech affect with the meaning of ‘threat’) (K. O. Gaus, M. Y. Ryabova 2019); “Perlocative verbs in modern German” (O. V. Kiriakova 2011); “Actoretic potential of perlocative verbs in modern German” (O. V. Kiriakova 2013); “Semantic and etymological features of verbs of intentional speech discrediting of an object (in English)” (T. M. Timoshilova, E. N. Morozova 2012); “Semantic features of verbs of blame through the prism of etymological descriptors” (T. M. Timoshilova, E. N. Morozova 2013) and others.

Verbs of speech affect were also studied in the context of specific discourse: “The concept of threat in English-language political discourse” (the work analyzes the means of threat expression, including verbs) (L. I. Magsumova 2016); “On the functional potential of verbs of communication in English business discourse” (G. A. Parshutina 2016); “Speech genres of argumentative discourse: persuasion and coaxing” (verbs of speech affect are considered as features of “persuasion” and “coaxing” genres) (K. Y. Gorshkova 2018); “Typology of speech acts of challenge and their discursive behavior” (the work subjects to analysis verbs of speech influence with semantics of challenge) (N. A. Gutsal 2008), etc.

Verbal (lexical, grammatical) and non-verbal means of embodiment of pleading genre are considered: “Pleading genre and means of its linguistic implementation” (T. G. Rabenko 2015).

A further direction in the study of verbs of speech influence is the use of certain works of fiction as material for analysis: “Direct speech influence in a poetic text” (E. A. Gorlo 2006); the composition of the group and functioning of predicates of

speech action in the works of E. I. Zamyatin, features of individual and authorial representation of verbs of speech activity: “Verbs of speech activity in Zamyatin's text” (V. E. Mayasov 2011), etc.

Speech verbs are studied in terms of grammatical relations (case system): “Dativ in relation to other cases in the Russian case system” (E. V. Skvoretzkaya 2007). The author emphasizes that “many verbs of speech influence (*to gratitude, to scold, to scold, to scold, to judge, to reprove, to praise*), as well as the verb of mental state to bear — have lost control of the dative case and began to combine with the accusative object: in literary works of the XIX century one can still meet forms with the dative case” [Skvoretzkaya 2007: 86].

This dissertation research is conducted within the framework of the functional-semantic and linguistic and cultural models of describing verbs of speech influence. Therefore, we consider it expedient to consider some works in more detail due to their value for our study.

In M. S. Nebolsina's PhD thesis, devoted to the description of the functional and cognitive potential of Russian and German RV verbs about the polysituational aspect (Nebolsina 2006), 30 Russian RV verbs and their corresponding 22 German verb units are analyzed. As a result of her research, “the denotative content of RV verbs appears as a polysituational, polysubjective, polypropositional structure, which can change following communicative conditions. The content of the situateme of RW verbs lends itself to propositional structuring, five main propositions describing the relations of the participants within the situation are distinguished. When considered on a macro scale, the content structure of the situateme includes, along with the conventional ones, also implicative meanings, which are realized in the existence of situations adjacent to the assertive (lexicalized, caught in the communicative focus) situation” [Nebolsina 2006]. M. S. Nebolsina's reflections on the implicit semantics of RW verbs are relevant for this study. However, due to the large number of RV verbs, the author does not study the verbs of our object of study.

A. A. Nenyayeva's article “Functioning of the semantic class of verbs of speech influence in Old Slavonic and Old Russian written monuments of the XI-XVIIcenturies”

presents a semantic comparison of common polysemantic verbs in Old Slavonic and Old Russian languages. The study is illustrated on the example of the semantic class of verb influences, which is part of the LSG of verbs of speech activity [Nenyaeva 2011: 455-458]. This work is important for the study of the Old Slavonic and Old Russian languages. The present paper, on the other hand, focuses on RW verbs in modern Russian texts, considering to a greater extent the peculiarities of their use in modern Russian.

Scientific article by T. M. Timoshilova and E. H. Morozova “Semantic features of the verbs of censure through the prism of etymological descriptions” is devoted to the etymological and semantic analysis of the English verbs “censure (to brawl, to castigate, to condemn, to curse, to damn, to lecture, to rate, to rebuke, to reprehend, to reproach, to reprobate, to reprove, to row, to strafe, to swear, to trounce) in view of historical-etymological and semantic factors of formation, development and existence of meanings” [Timoshilova, Morozova 2013: 124-130]. The paper compares the semantics of guilt verbs in the English and Russian languages from the point of view of dictionary entries and from the point of view of the etymology of these verbs. We agree with the authors that the method of semantic comparison of lexical input is an important criterion for classifying this category of verbs (like absolutely all words). In addition, we believe that the semantic study of verb units can be optimized at the expense of the contextual environment.

O. V. Kiriakova's scientific work “Perlocutionary verbs in modern German” “highlights the results of scientific research and actoretic potential of perlocutionary verbs in modern German, formulates a working definition of perlocution” [Kiriakova 2011: 81-85]. The author describes “semantic classification of perlocutionary verbs in modern German in comparison” [Ibid] with verbs in Russian in terms of the concept of "perlocution". It can be said that O. V. Kiriakova seeks to describe verbs of speech acts at the macro level but does not focus on the lexical identification of verb synonyms. The methodology proposed in this work helped us in the process of distinguishing verbs of speech act from verbs of other groups.

But the greatest contribution to the description of semantics, functioning, linguistic and cultural features of verbs of different synonymic groups was made by E. I. Zinovieva and followers of her school: see N. E. Karandashova (“Synonymic series of verbs of mental activity: functional-semantic aspect”, 2003); R. N. Gudnov (“Synonymic series of verbs of intellectual activity in modern Russian language: functional-semantic aspect”, 2013); E. I. Zinovieva, Vu Ngoc Yen Khanh (2020) — “Integrative approach to the description of synonyms in linguistics (on the material of the synonymic series of verbs with a common meaning ‘do nothing’)”, etc.

In our opinion, the algorithm of analysis that was proposed by E. I. Zinovieva in her work in 2020 and developed in the works of her graduate students is still relevant today, and in our work, we will use this algorithm to analyze our own material.

Thus, despite the existence of different approaches to the study of verbs of speech influence, our reference to this topic seems very important because the linguo-methodological and linguistic and cultural orientation of the study of synonymic rows of lexical-semantic groups of verbs of speech influence with the dominant verbs *to praise* – *to scold* are intended not only to supplement the understanding of the great potential of the considered lexical layer, but also to specify the algorithm of their representation in a foreign, in particular, Chinese audiences.

As a result of the analysis of scientific works devoted to the study of verbs of speech influence, the following preliminary conclusions can be made, which determine further scientific searches. Researchers have studied different semantic fields and separate lexical-semantic groups of verbs, compared verb LSG with other languages, but the description of verbs of speech impact has not been studied in functional-semantic and linguistic and cultural terms on the material of synonymic series.

RV verbs are part of a larger vocabulary association “Verbs of Speech Activity” (RD). The most complete classification of RD verbs was proposed by L. G. Babenko in “The Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description” [Babenko 1999]. The concept of the dictionary is based on the results of the study of the systemic organization of the lexicon and the structural organization of the lexical meaning of the

word. The composition of this Dictionary is based on the dictionary article. The structure of the dictionary entry has several parameters (zones):

- header unit,
- grammatical information,
- stylistic and emotional-expressive information,
- interpretation: principles of semantization of a verb's lexical meaning,
- zone of lexical categories: synonymy and antonymy,
- English verb equivalent,
- type of illustrative material [Babenko 1999: 17].

Paradigmatic and syntagmatic relations are identified as the main principles of lexical systematics. The essential properties of lexical systems are the intersection of lexical and semantic paradigms, their heterogeneity and, consequently, their hierarchical organization. The principle of hierarchy implies the structural organization of lexical-semantic paradigms: the top and the periphery. For example, “three lexico-semantic super classifiers make up the top of the hierarchy of verbal words: the field ‘Action and activity’, the field ‘Being, state, quality’, the field ‘Attitude’”. [Babenko 1999].

The field “Action and activity” includes 10 LSG (figure 1):

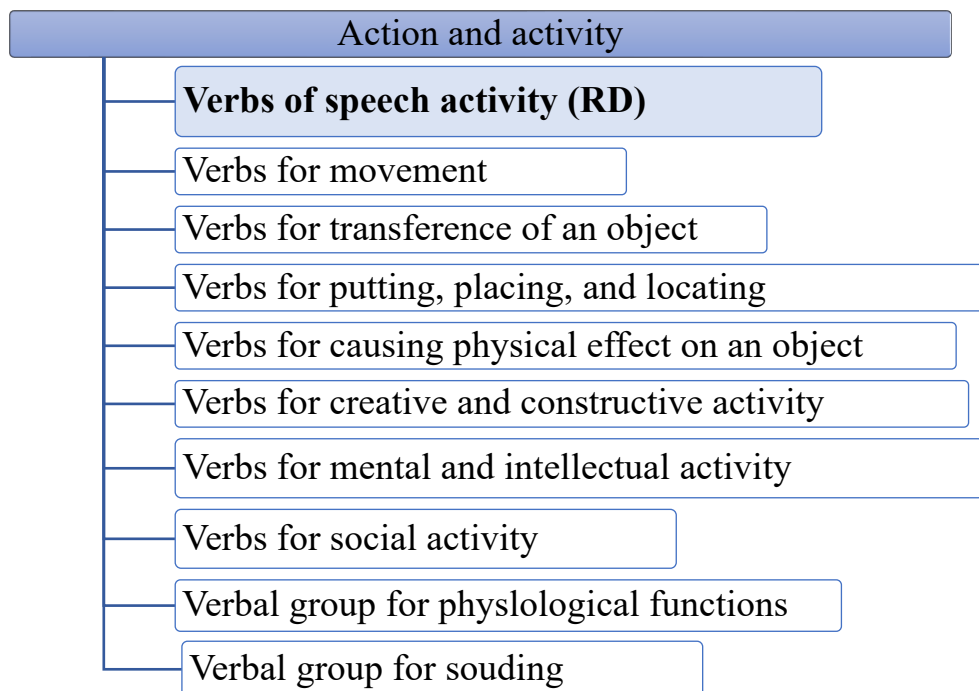

Figure 1. Position of RD verbs in the Action and Activity field

As follows from the above scheme, the LSG of RD verbs is included in the Action and Activity field. The LSG of RD verbs, in its turn, is divided into five subgroups (figure 2):

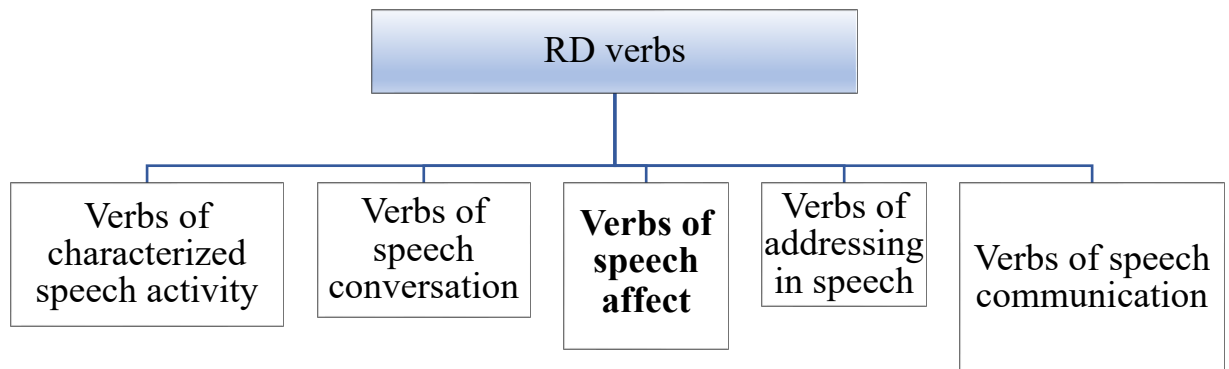

Figure 2. Position of RV verbs in the subfield of RD verbs

Relying on L. G. Babenko's classification, we chose to analyze and describe the LSG of RV verbs, dividing them into smaller word combinations — synonymic series (see 2.1 for details).

CONCLUSIONS I

As a structurally and semantically complex part of speech, the verb has a large number of grammatical categories and syntactic features that allow it to act as a dominant component of the semantic level of a sentence. These features are due to the close connection between the lexical-semantic properties and grammatical categories of the verb.

Vocabulary is studied as a system by all researchers. Its systemic nature is expressed in the regularity of connections of lexical units in the LSP. Words of the same lexical nature (parts of speech) are often studied in a lexical-semantic group, and their relationship can be expressed by paradigmatic, syntagmatic and derivational relations.

Verbs, as one of the most numerous parts of speech, have a rich variety of paradigmatic, syntagmatic and derivational relations. The object of this study (verbs of speech affect) is presented in different synonymic series, which certainly speaks in

favor of strengthening synonymic relations in the system of lexical paradigm. The fact that the verb units of the given LSG have homonymic relations or constructive relations with each other makes it inevitable for the verb units to enter into derivational relations with each other. The control property of verbs and their central position in a sentence make them rich in word-formation potential and semantic valency.

The difficulty of word usage of verb units is one of the problems that foreign students face. In addition to differentiating definitions in terms of lexical meaning, grammatical, stylistic, evaluative, and even syntactic properties of verbs are all factors that must be considered to solve this problem. Consideration of these factors must be based on the richness of the context in which verbs are used.

The relevant scientific literature shows that at this stage there is no unified terminological apparatus as far as lexical systems are concerned. This, however, does not affect the commonality of these terms among themselves. Our study uses LSP, LSG, SR and other basic, generally accepted terms by researchers. To understand the term LSG, this study adopted the definition of I. P. Slesareva. This is since the words we study belong to the same part of speech and that these units are semantically close, demonstrating a clear relationship of semantic proximity of synonymic types.

When analyzing the LSG of verbs, the method of distinguishing the top (core) and the periphery (the rest of the words) is most often used (L. G. Babenko). The core words are those that have the most universal meaning and neutral stylistic coloring (according to L. G. Babenko, the core words in the LSG of verbs of speech affect are the verbs to speak (to say), to utter (to pronounce) and to inform (to inform)). Peripheral words, on the other hand, are verbs that have differential semantics in addition to the base word. Base verbs cannot be recent borrowed words. They are usually simple in their semantic composition, have the most common or frequently used combinability in their lexical-semantic group and have a high ethnographic significance for native speakers. The LSG of verbs of verbal influence is clearly structured, with all the units within the LSG connected by certain types of oppositions (privative, equivalence, synonymy).

Since the units of the LSG of verbs influence may be divided into several synonymic series, the definitions of synonym and dominant word are crucial.

It is worth noting that this study reinforces the paradigmatic properties of words based on the traditional definition of synonymy. We believe that synonyms should be considered as words of the same part of speech. We tend to rely on the concept of physical amplitude to explain the semantic proximity of the members of one synonymic series and their dominant word. It should be clarified that a member of a synonymic series here is not a lexical unit, but a certain lexico-semantic variant of a lexeme.

The dominant verb should have maximum semantic simplicity and syntactic freedom. Structurally, the dominant verb builds a synonymic series. Semantically, the meaning of the dominant verb can explain the meaning of other verbs in the same synonymic series through other subtle semantic features. In addition, we believe that in terms of semantic breadth, the concept of mathematical true subsets can be used to explain the semantic expansion of the main words and their peripheral words of the same LSG.

Verbs of speech affect is the name of the group of verbs singled out by L. G. Babenko. Since the academic study of speech affect is a separate science, it is fair to say that there are a huge number of scientific works studying speech affect. Having analyzed the concept of speech affect, in this study we adopted its narrow definition, referring to verbs of speech affect only those verbal units which have a verbal element and thus can influence the listener. Verbs of verbal influence are intended to induce the listener to do something or to make him or her be in a certain emotional state. This requires us to fully consider the communication situation, the addressee's purpose, the addressee's reaction, the way the statement is conveyed, and even the hidden meaning of the expression. The named communicative fragments often contain a special linguistic and cultural potential.

The analysis of the scientific literature on the stated topic showed that the speech affect was studied in various fields in the broad understanding of this term. Works that study only verbs of speech affect focus more on cross-linguistic comparative consideration. However, most studies are based on the analysis of dictionary comparisons or within a single text type, without the full text as a support for the corpus of the study. Therefore, it is relevant and necessary to investigate the

functional-semantic and linguistic and cultural features of verbs of speech influence with the help of a more systematic, rich, and complete context.

The theoretical statements in this chapter form the basis of the research portion of this paper.

CHAPTER II. FUNCTIONAL-SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF SPEECH AFFECT VERBS IN RUSSIAN

In this study, the term semantics is understood considering the concepts of denotation, referent, signifier, and connotation. For example, the verb praise, in which the denotative is understood as denoting an action in the form of praise, the referent as a specific action in a particular context, the signifier as the meaning of the word, to express gratitude for the merits of someone or something, and connotation as its contextual meaning. The functional semantics of a verb refers to the possible semantics of the verb in its particular use.

As we discussed in Chapter I, the verbs of speech influence under study are aimed at exerting inducement on the behavior, emotional state, and even psychological feelings of the listener, which emphasizes the absolute dominant role of the speaker and the listener in the process of speech influence. It can be argued that the human behavior carried by the verb of speech influence confirms the importance of anthropocentrism, and the features of human behavior embedded in the situation of speech influence have pronounced linguocultural characteristics.

As a young science, the terminological apparatus of linguoculturology is in the stage of clarification. In this study, linguocultural features are understood as a set of characteristics of verbal units resulting from the interaction and mutual influence of language and culture. We consider both linguistic properties, such as possible semantics of the verb, its grammatical features, and cultural properties, such as the internal form of the verb, its associative possibilities and axiological evaluation, as well as character relations, relative power and social distance between the subject and the object performing the action in a particular context.

2.1. Principles of Classification and Description

When selecting verbs of verbal influence, we relied on the data from L. G. Babenko's dictionary “The Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description”. In order to better reflect the systemic connections of verbs, the vocabulary of this dictionary includes verbs in their basic and non-mainstream meanings. A set of differential semantic features, which constitute the semantic complex of a verb class, has been singled out for verbal lexemes, that is, the set of differential semantic features characteristic of the entire class.

Considering the classification of verbs of speech proposed in L. G. Babenko's dictionary, supplemented by a more refined classification of verbs of speech influence proposed by us, and taking into account the remarks on terminological apparatus made in the first chapter of this study, we believe that the systemic organization of verbs of speech influence can be described graphically as follows (figure 3):

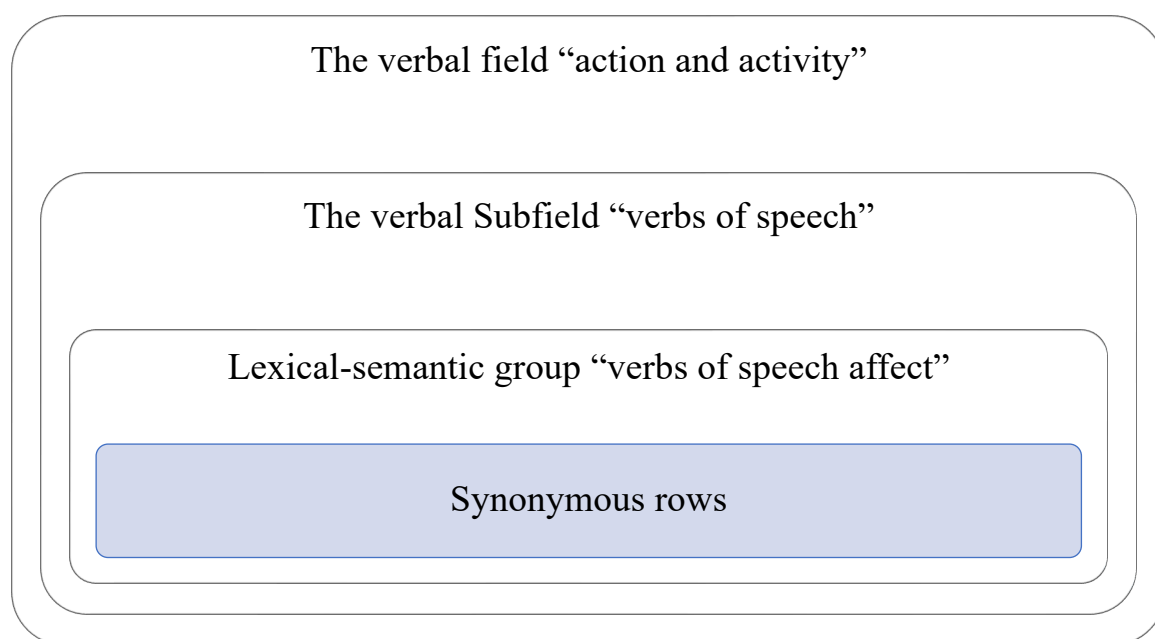

Figure 3. The systemic relation of verb association I

L. G. Babenko's dictionary contains a list of verbal affects, consisting of 54 verbs. The verbs are given as a list in alphabetical order, and each verb has a minimal, but very clear definition. We did the following with these verbs: following the principle of lexical systematics, we divided the existing 54 verbs into 12 synonymic rows, and at

this stage 12 key words were born. We call each synonymic row by the main word: 1) verbs of speech affect denoting the concept “to ask”; 2) verbs of speech affect denoting the concept “to persuade”; 3) verbs of speech affect denoting the concept “to scold”; 4) verbs of speech affect denoting the concept “to lie”; 5) verbs of speech affect denoting the concept “to threaten”; 6) verbs of speech affect denoting the concept “to praise”; 7) verbs of speech affect denoting the concept “to order”; 8) verbs of speech affect denoting the concept “to cut off”; 9) verbs of speech affect denoting the concept “to mock”; 10) verbs of speech affect meaning “to interrogate”; 11) verbs of speech affect meaning “to welcome”; 12) verbs of speech affect meaning “to swear”.

However, the synonymic rows of RV verbs, based only on the data from L. G. Babenko's dictionary, are incomplete and do not represent all the verbs that exist in the modern Russian language, which can express the meaning of the main word and have the semantics of speech influence. We decided to expand the list of synonymic rows of verbs of verbal influence, using as a benchmark the data from existing dictionaries of synonyms of the modern Russian language [N. Abramov, 1900; V. N. Klyueva, 1956; Z. E. Aleksandrova, 1968; A. P. Evgenieva, 1970-1971; K. C. Gorbachevich, 1996; Y. D. Apresyan, 1997; O. V. Mikhailova, 2015].

Synonymic dictionaries were analyzed, which present the rows of verbs we are interested in, united by the common meaning of ‘speech affect on a person’. As a result, we found another 180 verb units containing the seme of verbal influence on human behavior, that is, an indication of the ability to control the actions of another person through the voice. For example: the verb *to yell* — ‘to make a sharp remark in order to stop speech or the thread of conversation’.

Around the 12 main words, we grouped the verbs that were not included in the group of verbs RV of L. G. Babenko's dictionary, expanded each of these 12 synonymic rows. Thus, the 12 extended synonymic rows of verbs of speech influence consist of 233 verb units:

1) SR with the dominant “to ask”: *to ask – to beg – to plead – to implore – to grovel – to pester – to insist – to bow – to present – to intercede – to incant – to defend – to call – to beggar – to demand – to propitiate – to solicit – to pray – to persuade – to*

invite – to entreat – to gyp – to shoot – to bewail – to beseech (25 units), see the analysis of partial verb units of this SR in detail [Fu Yamei 2020a, 2021a].

2) SR with the dominant “to persuade”: *to persuade – to incline – to reason – to assure – to confirm – to prove – to advise – to exhort – to convince – to entice – to balk – to cajole – to steal – to persuade – to handle – to exhort – to force – to assert – to certify – to indulge – to agitate* (21 units), for the analysis of partial verb units of this SR see [Fu Yamei 2020 b].

3) SR with the dominant “to scold”: *to scold – to ingratify – to berate – to curse – to shame – to saw – to gnaw – to reprimand – to cover – to heap – to blaspheme – to slander – to call out – to sneeze – to bark – to bastardize – to work it out – to reprimand – to slander – to get into trouble – to dissolve – to reprimand – to slander – to spygish – to fluff – to trim – to wool – to burn – to chew – to iron – to gouge – to drag out – to pull through – to pull through – to smash – to criticize – to reprove – to reprimand – to reprimand – to chide – to nail – to pounce – to attack – to scream – to vilify – to nag – to falsely say – to reproach*, for a detailed analysis of the partial verb units of this SR, see [Fu Yamei 2022 a].

4) SR with the dominant “to lie”: *to make up – to lie – to falsify – to plait – to twist – to blab – to pour – to poison – to deceive* (9 units).

5) SR with the dominant “to threaten”: *to threaten – to menace – to intimidate – to scare – to frighten – to harass – to startle – to warn – to hang* (9 units).

6) SR with the dominant “to praise”: *to praise – to approve – to exalt – to glorify – to extol – to laud – to excoriate – to flatter – to magnify – to great – to eulogize – to beatify – to raise – to chant – to idealize – to advertise – to recommend – to sing – to honor – to revere – to flatter – to compliment – to brag* (23 units), see the analysis of partial verb units of this SR in detail. [Fu Yamei 2022 b].

7) SR with the dominant “to order”: *to punish – to order – to decree – to lead – to command – to enjoin – to prescribe – to dispose – to bequeath – to dictate – to direct – to forbid* (12 units).

8) SR with the dominant “to interrupt”: *to stop – to interrupt – to terminate – to suppress – to disrupt – to rip – to tear* (7 units).

9) SR with the dominant “to mock”: *to mock – to joke – to laugh – to scoff – to ironize – to amuse – poke fun at – to ridicule – to sneer – to yell – to tease – poke at – wise up – fool around – to deride – to contort – wise up – to hoot – to mangle – to snigger – to bend – to be amused – to quip – to tease – to blaspheme – to parody* (38 units), for a detailed analysis of the partial verb units of this SR, see [Fu Yamei 2022 c].

10) SR with the dominant “to interrogate”: *to interrogate – to inquire – to probe – to enquire – to reveal – to confess – to demand – to check – to ascertain – to recognize* (10 units).

11) SR with the dominant “to welcome”: *to welcome – to greet – to salute – to congratulate – to bow* (5 units), for a detailed analysis of the partial verb units of this SR see [Fu Yamei 2022 d].

12) SR with the dominant “to swear”: *to swear – to promise – to undertake – to pledge – to commit – to reassure – to predict – to threaten – to be quoted – to sue – to vouch – to guarantee – to answer – to respond – to boast – to oath – to reassure – to summon – to affirm* (19 units), for the analysis of partial verbal units of this SR see in detail [Fu Yamei 2022 e].

Thus, the systemic nature of the lexicon, in addition to the hierarchical features from large to small (from wide to narrow), which we discussed earlier, in this study through the inductive method we reorganized the verb units: from dominant verbs to broader synonymous rows, and then from broader synonymous rows to broader LSG of verbs of speech affect (figure 4):

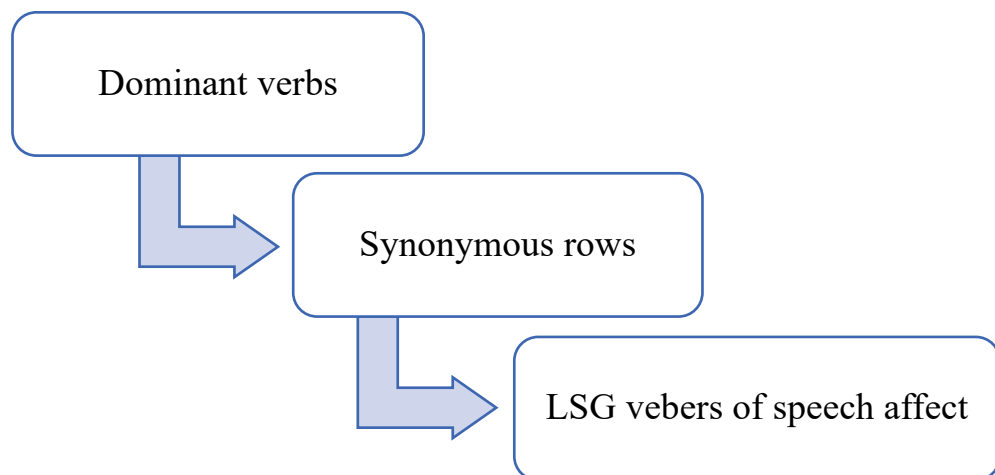

Figure 4. The systemic relation of verb association II

The numerical relations between the members of the extended synonymic rows are presented as follows (figure 5):

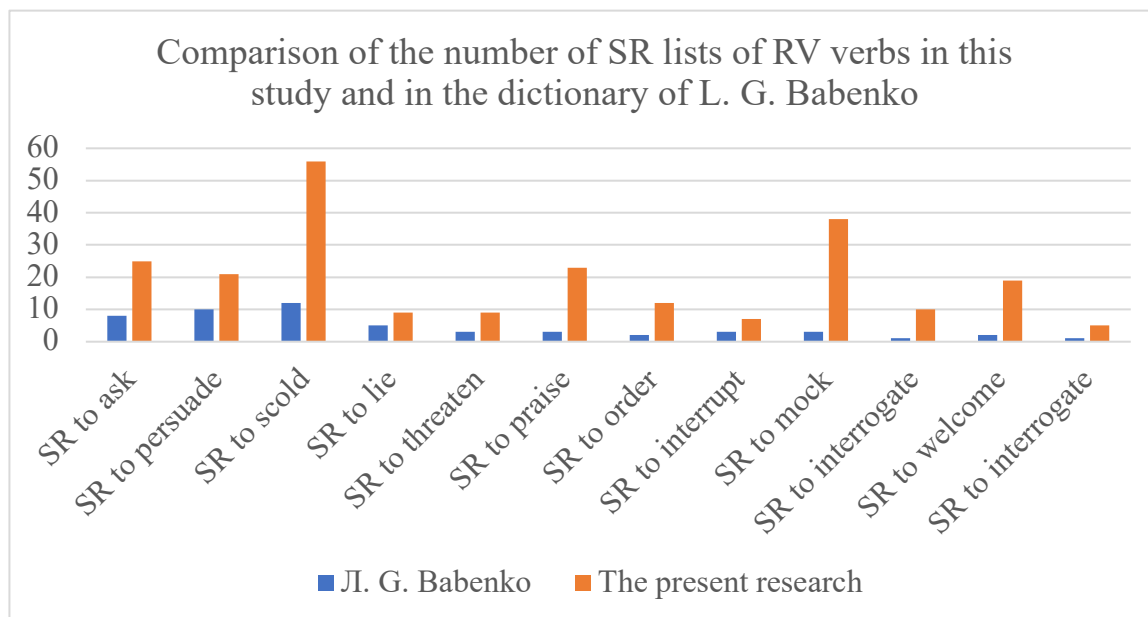

Figure 5. The number of members of the synonymic rows

As can be seen from the graph, the synonymic series with the greatest number of members are as follows: verbs meaning ‘to scold’, verbs meaning ‘to scoff’, verbs meaning ‘to ask’, verbs meaning ‘to praise’ and verbs meaning ‘to persuade’. The verb units in these five synonymic series are related to each other in the process of speech influence. The speaker may use verbal means of compliment to achieve the goal of asking. For persuasion, the speaker may also use a verbal device such as praise. Even to express dissatisfaction, the speaker may use the verbal means of praise. Inappropriate compliments can be misinterpreted by the listener as mockery. In this regard, the action of praise is considered the most important verbal device in the entire process of speech affect.

Taking into account the arguments of L. M. Vasilyev concerning the central and peripheral aspects of the analyzed lexical associations: “within each finite field of the hierarchy the core and the periphery are opposed” [Vasilyev 2012: 454], we believe that, according to the field principle, we should specify the core of verbs of speech influence, as well as the near and far periphery of the corresponding distribution of the LSG of verbs of speech affect. Considering, again, the polynomial nature of the synonymic series of these verbs, we place the synonymic series with the dominants praise and scold

in the core area of the LSG of verbs of speech affect. On the periphery, closer to the core, are SR with the dominant “to scoff”, SR with the dominant “to ask”, SR with the dominant “to persuade”, SR with the dominant “to promise”, SRs with the dominant “to order”, and SR with the dominant “to threaten”. At the very periphery are SR with the dominant “to interrogate”, SR with the dominant “to lie”, SR with the dominant “to interrupt”, and SR with the dominant “to welcome” (figure 6):

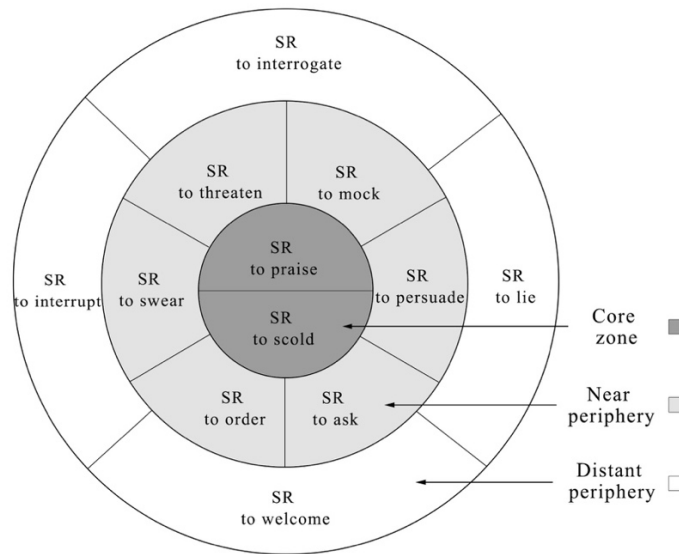

Figure 6. Location of SR in the LSG RV

We determined the centrality of the SR with the dominants *to praise* and *to scold* from the point of view of the following three factors: 1) The importance of the concept of praise, expressed by the verb *to praise*, and the high psychological need for it in the linguistic consciousness of all mankind, including, of course, in the linguistic consciousness of Russians and Chinese; inevitability of negative speech affect, expressed by the verb *to scold*, and the high level of psychological resistance to it in the linguistic consciousness of representatives of all ethnic cultures, and the difference in ethnic consciousness in the conditions of this act of speech affect. 2) Significant lexical array of synonyms of the verb praise and their indispensability in creating an atmosphere of benevolence in terms of social communication; being antonymous in relation to the synonymic series with the dominant praise, the synonymic series with the dominant scold is extremely rich due to its wide occurrence in verbal communicative

conflicts. 3) The fragments of speech affect, reflecting criticism or praise, contain a rich linguistic and cultural value.

Central to our work (in meaning and volume) are the SR with the dominants “to praise” and “to scold”. Among the twelve synonymic series, they have a high frequency, the clearest and most indisputable lexical systemic connection between them — these two series are antonymo-synonymic block (ASB). Thus, the object of this study is the synonymic series with the dominants praise and scold, lying in the core of the LSG of RV verbs.

Further analysis of the research material is divided into several stages in accordance with the goals and objectives set in this paper.

At the first stage, the RV verbs from the list indicated by L. G. Babenko were divided into two groups according to the principle of semantic similarity: 1) RV verbs with the main meaning ‘to praise’; 2) RV verbs with the main meaning ‘to scold’.

The second stage consisted in determining the members of each synonymic series with the identified dominant verbs based on the data from the dictionaries of synonyms of the modern Russian language. It is important to note that the verb units that were classified according to L. G. Babenko's list of RW verbs were included in the constructed extended synonymic series. At the same time, in accordance with the principles of the dynamic development of language and practicality of its use, we excluded from the list archaic verb units that are used infrequently or are not used at all by native speakers of the Russian language. At this stage, the members of the synonymic series under study were finally determined.

At the third stage, internal segmental links of synonyms according to the principle of semantic proximity to the core are created for the constructed multi-member synonymic series. The semantics of verb synonyms is determined with the help of explanatory dictionaries of the modern Russian language.

The fourth stage is aimed at revealing the functional and semantic features and at revealing the linguistic and cultural potential of synonymic series composed of the studied RV verbs using the texts from the National Corpus of the Russian language as the research material.

The fifth stage — processing, synthesis and analysis of the information obtained in the questionnaire survey of native Russian speakers. The respondents were 100 native Russian speakers with higher education aged 18-70 years old. The results of the survey are represented by the verb synonyms most frequently used by native speakers of Russian; those that are practically not used by them were eliminated, these units are used for passive assimilation. The survey participants determine the semantics of verb units, evaluate their expression and stylistic marking.

At the sixth stage, the functioning and linguistic and cultural characteristics of Chinese verbs of the above semantics in comparison with Russian verbs are considered, which involves a survey among native Chinese speakers to find out the specifics of speech culture in the modern Chinese communicative environment.

The last, seventh stage is a comparative analysis, which summarizes the functional-semantic and linguistic and cultural characteristics of the synonymic series consisting of Russian and Chinese RV verbs.

The object of research in the present paper is 59 Russian verbs on the background of 68 verbs in Chinese. Russian verbs belonging to the group of verbs of speech influence are combined into two synonymic series with the dominants *to praise* (23 units) and *to scold* (36 units).

Let us move on to the consideration of each of the studied synonymic series of verbs RV.

2.2. Synonymic row of Russian verbs with the dominant *to praise*

This section examines the synonymic series of Russian verbs with the dominant word to praise. As P. Y. Chernykh writes, the word praise is found in almost all Slavic languages with the meaning ‘approval’, ‘glorification’ and ‘exaltation of someone's merits’. The root *chvala* at different times and in different Slavic languages denoted ‘grateful’, ‘worthy of praise’, and ‘to thank’ [Chernykh 1994: 335].

In the Old Russian language from the 11th century praise is ‘eulogy, glory, thanksgiving’. S. Mladenov and A. Bryukner correlated with this root the meanings ‘chatter’, ‘loud speech’, ‘to speak loudly, to shout’ [Ibid]. Somewhere in the depths of the ages, two such different meanings of this root fused, merged, and came down to us with the present semantics.

All verb units composing this synonymic series have a common meaning ‘to express approval, praise to sb.’ [Kuznetsov 2000: 1440], thus having a positive effect on the intended interlocutor.

The synonymic series with the dominant praise was chosen for the study for the following reasons:

1) the importance of the concept of praise, expressed by the verb praise, and the high psychological need for it in the linguistic consciousness of all mankind, including, of course, in the linguistic consciousness of Russians and Chinese.

2) a significant lexical array of synonyms of the verb praise and their indispensability in creating an atmosphere of benevolence in terms of social communication.

3) the texts containing praise, eulogy contain a rich cultural subtext.

L. G. Babenko's dictionary contains a list of verbs of verbal influence (54 verbs in total). Of these, we have chosen and described three: *to flatter*, *to praise* and *to glorify* — as they have a common semantic component ‘to praise whom’, which is the meaning underlying the verb praise [MAS 1999: vol. 2: 207; vol. 4: 129; vol. 4: 594]. However, in addition to the three listed verbs, there are many other verb units with the same meaning.

According to the dictionaries of synonyms of the Russian language, the synonymic series studied in this section consists of verbs, verb combinations and expressions similar in meaning. In different dictionaries, the synonymic series with the dominant praise may differ:

- *to praise* – *to approve* – *to extol* [Klyueva 1956: 236-237].

- *to praise* – *to eulogize* – *to laud* – *to expound* – *to magnify* – *to glorify* [Evgenieva 1971, vol. 2: 649].

- *to praise* – *to eulogize* – *to exalt* – *to glorify* – *to magnify* – *to approve* – *to idealize* – *to advertise* – *to recommend* – *to sing* – *to sing dithyrambs (odes, acathists, troparions)* in whose honor – *to compose a panegyric* – *to give applause to whom* – *raise on a pedestal* – *give approving review* – *commend* – *to shower praise on whom* – *to pour compliments on whom* – *to pat on the head* – *to flatter* – *to applaud* [Abramov 2006: 636-637].

- *to praise* – *to speak with praise (or approvingly, positively) about someone, about what* – *to evaluate highly* – *to celebrate* – *to stroke one's head* – *to remember (or recall) with kind words (or kindly)* – *to shower praise* – *to glorify* – *to advertise* – *to exalt* – *to exalt (or praise) to the heavens* – *to eulogize* – *to raise the shield* – *to sing praises (or praises, dithyrambs) to whom, what* [Aleksandrova 2010: 538-539].

It seems obvious that the synonymic series for the base verb *to praise* is polynomial. Since the object of this work is verbs, the analysis is focused exclusively on verb units. Apart from the verbs *to praise*, *to glorify* and *to flatter*, other verb units are not included by L G. Babenko among verbs of verbal influence, but this study argues that they all belong to verbs of verbal influence if they implement a common semantic variant of this synonymic series.

The frequency of the use of all the verb units of the synonymic series in NKRY is shown below (figure 7):

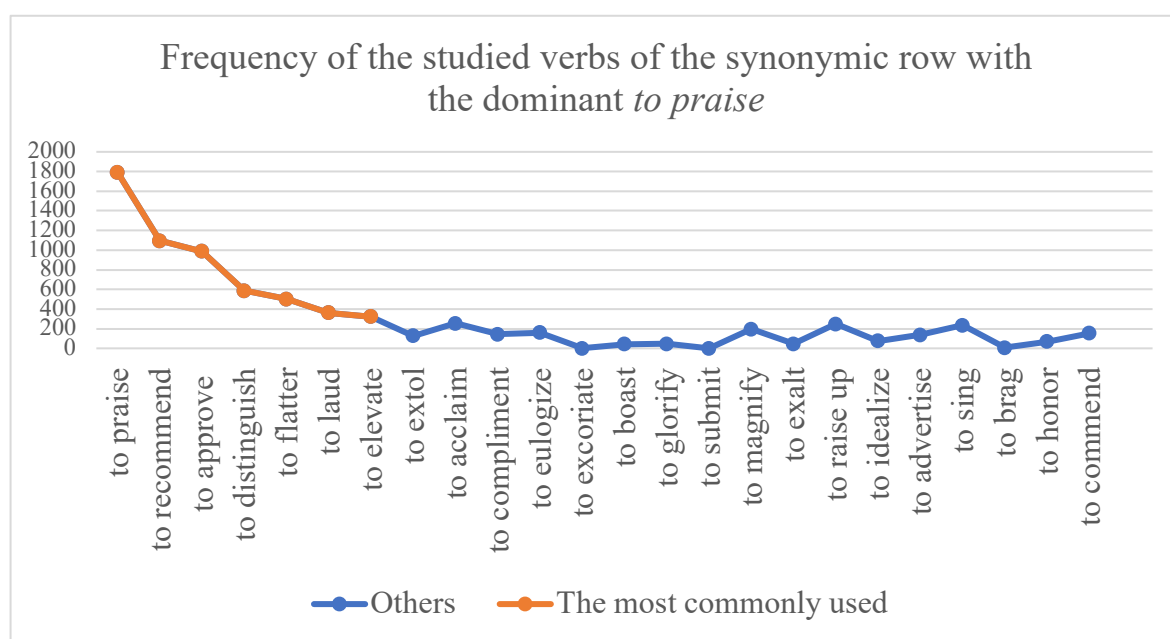

Figure 7. Frequency of SR verbs with the dominant «to praise»

As can be seen, the most frequently used verb in the studied material is the verb *to praise*, followed by the verbs *to recommend*, *to approve*, *to distinguish*, *to flatter*, *to laud* and *to elevate*, used in more than 300 texts. No use of the verb *to submit*; the verb *to excoriate* occurs only once; the verb *to brag* — in 8 contexts.

The data from the Russian Frequency Dictionary (1977), the Russian Associative Dictionary (1994), the number of examples from the NKRY, and the data from a poll of native speakers presented the results — the verb units most frequently used are: *to approve*, *to acclaim*, *to elevate*, *to idealize*, *to advertise* and *to recommend*.

Of course, the verbs noted by native speakers as the most topical in use did not fully coincide in frequency with the verbs most frequently used in the NKRY.

In this study, considering the principle of synchronous use of the vocabulary and based on the data provided by native speakers of Russian and NKRY, the verb *to submit* was excluded from the list of analyzed synonymous verbs due to its exclusion by contemporary speakers of Russian from their vocabulary.

Thus, the following verbs of the synonymic series are analyzed and described: *to praise* – *to acclaim* – *to compliment* – *to extol* – *to eulogize* – *to glorify* – *to brag* – *to flatter* – *to laud* – *to magnify* – *to exalt* – *to sing* – *to approve* – *to excoriate* – *to boast* – *to advertise* – *to recommend* – *to idealize* – *to commend* – *to honor* – *to distinguish* – *elevate* – *raise up* (total 23 units). The dominant word in this synonymic series is the verb *to praise*, because in this study we mainly adhere to V. N. Kliuyeva's point of view, which is that the dominant word is “as if the leitmotif of the whole series and determines its main character” [Kliuyeva 1961: 6]. The verb dominant praise is formed from the noun praise, but the points of origin of the noun praise are disputed. Followers of M. Fasmer argue that the noun comes from “praslavl. *xvala”, which is supposed to be “an expressive remaking of *slava (see glory)” [Fasmer 2009, vol. 4: 228], which does not raise our objection. This point of view also opens up the possibility of the existence of verb units formed from the roots *-shval-* and *-slava-* among the synonymic series under study.

Given the central position of the dominant verb *to praise* and its high frequency of use, we consider it appropriate to analyze it separately. The other verb units in the

synonymic series are studied according to their semantic focus, that is, their proximity to the core semantics. In combination with the principles of synonymic amplitude mentioned in Chapter 1, we divided these verbs into synonymic links united by the common seme ‘to speak praise’ with subsequent differential semes, thus:

1) *to praise – to acclaim – to compliment*: ‘to praise someone, recognizing their actions or deeds as correct, causing approval’.

2) *to extol – to eulogize – to glorify – to brag – to flatter*: ‘to praise very highly, often excessively evaluate someone or something for selfish purposes.’

3) *to laud – to magnify – to exalt – to sing*: ‘to create glory and fame for someone, something; to praise someone in songs, poems, etc.’; (sing praises)’.

4) *to approve – to excoriate – to boast – to advertise – to recommend – to idealize*: ‘to praise someone's actions, even exaggerate someone's virtues, often ascribing to someone virtues that he or she does not possess’.

5) *to commend – to honor – to distinguish*: ‘publicly, in a solemn situation, to express respect, to do homage to sb., emphasizing sb.'s dignity’.

6) *elevate – raise up*: ‘to deliberately exalt sb., giving him a special, higher social status’.

Let us move on to the synonymic link *to praise – to acclaim – to compliment*.

Let us analyze the basic verb *to praise* in more detail.

The verb *to praise* is the most frequently used verb in this synonymic series in the contexts from the NKRY; its definition in the explanatory dictionaries of the Russian language is: ‘to give approval, praise to somebody, to something’ [BAS 1965: 314; MAS 1999: 594; Ushakov 1940, vol. 4: 1137; Ozhegov and Shvedova 2003: 860; Kuznetsov 2008: 1441]. In the dictionary edited by S. A. Kuznetsov We find out the meaning ‘to glorify, to praise the gods, the deities’ for the verb ‘to praise’ [Kuznetsov 2008: 1441]. The D. N. Ushakov dictionary draws attention to the semantics ‘to spread praise about somebody's high merits’ [Ushakov 1940: *ibid*], which seems more concrete and clearer to foreigners, who had just started to study Russian at the initial stage. In all the explanatory dictionaries the stylistic features of the verb are not identified. It should be noted that the dictionary edited by N. Y. Shvedova gives an interpretation and ironic

use of the perfect verb praise in colloquial style: ‘not to praise somebody for something’ means ‘to condemn or punish, not to pat on the head’ [Ozhegov, Shvedova 2003: 860].

The NKRY provides us with 1,793 texts in which this verb is used, which opens up wide possibilities for further research. The verb praise is, of course, closely related to the concept of compliment and praise in various contexts. Its functional semantics is presented as follows:

In the NKRY contexts, the verb praise actualizes the main lexical meaning given in all explanatory dictionaries — ‘to praise the actions or qualities of sb.’; its antonym is the verb *to censure*. In most cases, the speaker, expressing sincere praise, has a positive emotional impact on the recipient: “And Maria Petrovna kept **praising** Yakov and praising: ‘Well done, well done...’ — And she stroked his head with her hot palm” [Boris Yekimov. Fetisych (1996), NKRY]; “The teacher gave him an ‘A’ and **praised** him so much: I, she said, always knew — you can, if you try very hard, “patience and labor will outlive everything” [Inna Andreeva, Splashes of Champagne (2014), NKRY]; “We have a lot of Europeans at our performances, they order tickets online and **praise** them a lot” [O. A. Slavnikova. Long Jump (2014-2016), NKRY]. It is noteworthy that this kind of contexts are accompanied by additional lexical means such as words *very* (praised), *so* (praised) or the repetition of the verb with the pronoun *everything* in the meaning of ‘constantly’ (all praise and praise) to enhance the speech impact on the recipient.

The verb can be used to indicate that the speaker does not actually acknowledge the merits of sth. or sb. but simply shows politeness and courtesy: “The actor ate, lowered his eyes, **praised** the food and, as he left, said ‘thank you very much’” [Dina Rubina. The Copper Box (2011-2015), NKRY]; “— You have a good daughter. — Timofeyevna always **praised** Olga. She herself did not have a daughter, only a son.” [Raisa Korenevskaya. Green cherries (2015), NKRY].

The verb can be used in situations where the speaker praises someone for his own, possibly self-serving, purposes. The praise in such cases does not reflect the true state of affairs, such as: “I had already been learning German for two years, I had already

chatted with some prisoners of war, who **praised** my pronunciation, apparently in exchange for the cigarettes I gave them” [Fazil Iskander. Letter (1969), NKRY].

The verb *to praise* is found not only in contexts describing a favorable atmosphere for communication, but can also sometimes occur in situations of the opposite character, in particular in exchanges with an additional indication that the speaker is trying to send a friendly signal in the form of praise in order to turn the conversation in another direction: “The teacher blushed with shame and anger, but somehow calmed her anger and **praised** Petrov for the mask and costume they had made for her son” [A. B. Salnikov The Petrovs in and around the flu (2016), NKRY]. The verb *to praise* is also used in communication scenarios with negative connotations to euphemistically express the speaker's displeasure, when the seeming compliment is actually an allusion to the listener's tactlessness: “She laughs. She even **praises** him: — And you are observant, Mikhailov.” [Vladimir Makanin. Ventschina (1977), NKRY].

The verb *to praise* can be used to praise someone blindly, from the crowd, in which case the listener is not aware of the sincerity of the compliment he receives, since the speaker may speak against his will or simply obey the authority of a superior or indulge him to praise someone he holds in high regard: “And at the same time, Strum understood that had it not been for Stalin's phone call, no one at the institute would have **praised** Victor Pavlovich's outstanding work, and Landesman with all his talents would have hung around idly.” [Vasily Grossman. Life and Fate (1960), NKRY].

Sometimes the speaker's praise is limited, for example, when the speaker praises his own people out of a sense of identification with them, in which case the praise is not easily recognized by everyone: “You have to have the nerve to say that your work has the spirit of Judaism and that Gurevich called it classic and so **praised** it only because you are Jewish” [Vasily Grossman. Life and Fate (1960), NKRY]. This limitation is also reflected in personal tastes or obsessions: “Although Sergei had never read this writer, and Kolomeitsev had forgotten his surname, Sergei was sure that this writer wrote well, — Kolomeitsev **praised** him very lubricously, cheerfully, with obscene words” [Vasily Grossman. Life and Fate (1960), NKRY].

The verb *to praise* as a transitive verb, its control relation: *to praise* whom, what.

In the survey of 100 Russian speakers with higher education, we found that the respondents were actively using the verb *praise* in their own speech, which, in turn, accounts for the high frequency of the verb's use in the NKRY. 99% of respondents believe that the verb *to praise* reflects a positive evaluation; 1% of respondents are of the opinion that in some cases this verb can also express a negative evaluation, which is reflected in our analysis of the texts.

As mentioned above, all the explanatory dictionaries do not note any stylistic properties of the verb *to praise*. Based on the data of lexicographic directories, as well as our material, the verb is stylistically neutral.

Respondents gave the following definitions to the verb *to praise*: 80% of respondents represented it as ‘to express praise for someone's what behaviors, to approve’; 13% of respondents reflected it as ‘to commend’ and 7% of respondents defined it as ‘to exalt, to admire’.

The functional-semantic features of the verb *to praise* presented in the studied texts practically coincide with the definitions of the verb reflected in the explanatory dictionaries, as well as with the definitions of the verb given by the respondents, except for some contexts, where the verb to a greater extent reflects insincerity or irony of the speaker in relation to the recipient.

In general, the interpretation of the core verb *to praise* can be formulated as follows: ‘to praise someone or something; a form of communication expressing politeness and courtesy; the action of obtaining or achieving an exchange of benefits; a friendly signal to reverse the course of unpleasant interactions; blindly, sometimes under the influence of the crowd/collective, to praise someone in order to meet the preferences of superiors; recognition of personal preferences or one's ethnicity’.

Let us consider other verbs of the studied synonymic series.

The verbs closest to the dominant verb are the verbs *to acclaim* – *to compliment*.

Let us now proceed to the analysis of the verb *to acclaim*.

To praise — ‘to express approval, praise to sb’ [Kuznetsov 2008: 1441], and *to acclaim* — ‘to praise very/strongly, to express approval to sb’ [Ozhegov 2003: 667]. By

adding the prefix *ras-* to verbs, verbs with the meaning of increasing intensity are formed.

All explanatory dictionaries give the following interpretation of this verb: ‘to praise very/strongly, to express approval to someone, to something’ [MAS 1999, vol. 3: 678; Kuznetsov 1998:1103; Ushakov 1939, vol. 3: 1283; Ozhegov 2003: 667]. The dictionary edited by D. N. Ushakov also fixes the meaning ‘to spread about the merits, high qualities of someone of something’ [Ushakov 1939, vol. 3: 1283].

The verb found its use in 254 contexts of the NKRY. From the point of view of functional semantics, the verb *to acclaim* acquires the following context-dependent meanings:

The verb *to acclaim* expresses a stronger degree of praise than the core word praise. See: “The same day I entered the Library Institute, which on the way to Moscow I was intensely **acclaimed** by a girl in my carriage” [Fazil Iskander. *Beginning* (1969), NKRY]. The verb is contextually supported by the adverb *strenuously*.

The verb may be used to praise someone for a certain quality, talent, ability, way of life, etc. See. “Elizabeth Romanovna **acclaimed** my photographic talent, said that the way of the artist was thorny, but glorious, and that one should not hurry to burden oneself with a family without gaining experience, without having made even the first steps on this path” [Alexander Snegirev, *What Was Her Name?* (2013), NKRY]; “To say something, he **acclaims** his usual way of life, in which beautiful women like me do not work, but walk in gold” [Y. I. Andreeva. *Many Points of Assembly* (2009), NKRY]. In a separate context the verb *to acclaim* was used as a synonym to the verb matchmaking that corresponds to the traditional Russian ritual to talk about the merits of a girl at the age of a potential bride: “Sometimes it was funny to watch how the brother **acclaimed**, ‘matchmaking’ the sister.” [N. B. Chernykh. *Weak, Strong* (2015), NKRY]. The verb in question is often used to express the praise of the older in relation to the younger: “Kuzya took her easel, paints, and while the two old ladies were having a tea party and remembering dear departed people, she wandered through the forest, went down to the bay, choosing a nature, and sketched landscapes, trying not to miss any nuances and details of the nature, for which she was always **acclaimed** by her

grandmother” [Yekaterina Markova. *Stranger's Call* (1990-2000), NKRY]; “At work, my sister **acclaimed** me: she studied at the institute, she did not drink...” [Dmitry Karalis [Dmitry Karalis. *We are building a house* (1987-2001), NKRY].

An analysis of the contextual use of the verb *to acclaim* suggests that the most frequent sphere of its use is trade (the interlocutors are often in the relationship of buyer and seller). E.g.: “Sellers and buyers — all shouting something, offering, **acclaiming**, scolding, pacing back and forth, rubbing each other's backs and sleeves.” [My children (2018), NKRY]; “There was a boom above the fair, everyone was shouting, **acclaiming** the goods [Michael Shishkin. *Everyone is waiting for one night* (1993-2003), NKRY]; “The mistress began to **acclaim** them, explaining that they are handmade, that her daughter such a clever girl, such a beauty! [Nadezhda Trofimova. *The third wish* (2003), NKRY]; “We ate with our hands. Uncle Tapa was **acclaiming** the product. Asked, where else will they try such a thing” [Sergei Nosov. *Rooks flew away* (2005), NKRY]. The action denoted by the verb contributes to the promotion of services in a particular business, such as in the field of medicine: “Pretty quickly found on the Internet addresses of several clinics, called them, asked in detail what methods, how effective and, most importantly, how much it would cost. The methods were **acclaimed**, and the prices were quoted. The prices were exorbitant” [Alexei Slapovsky. *100 years later. Letters to my unborn son* (2009), NRKY].

In some cases, the verb *to acclaim* may denote an action that is regarded as negative by the Russian national consciousness, because it is perceived either a) as bragging (e.g.: “The Italians are bragging. Everyone **acclaims** their findings. And one archaeologist of small stature always whispered: “This is all empty! [V. L. Yanin. *About others and I* (1970-2000), NKRY], which is indicated by a remark from one of the participants “This is all empty!”); or b) as insincere, immoderate and biased compliments (e.g.: “And in his face he inordinately **acclaimed** my fairly ordinary newspaper opuses, which now had to scribble almost every single day [Nikolai Klimontovich. *The Last Newspaper* (1997-1999), NKRY]) and even c) as flattery when praising sb's bad habits (e.g.: “I knew one of them, she worked so hard and sincerely,

acclaiming me, my habits, this godforsaken little town, that she infected the whole course with her ‘high’ disease.” [Vladimir Skripkin. *Tinga* (2002), NKRY]).

The management of the verb is as follows: *to acclaim* whom, what.

Most of the respondents noted that the verb is stylistically neutral, carrying a neutral or positive evaluation, which was confirmed in the analyzed contexts. However, the verb can also be used in the studied material to express a negative evaluation. The definition of this verb given by the respondents was as follows: ‘to praise very much’, which is also confirmed by the contexts from the NKRY.

Thus, the characteristics of the verb *to acclaim* may be formulated as follows: first, it may be used to express strong positive praise of either an object or the qualities, talents, abilities, lifestyle of a person, and is also often used in situations where the elder praises the younger. Second, the verb is usually used in the sphere of commerce, where the conversation is usually between a buyer and a seller. Third, the verb can be used in a negative statement, such as in situations where the speaker is boasting, where he or she is excessively praising or even flattering the listener.

Next, let us examine the verb *praise*, which is very close in semantic meaning to the verb *to compliment*.

Based on data from the explanatory dictionaries of the contemporary Russian language a summary definition of the verb *to compliment*: ‘to praise, to say much good about somebody or something; to praise strongly or overly; to extol’ [MAC 1999, vol. 2: 411; Ozhegov 2003: 398; Ushakov 1938, vol. 2: 455; Kuznetsov 1998: 607]. In all the dictionaries the authors note that the verb belongs to the colloquial style of speech.

The verb *to compliment* is found 144 times in the NKRY. This is less frequent than the verb *to acclaim*. Its functional-semantic characteristic in contexts is reflected as follows:

The verb *to compliment* is widely used in everyday situations, mostly to express praise for food or the hostess who cooked it, as well as for a worthy housekeeping. This verb expresses a greater intensity of action than the verb *to praise*: “The former First is happily sucking on the head of a fried crucian carp, *complimenting* — he hasn't had a bite of fresh fish for a long time...” [Alexander Titov. *Travellers in the Night* (2008),

NKRY]; “The guests especially **complimented** the noodles. — It seems, from a peacock this dish!” [Alexander Dorofeev. *The Prophetic Drum* (2013), NKRY]; “At first they sat in a cafe, Svetka **complimented** the tuna salad, Valerka admired her face, open shoulders.” [A. N. Buzuluksky. *Lice* (2016), NKRY]; “Tea was already poured and everyone was drinking it with Mariya Grigoryevna's homemade pastries, **complimenting** the raring hostess...” [V. M. Shapko. *Time of Old Men* (2010), NKRY]; “Pavel went to her house and enthusiastically **complimented** her and all the order in her house.” [Maxim Gorky. *Troy* (1901), NKRY].

According to our material, the verb in question is used to a greater extent in relation to women, for example: “Sometimes, in front of guests, he **complimented** the popadja. — Go on, go on, dear wife, “he joked, and may our posterity be as the sand of the sea, in fulfillment of the Lord's covenant: be fruitful, multiply, fill the earth...” [The *Leprosy of the village patriot* (1915), NKRY].

In some contexts, the verb is also used to attribute positive qualities to the goods to sell them: “I **compliment** my goods: mallard ducks, sandpipers, I exchange vegetables for them from the girls” [V. P. Pravdukhin. *Years, trails, rifle* (1930), NKRY]; “Toymaker showed his goods with his face, **complimented** them, could not praise himself, laid aside a heap of toys for the guys” [I. V. Evdokimov. *Siverko* (1925), NKRY].

In some cases, the verb may express the communicant's reaction to the situation, reflecting his dissatisfaction with himself, the prevailing circumstances. E.g.: “He could not understand her irritation; as if to spite her, she began to **compliment** Bochkarev, as if every real scientist should be a humpback” [Daniil Granin. *I'm going to the storm* (1962), NKRY].

The verb can be actualized with a connotation of self-praise, which acquires a negative connotation in the context. E.g.: “He couldn't even get angry, get furious, because such a ridiculous, disheveled conversation turned out; he didn't need to **compliment** himself yet, did he?” [Vladimir Lichutin. *Lyubostay* (1987), NKRY].

The verb is transitive, which implies the control: *to compliment* whom, what.

Almost all respondents marked the verb style as conversational with a positive evaluation. Most of the respondents believe that the semantics of the verb *to laud* is identical to that of the verb *to compliment*, differing from the latter only stylistically. The NKRY data confirms the respondents' reactions. A number of verbs with the prefix *na-* in the Russian language have the meaning 'gradually accumulate some amount' [AG-80] of something, having reached the completeness of the action.

In general, the features of the verb *to laud* may be described as follows: first, it is often used in everyday situations, especially in expressing praise to dishes and hostesses; second, the object of the compliment expressed by this verb is most often a woman; third, although the verb may be found in contexts of buying and selling goods, unlike the verb *praise*, it occurs less frequently and exclusively in the conversational sphere. Finally, the verb *praise* may serve as a means of expressing a negative evaluation in relation to an action aimed at oneself: according to the Russian national consciousness, to praise oneself, to boast is bad and is condemned by members of ethnosociety.

Let us turn to the SR with the dominant *to scold*.

2.3. Synonymic row of Russian verbs with the dominant *to scold*

All the verbal units composing this synonymic series have a common meaning 'to express disapproval to somebody, to something' [Kuznetsov 1998: 1131], thus having a negative impact on the intended interlocutor.

The synonymic series with the dominant word *scold* was chosen for the study for the following reasons:

1) being antonymous to the synonymic series with the dominant *praise*, the synonymic series considered in this part of the dissertation is extremely rich due to its widespread occurrence in verbal communicative conflicts.

2) there is a rich linguistic and cultural potential in the fragments of speech influence, reflecting criticism.

3) the inevitability of negative speech influence, expressed by the verb *scold*, and the high level of psychological resistance to it in the linguistic consciousness of representatives of all ethnic cultures, as well as the difference in ethnic consciousness (in particular, Russian and Chinese) in the face of this act of speech influence.

From L. G. Babenko's list of RV verbs, we selected the verbs *to scold*, *to chide*, *to pounce*, *to attack*, *to yell*, *to admonish*, *to denigrate*, *to curse* and *to reprimand* for comprehensive study. All of the above verbs have the same seme — ‘considering that some behavior or property of a person is bad, to express one's discontent with this person’ [Babenko 1999: 374-379]. However, there are many other verbs with the same meaning in the dictionaries of modern Russian.

According to the dictionary entries of Russian synonyms, the core word *to scold* has different synonymic rows in different dictionaries:

- *to scold* – *to dishonor* – *to chide* – *to curse* – *to shame* [Abramov 2006: 527] — (5 units).

- *to scold* – *to chide* – *to peel* – *to nibble* – *to revile* – *to berate* – *to blaspheme* – *to slander* – *to abuse* [Apresyan 2004: 989] — (9 units).

- *to scold* – *to chide* – *to shout* – *to honor* – *to sneeze* – *to berate* – *to call one's name* – *to bite* – *to bone* – *to yell* – *to inveigh* – *to bastardize* – *to stervit* – *to work through* – *to revile* – *to blaspheme* – *to slander* – *to devalue* – *to abuse* – *to rail at* – *to reprimand* – *to scathe* – *to fuss* – *to flog* – *to gibber* – *to spike* – *to fluff* – *to trim* – *to roughen* – *to burn* – *to beat up* – *to iron* – *to chastise* – *to gouge* – *to sneak out* – *to drag* – *to pull through* – *to prod* – *to thunder* – *to criticize* – *to reproach* [Aleksandrova 2010: 438] — (41 units);

- *to scold* – *to chide* – *to censure* – *to admonish* – *to flog* – *to gouge* – *to peel* – *to reprimand* – *to complain* – *to honor* – *to bone* – *to sneeze* – *to nail* – *to berate* [Gorbachevich 2012: 398; Mikhaylova 2016: 307] — (14 units).

Obviously, the synonymic series with the verb *to scold* as the main word is polynomial. The frequency of the verb units of this SR in NKRY is shown below (figure 8):

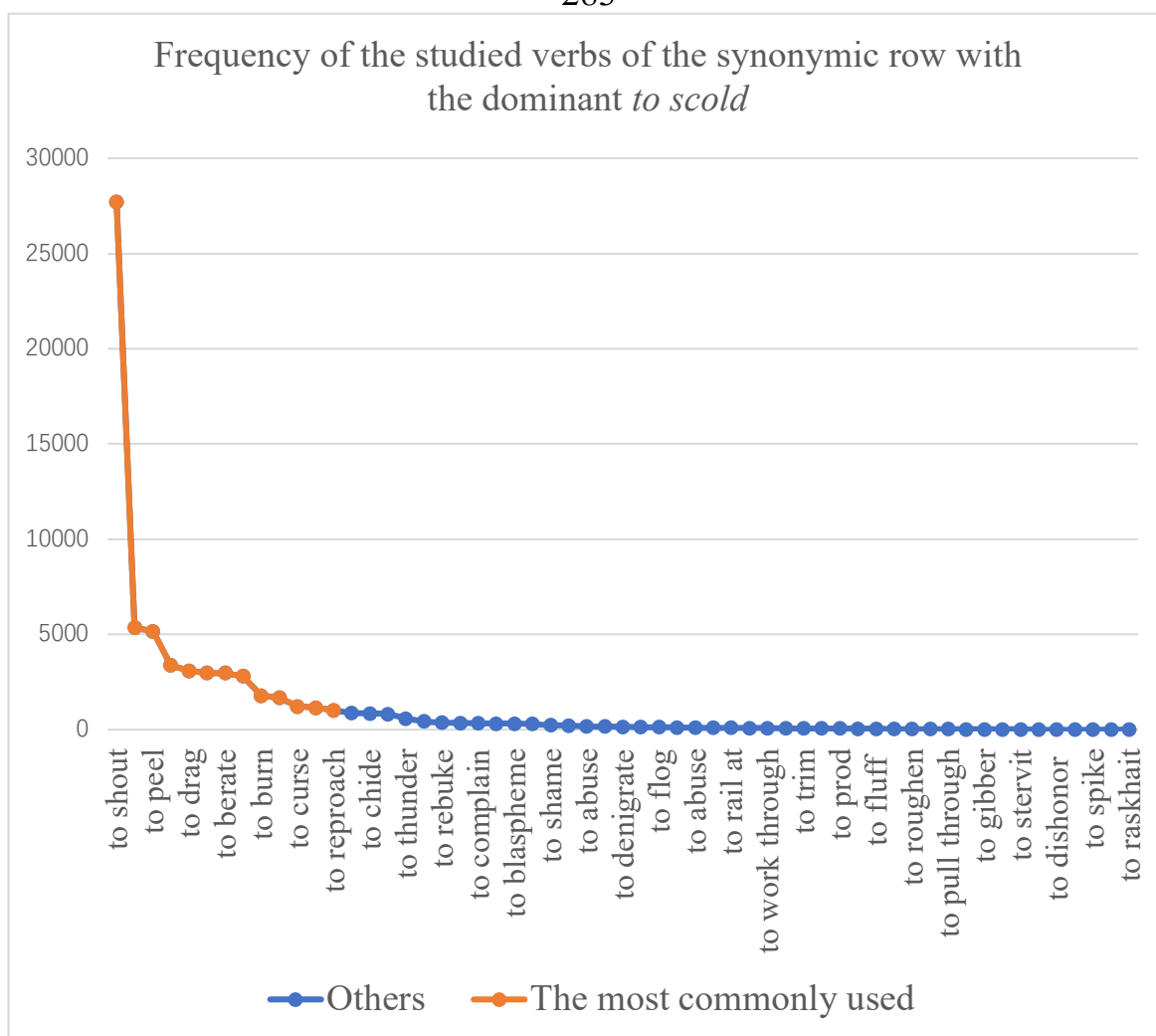

Figure 8. Frequency of SR verbs with the dominant word «to scold»

As can be seen, the most frequent verb in the synonymic series is *to shout* (27716), *to yell* (5351), *to peel* (5165), *to attack* (3375), *to drag* (3085), *to bark* (2983), *to berate* (2972), *to scold* (2809), *to burn* (1786), *to nibble* (1663), *to curse* (1215), *to reprimand* (1160), *to reproach* (1013), all of which were used over 900 times. And the verbs that are used no more than 10 times are the verbs *to chastise* (10), *to sneeze* (6), *to dishonor* (3), *to inveigh* (2), *to spike* (2), *to stervit* (0) and *to raskhait* (0).

A questionnaire survey of 100 native speakers of Russian showed that some members of this synonymic series are not actual in the speech of native speakers. When expressing the meaning ‘considering that some behavior or property of a person is bad, to express one's dissatisfaction with this person’ respondents most often use the verbs *to scold*, *to reproach*, *to rebuke*, *to criticize*, *to chide*, *to reprimand*. We found that the most frequent verb units in the speech of native speakers do not exactly coincide with

the most frequent verb units in the NKRY. This can be explained by the difference in the functioning of verbs in spoken and written speech.

Since the verbs *to stervit* and *to raskhait* are not found in the NKRY and native speakers of the Russian language noted that they do not use them, these two verbs will not be considered in this section.

Thus, the synonymic series we are interested in is represented by the following verbs: *to scold* – *to chide* – *to berate* – *to shout* – *to yell* – *to bark* – *to scathe* – *to curse* – *to sneeze* – *to dishonor* – *to blaspheme* – *to abuse* – *to revile* – *to honor* – *to slander* – *to denigrate* – *to bite* – *to bone* – *to inveigh* – *to roughen* – *to bastardize* – *to call one's name* – *to work through* – *to trim* – *to iron* – *to pull through* – *to reprimand* – *to beat up* – *to chastise* – *to gibber* – *to admonish* – *to fuss* – *to flog* – *to fluff* – *to attack* – *to pounce* (36 units).

The verb units that we selected from the dictionaries of synonyms of the Russian language, L. G. Babenko does not all belong to the LSG of verbs of verbal affect. However, based on the explanatory dictionaries and contexts from the NKRY, we can claim that the sema ‘believing that some behavior or property of a person is bad, to express one's discontent with this person’ is present in the selected verbs, which may be part of the LSG of verbs of verbal affect.

The core word of this synonymic series is the verb *to scold*, as it is semantically reflected as a lexico-semantic variant in each member of this series.

The root of the stem verb *to scold* is not a derivative basis to produce other verbs of this series, which causes certain difficulties in teaching the functioning of verbs of this synonymic series (different-rooted in their word-formation and semantic characteristics) in the RKI practice.

All the analyzed synonymous verbs denote a critical process. The verb units are divided into the following synonymic units according to their semantic orientation, united by their common semantics:

1) *to scold* – *to chide* – *to berate* – *to shout* – *to yell* – *to bark* – *to scathe*: ‘to call/call with harsh, insulting words, to express disapproval’.

2) *to curse – to sneeze*: ‘to swear to scold someone with profanity, used in great anger, indignation’.

3) *to dishonor – to blaspheme – to abuse – to revile – to honor – to slander – to denigrate*: ‘to scold insultingly’.

4) *to bite – to bone – to inveigh – to roughen*: ‘to scold long and persistently, to scold badly’.

5) *to bastardize – to call one's name*: ‘to call with some offensive, insulting word’.

6) *to work through – to trim – to iron – to pull through*: ‘to scold harshly, to scold sharply’.

7) *to reprimand – to beat up – to chastise – to gibber – to admonish*: ‘to reprimand, admonish, admonish sb. for sth., strictly admonish’.

8) *to fuss – to flog – to fluff*: ‘to destroy, to scold, to reprimand somebody’.

9) *to attack – to pounce*: ‘to scold someone sharply all of a sudden’.

Let us turn to the synonymic link *to scold – to chide – to berate – to shout – to yell – to bark – to scathe*.

Let us analyze the stem verb *to scold* in more detail.

According to the explanatory dictionaries, the verb *to scold* is semanticized as ‘to scold badly; to call/call insulting, coarse, insulting words; to speak badly about somebody or something; criticise sharply’ [Ushakov 1939, vol. 3: 1394; MAS 1999, vol. 3: 736; Kuznetsov 1998: 1131; Ozhegov and Shvedova 2003: 686]. Its stylistic properties are not noted in the explanatory dictionaries. Only in the dictionary of S. I. Ozhegov and N. Y. Shvedova the derivative adjective *swearing* and adverb *swearing* as having a colloquial or prose stylistic feature is noted [Ozhegov, Shvedova 2003: 686].

Being one of the most frequently used verbal units in this synonymic series, the verb *to scold* occurs 2809 times in the NKRY. The meaning ‘to scold roughly; to call/call insulting, rude, insulting words; to speak disapprovingly of someone or something; to criticize sharply’ is fully actualized in the material. At the same time, the functional semantics of the verb *to scold* is represented differently in the contexts.

- The verb *to scold* may occur in the contexts of self-injury.

NKRY presented several common scenarios in which the verb *to scold* is used in self-injury contexts:

1) the speaker has actually made a mistake of some kind, and his or her self-blame is related to an awareness of his or her mistake: “Without looking at the hushed boy, she hurriedly left, and on the way home she **scolded** herself for doing extraneous things instead of lessons” [Mikhail Gigolashvili. *Devil's Wheel* (2007), NKRY]; 2) the speaker did not do anything wrong but was simply seized by self-injury due to her inability to confront the opinion of others: “Sometimes I even tried to refute the remark, but always **scolded** myself afterwards.” [Lyudmila Ulitskaya. *The Queen of Spades* (1995-2000), NKRY]; 3) the verb *to scold* is used in combination with the negative particle not when denoting an action directed at oneself: “Set the alarm clock yesterday to go to church, and I didn't get up in the morning. When I got up, I persuaded myself not to **scold** myself very much. Thought, thought, what's scaring me off there? People?” [Tatiana Vladimirova. *Lupine Field* (2013), NKRY]; 4) the verb can indicate a pessimistic self-perception of the speaker: “Then I got drunk alone and started **scolding** myself that I am not really a designer” [Igor Sakhnovsky. *A Sharp Sense of Saturday. Eight Stories from the First Person* (2012), NKRY]; “Turned on the light, tossing and turning in the cramped space, **scolding** himself for not being able to pull myself together and deal with these piles of clothes around” [V. M. Shapko. *Time of old men* (2010), NKRY]; 5) the verb *to scold* is also found in rhetorical sentences, when the speaker informs the listener of the accusation of himself after an ill-considered action on his part: “— Do you think I didn't **scold** myself afterwards?” [Oleg Sohn. *Minutes of Silence* (2013), NKRY].

- The verb *scold* is found in contexts in which criticism, scolding is directed at persons whose actions and behavior cannot but arouse the respect of others; the opposite reaction seems absurd. E.g.: “Nadelashin held a special place among his colleagues, the officers of the MGB, the chiefs of the supervisory shifts. He was **scolded** a lot and often. His natural kindness prevented him from serving in the Organs for a long time” [Alexander Solzhenitsyn. *In the First Circle* (1968), NKRY]; “But there is something in him that makes those around him respect him, and this respect prevents them from

living the way they want, and they often **scold** him for that” [Fazil Iskander. Grandfather (1966), NKRY]. “He said that he would never say this to his father, with whom it is difficult for him to talk at all, for his father only **scolds** him...” [Daniil Granin. Zubr (1987), NKRY].

- In some contexts, the meaning ‘to criticize’ is more actualized in the description of situations, in which the verb *scold* contributes to the expression of an objective judgment about someone, something, aimed at encouraging the recipient not to repeat the same mistake, not to violate a rule, which has become a moral law in society. E.g.: “In the rye not very grown here there remained a visible trace of them, and Kostya thought that one should not have crumpled the unmilled rye. They always **scolded** in the village for that. Approaching closer to the birches, Kostya also saw two more soldiers resting quietly in the shade” [Vasil Bykov. Boloto (2001), NKRY]; “One of them **scolded** him among other things for the fact that Peter had distorted and taken away the Russian folk clothes, and thus depersonalized his people before others” [Alexander Solzhenitsyn. In the circle of the first (1968), NKRY]. As we see, in these contexts there is no connotation of intensity of the manifestation of the action ‘to sharply criticize’.

The absence of this connotation is also observed in the contexts in which we are talking about a hobby, which is not perceived by others as a serious occupation of the addressee. E.g.: “In general, the girls **scold** me for being into music” [Alexander Solzhenitsyn, In the First Circle (1968), NKRY].

In some cases, the verb *to scold* expresses a show of kindness, care for the recipient, such as, “The PA came, **scolded** me for not taking pills” [Ludmila Ulitskaya Kukotsky's Case: Journey to the Seventh Side of the World (2000), NKRY]; “Sergei, — my uncle continued, — I always **scolded** you. I scolded you because I was afraid. I was afraid that you would be arrested.” [Sergei Dovlatov. Nashi (1983), NKRY]. “And my mother and grandmother took pity on Aunt Paula, and then **scolded** her: ‘It's your own fault, you fool, you let her loose!’” [Iury Trifonov. house on the quay (1976), NKRY]

According to our material, the verb *to scold* may realize one of its definitions — ‘to speak disapprovingly about someone, something’ — not directly towards the addressee, but behind his back, perhaps out of reluctance to create conflicts or because

of character traits. E.g.: “While the doctor was in the ward, he smiled sweetly at him, and as soon as he came out, he began to **scold** him and all medicine in general.” [S. G. Borovikov. In Russian Genre – 39. Hospital (2009), NKRY].

The verb *to scold* may also be used in an absurdly ironic situation, in which the meaning ‘to express disapproval of the actions of sb’ or even ‘sharply criticize’ is actualized in relation to the recipients, acting in accordance with the requirements of their occupation, in particular, teaching, which involves being objective in assessing students' knowledge. E.g.: “The girls also came home from school without knowing either mathematics or physics (even in high school they realized that the principal at the pedagogical council **scolded** the teachers for failing, and even if you don't study at all, they will give you a certificate).” [Alexander Solzhenitsyn, In the First Circle (1968), NKRY]

As we have already said, all the synonymous units in this section denote a critical process. The dominant word scold is no exception. The duration of this process is often denoted by adverbs with temporal semantics. Scold is used in such combinations as often scold, always scold, scold what he wanted: “It was clear that he did not change his manner: he **scolded** what he wanted, behaved as he always behaved — both in Germany, and in the camp, and in the Urals exile, and here on the outside. ‘Willfulness’ is a word that suits him better than ‘freedom’” [Daniil Granin. Zubr (1987), NKRY]; “But there is something in him that makes those around him respect him, and this respect prevents them from living the way they want, and they often **scold** him for it” [Fazil Iskander. Grandfather (1966), NKRY].

Moreover, denoting a process, the verb can be combined with phase verbs: “Klavdia, having told the story, burst into tears suddenly and began to **scold** herself, saying that she was a bad person, that she dared not tell Glebov all this, and begged his forgiveness” [Yury Trifonov. House on the Embankment (1976), NKRY]; “The girl bursts into tears, roaring, looking at her mother with senseless and at the same time expectant eyes of retribution. The aunt starts **scolding** her grandfather again. — May you choke on your blueberries, what the hell did you need them for, — she says, and

threatens her son: — And you will want to eat again, and you will come back.” [Fazil Iskander. *Grandfather* (1966), NKRY].

In contexts where the verb *to scold* is used in combination with its synonyms, the semantics of influence on the addressee, due to the emotional expression of the speaker, is intensified. E.g.: “Volodya did not shame her, did not **scold** her, was not ashamed of her aggressiveness.” [A. N. Buzuluksky. *Palchikov* (2014), NKRY]; “When a few very hungry days came, she tried steaming the fragrant yellow cones preserved on branches of lapnik, but her son had emerald green, sticky lumps, diarrhea from plant food, and Doctor Leube **scolded** her to the bone (she did not even know that he could scream so loudly and menacingly)” [Zuleikha opens her eyes (2015), NKRY] Undoubtedly, additional lexical means — circumstances, expressed by the phraseological phrase (on what you may say) in the meaning of ‘very strongly, not shy in expressions to scold someone or something’ — also contribute to the manifestation of the semantics of influence on the addressee [Molotkov 1994: 407] and adverbs (loudly, menacingly).

The verb *to scold* is a transitive verb that requires *to scold* sb., sth.

The verb *to scold* in this synonymic series was the most frequently used by the respondents, which corresponds to its high frequency in the NKRY. 90% of the respondents indicated that this verb denotes a negative evaluation, 7% considered that in certain situations this verb can denote a neutral evaluation, 3% — a positive evaluation, and all this is reflected in our analysis.

As mentioned above, there are no explanatory dictionaries that explicitly note the stylistic properties of the verb. The analysis conducted has demonstrated the stylistic neutrality of the verb, which is also reflected in the survey results: 92% of the respondents noted that the verb is neutral, and 8% characterized it as colloquial.

The respondents semantized the verb *scold* as ‘to scold, to express discontent, to utter a reproach or scolding’. In the texts studied, the semantics of the verb dominant corresponded to the meanings reflected in the explanatory dictionaries, as well as the meanings suggested by the respondents. However, in some contexts the verb acquired contextually conditioned shades of irony or good-natured reproach as a manifestation of care for the addressee.

In general, the functional-semantic interpretation of the verb dominant *to scold* may be formulated as follows: ‘1) to speak in a rude, insulting manner, basically expressing an angry reproach; 2) to speak disapprovingly about someone or something with the intention of making him/her change his/her behavior; 3) to express good-natured concern in the form of a reproach; 4) to sharply criticize the rightful actions of sb. instead of praising.’

The survey revealed that semantically the verb closest to the dominant word is the verb *to scold*, which heads a synonymic series that includes the links *to scold – to chide to berate – to shout – to yell – to bark – to scathe*.

Let us turn to the verb *to chide*.

The verb *to chide* is defined in Russian explanatory dictionaries as ‘to reprimand, to express one's dissatisfaction by curse words; to condemn for sth, to scold’ [Ozhegov 2003: 58; Ushakov 1934, vol.1: 181; MAS 1999, vol.1: 111; Kuznetsov 1998: 94], ‘to subject to condemning criticism’ [Ozhegov 2003: 58], stressing its functional and stylistic peculiarity with the note [Kuznetsov 1998: 94].

The verb *to chide* is found in the NKRY in 848 examples. It is used more than three times less frequently than the dominant verb *to scold*.

The verb *to chide*, although it can also express the semantics of speech affect on oneself, differs from the dominant word *scold* in that it occurs relatively rarely and is used only in cases where the speaker really did something bad and feels remorse. E.g.: “He apologized for not having done it earlier, **chided** himself, asked if Natasha would now want to see him.” [Vladimir Orlov. *The Artist Danilov* (1980), NKRY]; “She herself did not know what had befallen her, or whether such examinations of feeling were not to her taste, and after Tanya, bewildered by this inexplicable behaviour, had departed in disarray, Natalya Mikhaylovna at length **chided** herself and told herself that she must indeed be out of her mind.” [V. F. Kormer. *Inheritance* (1987), NKRY]. An adverb with the meaning of a long interval of time (e.g., long) contributes to the intensity of the manifestation of the action inherent in the semantics of the verb *to chide*.

The verb *to chide* is mostly used in contexts where the action directed at someone for the purpose of speech influence is accompanied by additional lexical means conveying the speaker's emotional state, e.g., anger, rage, etc. e.g.: “I was indignant and **chided** him and ate the chicken” [S. M. Golitsyn. *Zapiski bezgonnika* (1946-1976), NKRY]. Or: “Immediately the women, who a few hours earlier had been calmly watching their carrier drinking from the throat in the village, began to grumble and **chide** Verstov, and one of them swore so inspiredly and passionately, that Anna thought — this, surely, is the teacher.” [Alexei Varlamov. *Splav* (1999), NKRY], where the intensity of the manifestation of the speech impact of the verb *to chide* is enhanced by the parallel use of the dominant word *to scold*, also accompanied by emotional adverbs (inspiredly, passionately).

In some contexts, the verb *to chide* is combined with verbs denoting some punitive action, physical reprisal. E.g.: “Pulkheriya Ivanovna used to **chide** the guilty one and punish strictly, so that there would be no more of it” [Alexander Kabakov. *The last hero* (1994-1995), NKRY]; “And, having thrown them both to the bunk, he kicked them again, not hard, but furiously, and he **chided** them much, quite hurtfully, even as boys, and he was so carried away with this entertainment, that drove Arhip out of his mind” [Victor Astafyev. *Tsar-fish* (1974), NKRY], where the degree of physical impact accompanying the speech influence on the addressee is conveyed by contextually determined additional lexical means (to punish severely; to throw away, to kick fiercely).

The accompanying verb *to chide* may also be expressed by expressive negatively marked nouns, as, for example, scum, lackey, etc. e.g.: “Here, in St. Petersburg, at first he hired a zakut at the scabbard; the owner-porter with a hangover **chided** him with a scab” [Yury Davydov. *The way to Goloday* (1992), NKRY]; “The committee members insulted him in every possible way, they **chided** him as a “mutt”, that he “burnt his cocksucker into servants”, it came to blows, and then at the meeting they voted to take away from him all his uniforms, boots, government underpants, even oilcloths, and to issue a rags kit” [A. V. Turkul, I. S. Lukash. *Drozdovtsy in the fire* (1937-1948), NKRY].

It is easy to see that the context in which the verb *to chide* is used along with its synonyms (the technique of stringing synonyms in the context) increases the intensity of the impact of the scold. E.g.: “No matter how much he pestered, no matter how he **chided**, no matter how he reviled Mylgun the Shaman of the winds, the latter remained deaf and indifferent to it all.” [Chingiz Aitmatov. *a dog running by the edge of the sea* (1977), NKRY].

Like the dominant word *to scold*, the verb *to chide* is often used in sentences built on antithesis. The contrast is achieved either through the antonymous verbs praise, flatter, or through the nouns praise, flattery. E.g.: “I do not know what they wrote about performances in the Bogoroditsk paper Red Voice, but all our acquaintances (and we acquired a lot of them in the town) when meeting them exchanged impressions about the actors: some were **chided**, and others were praised” [S. M. Golitsyn. *Notes of a Survivor* (1980-1989), NKRY]; “Never, never **chide** her in life, and praise and flattery she as if never heard, so she got used to them” [Simon Soloveitchik. *Vatag “Seven Winds”* (1979), NKRY].

In contexts where the verb *to chide* is used in combination with the negative particle *not*, the meaning opposite to the semantics of the verb scold is actualized to the full, namely: the expectation of approval and support from the speaker. E.g.: “Yes, I have had and will have mood drops, and do not **chide** me for them.” [V. A. Kaverin. *Before the Mirror* (1965-1970), NKRY]. Or: “Amazing: didn't ask him anything, didn't **chide** him for anything, didn't take money.” [Yu. V. Trifonov. *The Long Farewell* (1971), NKRY], where the semantics of the verb *to chide* with the negative particle is not leveled by a number of homogeneous sentence members (predicates did not ask, did not take, did not scold).

The verb *to chide*, according to our material, can also be used in contexts describing the relationship between relatives, such as the relationship between grandmothers, mothers and children: “Grandmother Olya carefully took her daughter-in-law's coat from her hands, took it to another room, returned and suddenly started **chiding** her grandchildren: bad boys, sitting listening to all sorts of nonsense, instead of taking a red pencil, drawing a little, reading the primer, already going to

school this year, and giving their mother, their father pleasure and joy, like all the other children.” [Arkady Lvov. Yard (1981), NKRY]; “Nanny, mother, and the whole house extracted me from the kerosene lake, groped, stroked, undressed, washed in the washroom, comforted and **chided** at the same time.” [T. A. Lugovskaya. I remember (1970-1985), NKRY], where the verb *to chide* to a greater extent acts as an indicator of love, care, concern of the older for the younger.

The management of the verb *to chide*: *to chide* whom/that for what or *to chide* whom/that use what.

The informants defined the verb *to chide* as follows: ‘scold; blame sb., condemn sb., sth’. 98% of the respondents thought that the verb expresses negative expressive evaluation. 85% of the respondents marked the stylistic feature of the verb as colloquial. In most cases, the functional semantics of the verb *to chide* is consistent with the data provided by dictionaries and interviewees. However, in some contexts, the verb *to chide* may indicate the speaker's benevolent intentions.

Thus, the functional semantics of the verb *to chide* can be summarized as follows: ‘1) the verb *to chide*, when used in the context of self-incrimination, is found only in situations where the speaker has actually committed some disreputable act and repents ; 2) the verb *to chide*, denoting an insult, may be accompanied by additional lexical means conveying the emotional state of the speaker, including expressive nomatives with a negative evaluation, as well as verbs denoting physical impact; 3) the verb is accompanied by negatively marked substantives; 4) the verb *to chide* in sentences built on antithesis or on the method of stringing synonyms contributes to the expression of a more intense impact by scolding within the context; 5) because of the verb *to chide* in combination with the negative particle the effect of actualization of the meaning opposite to the semantics of the verb *to chide* is not achieved, namely: expectation of approval, support from the speaker; 6) in the contexts describing the relationship of relatives, the verb *to chide* becomes an exponent of love, care, concern of the older for the younger.

Respondents noted that the verb closest in semantics to the verb *to chide* could be the verb *to berate*.

According to L. G. Babenko's typology, the verb *to berate* (a subgroup of verbs of object covers proper) belongs to the group of verbs to cover an object [Babenko 1999: 160]. However, this verb is one of its lexical-semantic variants and belongs to the synonymic row of verbs of verbal affect with the dominant 'to scold; to scold sharply, to scold in discussion' [Ushakov 1934, vol. 1: 1535; Kuznetsov 1998: 476; MAS 1999, vol. 2: 141; Ozhegov 2003: 311;]. This verb has a stylistic marking, also noted by lexicographers: simple, [MAS 1999, vol. 2: 141; Ushakov 1934, vol. 1: 1535; Ozhegov 2003: 311], vulg. Vulgar. [Ushakov 1934, vol. 1: 1535] and colloquial [Kuznetsov 1998: 476].

Although the verb *to berate* occurs 2972 times in the material studied, the actualisation of the meaning 'to scold coarsely' is observed only in 41 contexts, which is about 1.38% of the total number. This fact indicates that although semantically the verb *to berate* is very close to the verb *to chide*, the lexical and semantic variant of the multivalued verb under consideration is not active in terms of its functioning in speech.

The verb *to berate* may be used in constructions *to berate sb use what*. Most often it is used in combination with the nouns *mate* and *last word*. E.g.: "How she then in the bathroom was **berating** at the nurse, everyone heard." [Masha Traub...ka (2012), NKRY]; "The drunken little man, who was propping up the bus pole, was **berating** the last words at the drivers: 'Devils!'" [Elena Chizhova. *Lavra* (2002), NKRY]; "By the child I mean Vasily Alexandrovich Popugasov, whom, for the sake of a red word, **berated** both "fool" and "drunkard" and "vagabond"." [Evgeni Popov. *The True Story of "The Green Musicians"* (1997), NKRY]; "Moska was **berating** my comrades with the shrill scolding of a young eunuch" [Victor Konietzky. *The Beginning of the End of Comedy* (1978), NKRY].

The verb can also be used in the control of *to berate whom for what*. E.g.: "And this acceptance was sometimes accompanied by comical scenes, when he, then wittily mocking, then sulking, then showering cold contempt, he would cruelly **berate** the reconnaissance officers for this or that miscalculation." [S. M. Golitsyn. *Memoirs of a Rogue* (1946-1976), NKRY].

In order to increase the emotional intensity of the verb *to berate* is used in combination with its synonyms (to scold, to yell, to curse, etc.): “Then he would take a **berate** and **curse** the treacherous woman, then he would be distracted by something he had not noticed before: the glances of a couple in love... the secret touch of their hands... the traces of a beggar... the weariness in the eyes of old men... the desperation of sparrows, beating for a crumb...” [Michael Gigolashvili. *Ecobaba and savage* (2009), NKRY]; “he is raging, and he is already teasing me, and he only **berates** me with foul language” [Mihail Gigolashvili. *Mikhail Yelizarov. Pasternak* (2003), NKRY]; “Now and then they **yelled** and **berated** at her and demanded her to admit, that Kostya was not hired to take care of her, but with the help of the catacomb church to take him out of Russia” [Vladimir Sharov. *Resurrection of Lazarus* (1997-2002), NKRY]; “Already they curse and deny, **berate** in foul language the noble names, as they berated in 1905-1907 some drunken Cossacks, for what Babynch chased them to Siberia in settlement or punished by fortress” [V. Likhonosov. *Unwritten Memoirs. Our Little Paris* (1983), NKRY].

In contexts indicating continuity and concentration of influence, the verb is often used in combination with adverbs, for example, from morning to evening, again, etc. e.g.: “In the courtyard on weekends the muzhiks from morning till evening **berate** foul language, bang dominoes, and play cards for a bottle of vodka” [Svetlana Alexievich. *Second-hand Time* (2013), NKRY]; “March 2, 1994. Belokhlebov was **berating** Sazhechka again. — Where did you put the wires?!” [Alexei Shepelev. *Kgyshaft Vshytundf-TV* (2011), NKRY]; “The rest were even cleaner — they **berated** obscenities against Kolya's people and their ancestors to God knows what knees, in addition, they were mocking that here, on Khodynka, they gathered so few” [Vladimir Sharov. *Resurrection of Lazarus* (1997-2002), NKRY].

It is noteworthy that the verb *to berate* is quite often used in contexts depicting military and political activity. E.g.: “The procrastination with the answer infuriated Gusya, and she **berated** both the minister and our entire Soviet defense.” [Tanya Marchant. *Kvartiranty* (2003), NKRY]; “He lined up the regiment on the parade-ground and before the rank and file of those sergeants, before the privates, who were standing at

attention, **berated** in his voice with forbidden words of some poor major — he **berated** with a jest, and all the time he squinted and winked: ‘Do you want, grandson, to be a general?’” [Andrei Dmitriev. *Ghost of the Theater* (2003), NKRY].

Control of the verb: *to berate* whom, what, use what, for sth.

96% of respondents reported using the verb *to berate* in their speech, which is consistent with the high level of use of this verb in the NKRY. However, only 61% of respondents believed that the verb *to berate* could be considered synonymous with the main word *to scold*. Respondents noted the stylistic attributes of the verb *to berate* as ‘colloquial’, ‘colloquial’, ‘derogatory’ and ‘ironic’. 72% of respondents considered the verb to have negative connotations, while 28% considered it to be neutral. The verb was defined as ‘to scold someone rudely, to scold someone in any way.’ Given the high frequency of the verb *to berate* in the textual analysis, we believe that the semantic element ‘scold’, although not actively used as one of the lexico-semantic variants of the verb, should be considered, especially for foreign students, who are used to focusing only on the main semantic meaning of the verb.

Thus, the definition that makes the verb *to berate* a member of this synonymic series is not primary in its lexical meaning. In contexts, this verb functions predominantly in the sense of influencing the addressee in a crude form with the use of profanity. This is especially necessary for foreign students to know. Hence the most widespread combinability of the verb is *to berate* sb. with something (foul language, in foul language), and the most actual sphere of its functioning is military or political.

The survey showed that the verb *to shout* is semantically the closest to the verb *to berate*.

The verb *to shout* is classified by L. G. Babenko as a verb of sound [Babenko 1999: 448], but NKRY contexts indicate that the verb *to shout* also manifests itself as a verb of speech affect.

The verb *to shout*, being a polysemantic word, one of its lexical-semantic variants enters the analyzed synonymic row with the meaning ‘speak loudly, sharply, scolding, reprimanding etc.; yell; scold somebody, tell somebody irritably, in a heightened tone’

[Ozhegov 2003: 307; Ushakov 1934, vol. 1: 1519; MAS 1999, vol. 2: 131; Kuznetsov 1998: 471].

In the lexical-semantic variant under consideration the verb *to shout* is presented in the construction with the accusative case to shout at whom e.g.: “Vladik blinked often and often, ducking into his grandmother's lap. And she shouted at Zina: Ungrateful bitch!” [I. Grekova. *The Break* (1987), NKRY], where the verb is accompanied by direct speech with profane inverse nomination, intensifying the emotional register of the impact on the addressee.

The meaning of the verb *to shout* ‘to scold sb. loudly’ in functional semantics brings it closer to the verb *to yell*. In a compound sentence with an explanatory clause the verb *to shout* functions as a verb of verbal influence, since it is accompanied by a lexeme with a pronounced negative evaluation (fool) and a verb of physical influence (whip): “She **shout** that I am a fool, that I should have been whipped as a child, that Sergei needs a completely different diet, and that I am not a mother.” [Andrei Gelasimov. *Zhanna* (2001), NKRY].

Sometimes the main meaning of the verb ‘to let out a shout’ is inseparable from the semantic variant ‘to scold someone with irritation, in a raised tone’, this means the verb takes on a double meaning. E.g.: “– Korytin was already **shouting**, but suddenly came to his senses, came closer to his sister: — Everyone is shouting at me, and everyone is berating me” [Boris Yekimov. *Pinochet* (1999), NKRY], where the verb shout acts as an emotional accusation of the conflict participants in an action directed at himself and expressed by the verb berating. Or else: “And you, nigger,” Zina was already **shouting** at Rostislav Romanovich, “you are the biggest bastard, I hate you to death!” [I. Grekova. *The Break* (1987), NKRY], where the verb *shout* to a greater extent expresses the meaning of the speech effect ‘to scold sb.’ through the verbal control expressed in the accusative case with the preposition on (to shout at sb.), the lexeme with a negative evaluation, supported by the adjective superior form (the biggest bastard), and also through the construction of intense expression of negative emotions towards somebody, something (to death I hate).

The verb can also express the meaning ‘accusation, indignation’ when used in the construction *to shout* what. E.g.: “But she could not stop — and **shouted** something stupid and unfair for a long time, realizing with horror that she was stupid and unfair, and that she would only push her husband away.” [Alexei Slapovsky. The guitarist's death (1994-1995), NKRY].

The speaker's shouting at the listener can be an outburst of long suppressed resentment. The effect of such a scream is to a greater extent shocking, designed to make the addressee realize and correct his mistake. To achieve such an effect, additional lexical means are employed, such as the adverbs loudly and suddenly, the word combination hoarse barking and the word tension, expressing the emotional state of the speaker; the predicate “Enough!”, expressing in direct speech a demand to stop some action. E.g.: “She came close and suddenly **shouted** as loudly as she had never shouted before, breaking into some hoarse barking and almost losing her voice from the tension: ‘Enough!’” [Irina Muravyeva. A Philistine in the Nobility (1994), NKRY].

In contexts in which the verb *to shout* is used in combination with synonyms, the meaning of the verb of speech influence ‘to scold loudly’ is reinforced. E.g.: “But then Yurina's mother came out on the porch and called him in Greek for supper, and he kept not coming, and so many times, and then she would start **scolding** and **shouting** for him to finish the ‘yada-yada-conference’.” [Fazil Iskander. My idol (1965-1990), NKRY]; “Shouting, angrily denouncing Jews, not being shy in expressions...”. [Daniel Granin, Zubr (1987), NKRY].

When using the verb *to shout* in the semantics is manifested the following control: *to shout* at whom, *to shout* to whom, *to shout* sth.

All respondents indicated that the verb *to shout* is actively used in their speech. The stylistic properties of the verb were marked as ‘conversational’ and ‘neutral’. 62% of respondents indicated that the verb has a neutral expressive evaluation, 29% indicated that the verb can denote negative expressive evaluation, and 9% indicated positive expressive evaluation. The text focuses on the analysis of the verb *to shout* in the semantics of ‘scold’. The respondents believe that the verb *to shout*, when used as a

synonym of the dominant word scold, can be interpreted as ‘loudly scold sb., angrily scold sb., excitedly scold sb., loudly express displeasure’.

In general, the semantic differences in the verb *to shout* in the contexts of realizing the meaning ‘to scold someone’ can be summarized as follows: 1) is used in combination with words expressing negative evaluation to express a spiteful insult; 2) is used with additional lexical means to make the addressee realize and correct his mistake; 3) actualizes the definition ‘to scold sb. with a loud shout’; 4) is used in combination with synonyms, which allows strengthening the semantic potential of the verb as a verb of speech affect.

Let us move on to the analysis of the verb *to yell*.

The verb *to yell* may be included in this synonymic row when expressing the semantics ‘to shout at somebody, scold, reprimand somebody, scold somebody loudly, pass into a shout, scold somebody; shout loudly, scold’ [Ushakov 1938, vol.2: 843; MAS 1999, vol.2: 636; Kuznetsov 1998: 723; Ozhegov 2003: 458]. The stylistic features of the verb are marked as conversational [Ushakov 1938, vol.2: 843; MAS 1999, vol.2: 636; Ozhegov 2003: 458] and neologically [Ozhegov 2003: 458].

The verb *to yell* with the actualization of the above semantics may occur in direct speech. E.g.: “— Well, what is she, what? — She **yelled**. — In a foul language? [Victor Astaf'ev. *The Goose That Flew Over* (2000), NKRY]; “— Are you crazy? — **yells** Igor. — Why did you come here?” [Vasily Aksenov. *Star ticket* (1961), NKRY]. In such contexts the verb is accompanied by colloquially/pretentiously colored lexemes (well, cheh, by the swear words, chokonut) that support its colloquial/pretentious character.

In contexts with direct speech, the verb *to yell* can also be used in the author's speech, conveying the emotions, the inner state of the speaker, such as: “— Don't interfere with work! — I am **yelling**. — What is this manner of entering without knocking?” [Vasily Aksenov. *Star Ticket* (1961), NKRY], where direct speech is not only an expression of reproach to the listener, but also a means of expressing a command aimed at inducing the listener to stop certain actions.

In direct speech, the verb *to yell* is accompanied by nominations in the function of address, loaded not only emotionally evaluatively, but also stylistically. E.g.: “— You

serve the capitalists, you bastard! — **Yelled** to him by Mikhal Ivanovich.” [Sergei Dovlatov. *Zapovednik* (1983), NKRY]; “And Zubr **yells** at them: You fools, what the hell do you need these devices for!” [Daniel Granin. *Zubr* (1987), NKRY].

The collected material indicates that the verb *to yell* contributes to the expression of a higher degree of profanity than the verb *to shout*. That is, the action of the verb *to yell*, accompanied not only by a description of the extreme emotional state of the speaker (come to rage, yell in a frantic, oriental roar), but also by physically manifested actions conveying the heat of passion (tear face with nails, slash a suicide bomber in the eyes, drag by the hair, stomp). E.g.: “And he was coming to a rage. **Yelled**: “Who is a prude? My mother is a prude?” [Yuri Trifonov. *The Exchange* (1969), NKRY]; “Damn you at all! — I **yelled** in unconsciousness. — Can you understand what position I'm in now?” [Yuri Trifonov. *Preliminaries* (1970), NKRY]. “Eastern-style women roaring, tearing their faces with their nails, Soldiers **yelling** at the convicts. Some of the nailers slashed a suicide bomber in the eyes — keep your arms straight.” [Y. O. Dombrovsky. *The Faculty of Unnecessary Things* (1978), NKRY]; “She both dragged Vitalia's naughty neighbor by the hair, and took away her potion, and stomped and **yelled**” [Viktor Astaf'ev. *The Proletny Goose* (2000), NKRY].

To strengthen the semantic density of the verb *to yell* as a verb of speech affect, the method is used, in which the verb in question is combined with verbs close in semantics, which help to introduce subtle semantic and stylistic nuances in the design of the statement. E.g.: “The investigator, after all, can only **yell** and swear”. [Y. O. Dombrovsky. *The Faculty of Unnecessary Things* (1978), NKRY].

The ways of expressing the control of the verb *to yell* in the lexical-semantic variant under consideration are as follows: *to yell* at whom or *to yell* to whom or *to yell* + direct speech.

Most respondents (90%) indicated that they use the verb *to yell* in their speech. The stylistic relevance of the verb was marked as ‘colloquial’ and ‘indecent’. Almost all respondents (96%) believe that the verb *to yell* has a negative expressive connotation. The respondents explained the meaning of the verb *to yell* by the verb *to shout* — ‘to shout loudly, to express one's discontent emotionally, even to lose one's temper’.

In general, contextual differences in the semantic content of the verb *to yell* in the implementation of the semantics ‘swearing’ may be described as follows: 1) it is often found in rhetorical questions and exclamations, followed by direct speech with pronounced colloquial or vernacular coloring; 2) in contexts with direct speech the verb *to yell* may also be used in the author's speech, conveying the emotions, the inner state of the speaker; 3) the verb *to yell* contributes to the expression of a higher degree of swearing than the verb *to shout*; 4) the use of the verb in combination with synonymous lexemes contributes to strengthening the meaning of ‘to scold’ in this lexico-semantic variant of the verb.

Let us turn to the verb *to bark*.

The verb *to bark* is considered a verb of sound [Babenko 1999: 448-449]. In this study, we believe that it can be regarded as a verb of verbal affect. It is included into this synonymic row thanks to the meaning ‘to chide, to scold’ [Ushakov 1938, vol. 2: 30; MAS 1999, vol. 2: 166; Kuznetsov 1998: 488; Ozhegov 2003: 320]. The stylistic markings of the verb are designated as ‘simple’ [Ushakov 1938, vol. 2: 30; Ozhegov 2003: 320; MAS 1999, vol. 2: 166], ‘vulgar’ [Ushakov 1938, vol. 2: 30] and ‘obsolete’ [MAS 1999, vol. 2: 166].

The verb *to bark* occurs 2983 times, according to the NKRY, but the number of examples, in which the meaning ‘to chide, to scold’ is actualized, is very small. E.g.: “In a month Germany has acquired the only institute in the world with such a staff that these mutts have nothing to think about starting to **bark** at us for defeated science.” [Y. O. Dombrovsky. *A monkey comes for his skull* (1943-1958), NKRY]; “To Tashkent, to the pigs of your mother! — **barks** back at the chief. Ignatov bends over the desk and sticks the folder, like a sword, right into the green uniform.” [Guzel Yakhina. *Zuleikha opens her eyes* (2015), NKRY]; “Something bad, you see. Evil general, **barking** his own. Oh and evil, — whispered Anton Borisovich, pointing his ear to the open window of the hut” [Elena Rodchenkova. *Night Violets* (2015), NKRY].

As we can see, the verb in the contexts under consideration reflects the intensity, rudeness of the impact on the addressee, always in an offensive form, reminiscent of

dog barking. At the same time, this kind of influence is allowed by the superior in relation to the inferior, subordinate.

The lexicographic guides do not note the control of the verb. Based on the data of our material, the verb bark with the meaning ‘to chide, to scold’ can be recorded as barking at sb., which, in our opinion, is conditioned by analogy with verbs of the same synonymous series (shout, yell at sb.).

The conclusions of the textual analysis are reflected in the results of the survey. Most respondents noted that the verb bark is used in their speech, but it is not often used as a synonym for the dominant word *to scold*. Stylistic features of the verb *to bark* were noted as ‘vulgar’, ‘colloquial’ and ‘disapproved’. 89% of the respondents believe that the verb *to bark* has a negative expressive evaluation, the rest believe that the verb can express a neutral expressive evaluation. The verb *to bark* was defined as ‘to shout very loudly, to scold sb. rudely, like a barking dog’.

Let's move on to the verb *to scathe*.

The verb is not included in the dictionary of L. G. Babenko. According to the explanatory dictionaries, the semantics of the verb *to scathe* ‘to reprimand/insult sb.; to scold’ [Ushakov 1939, vol. 3: 889; MAS 1999, vol. 3: 463; Kuznetsov 1998: 998; Ozhegov 2003: 604], which is the reason for considering it a member of this synonymous series in verbs of verbal influence. All dictionaries note the stylistic peculiarity of the verb *to scathe* with the label ‘colloquial’ [ibid.]

The verb *to scathe* occurs 157 times in the NKRY. However, the meaning ‘to reprimand, censure’ of the verb is actualized only in 8 contexts. E.g.: “From time-to-time Yakhontov hears him **scathing** a dozing soldier in the middle of the company: — Did you fall asleep? Did you dream about the village? Shall I get you a pillow?” [A. I. Kuprin. Hike (1901), NKRY]; “When a sheriff and headman left, the peasants and headman jumped on her and started **scathing** her for having sheltered grandpa Ilya.” [S. T. Semenov. Grandpa Ilya (1902), NKRY]; “Just a few days ago Ganshin was **scathing** his friend, who had fallen into boredom, saying: ‘Stop whining’, and now...” [A. A. Beck. Talent (Life of Berezhkov) (1940-1956), NKRY]; “Masha said:

— Ganshin, it is enough to **scathe** him... Let us better cheer him up with something.”
[A. A. Beck Talant (Life of Berezhevskiy) (1940-1956), NKRY].

The semantics of ‘to reprimand/invite sb.; to scold’ is contextually supported by additional lexical means (to scold, sarcastically, as well as sarcastic questions of the type ‘may I get you a pillow?’).

Control of the verb: *to scathe* someone for sth.

Most respondents (92%) note that the verb *to scathe* is almost never used in their speech. 8% of respondents believe that the verb *to scathe* can be used as a synonym for the main word *to scold*, but in a more outdated usage. All respondents believe that this verb has a negative connotation. This was confirmed by the textual analysis as well. Therefore, we decided to include this verb at the very edge of the synonymic series under study.

CONCLUSIONS II

Chapter II of the thesis presents an extended list of verbs of speech affect, proposes a new classification of these verbs and a new scheme of synonymic rows within the analyzed verbs. We chose synonymic rows, in which the dominant units are the verbs *to praise* and *to scold*.

From L. G. Babenko's list of RV verbs, three verbs were included in our SR with the dominant *to praise* and nine verbs were included in our SR with the dominant *to scold*. In this study, however, they are expanded into synonymic series, the members of which are 23 (SR praise) and 36 (SR scold) verb units. Both synonymic series studied in this study are polynomial. The dominant verbs *to praise* and *to scold*, as well as semantically closer synonymic links between the verb units, using the semantic orientation of the members as an articulation point, are distinguished for the polynomial synonymic series.

The dominant verbs of the synonymous series *to praise* and *to scold* reveal a large number of semantic nuances, which are realized in specific contexts and are present in

the Russian language consciousness, as evidenced by the contextual analysis of the use of these verbs in different types of discourse and surveys of speakers of the Russian language.

The members of the synonymic series under study are divided into the core zone, the near-periphery zone and the far-periphery zone. Verbal units in the core are high-frequency words denoting the nuclear semantics, in the near periphery zone verbs are inferior in frequency of use to high-frequency words, but are also used in certain contexts, and verbal units in the far periphery zone are not the object of lexical training and exist only as a passive vocabulary, which is important to consider when teaching Russian as a foreign language. When differentiating synonyms, not only their semantic differences, including implicit semantics, but also differences in stylistic labels are taken into account, since semantics and stylistic relevance are the factors underlying the distinction between synonyms. In addition, an important indicator of the distinction is also the changing tendency of the verb use in modern Russian word usage, its necessity or unnecessary in the minds of native speakers. Obsolete verbs that are no longer used by native speakers are sifted out, which is especially important for foreign students.

Thus, in the synonymic series with the dominant *to praise*, six synonymic links can be distinguished. The semantics of the verb unit in each synonymic link is similar to the semantics of the verb unit in the other links. Given all the contextual filiations encountered in the examples, unlike the other members, the verb *to approve* expresses the semantics of ‘agree, accept’ and is also used to express compromise approval. The verb *to acclaim* expresses exaggerated praise and is mostly used in commercial situations. The verb *to compliment* is most often used in situations where the object of praise is a woman, especially to praise food prepared for her. The verb *to extol* is limited in the object of praise, usually leaders, poets, scientists, etc. The verb *to eulogize* emphasizes a polite compliment or boast to the listener. The object of praise for the verb *to glorify* is usually God, kings, leaders, etc., but in XXI century texts the object of praise can also be ordinary people. The verb *to brag* has the implicit meaning ‘to be especially attentive to someone’ and is usually used in a pejorative sense. The verb *to flatter* has the implicit meaning to flatter someone under social pressure, not necessarily

out of self-interest, but perhaps simply out of social habit. The praise expressed by the verb *to laud* is strongly subjective and also has a desynonymized definition 'to speak ill of someone'. The verb *to magnify* can be used in toast situations and in sarcastic contexts. The verb *to exalt* has the implicit meaning 'to glorify oneself and exalt others'. The verb *to sing* can mean 'to praise someone in song or verse or to pretend to praise sb'. The verbs *to excoriate* and *to boast* emphasize the meaning 'to praise someone, to recommend someone in order to make him work' and are almost never used in modern Russian. The verb *to advertise* emphasizes the idea of promoting someone's merits to the public. The verb *to recommend* emphasizes authority, through which a certain positive quality of a person is recognized. The semantic focus of the verb *to idealize* is to ascribe to someone virtues that are not peculiar to him or her, or to exalt a certain defect of someone. The verb *to commend* expresses gratitude and honor to someone out of respect. The verb *to honor* emphasizes excessive deference to someone, used in an ironic sense. The verb *to distinguish* focuses on the meaning 'to give someone a respectful, complimentary title'. The verb *to elevate* has the implicit meaning 'to deliberately exalt or emphasize someone's merits or abilities'. The verb *to raise up* is oriented to the semantics 'to praise someone', often with the constructions praise someone or exalt to heaven.

The verbs of this LSG have different types of control. Most of them are transitive verbs that are combined with names in the accusative case without a preposition. The verbs *to flatter*, *to glorify*, *to brag*, *to exalt*, *to advertise* (the last four verbs are transitive) may also be used without a complement. The verbs *to laud*, *to magnify*, *to commend*, *to honor*, *to distinguish* may still be used in the instrumental case (whom/what); the occasional control in whom: *to exalt*; the adjectival explanatory sentence: *to laud*, *to magnify*, *to recommend*; whom: to recommend; how (in the question): *to distinguish*.

From the point of view of stylistic relevance, the contextual analysis shows that the verb units of the synonymic series with the dominant *to praise* are classified as neutral (*to praise*, *to acclaim*, *to flatter*), bookish rhetoric. (*to extol*), colloquial (*to compliment*, *to brag*, *to excoriate*, *to boast*, *to advertise*), bookish (to eulogize, to glorify, to flatter, *to laud*, *to magnify*, *to exalt*, *to sing*, *to recommend*, *to idealize*, *to commend*, *to*

distinguish, to elevate, to raise up), officious (*to approve, to recommend*), popular (*to distinguish*), disapprove. (*to excoriate, to exalt, to commend, to honor, to distinguish, to elevate, to raise up*), high. (*to laud, to exalt, to sing, to commend, to honor, to raise up*), poetical (*to sing, to distinguish*), ecclesiastical (*to glorify, to distinguish*), regional (*to distinguish*), ironic (*to glorify*) and traditional-folk (*to distinguish*).

The members of the synonymic series with the dominant word *to scold* are divided into 9 synonymic links. The verb *to chide* is very close to the core word scold. It is distinguished from the other words by its emphasis on reprimanding someone with an explicit swear word. Stylistically, it can have a traditional and vernacular character. The verb *to berate* was included in the object of study because of its marginal semantics ‘to scold’. It is often accompanied by swear words, most often in military and political situations. Verbs *to shout, to bark* and *to yell* are often accompanied by vocal descriptions (high voices), strong emotions or body movements. From *to shout* to verb *to yell* the emotion increases gradually. The verb *to bark*, denoting rebuke, reminds the listener of a dog barking. The verb *to scathe* emphasizes the severity of the rebuke, has a strong conversational tone, and is obsolete.

The verb *to curse* emphasizes that swearing is expressed in the form of curses. The verb *to sneeze* is used very rarely and emphasizes the meaning ‘to give a cussing out’.

The verbs *to dishonor, to blaspheme, to abuse, to revile, to honor, to slander, and to denigrate* can denote insulting censure. The verb *to dishonor* without praise emphasizes insulting someone in a way that deprives them of a good reputation. The verb *to blaspheme* emphasizes insulting someone in a vulgar way to express the speaker's extreme displeasure. The verb *to abuse* emphasizes contempt and disrespect for the listener. The verb *to revile* tends to scold for a certain type of behavior, more to vent displeasure on the listener. The verb *to honor* emphasizes the use of some hurtful, insulting epithet to berate someone. The verb *to slander* tends to express unfounded slander to the listener and is very rarely used. The verb *to denigrate* tends to scold sb. by revealing their wrongdoing, and this often elicits a vehement rebuttal from the listener.

The verb *to bite* is intended to emphasize the duration and firmness of the action of ‘swearing’. The verb *to bone* tends to actualize an attack on a person, some position or action, and is usually used in contexts describing political activity. The verb *to inveigh* differs from the other terms in that it is usually used in contexts where two participants in a conversation, being guilty, accuse each other and shift the blame to each other. The verb *to roughen* expresses swearing at someone in the smallest detail.

The verb *to bastardize* emphasizes attacking someone with hatred, anger, and there is no likelihood that such an attack will be mitigated. The verb *to call one's name (a bastard)* emphasizes the use of some derogatory epithet to punish someone, which is usually indirect and contains ironic overtones.

The semantics of the verb *to work through* is unkindness, a deliberate attempt to find faults and mistakes in a listener in order to scold him or her. The semantic focus of the verb *to trim* is to chastise someone teasingly, subtly. The verb *to iron* emphasizes scolding, which is oppressive and which the listener cannot resist. The verb *to pull through* emphasizes a negative, sarcastic comment about someone or something, usually in a newspaper, magazine or wall newspaper. The verb *to scathe* is almost never used in the lexico-semantic variant ‘to scold’ in the speech of native Russian speakers. It has a broader meaning than the main word *to scold* and is oriented to the meaning ‘to exhort someone’.

The verb *to reprimand* is usually used in everyday situations, its semantics being focused on reprimanding or admonishing sb. and the speaker's rebuke may be well-intentioned. The verb *to beat up* is often used in situations where there is an explicit ‘superior-subordinate’ relationship between interlocutors, usually a long, stern, painful reprimand and admonition from a superior to a subordinate. The verb *to chastise* is very rarely used in Russian. It usually denotes quiet but very suppressed reprimand or even whining. The verb *to gibber* emphasizes the harsh and sarcastic nature of the rebuke. Sharpness is often found in exclamatory sentences and irony in indirect sentences, hinting at the speaker's displeasure with the listener. More often the verb *to admonish* is used, which aims to express displeasure and rebuke with critical opinions and remarks.

The verb *to fuss* differs from the other members of this series in that it is oriented to express discontent and scolding in a destructive form (destroying someone's image, etc.). The verb *to flog* tends to scold someone loudly or rudely and is usually used in the context of a superior scolding a subordinate or an elder scolding a junior. The verb *to fluff* emphasizes that the scolding takes place in an extremely harsh and profane manner. However, it is rarely used in this sense.

The verb *to attack* emphasizes an indirectly aggressive reproach. The verb *to pounce* emphasizes a sudden outburst of the speaker's long accumulated grievances.

Note that most of the members of the synonymic series with the dominant verb *to scold* are transitive verbs. There are also possible verb administrations: *to shout*, *to yell*, *to bark*, *to chastise*, *to attack*, *to pounce* (on whom); *to shout*, *to yell*, *to reprimand* (whom); direct speech: *to shout*, *to yell*; use what: *to bite*; whom about what: *to bone*; without adjective: *to roughen*, *to bastardize*. The verb *to shout* may also be combined with an explanatory clause; and even verbs, whose possibility of control is not mentioned in the existing dictionaries: on whom: *to bark*, *to chastise*; whom about what: *to bone*.

From the point of view of stylistic relevance, the verb units of the synonymic series with the dominant word *to scold* are classified as neutral (*to scold*, *to shout*, *to denigrate*), bookish (*to dishonor*, *to abuse*, *to revile*), colloquial (*to yell*, *to scathe*, *to curse*, *to honor*, *to slander*, *to bite*, *to bone*, *to roughen*, *to call one's name*, *to work through*, *to reprimand*, *to beat up*, *to chastise*, *to gibber*, *to admonish*, *to fuss*, *to flog*, *to fluff*, *to attack*, *to pounce*), colloquially derogatory (*to berate*, *to sneeze*, *to blaspheme*, *to slander*, *to trim*), colloquially colloquial (*to berate*, *to bark*, *to sneeze*, *to blaspheme*, *to abuse*, *to honour*, *to slander*, *to bite*, *to bone*, *to trim*, *to iron*, *to pull through*, *to beat up*, *to chastise*, *to fuss*), roughly colloquial (*to inveigh*, *to bastardize*), vulgar (*to berate*, *to bark*), disapproved (*to yell*), obsolete (*to bark*, *to dishonor*, *to abuse*, *to reprimand*, *to scathe*, *to fluff*), high (*to curse*), familiar (*to sneeze*, *to honor*, *to pull through*, *to beat up*, *to flog*, *to fluff*), regional (*to bone*), ironically humorous (*To work through*, *to trim*) and traditionally popular (*to chide*, *to abuse*).

The stylistic marker that is most often ignored by existing dictionaries is the obsolete one (the verb *to scathe*).

Axiological value, emotional meaning is the key to the disclosure of the emotionally evaluative characteristic of verbal units, to their ability to characterize positively or negatively the action or phenomenon it denotes. The evaluability of verbal units is a quality derived from their emotional meaning. In terms of evaluability, verbs can be divided into two groups: verbs with positive evaluation and verbs with negative evaluation. Positive evaluation is filled with the emotionality of approval, deferential respect, admiration. The second group includes verbs with the emotionality of irony, disdain, condemnation.

In a pragmatic sense, some members of synonymous series are often used in combination with names of persons of a certain status, such as God, the king, political leaders, etc. The effect of the speaker's speech in such contexts is minimal. On the contrary, the speech effect of the verb is significant when the interlocutor is in a “superior-subordinate”, “elder-younger” relationship.

**CHAPTER III. COMPARISON OF RUSSIAN VERBS OF SPEECH AFFECT
WITH THEIR CHINESE EQUIVALENTS IN SEMANTIC AND
LINGUOCULTURAL ASPECTS**

**3.1. Verb units of the synonymic row with the dominant *to praise* in the mirror of
the Chinese language**

According to the “Explanatory Dictionary of Modern Chinese” (TSKY) and the “Bilingual Chinese-Russian Dictionary” (RKS), the synonymic series of Chinese analogues of speech affect with the dominant praise can be represented as follows:

- 14 verbs or phrases with the meaning ‘to praise someone, recognizing their actions or deeds as correct’: 赞许 *zàn xǔ*, 称赞 *chēng zàn*, 认可 *rèn kě*, 夸赞 *kuā zàn*, 夸奖 *kuā jiǎng*, 赞扬 *zàn yáng*, 表扬 *biǎo yáng*, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu*, 啧啧称赞 *zé zé chēng zàn*, 交口称赞 *jiāo kǒu chēng zàn*, 赞叹不已 *zàn tàn bù yǐ*, 交口称誉 *jiāo kǒu chēng yù*, 有口皆碑 *yǒu kǒu jiē bēi*, 叹为观止 *tàn wéi guān zhǐ*.
- 7 verbs or phrases with the meaning ‘to value someone or something very highly, up to and including flattery’: 过奖 *guò jiǎng*, 过誉 *guò yù*, 奉承 *fèng cheng*, 谄媚 *chǎn mèi*, 逢迎 *féng yíng*, 阿谀 *ē yú*, 阿谀奉承 *ē yú fèng chéng*.
- 4 verbs with the meaning ‘to praise someone, to depict in songs, poems, etc.’: 称颂 *chēng sòng*, 颂扬 *sòng yáng*, 歌颂 *gē sòng*, 讴歌 *ōu gē*.
- 4 verbs with the meaning ‘to exaggerate someone's virtues or even to attribute to someone virtues that are not peculiar to him’: 吹嘘 *chuī xū*, 吹捧 *chuī pěng*, 推举 *tuī jǔ*, 美化 *měi huà*.
- 2 verbs with the meaning ‘to give respectful names to someone or something, emphasizing some merits in them’: 尊崇 *zūn chóng*, 推崇 *tuī chóng*.

- 2 verbs with the meaning ‘to deliberately elevate someone and give them a higher social status’: 抬举 *tái ju*, 提拔 *tí bá*.

Thus, there are 33 synonyms of this semantics in Chinese, which is more than in Russian (23 verbs). Next, let us consider each of the series of synonymic links separately.

14 verbs or phrases with the meaning ‘to praise someone, recognizing their actions or deeds as correct’: 赞许 *zàn xǔ*, 称赞 *chēng zàn*, 认可 *rèn kě*, 夸赞 *kuā zàn*, 夸奖 *kuā jiǎng*, 赞扬 *zàn yáng*, 表扬 *biǎo yáng*, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu*, 啧啧称赞 *zé zé chēng zàn*, 交口称赞 *jiāo kǒu chēng zàn*, 赞叹不已 *zàn tàn bù yǐ*, 交口称誉 *jiāo kǒu chēng yù*, 有口皆碑 *yǒu kǒu jiē bēi*, 叹为观止 *tàn wéi guān zhǐ*.

Of these 14 analogues, those consisting of two characters are mostly used in everyday communication situations and in colloquial speech, while those consisting of four characters are used in more formal situations and have a bookish or high stylistic character. Of course, there are some minor differences and shades of meaning between these analogs. For example, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu* means “赞美得不住口，指连声称赞” (praise endlessly) [TSKY], to emphasize that someone continuously praises someone or something, and the idiom 叹为观止 *tàn wéi guān zhǐ* meaning “用来赞叹所见的事物尽善尽美，好到了极点” is used to praise something as good as possible, good in the highest degree [TSKY], emphasizing the top perfection of the object being praised. Let us consider a few examples of this grouping of analogies:

1. 可是，看样子首长是从心里在夸赞她们，不是随便说一说的 (However, one gets the impression that the boss is praising them from the heart, not just saying so.)
2. 大家对这部小说赞不绝口 (Everyone praises this novel).
3. 秦王双手捧住璧，一边看一边称赞，绝口不提十五座城的事 (King Qin held the bi (jade) with both hands, looked at it and praised it without once mentioning the fifteen cities).

In the above examples, the Chinese analogues with the meaning ‘praise’ 夸赞 *kuā zàn*, 赞不绝口 *zàn bù jué kǒu* and 称赞 *chēng zàn* express the basic dictionary

meaning and are synonyms. However, their contextual meanings are different. The first example represents a real compliment from a superior; in the second case there are two ambiguities: 1) praising the author or the novel, 2) whether praising from the heart; in the third example: first, it is praise of King Qin, who was impressed by the beauty of jade; second, the owner of jade wanted to exchange the stone for fifteen cities, but King Qin wanted jade without exchange, so the king constantly talks about the beauty of jade without letting the owner say about cities.

This subgroup contains the greatest number of analogies, reflecting the tendency of the Chinese national consciousness to positively acknowledge someone, something, to praise someone. These verbs in Chinese correspond to the Russian verbs *to praise – to acclaim – to compliment*.

7 verbs or phrases with the meaning of ‘to appreciate someone or something very highly, up to flattery’: 过奖 guò jiǎng, 过誉 guò yù, 奉承 fèng cheng, 谄媚 chǎn mèi, 逢迎 féng yíng, 阿谀 ē yú, 阿谀奉承 ē yú fèng chéng.

Similarly, of these seven analogues, those consisting of two characters are used in colloquial speech more often than those consisting of four characters, and their bookish coloration gradually weakens. The core semantics of this group in Chinese is represented by the verb *to flatter*.

In Chinese, the Russian verb *to flatter* may be similar to 奉承, 逢迎, 阿谀, 谄媚, 拍马屁; 使满意, 使得到满足 (flatter, satisfy) [TSKY]. In addition, there are the following idioms in Chinese with the meaning of “to flatter”: 阿谀奉承 ē yú fèng chéng, expressing “用好听的话讨好人” (use nice words to please people) [TSKY 2106: 339]; the idiom 溜须拍马 liū xū pāi mǎ means “讨好奉承” (do sth. , to make sb. happy, to compliment sb. against his will) [TSKY 2106: 834]; idiom 曲意逢迎 qū yì féng yíng interprets “违背自己的意愿去迎合别人” (to please others against his will) [TSKY 2106: 1076], etc. Consider the examples:

1. 他是个巧言令色的人, 对长官极尽奉承之能事 (He is a conniving man who flatters his superiors to the fullest.)

2. 爷爷一生走得正，行得端，最看不起那种奉承巴结有钱有势，卖身投靠之人了 (Grandfather was righteous and well-bred all his life and most of all he despised people who flatter the rich and powerful and people who sell themselves out).

3. 小杜对领导说话，总喜欢阿谀奉承，从中取巧 (When Xiao Du talks to his boss, he always likes to flatter and say what the leader wants to hear.)

So, in the above examples, the verbs 奉承 *fèng chéng*, 奉承巴结 *fèng chéng bā jie* and 阿谀奉承 *ā yú fèng chéng* express their main dictionary meaning, they are synonymous to each other. In all the examples from the Chinese language there is a negative evaluation of the action they denote, while in Russian all verbs of this subgroup may have a positive evaluation as well. It should be noted that in the Chinese national consciousness excessive praise of someone is often interpreted as flattery, and the appropriateness of praise is a code of conduct to which the Chinese strive.

The verbs of this subgroup of the Chinese language correspond to the Russian verbs *to extol – to eulogize – to glorify – to brag – to flatter*.

The four verbs with the meaning ‘to praise someone, to depict in songs, poems, etc.’: 称颂 *chēng sòng*, 颂扬 *sòng yáng*, 歌颂 *gē sòng*, 讴歌 *ōu gē*.

Undoubtedly, all four verbs are used in Chinese for solemn occasions and have a distinctly bookish style, marked high. Let us turn to the examples:

1. 诸葛亮用兵如神，历来被人们所称颂 (Zhuge Liang is traditionally famous for using his troops as a god.)

2. 人们满怀深情地颂扬总理的丰功伟绩 (The premier's achievements were enthusiastically praised).

3. 这部电影歌颂了战斗英雄邱少云的感人事迹 (This film glorifies the inspiring story of battlefield hero Qiu Shaoyun).

4. 我们放声讴歌社会主义祖国 (We were praising the socialist motherland with all our voices).

The above examples reflect the fact that these verbs are often used in political and military situations. The object of their praise is usually what political system, what

political figure, what military commander or what battle hero. Sometimes these verbs are used in sarcastic contexts to denote a derogatory attitude toward the object.

The verbs of this subgroup in Chinese correspond to the Russian verbs *to laud – to magnify – to exalt – to sing*.

Four verbs with the meaning ‘to exaggerate one’s virtues or even ascribe to someone virtues that are not peculiar to him’: 吹嘘 *chuī xū*, 吹捧 *chuī pěng*, 推举 *tuī jǔ*, 美化 *měi huà*.

The verbs 吹嘘 and 吹捧 are considered pejorative in Chinese, usually with a negative expressive evaluation, and are often found in spoken language. The verbs 推举 and 美化 are considered stylistically neutral, with the verb 推举 indicating more of a positive evaluation, and 美化 sometimes occurring in ironic contexts and expressing a negative evaluation. Consider the examples:

1. 他在同学聚会上大言不惭地吹嘘他的成功经历 (He brags about his successes at reunions).
2. 因为他的身边有太多瞎吹捧的人，所以他看不到自己的缺点 (Because he is surrounded by so many people who blindly praise him, he cannot see his own faults.)
3. 他因为热心助人，被推举为好人好事的代表 (He was chosen to represent good people because of his enthusiasm for helping others.)
4. 我们要坚决抵制美化帝国主义的言论 (We must strongly oppose the glorification of imperialism).

The examples show that all of these verbs contain the basic seme 'to praise'. They differ from each other by differential semes. It is worth noting that in Chinese the verbs 推举 and 美化 contain the seme 'praise' in the implicit form, which largely depends on the context.

The verbs of this subgroup correspond to the Russian verbs *to excoriate – to boast – to advertise – to recommend – to idealize*.

The two verbs with the meaning ‘to give respectful names to someone or something, emphasizing some merits in them’: 尊崇 *zūn chóng*, 推崇 *tuī chóng*.

These two verbs are considered positive verbs in Chinese, and their style affiliation is usually bookish, marked high. Let us look at some examples:

1. 我知道，这个节日，凝聚千百年来中国人对师道的尊崇与盼望 (I know that this holiday has united the Chinese people's respect and hope for the Way of the Teacher for thousands of years.)

2. 刘教授对学术界贡献良多，极受国际推崇是位德高望重的学者 (Professor Liu is a highly respected scholar who has contributed greatly to the scientific community and is highly respected internationally).

The context shows that the semantic focus of these two verbs is directed toward reverence. Such reverence is an indicator of a high degree of sincere appreciation of someone's qualities and abilities by the speaker.

The verbs of this subgroup correspond to the Russian verbs *to commend – to honor – to distinguish*.

2 verbs with the meaning ‘to deliberately elevate someone and give them a higher social status’: 抬举 *tái ju*, 提拔 *tí bá*.

The verb 抬举 (to lift) is mostly used in colloquial speech, but it occurs in bookish speech as well. In contexts, its use with both positive and negative evaluation is found, more so with negative evaluation. The verb 提拔 (to promote) is characterized by belonging to the book style with a positive evaluation.

1. 同事们劝告他要见好就收，不要不识抬举 (Colleagues have advised him to take what he can get and not wave off praise and respect).

2. 把我和学者们等量齐观，那太抬举我了 (Putting me on the same level as a scientist is an exaggeration).

3. 爸爸从事销售工作成绩显著，因而被提拔为销售部经理 (Thanks to my father's outstanding achievements in sales, he was promoted to sales manager).

The verb 抬举 (raise) is often used in negative sentences to admonish or even warn the listener to make him or her evaluate himself or herself correctly. In this case, the compliment is simply a social tactic and is not necessarily sincere (see example 1 above). When the object of the compliment is the speaker himself, the verb conveys his

modesty (see example 2 above). The verb 提拔 (promote) denotes the result of recognizing another person's good qualities — promotion (see example 3 above) and is mostly used in formal business situations.

The verbs of this subgroup correspond to the Russian verbs *to elevate – to raise up*.

Thus, taking into account the frequency of the use of verbs in the NKRY and the opinions of native speakers, the core of the studied SR with the dominant word *to praise* are *to praise, to approve, to recommend, to acclaim, to advertise* (5 units); at the near periphery are *to distinguish, to elevate, to raise up, to laud, to magnify, to extol, to compliment, to eulogize, to flatter, to sing and to commend* (11 units); and at the very edge are *to honor, to idealize, to glorify, to brag, to excoriate, to boast, to exalt* (7 units).

In all the analyzed examples with verbs expressing praise in Chinese, we can find their equivalents in Russian, some differences in the syntactic structure in both languages. Here we will take the verb praise/praise as an example and compare the structures of sentences with this verb (table 1):

Table № 1. Peculiarities of Syntax in Russian and Chinese

Structure of syntax	Russian	Chinese
Addressee + praise + recipient	The teacher praised the students.	老师夸奖了学生。
Addressee + praise + addressed	The students are praised by the teacher.	学生被老师夸奖了。
Addressee + 把 + recipient + praise (in Chinese)	–	老师把学生夸奖了一通。
Addressee + 对 (to) + recipient + praise (in Chinese)	–	老师对学生进行了夸奖。
Addressee + receive praise + recipient	The students received the teacher's praise.	学生得到了老师的夸奖。

From the above table we can see that the difference in the structure when expressing praise between the Russian and Chinese languages is not great, but there are some differences, which should be explained:

1) In Chinese there is a structure that does not exist in Russian: who + 把 (by means of a character the complement with the meaning of direct object is put before the verbal predicate) + whom + praise.

2) In Chinese there is the structure: who + 对 (k) + whom + praised, which is also absent in Russian.

In order to determine the linguocultural potential of the subject of our study, the verbs of speech influence, against the background of their Chinese counterparts, let us focus on the dominant verbs of the verb synonymous with the verb *to praise* in the contexts associated with such a concept as excessive praise, also known as *flattery*.

We analyze their linguocultural features according to the following criteria: social distance between the interlocutors, “relative power” of the addressee and the recipient [Ron Scollon, Suzanne Wong Scollon and etc., 2012: 45-67], “facial theory” [Brown P., Levinson S. C., 1987: 13], the principle of cooperation, rules of politeness [Leech Geoffrey 2016: 79-84], as well as culture of behavior and cultural attitudes.

In the present study social status and “relative power” between the addressee and the addressee of speech acts are grouped according to three parameters:

1. The social status of the speaker is higher than that of the listener:

“The bosses **praised** Yelena, marked her as a diligent and capable girl” [Ludmila Ulitskaya. Kukotski's case: Journey to the seventh side of the world (2000), NKRY]. In this example, the sides of communication are in the relationship “boss – subordinate” and the social status of the chief is higher than Elena's.

2. The social status of the speaker is equal to the social status of the listener (acquaintances or colleagues), e.g.:

“Giovanni and Beppo **praised** their buddy vigorously, Brigitta was silent, but her eyes expressed admiration.” [N. N. Alekseev. The “Foreigner” (1900), NKRY]. In this example, when expressing a compliment, the relationship between the addressees

(Giovanni and Beppo) and the recipient (buddy) is friendly, the social status and social distance of the persons in this sentence are approximately the same.

“Vasily Lvovich had to swear to his pals five times a day that he was not at all guilty, but his pals, **flattering** his self-esteem, called him a celadon, a phoblaz, and sneered.” [Y. N. Tynyanov. *Pushkin (1935-1943)*, NKRY]. In this example, when expressing flattery, the relationship between the addressees (buddies) and the addressee (Vasily Lvovich) is just as friendly, and the social status and social distance of the characters are approximately the same.

3. The social status of the speaker is lower than that of the listener (student – teacher, or children – parents, or subordinate – superior), for example:

“I also dare to add that any layman, in order to achieve the rank of an officer, will not refuse to **flatter** the passions of his superior and use other low ways to win his favor.” [V. Y. Shishkov. *Yemelyan Pugachev. Book One. Ch 1-2 (1934-1939)*, NKRY]. In this example a *raznochinets* flatters his superior, and it is obvious that the former has a lower social status than the latter.

We may say that in the examples with the verb *to flatter* the social status of the speaker is lower than that of the listener, while in the examples with the verb *to praise* the social status of the speaker is higher or equal to that of the listener.

The verbal action “to praise” is closely related to the cultural attributes of the people. According to the theory of strong and weak communicative cultural environment put forward by the anthropologist Jia Yuxin, “China belongs to the strong communicative culture.” [Jia Yuxin 1997: 228-230]. An obvious feature of this culture is that “when communicating, language carries less information and more information is contained in social culture, context, and even the communicators themselves.” [ibid], because the core of Chinese cultural values is collectivism, which is inseparable from the economic structure of China, where agriculture and Confucianism dominate.

In Chinese culture praise corresponds to the “face theory” — “face” is the ‘personal image’ that each ordinary person earns for himself in the eyes of the public. [Brown P., Levinson S. C., 1987: 13]. It is thought that “face” is a basic need of ordinary people, and that politeness is a “rational behavior” that ordinary people adopt

to satisfy their need to preserve face, that is, they use certain speech strategies to preserve face for both sides of the conversation. “Face” in this theory can be divided into “negative face” and “positive face”. “Negative face” is understood as a desire that “others do not impose their behavior or interfere with the behavior of the individual”. “Positive face” correlates with the desire that “the individual's behavior be approved by others” [Brown P., Levinson S. C., 1987: 13]. The party with less power is often flattered by the party with more power, since the Chinese people's respect and awe for the party with relatively more power has remained unchanged for thousands of years. The idea of “上尊下卑，卑己尊人” (master status is noble and servant status is low; put yourself below and others above) [Jia Yuxin 1997: 230] limits Chinese communicative behavior. It has become the norm of official culture for a person of lower status to flatter a person of higher status, satisfying their superiors' need for a “positive face”.

In Chinese culture it also corresponds to the theory of “positive face” [[Brown P., Levinson S. C., 1987: 13], according to which chiefs praise their subordinates, because such behavior demonstrates the correctness of the chief's leadership and instructions, as well as increases his social reputation. A compliment creates a “positive face” for both speaker and listener, according to the principles of cooperation and politeness in verbal communication and is an important speech act to alleviate social awkwardness and achieve positive social interaction. In addition, Russians tend to express compliments more directly. For example, “Well done!”, “Umnitsa!” and “Bravo!” are often found in the speech of native Russian speakers. On the other hand, the Chinese tend to give a reason why they want to praise before saying a compliment. For example:

«在万家团圆的幸福时刻，我们不能忘记，有一群铮铮傲骨的钢铁英雄，他们驻守在祖国边疆，忍受着恶劣的环境和无尽的孤独，保卫祖国的锦绣河山，守护我们的幸福家园，无论是海岛荒漠还是雪山冰川，他们御敌守边，艰苦奋斗，在危险面前挺身而出，无私无畏，捍卫国家主权，这种精神值得我们每一个人赞扬» [http://corpus.zhonghuayuwen.org]。

“In the happy moment of family reunion, we cannot forget that there is a group of proud steel heroes, who are stationed at the frontier of the motherland, enduring the

*harsh environment and endless loneliness, defending the country's beautiful rivers and mountains, guarding our happy home, whether it is the island desert or snowy mountains and glaciers, they defend the enemy and guard the frontier, struggling hard, standing up in front of danger, selfless and fearless. This spirit is worthy of **praise** from every one of us”* [<http://corpus.zhonghuayuwen.org>].

In this example, the speaker first explains the reason for praising the characters and only then states the purpose of the praise. This is done so that the audience agrees that the act of praise committed by the speaker is correct.

The results of this section are presented in the following table (table 2):

Table № 2. Linguocultural Potential of Verbs in Russian and Chinese

Peculiarities of linguocultural potential	Russian	Chinese
Similarities	1) In the examples with the verb <i>to flatter/to praise</i> , the social status of the speaker is lower than that of the listener, while in the examples with the verb <i>to praise</i> the social status of the speaker is higher or equal to that of the listener. 2) The verb <i>to flatter</i> has a pejorative connotation.	
Differences	<i>To praise/to flattery</i> + for what (usually the speaker explicitly expresses praise)	<i>Why + to praise/ to flatter</i> (usually the speaker first explains the reason for the praise and then implements the praise action)

Thus, on the side of semantics, the verb units under study realize their lexicographic meanings in both Russian and Chinese, except for some verbs, which express contextual meanings. Syntactic differences are presented in Table 1.

From the side of the features of speech acts and linguocultural potential, praise is an action aimed at bringing pleasure to another person and making him/her feel comfortable (to have a “positive face”), mostly in accordance with the principle of politeness. To achieve a certain goal, to insincerely and excessively praise others is already a speech action called flattery, which, although it does not violate the rules of politeness and does not harm the “face” of the recipient, but can to a certain extent harm the “face” of the addressee.

Russia has a weaker communicative culture, that is, the speaker usually expresses praise directly. China, on the other hand, belongs to a strong communicative culture. As a rule, the addressee first lays down the basis of the compliment, the reason why he wants to praise, and then performs the action of praise. Of course, the differences between the two cultures in this regard are not always exactly that, it is only a question of general developmental trends.

3.2. Verb units of the Synonymic row with the Dominant *to scold* in the Mirror of the Chinese Language

Based on the explanatory dictionaries of modern Chinese and bilingual Russian Chinese dictionary the synonymic series of Chinese verbs of speech influence with the general meaning ‘to scold roughly; to call insulting, rude, swear words; to speak disapprovingly about someone, something; to criticize sharply’ may be presented as follows:

1) 4 verbs expressing the semantics ‘to call/call rude, swear words, express disapproval’: 责骂 zé mà, 斥责 chì zé, 怒斥 nù chì, 叫骂 jiào mà;

2) verb expressing the meaning ‘to swear at someone with swear words used in strong anger, indignation’: 咒骂 zhòu mà;

3) 9 verbs with the meaning ‘to scold insultingly’: 辱骂 rǔ mà, 诋毁 dǐ huǐ, 污蔑 wū miè, 诽谤 fěi bàng, 指摘 zhǐ zhāi, 褻渎 xiè dú, 痛骂 tòng mà, 贬低 biǎn dī, 中伤 zhòng shāng;

4) 4 verbs with the general meaning ‘to scold long and persistently, to scold strongly’: 骂 chòu mà, 大骂 dà mà, 痛斥 tòng chì, 痛骂 tòng mà;

5) 2 expressions with the semantics ‘to call something offensive, a swear word’: 用下流话骂, 用粗话骂;

6) 3 verbs with the definition ‘to scold harshly, to scold sharply’: 苛责 hē zé, 痛批 tòng pī, 挑剔 tiāo ti;

7) 7 verbs expressing the meaning ‘to reprimand, admonish, admonish someone for something, strictly admonish’: 责备 zé bèi, 申斥 shēn chì, 训诫 xùn jiè, 训斥 xùn chì, 谴责 qiǎn zé, 责问 zé wèn, 抢白 qiǎng bái;

8) 4 verbs with the semantics ‘to ruin, discord, reprimand someone’: 叱喝 chì hè, 怒叱 nù chì, 叱责 chì zé, 叱骂 chì mà;

9) 3 verbs with the meaning: ‘suddenly scold someone sharply’: 抨击 pēng jī, 攻击 gōng jī, 猛批 měng pī.

Thus, this synonymic series in Chinese is represented by 35 verb units and 2 verb word combinations. It can be argued that the main meaning of the verb scold in Chinese is “责骂 zé mà”, and all its synonyms are united by this main meaning. In other words, in the Chinese national consciousness to scold someone means ‘to express discontent’. It is worth noting that the Russian verbs callous, and bilk do not have corresponding verbal units in the Chinese language, where they are interpreted with the help of verb combinations.

Let's look at some examples for each synonymic link.

- 孩子做错了事, 应该对他讲明道理, 耐心教育, 不要声色俱厉地责骂。(If your child does something wrong, you should discuss it with him and patiently teach him, not scold him.)

In this example, the verb 责骂 (to scold) means ‘to scold someone with harsh or rude words’. In Chinese texts, this verb is usually used in situations where parents scold their children, bosses scold their subordinates or teachers scold their students.

- 我白操一会子心，倒惹的万人咒骂，不如且自家养养病 [红楼梦]。(Instead of worrying about the affairs of a large family and making everyone curse me, I would rather do nothing and stay home to recover from illness) [Dream in the Red Terem]

In this example, the verb 咒骂 (to curse) means ‘to curse someone with evil words’, emphasizing the speaker's degree of malice toward the listener. When the act of helping others brings on curses, the Chinese do not react positively to such curses, but calmly cease to show enthusiasm for the affairs of others. There is an expression in Chinese, “It is better to do nothing than to make more than one mistake”, which to some extent reflects the Chinese attitude toward the world. Of course, this attitude of doing nothing to avoid being scolded is considered negative, but it is deeply rooted in the Chinese mind and is closely related to such a trait of the Chinese character as avoidance of conflict.

- CNN 主持人卡佛提辱骂华人是 “呆子和暴徒”，激起华人的愤慨 [百度汉语]。(CNN host Cafferty called Chinese people “morons and thugs”, causing outrage) [Baidu Chinese].

The verb 辱骂 (to call names) has the meaning of ‘insult and abuse and refers to insulting sb. with harsh or angry words’. In the Chinese national consciousness, insults have no justification, and such words often provoke fierce resistance from the listener.

- 我遭到新闻记者的臭骂，他们以为我背叛了 [百度汉语]。(I got many barbs from journalists who thought I betrayed them) [Baidu Chinese].

The analogue of the Russian verb *to bite* is often used in Chinese in the form of the verbal noun 臭骂 (spikiness) to express the meaning of ‘to scold severely, scold strongly’, emphasizing the severity of scolding. In a general sense, taunt is an irrational act, a reckless scolding of the listener on the part of the speaker, seized by displeasure.

- 作为贴身女仆和缝纫女工，亚森的母亲受尽伯爵夫人的苛责与侮辱 [百度汉语]。(As a servant and seamstress, Arsen's mother endures the trimming and humiliation of the countess) [Baidu Chinese].

The analogue of the Russian verb *trim* is also used in Chinese texts as the verbal noun 苛责 (trim), meaning ‘to rebuke someone l. too harshly, to demand too much’.

This speech affect is usually perceived as an unreasonable criticism of the speaker to the listener out of malice.

- 帝谴责钩弋夫人，夫人脱簪珥叩头 [史记，外戚世家]。(When the emperor reprimanded Lady Guo Yi, she took off her hairpin and bowed) [Historical Records, Family of the Emperor's Concubines].

The verb 谴责 (to reprimand) means ‘to make a stern complaint about someone's absurdity or improper policy’, with a solemn undertone. In Chinese texts, the verbs in this synonymic link are most often used as a formal rebuke or even a disciplinary action by a superior against a subordinate. There is a large class gap between the speaker and the hearer. The effectiveness of such verbal influence is most easily realized.

- 她一直追着棺材，哭到胡同口，才被四大爷叱喝回来 [老舍. 四世同堂]。(She ran after the coffin and cried all the way to the entrance of the alley until the Fourth Baptist began to scold her back) [Lao She. Four Generations in One Family]

The verb 叱喝 (scold) can be interpreted as ‘to shout and scold sb.’, emphasizing the tone of the speaker's voice when performing this action — a loud voice, with a distinctly humiliated intonation. (This example emphasizes the exalted position of men — men can control women and even forbid them to express their grief). In Chinese texts, the subject of this action is often a man.

- 朋友都说自己是真诚的，其实，敌人才是真诚的。所以，我们应该把敌人的抨击，指责作为苦口良药，以此更多地了解自己 [汉邦字典]。(Friends say they are sincere, but enemies are really sincere. So, we should use the attack and accusation of our enemies as a bitter medicine to learn more about ourselves) [Hanban Dictionary].

The counterpart of the Russian verb attack is often used in Chinese as a verbal noun 抨击 (attack) to mean ‘to use words or speech to sharply refute or attack sb. or a certain point of view’. It is mostly used in situations where the speaker and the listener are in a hostile relationship.

Thus, the analysis of SR with the dominant word scold allows us to identify the core and periphery of the synonyms considered in this section. Taking into account the frequency of the verb's use in the NKRY (the frequency of the verbs with the semantic

‘scold’ is considered here more than their general frequency of use in the NKRY) and the opinions of native speakers, the core of the studied synonymic series are *to scold*, *to chide*, *to reprimand*, *to curse*, *to admonish* (5 units). At the near periphery are *to denigrate*, *to revile*, *to berate*, *to yell*, *to shout*, *to blaspheme*, *to abuse*, *to attack*, *to pounce*, *to gibber*, *to beat up*, *to iron*, *to call one's name*, *to fuss*, *to roughen*, *to slander*, *to flog* and *to sneeze* (18 units), and at the very edge — *to bark*, *to scathe*, *to work through*, *to trim*, *to dishonor*, *to honor*, *to bite*, *to bone*, *to inveigh*, *to bastardize*, *to fluff*, *to chastise*, *to pull through* (13 units).

The main verb *to scold* was analyzed with the greatest number of semantic details. Other verb units were singled out according to their semantic orientation, stylistic coloring, context of use and even the relationship between communicative parties. The members of this synonymic series refer to subjects of all genders, who are mostly adults. However, female subjects use these verb units more frequently than male subjects.

All the units of this synonymic series are transitive verbs, except for the verbs yell, attack, throw, scream, bark, gouge and reprimand: the verbs *to yell*, *to attack*, *to pounce*, *to shout*, *to bark* and *to chastise* may be combined with the construction on whom, the verb *to reprimand* may be combined with the construction on whom.

As for analogical variants of these verbs in Chinese, all verbs have corresponding verb units, except for the two verbs call *to bastardize* and *to call a bastard*. When expressing the meaning ‘to call someone a bastard’, the verbs *to call a bastard* and *to bastardize* are translated into Chinese as the same expression and not a verb. When presenting the Russian verbs of this synonymic series to the Chinese audience, it is necessary to present the existing use of each unit in the consciousness of the speakers of Russian linguoculture and comment on the differential semantics, evaluative coloring and stylistic features contained in their functional semantics, with the verb units on the very periphery suggesting that they are treated as a passive stock.

The main concept of the synonymic series considered in this section is “swearing”, and the close analogues are “censure”, “reproach”, “criticism” and “slander”. Next, we will analyze the linguocultural characteristics of the main verb unit scold from the

perspective of the social status of the addressee and the addressee, their relative power, their degree of proximity and the theory of “face”.

1. The social status and relative power of the speaker is higher than that of the listener. For example, elders to younger ones, bosses to subordinates. E.g.:

- “Only my mother **scolds** me, that I am absent at night, that I am too often drunk in Indian summer, in Indian summer...” [Semyon Kaminsky. *Sweet Joys of Indian Summer* (2015), NKRY].
- “Tamara felt it and tried different ways to please her daughter: she spoke to her affectionately, tried not to **scold** her, bought her expensive tights.” [Alexandra Popova. *Angel on a sheet* (2015), NKRY].
- “Soon Krymov was taken out of the general cell into the corridor, and the commandant began **scolding** the sentry: —I told you in Russian, why the hell did you put him in the general cell? Well, why are you so glaring, do you want to go to the front, eh?” [Vassiliy Grossman, *Life and Fate* (1960), NKRY].

In the first two examples it is a mother scolding her children, and in the last example it is a boss scolding a subordinate. We can say that the speech influence of the speaker on the listener is more effective when the social status and relative power of the speaker is higher than that of the listener, and the speaker is essentially fulfilling the speech intention. It is worth noting that when the speaker and the listener are in an older-lower relationship, the verb *to scold* can indicate good-natured scolding, which may come from the care and love of the older for the younger. In contrast, scolding in a relationship between a superior and a subordinate is often an angry verbal influence.

2. The social status and relative power of the speaker is equal to the status and relative power of the listener. For example, between friends, between colleagues, between spouses. E.g.:

- “Zueva **scolded** her friend for her stupid decision to move to the dorm.” [V. M. Shapko. *Plugotarenko's Fun Syndrome* (2016), NKRY].
- “Malanya was thrashing about, blathering, cursing her husband with the vilest **scolding**; but this only added fuel to the fire.” [S. T. Semenov. *Gavrila Skvortsov* (1904), NKRY].

When the speaker and the listener are in relatively equal social statuses, the speaker's verbal influence on the listener is often accompanied by intense emotional recoil and arguments, and the speech influence on the listener is often accompanied by a certain resistance.

3. The social status and relative power of the speaker is lower than that of the listener. For example, children scold their parents, people scold their leaders, etc.:

- “Only under extraordinary circumstances does the weak **scold** the strong, and this is the courage of despair.” [V. T. Shalamov. *Kolyma Tales (1954-1961)*, NKRY].
- “—Why do you, old cunt, **scold** our comrade Lenin?” [A. M. Titov. *Dormitory of Writers (2015)*, NKRY].
- “— Not yet enough to notice you all sorts of nonsense! But I **scolded** my mother. Why not just say, ‘Lenochka, we need cups, and please don't put the bucket here, but put it there.’” [Yuri Trifonov. *The Exchange (1969)*, NKRY].

Usually, children swear at their parents out of the goodness of their hearts (children use rebuke as a way of expressing a pressing concern for their parents), but they can also do it out of resentment. We found that, except for children swearing at their parents, the verbal impact of swearing in situations where the social status and relative power of the speaker is lower than that of the listener is quite weak. The emotional state of the speaker in such scenarios is usually one of calm determination rather than exuberance.

A very common scenario in Russian texts is the condemnation of political leaders by the people. Let us turn to examples:

“Just don't **scold** the Soviet power, as Yesenin did.” [Arkady Matsanov. *Master and Apprentice (2016)*, NKRY];

“Gorelov complained that she was **scolding** the authorities, but with what words, he could not inform - the criticism was in French.” [Guzel Yakhina. *Zuleikha opens her eyes (2015)*, NKRY];

“Only in the kitchen, where, out of habit, they continued to **scold** the authorities. They cursed Yeltsin and Gorbachev. Yeltsin for changing Russia.” [Svetlana Aleksievich. *Vremya second-hand (2013)*, NKRY].

Unlike Russian texts, there are few examples in Chinese texts in which ordinary people berate modern political leaders.

Contexts show that in most cases the act of rebuking the speaker to the listener is emotionally damaging to the latter. This is clearly seen when the situation unfolds in public or in the presence of others. The exception is when the speaker scolds the listener in good faith.

In Chinese culture, there is a saying, “Be hard on yourself and lenient on others.” This corresponds to the basic Chinese culture of communication. Unlike the Russians, the Chinese are more inclined to berate others behind their backs than to directly accuse others of their shortcomings. According to the Chinese, blaming others to their face may seem unacceptable and thus hurt themselves, which does not contribute to a positive social image.

We have argued that in both Russian and Chinese, praise permeates the entire process of human interaction through which the speaker can achieve all of his or her life goals in the process of speech. Whether it is a request or persuasion, a promise, a command or a greeting, praise plays an important role. Even in a group that indicates negative speech impact, scolding, ridicule, etc., the speaker can express scolding or ridicule in the form of praise, which can be said to contribute to the realization of the speech impact, the speech goal of the speaker. Let us explain by examples:

- Seemingly praise, but actually scolding (sarcastic context):

“Suddenly a warm compliment from the caretaker comes from afar: How cleverly you got into the zoo through the side door!” (a rebuke for avoiding paying the ticket).

忽然，远处传来管理员热情的赞美：你从侧门进入动物园的方式多么巧妙啊！你是怎么做到的？

- It seems to be scolding, but actually praising:

“Grandma wakes up in the middle of the night and sees that her granddaughter is still studying, so she scolds her: can't you just go to bed! It's late! Do you want to study the whole semester in one night?” (This rebuke is caused by concern for the listener, but it actually confirms her diligence).

祖母半夜醒来，看到孙女还在学习，就骂她：你就不能去睡觉吗！？都这么晚了！你想在一个晚上学完整个学期的课程吗？

- Praise in suggestion after rebuke:

“Although he did not play well throughout the match, Yukihiro Hanyu did well in the end.” (The praise is expressed in the background of the rebuke).

虽然羽生结弦在整场比赛中发挥得并不好，但他最终还是扳回了一局。

- The rebuke in the sentence after the praise:

“The children took part in a practical class on washing their own clothes. The life teacher praised Ming and said: —You washed the bear on your sweater so well! It would have been better if you had washed the cuffs too, so the teacher could only give you four little red flowers instead of five.” (Rebuke expressed amidst praise).

孩子们参加了一个关于自己洗衣服的实践课。生活老师表扬了小明：“你把毛衣上的小熊洗得真干净！如果你把袖口也洗了就更好了！因此老师只能给你四朵小红花而不是五朵。

In the above examples, we have considered the verb as a linguistic concept, thereby considering the possible relationship between the two concepts. Although praise and scolding in the examples are not necessarily in the form of verbs (especially translated from Chinese into Russian), the relationship between the two concepts does exist.

It can be said that, according to phraseological dictionaries, the negative fields in all Slavic languages are larger than the positive ones. The associations of the negative synonymic links are much richer than in the positive ones. For example:

1. Verbs *to bite* – *to inveigh* – *to roughen* – *to bark* are built on associations with a dog (bone – food, hair – appearance, bark – the voice of a dog). Human scolding is similar to dog barking — this is one of the most unpleasant, causing severe irritation, sounds in the Russian mentality according to the dictionary “Slavic Antiquities”.

2. With words with a negative denotation: *hai*, *hula*, *vice*, *bastard* — these are synonymous links *to blaspheme* – *to abuse* – *to denigrate* – *to bastardize*.

3. With verbs denoting everyday household chores: *to iron* — to iron with an iron; *to sand (to gibber)* — to rub with sand, like the black bottom of a scorched kettle; *to bake (to flog)* — from the root to bake (heat) like in an oven, etc. In Chinese there are no such associations.

In Chinese, it is difficult to determine the inner form of verbs and difficult to associate verbs with any specific objects or phenomena due to the abstract nature of Chinese people's thinking. For example, the verb *to boast* in Chinese as— 吹嘘 (to blow slowly), the verb to exalt 抬举 in Chinese as to lift whom, what l. with both hands. The verb denigrate 挑剔 in Chinese, to hurt, such as to break the bones and scrape the pulp, etc.

During the analysis we were able to find that verbs can be compared by (a) axiological characteristics (life – death, health – disease, praise – scolding). In our material the verbs *to flatter*, *to brag* in Russian with a negative evaluation, and in Chinese they can be with a positive evaluation; b) by image, or by internal form — *to iron* (to use words hot as iron), etc.; c) can be compared by evaluation, by the form of the meaning of praise and censure.

We found 1) a small group of verbs that match completely (*to praise* and *to scold* in the dominant position) (absolute equivalents); 2) a small group of verbs that are lacunas in relation to the Chinese (such as *to bastardize*, *to call names*) (lacunas); 3) the remaining verbs can be referred to analogues or partial equivalents (analogues).

CONCLUSIONS III

The comparison shows that in both Russian and Chinese there are more verb units with negative meaning than those expressing positive meaning.

As for the internal form of the verb, the verb units in Russian are rich in associations. The verb praise represents the concept of *praise*; the verb *to distinguish* is associated with greatness; the verb *to idealize* corresponds with the concept of *ideal*; the

verb *to commend* represents the concept of honor, etc. The members of the synonymic series with the dominant *to scold*, e. g. *to bone – to inveigh – to roughen*, this link is built on the association with a dog (a dog's bone/food/lay). Human scolding is similar to dog barking — it is one of the most unpleasant, causing severe irritation, sounds in the Russian mentality. RV verbs demonstrate the connection with unvoiced verbs of speech: *bramble, shout, yell, bark* — these are synonymous links *to shout – to yell – to bark*. With words with a negative denotation: *hai, hula, vice, bastard* — these are synonymous links *to blaspheme – to abuse – to denigrate – to bastardize*. With nouns denoting the concept — to make better, cleaner from pain: *to iron* — to iron with an iron; *to sand* — to rub with sand, like the black bottom of a burnt kettle; *to bake* — from the root to bake (fry) as in an oven, etc. But in Chinese, there are no such associations.

In Chinese, it is difficult to associate the verbs under study with the Chinese national psyche because of its abstract internal form. Very few verbs, such as the verb 谄媚 (*to flatter*), can be associated with women, which means that most people who flatter have a feminine way of doing things or indicate that women are forced to flatter men because of their inferior status. The verb 臭骂 (*to bone*) can be associated with a bad smell. The verb 痛骂 (*to roughen*) may be associated with pain, but unlike in Russian, this pain refers to a deep degree.

From the perspective of the features of speech acts and linguocultural potential, praise is an action aimed at pleasing another person and making him or her feel comfortable (having a “positive face”), mostly in accordance with the principle of politeness. To achieve a certain goal, to praise others insincerely and excessively is already a speech act called flattery, which, although it does not violate the rules of politeness and does not harm the recipient's “face”, can, to a certain extent, harm the addressee's “face”. On the contrary, in most cases the act of rebuking the speaker to the listener causes emotional damage to the latter. This is clearly seen when the situation unfolds in public or in the presence of others. The exception is when the speaker scolds the listener out of the best of intentions.

Russians are much better at expressing praise than the Chinese. Such expressions as “clever girl”, “excellent”, “good”, etc. are often found in Russian speech, while in Chinese there is no equivalent of the same part of speech. The Chinese are asked to express satisfaction or praise, which has become the standard for evaluating a person's behavior and the dominant culture, but praise is not common in private life. Also, the Chinese are not allowed to express dissatisfaction or scold someone or something in many official situations, so the verb scold in Chinese is more often used between close people. In Russian, on the other hand, the object of scolding may be a political figure in power, that is, verb units with the dominant verb scold may be used in political discourse in Russian, but in Chinese these verbs are almost never used in political discourse.

When presenting Russian RV verbs to the Chinese audience, it is necessary to present the existing use of each unit in the consciousness of the speakers of Russian linguoculture and comment on the differential semantics, evaluative coloring and stylistic features contained in their functional semantics, as well as to draw attention to the systemic relations and frequency of lexical units' use. Verbal units at the very periphery suggest treating them as a passive stock.

CONCLUSION

The functional-semantic method of research demonstrates the need for a comprehensive consideration of the linguistic system of verbs of speech influence, their structure and usage. Paradigmatic relations of verbs are significantly reflected on the lexical level and provide an opportunity of semantic hierarchical classification of units. The verb as a central predicate form the possibility of its semantic valency accompanied by actants. Verbs enter into syntagmatic relations with the help of actants, and their lexical meaning is realized in specific contexts.

At present, there is no uniformity in the naming of terms related to lexical associations in linguistic research. The present study is focused on the terminology of L. G. Babenko and relies on the concepts of *lexico-semantic field*, *lexico-semantic group*. These terms denote a lexical field of paradigmatic type within which lexical units are bound by an invariant identifier of common meaning. The verb of speech affect may be included in the lexical system of the Russian language primarily in the subfield of verbs of speech, which may be subordinated to the field “action and activity.

All semantic variants of the lexical-semantic group of verbs of speech affect can be interpreted with the help of verbs to speak/say, to utter/spell and to inform/message. This creates a lexical set of verbs of speech influence with these three basic verbs as the core and other lexical semantic variants as the periphery. Since the members of the whole lexical-semantic group can be divided into smaller lexical associations (synonymic rows), the notions of synonymy, synonymic series and dominant are crucial in this study for the taxonomic study of verbs of speech affect.

This study adopts the traditional definitions of synonym, synonymic row and dominant word, also specifies that the synonymic series includes not the word itself, but lexico-semantic variant of the word, supplementing the definition of dominant word — within the category of semantic synonym the dominant word can be considered as a true subset of other members of synonymic series, on the basis of which it was built.

The lexico-semantic group of verbs of speech influence as an important means of realizing a certain intention can be expanded from the 54 semantic variants recorded in dictionaries to 233. The object of this study is verbs containing the seme 'praise' and verbs containing the seme 'scold'. These units are the two most important lexical combinations of verbs of speech affect, which cannot be ignored. From the listener's point of view, these two groups of verbs represent a high degree of psychological demand in the first case and a high degree of psychological resistance of the speaker in the second case, and they constitute a certain 'balance' of human speech activity.

In Russian there are more than twice as many words for censure than for praise. Verbs of speech affect in synonymic rows with the dominant *to praise* were expanded from 3 to 23, and verbs of speech influence in synonymic rows with the dominant *to scold* — from 9 to 36. The multi-member nature of the studied synonymic rows requires their segmentation in the form of synonymic links. If synonymic links are established between semantically closer members, the concept of amplitude is considered when determining the semantic proximity between members.

The functional-semantic analysis of two synonymic rows of verbs of speech affect showed that each of them is characterized by its own parameters. From the point of view of the practical relevance of this study, as well as for further familiarization of foreign students with these units, it is advisable to group these parameters as follows: features of syntagmatic relations, semantic features of verbs, paradigmatic features, stylistic features and linguocultural features.

As for the actant-subject structure, the most important actants of the verbs of speech affect under study are the addressee (the speaker) and the recipient (the listener). In rare cases, usually in business contexts, the recipient may be replaced by the name of a body or organization, for example, *to chastise* on the organizing committee.

Syntagmatic connection of verbs of speech influence contributes to implicit semantics, e.g., hiding faults or scandalous behavior (to the verb *to magnify*), ingratiating to whom (to the verb *to boast*), care for whom I. (to the verb *to chide*).

In those cases where some verbs can be used as verbs of verbal affect, verb control, not recorded in existing dictionaries, appears in the studied texts, e. g. *to bark/ to*

chastise at whom; *to bone* whom about what. Another verb that deserves attention from the point of view of grammatical peculiarities in its use in the sense of the RV verb is *to reprimand*, which is not used as a transitive verb in the context of implementing the lexico-semantic variant ‘scold’, the control relation of which is *to reprimand* whom.

Some verbs are restricted to certain objects, e.g., *to glorify*, *to magnify*, *to chant*, etc., which have a weaker speech effect. The recipients of the verbs *to beat up*, *to chastise* are usually persons who have a lower status or relative power than the addressees.

The general semantic characteristic of the various synonymous series of verbs of speech affect is that they induce sb. to do something or put sb. into a certain emotional state by means of speech. The speech impact of verbs with the dominant verb *to praise* is positive, and the emotions of the listener are positive. The speech impact of verbs with the dominant verb *to scold* is negative, as well as the listener's emotions are negative. It is important to emphasize that the boundaries of verb classification are not quite clear and that some verbs may be present in both synonymic series under study, which is due to the overlap of verb paradigms, so lexical and semantic variants are an important basis for identifying members of the synonymic rows of verbs.

The verbs of speech affect under study are studied as synonymic rows, so the paradigmatic features of the object of study are reflected in synonymic relations. The members of the two studied synonymic series are in antonymic relations. According to the existing dictionaries of synonyms, there are practically no homonymic words in the synonymic series with the dominant *to scold*, which is one of the difficulties in presenting this verb association to a foreign audience.

In the present study, the same verb may appear in different synonymic series due to its different semantic variants. Verbs *to laud*, *to magnify*, *to honor*, etc. may be members of a synonymic row with the dominant *to praise* and a synonymic row with the dominant *to scold*. This reflects the overlap of the lexicon in the paradigmatic connection and once again confirms the indispensability of the syntagmatic connection for the study of lexical semantics.

In the texts studied, there are many instances in which members of synonymic ranks are used in parallel. In situations where synonyms are used in superposition, the semantic meaning conveyed by the speaker is gradually deepened and the emotional impact conveyed to the listener is gradually intensified. This is done to enhance the speaker's speech impact on the listener.

Stylistic markers can be considered an important indicator for distinguishing synonyms. Sometimes style serves as the only indicator of distinction between units. Stylistic differences are crucial for choosing the context in which a verb is appropriate. The members of the synonymic series of verbs of speech impact may have quite different stylistic properties. For example, in a synonymic row with the dominant *to praise*, the distinctive stylistic markers are *officious*, *poetic*, and *rhetorical*, while in a synonymic series with the dominant *to scold*, the distinctive stylistic markers are *vulgar*, *familial*, *derogatory*, and *rude*.

The dominant words in the synonymic rows *to praise* and *to scold* represent two contradictory communicative scenarios: praise and blame. Russian speakers are much better at expressing praise than the Chinese. Such expressions as “clever girl”, “excellent”, “good”, etc. are often found in Russian speech, while in Chinese they have no counterparts in the same part of speech. The Chinese are asked to express satisfaction or praise, which has become a standard for evaluating human behavior and mainstream culture, but praise is not common in private life. Also, Chinese are not allowed to express dissatisfaction or scold sb. or sth. in many official situations, so the verb *to scold* in Chinese is more commonly used between close people.

The prospect of further research is to develop the structure and vocabulary of a training dictionary of Russian verbs of speech affect for the Chinese audience.

REFERENCE

1. Abakumov S. I. Textbook of Russian Grammar. Part 1. Phonetics and morphology. Moscow: Gosizdat, 1924. 64 p.
2. Avilova N. S. et al. Russian grammar: [In 2 vols] / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language; [Edited by: Dr. of Philology N. Y Shvedova (chief editor) and others]. Part 1: Phonetics. Phonology. Acclamation. Intonation. Word formation. Morphology / [N. S. Avilova, A. V. Bondarko, E. A. Bryzgunova et al.]. Moscow: Nauka, 1980. 783 p.
3. Admoni V. G. Grammatical system as a system of construction and general theory of grammar / V. G. Admoni. L., 1988. P. 77-78.
4. Anipkina L. N. Estimated utterance in the pragmatic aspect. Philological Sciences. 2000. № 2. P. 58-66.
5. Antomonov Y. G., Kharlamov V. I. Cybernetics and life. M., 1968. 327 p.
6. Apresyan Y. D. Selected works. Part 1. Lexical semantics. Synonymic means of language. 2nd ed. amended and supplemented. M.: Languages of Russian culture, 1995. 472 p.
7. Apresyan Y. D. Human image according to language data: An attempt of system description // Voprosy lukoznaniya. 1995. № 1. P. 37-68.
8. Apresyan Y. D. The problem of synonyms // Voprosy lukoznaniya. 1957. № 6. P. 84-88.
9. Apresyan Y. D. Experimental study of the semantics of the Russian verb. Moscow: Nauka, 1967. 251 p.
10. Balashova L. I. Synonymic series in the "Complex dictionary of the Russian language for students of secondary schools" // Actual problems of modern lexicography. Vocabulary work in the university and school. Astrakhan, 1999. P. 21-29.
11. Bacevich F. S. Functional-reflexive study of vocabulary (on the material of Russian verbs). Lvov, 1992. 71 p.

12. Belinsky V. G. Review: Dictionary of Russian Synonyms // *Otechestvennye zapiski*, 1840, vol. XI, no. 7, otd. VI.

13. Belov V. A. The implementation of theoretical approaches to synonymy in the methodology of Russian language // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 1 (170). P. 96-101.

14. Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaya E. A. et al. Modern Russian language. 2nd ed. amended and supplemented. M.: Vyssh. shk. 1989. 800 p.

15. Bertalanffy L. von. *Studies in the General Theory of Systems*. Moscow: Progress. 1969. 28 p.

16. Blakar R. M. Language as an instrument of social power // *Language and the modeling of social interaction*. M., 1987. P. 88-125.

17. Bogdanov S. I., Evtyukhin V. B., Knyazev Y. P. et al. *Morphology of the modern Russian language: textbook for higher educational institutions of the Russian Federation*. Spb.: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, 2009. 634 p.

18. Bogdanova L. I. The representation of the actant structure of the Russian verb in the grammar // *Baudouin readings: Baudouin de Courtenay and modern linguistics. International scientific conf. (Kazan, December 11-13, 2001): Proceedings and materials: In 2 vol. Part 1.* / Ed. by K. R. Galiullin, G. A. Nikolaev. Kazan: Publishing house of Kazan State University, 2001. P. 157-158.

19. Boykova I. V. The problem of systemicity in vocabulary // *Bulletin of Dagestan State University*. 2004. № 6. P. 61-62.

20. Bondarko A. B. *Type and tense of the Russian verb (meaning and use): handbook for students*. Moscow: Prosveshcheniye, 1971. 238 p.

21. Bondarko A. V. *Functional grammar*. L.: Nauka. Leningrad Branch, 1984. 136 p.

22. Bragina A. A. *Synonyms in literary language*. Moscow: Science, 1986. 124 p.

23. Budagov R. A. Tasks of the study of vocabulary // *Reports and communications of the Philological Institute of the Leningrad State University*, 1949. P. 103-123.

24. Budagov R. A. To the problem of stable and mobile elements in vocabulary. Ed. of the Academy of Sciences of the USSR, OLYA, vol. X, issue 2, 1951. 106 p.
25. Budagov R. A. On the Basic Vocabulary Stock and the Vocabulary Composition of the Language: Transcript of a Public Lecture / Dr. Philological Sciences Prof. R. A. Budagov; All-Union Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge. Leningrad. branch. Leningrad: [b. i.], 1952. 31 p.
26. Bulanin L. L. Difficult questions of morphology. Moscow: Prosveshcheniye, 1976. 207 p.
27. Bulakhovsky L. A. Introduction into linguistics. Part II. M.: Uchpedgiz, 1953. 178 p.
28. Bulygina T. V. In Semantic and Semantic Categories and their Relationships // Aspects of Semantic Research. Moscow: Nauka, 1980. P. 320-355.
29. Vasilyev L. M. Semantics of the Russian verb: Verbs of speech, sound and behavior. Ufa: BSU, 1981. 71 p.
30. Vasilyev L. M. Semantic classes of the Russian verb: Verbs of feeling, thought, speech and behavior: dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.00.00. Ufa, 1970. 661 p.
31. Vasilyev L. M. Semantic class of verbs of behavior in the modern Russian language // Studies in Semantics. Ufa: BSU, 1976. P. 41-64.
32. Vasilyev L. M. Modern Linguistic Semantics: Textbook for Universities in Russian Language and Literature, Applied Linguistics. Moscow: High School, 1990. 175 p.
33. Vasiliev L. M. Semantic field theory // Problems of Linguistics. 1971. № 5. P. 105-113.
34. Vasilyev L. M. On the structural organization of the lexical-semantic system of language and methods of its study // Bulletin of the Bashkir University. 2012. Vol. 17, № 1-1. P. 453-455.
35. Vinogradov V. V. From the history of lexicology // Proc. and reports of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 10. M., 1956. P. 3-16.

36. Vinogradov V. V. Selected Works: Lexicology and Lexicography. Moscow: Nauka, 1977. 312 p.
37. Vinogradov V. V. Russian language (Grammatical doctrine of the word) / Ed. by G. A. Zolotova, 4th ed. M.: Russ. yaz, 2001. 720 p.
38. Vlasyan G. R. The nature of speech impact // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2007. № 20. P. 31-34.
39. Vygonnaya L. T. To the systematic description of the Polesie names of the grounds // Polesie: Collection of scientific works. Moscow, 1968. P. 118-125.
40. Gavrilova E. C. The structure of speech impact // Bulletin of Novgorod State University. 2015. № 4-1 (87). P. 145-148.
41. Gak V. G. From the explanatory dictionary to the encyclopedia of language. Vol. XXX. Vol. 6. M., 1971. P. 524-530.
42. Gak V. G. Comparative Lexicology: on the Material of French and Russian. Moscow: International relations, 1977. 264 p.
43. Gaus K. O., Ryabova M. Y. Cognitive scenario of the concept threat verbalization in media discourse (on the material of statements of D. Trump) // Bulletin of Kemerovo State University. 2019. Vol. 21, № 1 (77). P. 164-170.
44. Gvozdev A. N. Essays on the stylistics of the Russian language. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1965. 408 p.
45. Gorbachevich K. S. On the variable nature of lexical synonymy // Lexical synonymy: Collected articles. / Ed. by Barkhudarov S. G. M.: Nauka, 1967. P. 74-78.
46. Gorlo E. A. Direct speech impact in the verse text // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2006. № 24. P. 554-563.
47. Gorlo E. A. Speech impact in a poetic text // Proceedings of the TRTU. 2006. № 2 (57). P. 34-37.
48. Gorshkova K. Y. Speech genres of argumentative discourse: persuasion and persuasion // Izvestiya Volgograd State Pedagogical University. 2018. № 5(128). P. 108-116.

49. Grice G. P. *Logic and Speech Communication // New in Foreign Linguistics*. Vol. XVI. M., 1985.
50. Grishechko E. G. Definition of the concept of speech influence and types of this influence // *Humanities and social sciences*. 2008. № 4. P. 53-59.
51. Humboldt V. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 2000. 400 p.
52. Humboldt V. *Language and Philosophy of Culture (published from 1831 to the present)*. Moscow: Progress, 1985. 451 c.
53. Guseikhanova Z. S. Cognitive-pragmatic features and contexts of functioning of statements with the meaning of “proposal” and “advice” // *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2007. Vol. 14, № 37. P. 55-61.
54. Gutsal N. A. Typology of speech acts of challenge and their discursive behavior // *Proceedings of the Russian State Pedagogical University*. 2008. № 74-1. P. 132-136.
55. Davydov I. I. *On the dictionary of Russian synonyms / [Op.] I. I. Davydov*. St. Petersburg: typ. The Imperial Academy of Sciences, 1857. 26 p.
56. Degtyareva T. A. To the problem of synonymy // *Uch. zap. T. V*, 1953. P. 23-26.
57. Denisov P. N. *The lexicon of the Russian language and the principles of its description*. Moscow: Russ. yaz, 1980. 253 p.
58. Denisov Y. N. On some approaches to the problem of singling out the dominant synonymic series // *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, issue 2 (118), 2013. P. 169-174.
59. Desyaeva N. D., Aibiatova E. V. Means, forms and functions of pedagogical speech impact // *University Herald*. 2013. № 18. P. 231-236.
60. Dimante I. V. Speech impact in the process of communication // *Proceedings of the V. I. Vernadsky Tauride National University Series “Philology. Social Communications”*. Vol. 24 (63). 2011. № 2. Part 1. P. 72-77.

61. Eugenieva A. P. On some features of lexical synonymy of the Russian language // Lexical synonymy: Collection of articles. / Ed. by Barkhudarov S. G. M.: Nauka, 1967. P. 56-74.

62. Ermolaeva I. A. Semantic classification of verbs of speech in Russian // Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature. 2017. Vol. 14, № 3. P. 362-375.

63. Zheltukhina M. R. Topological suggestiveness of mass-media discourse: on the problem of speech impact of tropes in the language of the media: monograph / M. R. Zheltukhina. Moscow: Institute of Linguistics of RAS; Volgograd: Publishing house of Volgograd branch of MUPK, 2003. 656 p.

64. Girard R. The correctness of the French language, or Different meanings of words that can be synonyms, 1718.

65. Zaliznyak A. A. The verb to speak: three etudes to the verbal portrait // Language. M., 2000. P. 381-402.

66. Zaliznyak A. A. Flattery: semantic evolution and topical polysemy / A. A. Zaliznyak, A. D. Shmelev // Constants and variables of the Russian language picture of the world. Moscow: Publishing house "Languages of the Slavic cultures", 2012. P. 388-395.

67. Zemsky A. M. et al. Russian language: textbook for pedagogical schools: in 2 parts. Part. 1. / A. M. Zemsky, S. E. Kryuchkov, M. V. Svetlaev; ed. by Acad. V. V. Vinogradov. 13th ed. revised. Moscow: Drofa, 2003. 400 c.

68. Zinovieva E. I., Gudnov R. N. Parameters of functional-semantic description of Russian verbal synonyms on the material of verbs of intellectual activity // Uchenye zapiski Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. № 5(61). P. 216-220.

69. Zubova Y. V. Synonymic rows of expressive verbs of the Russian language in the academic dictionary for foreigners: specialty 10.02.01 "Russian language": thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 2002. 243 p.

70. Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: KomKniga, 2006. 288 p.

71. Kalaidovich I. F. A brief outline of the rules for the hand dictionary of the present Russian language, with the appendix of trial sheets of the dictionary. Moscow: Univ. typ., 1826. 28 p.

72. Kalaidovich P. F. Experience of the Dictionary of Russian Synonyms / Published by the Moscow Society: History and Antiquities of Russia by the competitor and the Lovers of Russian Literature by Peter Kalaidovich. Moscow: University Printing House, 1818. 157 p.

73. Kalinovskaya V. V. Speech affect in legal discourse // Bulletin of O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy). 2020. № 1(65). P. 32-36.

74. Karaulov Y. N. Russian language and linguistic personality. 7th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2010. 264 p.

75. Kintsel A. V. Psycholinguistic mechanisms of speech impact // Izvestia Altai State University. 2013. № 2-2 (78). P. 150-154.

76. Kiriakova O. V. Actoretic potential of perlocative verbs of the modern German language // Bulletin of Bashkir University. 2013. Vol. 18, № 1. P. 102-104.

77. Kiriakova O. V. Perlocutionary verbs in modern German // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2011. № 3 (105). P. 81-85.

78. Klyueva V. N. Preface / About synonyms and synonym dictionary // Concise dictionary of synonyms of the Russian language, 2nd ed. amended and supplemented. M.: Uchpedgiz, 1961. P. 3-12.

79. Kodukhov V. I. Direct and indirect speech in the modern Russian language. L., 1957. 86 p.

80. Kodukhov V. I. Lexical-semantic groups of words. L., 1955. 28 p.

81. Kolshansky G. V. Contextual semantics / G. V. Kolshansky. Moscow: Nauka, 1980. 149 p.

82. Komarova E. A. Analysis of the tactics of demagogic speech influence (on the material of the works of F. M. Dostoevsky // Terra Linguistica. 2012. № 1 (143). P. 222-228.

83. Konnova O. V. On synonymy in French and Russian (when teaching physics and in-depth study of a foreign language) / O. V. Konnova, I. R. Shagina // Bulletin of Kalmyk University. 2018. № 1(37). P. 76-82.

84. Kosov A. B. On two directions in the study of the ratio of semantic and syntactic features of the verb // Russian verb in comparative light. Volgograd: Edited VPI, 1988. P. 186-194.

85. Kuznetsov S. A. On the category of representation of the Russian verb // Studies on Slavic languages. Seoul, 2001. № 6. P. 109-126.

86. Kuznetsova A. I. The concept of the semantic system of language and methods of its research. M., 1963. 59 p.

87. Kuznetsova A. I. Semantic relations and their historical changes in the lexical-semantic group of verbs of motion in Russian from the XI to the XX century: Author's diss. Candidate of Philological Sciences. Moscow state university. M., 1963. 21 c.

88. Kuznetsova E. V. Lexical-semantic group of words and methods of its description. Topical problems of lexicology. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk State Univ. P. 99-101.

89. Kuznetsova E. V. Lexical-semantic groups of Russian verbs / (O. P. Zhdanova, I. T. Vepreva, M. L. Kusova et al.); Scientific editor: E. V. Kuznetsova. Irkutsk: publishing house of the Irkutsk State University, 1989. 176 p.

90. Kuznetsova E. V. Lexicology of the Russian language. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 215 p.

91. Kuznetsova E. V. Preface / Lexical and Semantic Groups of Russian Verbs: An Educational Reference Dictionary. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1988. P. 3-11.

92. Lagutina A. V. Absolute synonyms in the synonymic system of language // Lexical synonymy: Collection of articles / Ed. S. G. Barkhudarov. M.: Nauka, 1967. P. 121-129.

93. Leontiev A. A. Language, speech, speech activity. Ed. third, stern. Moscow: URSS, 2005. 211 p.

94. Lomonosov M. V. Preface on the usefulness of church books in the Russian language // Lomonosov M. V. Selected works. L., 1986. P. 453.

95. Lysyakova M. V. Lexical-semantic paradigms: linguistic status, distinction criteria // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. 2005. № 7. P. 5-12.

96. Ma Mengfei. Semantics of Russian verbs with the meaning of ridicule in the mirror of the Chinese language: Abstract of thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences: speciality 10.02.01 "Russian language". Moscow, 2020. 27 p.

97. Magsumova L. I. The concept "threat" in the English-language political discourse // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016. № 11-1 (65). P. 125-128.

98. Makarova D. V. Speech behavior of the teacher in the structure of pedagogical discourse: specialty 13.00.02 "Theory and methodology of training and education (by fields and levels of education)": abstract of thesis for the degree of doctor of pedagogical sciences. Moscow, 2008. 45 p.

99. Mayasov V. E. Verbs of speech activity in Zamyatin text // Voprosy cognitive linguistics. 2011. № 3 (28). P. 121-125.

100. Mednikova E. M. The meaning of a word and methods of its description. M., 1974. 202 p.

101. Mirzoeva M. M. Lexical-phraseological synonymy in the works of S. Aini: Author's abstract of the dissertation ... Phd. in Philology: 10.02.22. Dushanbe, 2013. 45 p.

102. Mishchuk O. N. Speech impact in political discourse // Proceedings of Tula State University. Humanities. 2013. № 1. P. 248-253.

103. Morozova E. N., Timoshilova T. M. Semantico-etymological features of verbs of intentional speech discrediting of an object (on the material of the English language) // Scientific journal of Belgorod State University. Series: Humanities. 2012. № 12 (131). P. 113-118.

104. Morozova E. N. Semantic features of verbs of censure through the prism of etymological descriptions // *Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*. 2013. № 13 (156). P. 124-130.
105. Moskovich V. A. *Statistics and semantics*. Moscow: Nauka, 1969. 304 p.
106. Nagaeva A. E. Characteristics of speech influence in mass media // *Colloquium journal*. 2021. № 3 (90). P. 59-60.
107. Nebolsina M. S. The polysituational analysis of verb semantics to study the national specificity of Russian verbs of speech influence // *Culture and text*. 2005. № 10. P. 149-154.
108. Nebolsina M. S. Russian verbs of speech impact in the aspect of polysituationality: speciality 10.02.01 “Russian language”: the abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Barnaul, 2006. 20 p.
109. Nenyayeva A. A. Functioning of the semantic class of verbs of speech affect in the Old Slavonic and Old Russian written monuments of the XI-XVII centuries // *Bulletin of N. I. Lobachevsky University*. 2011. № 6-2. P. 455-458.
110. Nizkaya N. S. Methodology of speech affect // *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*. 2009. № 46. P. 102-104.
111. Nikitina E. N., Onipenko N. K. Semantics and pragmatics of statements with emotive predicates // *Siberian Philological Journal*. 2022. № 2. P. 271-285.
112. Nikolenko L. V. *Lexicology and phraseology of the modern Russian language*. Moscow: Academia Publishing Center, 2005. 144 p.
113. Novikov L. A. *Antonymy in Russian. Semantic analysis of the opposite in the lexicon*. M., 1973. 290 p.
114. Novikov L. A. *Selected works*. In 2 vols. Part. 1. *Problems of Linguistic Meaning*. Moscow: PFUR Publishing House, 2001. 672 p.
115. Novikov L. A. *Semantics of the Russian language*. Moscow: Vyssh. shkola, 1982. 272 p.
116. Odintsova M. P. The problem of the dominant synonymic series // *Semantic categories of language and methods of their study: All-Union scientific conference (28-30 May 1985) / (Editor: L. M. Vasiliev (ed.). Part 2*. Ufa: [b. i.], 1985. P. 67-68.

117. Austin J. L. Word as action // *New in foreign linguistics. Theory of speech acts*. Vol. XVII. M., 1986. P. 22-129.

118. Ostyakova-Pochezherskaya G. A. Speech impact as an object of research // *Proceedings of St. Petersburg State Economic University*. 2022. № 4 (136). P. 168-177.

119. Paducheva E. V. Verbs of speech action as a thematic class // *Russian language today*. Vol. 2. Collection of articles. Moscow: Azbukovnik, 2003. P. 201-226.

120. Palevskaya M. F. Synonyms in the Russian language. Moscow: Prosveshcheniye, 1964. 128 p.

121. Parshin P. B. Theoretical upheavals and methodological revolt in linguistics of the twentieth century // *Problems of Linguistics*. 1996. № 2. P. 19-42.

122. Parshutina G. A. On the functional potential of verbs of communication in English business discourse // *Vestnik of Samara University. History, pedagogy, philology*. 2016. № 1. P. 238-243.

123. Perezada O. V. Organization of semantics of verbs of speech in Russian dialects of the Baikal region // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2018. № 6 (195). P. 9-15.

124. Piaget J. *Speech and Thinking of a Child: translation from the French (published from 1831 to the present)*. Moscow: AST, 2020. 351 p.

125. Plungian V. A. Corpus as a tool and as ideology: about some lessons of modern corpus linguistics // *Russian language in scientific coverage*. 2008. № 2 (16). P. 7-20.

126. Polovnikova V. I. *Lexical aspect in teaching Russian as a foreign language at the advanced stage*. M.: Russian language, 1988. 155 p.

127. Polyakova L. S. Speech impact: theoretical aspects // *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2010. № 12. P. 118-121.

128. Rabenko T. G. Genre pleading and the means of its linguistic implementation // *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015. № 4-4 (64). P. 198-203.

129. Rogozhnikova R. P. The ratio of variants of words, homonyms and synonyms // *Lexical synonymy: Collection of articles* / Ed. by Barkhudarov S. G. M.: Nauk, 1967. P. 151-163.

130. Rosenthal D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. Modern Russian language. 11th ed. M.: Iris-Press, 2009. 443 p.

131. Romanova N. P. The distinction of synonymic bundles from generic groups // Synonymy in language and speech. Reports of the conference. Novosibirsk: [b. i.], 1970. P. 51-63.

132. Russu K. R. How was it possible to spread deliberately false information in XVIII century? // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies. 2021. № 1 (30). P. 92-95.

133. Sapega A. V. Speech behavior of linguists of scientific communication subjects (on the material of Russian and French): speciality 10.02.19 "Theory of Language": thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2008. 163 p.

134. Serebrennikov B. A. General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of Language. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka, 1970. 597 p.

135. Seregina M. A Paremy in the discourse of speech affect // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2011. № 11. P. 300-308.

136. Searle J. R. What is a speech act?; Indirect speech acts; Classification of speech acts // New in foreign linguistics. Vol. XVII. M., 1986. 424 p.

137. Searle J. R., Vanderveken D. Basic concepts of speech act calculus // New in foreign linguistics. Vol. XVIII. M., 1986.

138. Sirotinina V. A. Lexical synonymy in Russian. Lvov: Publishing house of the Lvov University, 1960. 48 p.

139. Skvoretzkaya E. V. Dative in relation to other cases in the Russian case system // Siberian Philological Journal. 2007. № 2. P. 86-90.

140. Skrebtsova T. G. Speech affect in a detective work // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2012. № 1. P. 113-117.

141. Slesareva I. P. Problems of describing and teaching Russian vocabulary. 2nd ed. revised. Moscow: Russ. yaz., 1990. 174 p.

142. Sokolovskaya J. P. System in lexical semantics (analysis of the semantic structure of a word). Kiev: Vyshcha Shkola, 1979. 189 p.

143. Sorokin Y. C. Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30-90 years of the 19th century / Acad. of Sciences of the USSR. Institute of Russian Language. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 565 p.

144. Stepanov Y. S. Fundamentals of General Linguistics: Uch. am. for students of philological specialties pedagogical institutes. 2nd ed. revised. M.: Prosveshcheniye, 1975. 271 p.

145. Sternin I. A. On the concept of “mentality” // Language and national consciousness. Let's see. Vol. 1. Voronezh, 1998. P. 22-24.

146. Sternin I. A. Fundamentals of speech impact. Textbook. Voronezh: Istoki, 2012. 178 p.

147. Terekhov I. V. The study of speech behavior of native speakers by students of linguistics on the material of British fiction cinema: the problem and solutions // Vestnik of Tambov University. Series: Humanities. 2011. № 3(95). P. 97-101.

148. Terkulov V. I. Definition of the verb // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2013. № 15. P. 50-56.

149. Tuktagulova M. N. On the ratio of the concepts of “speech behavior” and “speech activity” // Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East. 2009. № 2 (6). P. 60-63.

150. Ufimtseva A. A. Some questions of synonymy // Lexical synonymy: Collection of articles / Ed. by S. G. Barkhudarov. M.: 1967. P. 26-38.

151. Ufimtseva A. A. Experience in the study of vocabulary as a system. (On the material of the English language). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 286 p.

152. Favorin V. K. Synonyms in Russian Language: A Scientific popular essay. [Sverdlovsk]: Sverdl. kn. izdvol. 1953. 71 p.

153. Fedorov A. B. Introduction to the Theory of Translation. Moscow: Publishing House of Foreign Languages, 1953. 336 p.

154. Fedosov Y. V. Principles of constructing an ideographic antonymo-synonymic dictionary of the Russian language: Summary of thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences: Speciality 10.02.01. Volgograd, 2002. 40 p.

155. Filin F. P. About lexical-semantic groups of words // Essays on the theory of linguistics. Moscow: Nauka, 1982. 336 p.

156. Fomenko Y. V. The verb // Modern Russian literary language, ed. by P. A. Lekant. Moscow: Vyssh. shkola, 1996. 462 p.

157. Fomina M. I. Modern Russian Language. Lexicology. Moscow: The Higher School, 1990. 416 p.

158. Fonvizin D. I. Note on the criticisms printed on the 113th and 114th pages of the II parts of the “Conversation”, relating to the “Experience of the Russian Soclastic”, Collected Essays, vol. I, Gos. ed. of Artistic Literature. M., 1959. 238 p.

159. Fonvizin D. I. Experience of the Russian Classical Statute. St. Petersburg, 1783, part I. P. 126-134; part IV. P. 143-157; part X. P. 137-142.

160. Formanovskaya N. I. Culture of communication and speech behavior: a scientifically popular edition. 2nd edition, revised edition. Moscow: Publishing house of IKAR, 2010. 237 p.

161. Formanovskaya N. I. Speech interaction: communication and pragmatics. Moscow: Ikar Publishing House, 2007. 478 p.

162. Fu Yamei. Russian and Chinese verbs of speech affect with the meaning of “praise”: comparative analysis // Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. 2022. № 6 (169). P. 208-215.

163. Fu Yamei. Verbs of speech affect, denoting the concept of “reproach” and their Chinese counterparts // Modern Pedagogical Education. 2022. № 12. P. 339-344.

164. Fu Yamei. Synonymic series of Russian verbs with the dominant “to mock”: functional-semantic and linguocultural approaches // Scholars' notes of Novgorod State University. 2022. № 6 (45). P. 706-712.

165. Fu Yamei. The lexeme refiner of verbs “to swear” and “to swear”: against the background of their Chinese counterparts // Modern Scientist. 2022. № 4. P. 138-143.

166. Fu Yamei. Semantics and functioning of the verb “to greet” on the background of its Chinese counterparts // *The World of Science, Culture, Education*. 2022. № 6 (97). P. 481-485.

167. Fu Yamei. Semantics and functioning of the verb “to implore/please” in the prose of M. Gorky and its Chinese analogues // *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*. Series: Humanities. 2020. № 10 (2). P. 95-97.

168. Fu Yamei. On the composition of the lexico-semantic group of verbs of verbal persuasion // *Actual problems of teaching philological disciplines: proceedings of the XXV International scientific-methodical conference*. Saint Petersburg: FGBOUHE “SPBGUPTD”, 2020. P. 79-82.

169. Kharabaeva V. I. Verbs of speech activity in the Yakut language // *Interactive Science*. 2021. № 9 (64). P. 72-74.

170. Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*: Translated from English / Edited and prefaced by V. A. Zvegintsev; Lomonosov Moscow State University. M. V. Lomonosov Moscow State University. Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Under the editorship of V. A. Zvegintsev. Moscow: Moscow University Press, 1972. 259 p.

171. Chaplin E. V. Cognitive interpretation of the act of speaking in natural language: specialty 10.02.19 “Theory of language”: dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2020. 246 p.

172. Chernyak V. D. *Synonymic connections of words in the lexical system of the Russian language*: Author's thesis for the degree of Doctor of Philology / Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia. Spb., 1992. 41 p.

173. Cherniak V. D. *Synonymy in the Russian language*. Moscow: Academia Publishing Center, 2010. 128 p.

174. Shagdurova O. Y., Ozonova A. A. Verbs of speech activity in the Turkic languages and dialects of the northern Sayan-Altai // *Siberian Philological Journal*. 2014. № 2. P. 157-163.

175. Shaykevich A. Я. The distribution of words in the text and the allocation of semantic fields // IYash. 1963. Vol. II. P. 14-26.

176. Shansky N. M. Lexicology of the modern Russian language: a textbook for students at pedagogical institutes in Russian language and literature. 4-th ed., ext. Moscow: URSS: Librocom, 2009. 305 p.

177. Shapiro A. B. Some Questions in the Theory of Synonyms (on the Material of Russian) // Papers and Communications of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. 1955. № 8. P. 69-87.

178. Shapiro A. B. Review of the book “Synonyms in Russian Language” // Russian Language at School, 1953, №6.

179. Shvedova N. Y. Verb as a dominant in the system of Russian vocabulary // Philological collection (to the 100th anniversary of Acad. V. V. Vinogradov) / (Editors: M. V. Lyapon (ed.) and others). M.: IRYA, 1995. P. 409-414.

180. Shvedova N. Y. Russian Grammar: in 2 vols. Phonetics. Phonology. Acclamation. Intonation. Word-formation. Morphology; ed. N. Y. Shvedova (chief editor), et al. Moscow: Nauka, 1980. 783 з.

181. Shelestyuk E. V. Speech affect: ontology and taxonomy // Voprosy cognitive linguistics. 2007. № 1 (10). P. 23-30.

182. Shishkov A. S. A reflection on the eloquence of holy writings, and on what is the richness, the abundance of beauty, and the power of the Russian language, and by what means it can be more widely spread, enriched, and improved. St. Petersburg: Printed at the Imperial Printery, 1811. 111 p.

183. Shmelev D. N. Problems of semantic analysis of vocabulary: (On the material of the Russian language) / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Language. Moscow: Nauka, 1973. 280 p.

184. Shmelev D. N. Modern Russian language. Vocabulary. Moscow: Prosveshcheniye, 1977. 335 p.

185. Egamnazarov H. H. On the concept of lexical-semantic field in linguistics // Scientific notes of the Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of humanities and social sciences. 2018. № 1(54). P. 185-189.

186. Aler Paul. *Gradus ad Parnassum sive Novus synonymorum, epithetorum, et phrasium poetiarum thesaurus...* Ab uno e Societate Jesu recognitum. Editio novissima. Coloniae Agrippinae [Köln]: apud Wilhelm, et Francisc. Metternich, 1687, 792 p.
187. Brown P., Levinson S. C. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge, 1987.
188. Butler H. E. *The Institutio oratoria of Quintilian*. vol. II, Lipsial, 1866, 149 p.
189. Charles E. Osgood, *Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind*. Praeger Publishers, 1988.
190. George A. Miller *Language and Communication*. 1963. 298 p.
191. Ipsen G. *Der Alte Orient unt die Indogermanen*, 1924. P. 30–45.
192. La Porte, Maurice de, parisien *Les Épithètes de M. de la Porte, parisien*. 1571.
193. Leech Geoffrey. *Principles of Pragmatics*. New York, 2016.
194. Meyer R. N. *Bedeutungssysteme // KZ*, 43, 4, 1910. P. 358– 366.
195. Mischel W., Shoda Y. *A cognitive-affective system theory of personality: Reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure*, *Psychological Reports*, 1995, vol. 102 (2). P. 246–268.
196. Montmerana A. *Synonymes et épithètes françoises*. 1645.
197. Ron Scollon, Suzanne Wong Scollon, Rodney H. Jones. *Intercultural Communication: A Dis- course Approach*. Third Edition. Oxford, 2012.
198. Skinner B. F. *Verbal behavior*. New York: Appleton-Century-Crofts, Cop.1957. XII, 480 p.
199. Jia Yuxin. *Intercultural Communication [M]*, Shanghai: Shanghai Foreign Language Publishing House, 1997. 532 p.

LIST OF USED DICTIONARIES

200. Abramov N. *Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions: about 5,000 synonymic series, over 20,000 synonyms*. 8th ed. M.: Russian Dictionaries: AST: Astril: the Guardian, 2006. 667 p.

201. Alexandrova Z. E. Dictionary of synonyms of the Russian language: practical reference book: about 11000 synonymic series. 17th ed. stereotyped. Moscow: Russian Language Media; Drofa, 2010. 564 p.

202. Apresyan Y. D. New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Second edition revised and enlarged /Writers of the dictionary articles: V. Y. Apresyan, Y. D. Apresyan, E. E. Babaeva, O. Y. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M. Y. Glovinskaya, S. A. Grigorieva, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Ptentsova, A. V. Sannikov, E. V. Urison. Under the general leadership of Acad. Y. D. Apresyan. Moscow: The School of Languages of Slavic Culture, 2003. 1488 p.

203. Akhmanova O. C. Dictionary of linguistic terms: [About 7 thousand terms]. 2nd ed. M.: URSS: Unitorial URSS, 2004. 569 p.

204. Babenko L. G. Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms / ed. by L. G. Babenko. Moscow: AST-Press, 1999. 704 p.

205. BAS — The Big Academic Dictionary of the Russian language // Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; [ed.: L. I. Balakhonova]. Moscow: Nauka; Saint-Petersburg: Nauka, Vol. 1. Spb., 2004. 661 p.; Vol. 2. Spb., 2005. 657 p.; Vol. 3. 2005. 664 p.; Vol. 4. 2006. 677 p.; <...> Vol. 27. 2021. 799 p.

206. Great Russian-Chinese Explanatory Dictionary of the New Era: about 300,000 dictionary entries; Heilongjiang University, Research Center for Russian Philology and Culture, Institute of Lexicography. Beijing: Shang wu yin shu guan Publishing House, 2014. 4463 p.

207. Large explanatory dictionary of Russian verbs: over 10,000 verbs: ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents / [Ural. A. M. Gorky Ural State University, Russian Verb Problem Group; author-compiler: Ph. L. G. Babenko et al.], ed. by Prof. L. G. Babenko. Moscow: AST-Press Book, 2007. 573 p.

208. Galich A. I. Dictionary of Russian Synonyms or Classes, compiled by the Editorial Board of Moral Works: part. 1. St. Petersburg: type. Third Dep. Ministry of State Property, 1840. 496 p.

209. Gorbachevich K. C. Dictionary of synonyms of the Russian language: more than 4000 synonyms. Moscow: Eksmo, 2012. 599 p.

210. Evgenieva A. P. Dictionary of the Russian language: In 4 Volumes / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; ed. by A. P. Evgenieva. 4-th ed. Moscow: Russ. yaz, Poligrafresursy, Vol. 3. 1999. 752 p.

211. Evgenieva A. P. Dictionary of synonyms of the Russian language: In 2 vol. M.: OOO "Publishing House Astril", 2003. 680 p.

212. Klyueva V. N. Concise Dictionary of Synonyms of the Russian language. Preface. M.: Uchpedgiz, 1961. 344 p.

213. Krylov G. A. Etymological Dictionary of Russian Language / [Compiler: G. A. Krylov]. Spb.: LLC Victoria plus, 2017. 432 p.

214. Kuznetsov S. A. Big explanatory dictionary of the Russian language. / Compiled by S. A. Kuznetsov and editor-in-chief. A. Kuznetsov. Spb.: Norint, 1998. 1536 p.

215. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Modern Encyclopedia. Encyclopedia, 1990. 683 p.

216. Molotkov A. I. Phraseological dictionary of the Russian language: [Sv. 4000 dictionaries] / Compiled by L. A. Voinova et al; ed. by A. I. Molotkov. Ed. 5-th ed. Spb: Variant, 1994. 543 p.

217. The New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Linguistics. V. V. Vinogradov; [V. Y. Apresyan et al.] Under the generalship of Academician Y. D. Apresyan. 2nd ed. updated and supplemented. M.: Yaz. of Slavonic culture, 2004. 1417 p.

218. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language. V. V. Vinogradov. 4th ed. enlarged. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p.

219. Pavlov-Shishkin V. D., Stefanovsky P. A. The Dictionary of Synonyms of the Russian Literary Language. Moscow: [Mir], 1930. 242 p.
220. Rosenthal D. E., Telenkova M. A. Dictionary of linguistic terms: Handbook for teachers. M.: Prosveshchenie, 1985. 399 p.
221. Russian associative dictionary [Text] / Y. N. Karaulov, Y. A. Sorokin, E. F. Tarasov et al. Moscow, 1994.
222. Semyonov A. V. Large etymological dictionary [Electronic resource]: [Russian language]. [Saratov]: Nauchnaya kniga, 2008. 588 p.
223. Dictionary of synonyms of Russian language: [about 8000 articles]. Dictionary of antonyms of the Russian language: [about 8000 pairs of antonyms / to the collection as a whole: ed. Mikhailova O. V.]. Ed. 3-th, revised and extended. St. Petersburg: Victory: Victoria plus, 2016. 608 p.
224. Tikhonov A. N. Word-formation dictionary of the Russian language: In 2 vols. 145000 words. 2nd ed. M.: Russ. yaz, Vol. 1. 1990. 885 p.
225. Tikhonov A. N. Vocabulary of the Russian language: In 2 vols: more than 145000 words. Moscow: AST: Astril, Vol. 2, 2003. 941 p.
226. D. N. Ushakov. The Explanatory Dictionary of the Russian Language: G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov. [et al]; under the editorship of Prof. D. N. Ushakov. Moscow: State Institute "Soviet Encyclopedia", 1934-1940.
227. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. translated from German and supplemented by Acad. RAS O. N. Trubachev. 4-th ed. Moscow: Astril: AST, 2009. 860 p.
228. The Frequency Dictionary of the Russian Language [Text]: About 40000 words / [Comp. by V. A. Agraev, V. V. Borodin, L. N. Zazorina et al]; ed. by L. N. Zazorina; Leningrad State University named after A. A. Zhdanov. A. A. Zhdanov Leningrad State University, Institute for Applied Mathematics and Cybernetics of the Lomonosov State University of Gorky. N. I. Lobachevsky State University. Moscow: Russian language, 1977. 935 p.
229. Chernykh P. Y. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. Part. 2. Moscow: Russian Language, 1994. 623 p.

230. Cheng Rong. A great dictionary of synonyms. Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 2010. 1151 p.

231. Dictionary of Modern Chinese. Dictionary Editorial Office, Institute of Language Studies, Chinese Academy of Social Sciences. 7th ed. Beijing: Shang wu yin shu guan Publishing House, 2016. 1800 p.

LIST OF ELECTRONIC RESOURCES

232. Ibragimov N. On synonyms. 1814.
http://az.lib.ru/i/ibragimow_n_m/text_0020oldorfo.shtml?ysclid=lgdfh7fvz123786169.

233. Kareva N. V. French Dictionaries of Synonyms, Epithets and Poetic Language (late XVII – first half of the XIX century)
<https://www.ruslang.ru/doc/kareva20.12.2016.pdf>.

234. NKRY — National Corpus of the Russian language. – URL:
http://ruscorpora.ru/new/search_main.html (accessed 25.06.2022).

235. Online Linguistic Corpus of the Chinese language [Electronic resource]. – URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org> (date of access: 09.01.2022).

236. Peking University Chinese Language Corpus [electronic resource]. – URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai (accessed 09.01.2022).

237. Scientific electronic library “CyberLeninka”. – URL:
<https://cyberleninka.ru/search?q=речевое%20воздействие&page=1> (access date: 09.03.2023).

238. Bai Du Chinese [Electronic resource]. – URL: <https://hanyu.baidu.com> (date of access: 09.01.2022).

239. Chinese philology. – URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org> (accessed 09.03.2023).

LIST OF ABBREVIATIONS

- AG – Academic Grammar
AP – Antonymic Pair
ASB – Antonimo-synonymic block
BTS – Large Explanatory Dictionary
LSV – Lexical and Semantic Variant
LSG – Lexical Semantic Group
LSF – Lexical Semantic Field
LTG – Lexical Topical Group
LES – Linguistic Encyclopaedical Dictionary
MAS – Small Academic Dictionary
NKRY – National Corpus of Russian language
NCV – imperfective form
RV – Speech affect
RD – Speech activity
RKS – Russian-Chinese Dictionary
RLE – Russian Language: Encyclopedia
SV – Imperfect form
MED – Mass Media
SP – Semantic field
SR – Synonymic row
TSKY – Dictionary of the Chinese Language
CCL – Peking University Chinese Linguistic Corpus

APPENDIX I. SAMPLE QUESTIONNAIRE 1**Sample questionnaire for native Russian speakers**

Dear informants, please answer the questions of the questionnaire. Please do not use dictionaries or the Internet in answering the questions. Thank you!

Your gender:

Your age:

Education:

1. Please write in your own words the meaning of the verb *to praise*:

2. Specify its stylistic relevance: colloquial, literary, plural, or other?

3. Specify the evaluation the verb expresses: positive, negative, or neutral.

4. Write a sentence with the verb.

5. Do you use this verb in your speech?

Continuation of Table № 3

Possible features of SR verbs *to praise*

Verbal units	Synonym for the verb <i>to praise</i>	Conversational	Book	Neutral	Simplistic	Positive	Negative	Neutral
<i>to sing (chant)</i>								
to brag								
<i>to honor</i>								
<i>to commend</i>								
to flatter								
<i>to applaud</i>								

7. Write in your own words the meanings of the verbs you noted above.

Table № 4

Possible definitions of SR verbs *to praise*

Synonyms for the verb <i>to praise</i>	The meanings of verbs
<i>to approve</i>	
<i>to extol</i>	
<i>to acclaim</i>	
<i>to compliment</i>	
<i>to eulogize</i>	
<i>to excoriate</i>	
<i>to boast</i>	
<i>to glorify</i>	
<i>to laud</i>	
<i>to submit</i>	

Possible definitions of SR verbs *to praise*

Synonyms for the verb <i>to praise</i>	The meanings of verbs
<i>to magnify</i>	
<i>to distinguish</i>	
<i>to exalt</i>	
<i>to elevate</i>	
<i>to raise up</i>	
<i>to idealize</i>	
<i>to advertise</i>	
<i>to recommend</i>	
<i>to sing (chant)</i>	
<i>to brag</i>	
<i>to honor</i>	
<i>to commend</i>	
<i>to flatter</i>	
<i>to applaud</i>	

8. Which of these do you use more often in your speech? Which ones do you hardly ever use?

Table № 5

Possible uses of SR verbs *to praise*

<i>to approve</i>	<i>to extol</i>	<i>to acclaim</i>	<i>to compliment</i>	<i>to eulogize</i>
<i>to excoriate</i>	<i>to boast</i>	<i>to glorify</i>	<i>to laud</i>	<i>to submit</i>
<i>to magnify</i>	<i>to distinguish</i>	<i>to exalt</i>	<i>to elevate</i>	<i>to raise up</i>

Continuation of Table № 5

Possible uses of SR verbs *to praise*

<i>to idealize</i>	<i>to advertise</i>	<i>to recommend</i>	<i>to sing/chant</i>	<i>to honor</i>
<i>to commend</i>	<i>to flatter</i>	<i>to applaud</i>	<i>to brag</i>	<i>pat on the head</i>

9. Complete the verbs that you think are synonymous to the verb *to praise*, but which are not listed:

Thank you so much!

APPENDIX II. SAMPLE QUESTIONNAIRE 2**Sample questionnaire for native Russian speakers**

Dear informants, please answer the questions in this questionnaire. We kindly ask you not to use dictionaries or the Internet in answering the questions. Thank you.

Your gender:

Your age:

Education:

1. Please write in your own words the meaning of the verb *to scold*:

2. Specify its stylistic relevance: colloquial, literary, plural, or other?

3. Specify the evaluation of the verb: positive, negative or neutral.

4. Write a sentence with the verb.

5. Do you use this verb in your speech?

Continuation of Table № 6

Possible features of SR verbs *to scold*

Verbs	Synonym for the verb <i>to scold</i>	Conversational	Book	Neutral	Simplistic	Positive	Negative	Neutral
<i>to denigrate</i>								
<i>to tidy up</i>								
<i>to swear</i>								
<i>to rebuke</i>								
<i>to stervit</i>								
<i>to raskhait</i>								

7. Write in your own words the meanings of the verbs you noted above.

Table № 7

Possible definitions of SR verbs *to scold*

Verbs	The definitions of verbs
<i>to dishonor</i>	
<i>to chide</i>	
<i>to curse</i>	
<i>to shame</i>	
<i>to peel</i>	
<i>to nibble</i>	
<i>to revile</i>	
<i>to berate</i>	
<i>to blaspheme</i>	
<i>to slander</i>	
<i>to abuse</i>	
<i>to shout</i>	
<i>to honor</i>	
<i>to sneeze</i>	

Verbs	The definitions of verbs
<i>to call a bastard</i>	
<i>to bite</i>	
<i>to bone</i>	
<i>to bark</i>	
<i>to inveigh</i>	
<i>to bastardize</i>	
<i>to work through</i>	
<i>to rail at</i>	
<i>to reprimand</i>	
<i>to scathe</i>	
<i>to fuss</i>	
<i>to flog</i>	
<i>to gibber</i>	
<i>to spike</i>	
<i>to fluff</i>	
<i>to trim</i>	
<i>to roughen</i>	
<i>to burn</i>	
<i>to beat up</i>	
<i>to iron</i>	
<i>to chastise</i>	
<i>to gouge</i>	
<i>to sneak out</i>	
<i>to drag</i>	

Verbs	The definitions of verbs
<i>to pull through</i>	
<i>to prod</i>	
<i>to thunder</i>	
<i>to criticize</i>	
<i>to reproach</i>	
<i>to censure</i>	
<i>to admonish</i>	
<i>to complain</i>	
<i>to nail</i>	
<i>to pounce</i>	
<i>to attack</i>	
<i>to yell</i>	
<i>to denigrate</i>	
<i>to tidy up</i>	
<i>to swear</i>	
<i>to rebuke</i>	
<i>to stervit</i>	
<i>to raskhait</i>	

8. Which of the verbs you marked as close in meaning to the verb to scold are the most frequent, in your opinion?

Table № 8

Possible semantic proximity of SR verbs *to scold*

<i>to scold</i>	<i>to dishonor</i>	<i>to chide</i>	<i>to curse</i>	<i>to shame</i>
<i>to peel</i>	<i>to nibble</i>	<i>to revile</i>	<i>to berate</i>	<i>хаять</i>
<i>to slander</i>	<i>to abuse</i>	<i>to shout</i>	<i>to honor</i>	<i>to sneeze</i>
<i>to raskhait</i>	<i>to call a bastard</i>	<i>to bite</i>	<i>to bone</i>	<i>to bark</i>
<i>to inveigh</i>	<i>to bastardize</i>	<i>to work through</i>	<i>to rail at</i>	<i>to reprimand</i>
<i>to scathe</i>	<i>to fuss</i>	<i>to flog</i>	<i>to gibber</i>	<i>to spike</i>
<i>to fluff</i>	<i>to trim</i>	<i>to roughen</i>	<i>to burn</i>	<i>to beat up</i>
<i>to iron</i>	<i>to chastise</i>	<i>to gouge</i>	<i>to sneak out</i>	<i>to drag</i>
<i>to pull through</i>	<i>to prod</i>	<i>to thunder</i>	<i>to criticize</i>	<i>to reproach</i>
<i>to censure</i>	<i>to admonish</i>	<i>to complain</i>	<i>to nail</i>	<i>to pounce</i>
<i>to attack</i>	<i>to yell</i>	<i>to denigrate</i>	<i>to tidy up</i>	<i>to swear</i>
<i>to rebuke</i>	<i>to stervit</i>			

9. Which of these do you use more often in your speech? Which ones do you hardly ever use?

Table № 9

Possible uses of SR verbs *to scold*

<i>to scold</i>	<i>to dishonor</i>	<i>to chide</i>	<i>to curse</i>	<i>to shame</i>
<i>to peel</i>	<i>to nibble</i>	<i>to revile</i>	<i>to berate</i>	<i>хаять</i>
<i>to slander</i>	<i>to abuse</i>	<i>to shout</i>	<i>to honor</i>	<i>to sneeze</i>
<i>to raskhait</i>	<i>to call a bastard</i>	<i>to bite</i>	<i>to bone</i>	<i>to bark</i>
<i>to inveigh</i>	<i>to bastardize</i>	<i>to work through</i>	<i>to rail at</i>	<i>to reprimand</i>
<i>to scathe</i>	<i>to fuss</i>	<i>to flog</i>	<i>to gibber</i>	<i>to spike</i>
<i>to fluff</i>	<i>to trim</i>	<i>to roughen</i>	<i>to burn</i>	<i>to beat up</i>
<i>to iron</i>	<i>to chastise</i>	<i>to gouge</i>	<i>to sneak out</i>	<i>to drag</i>
<i>to pull through</i>	<i>to prod</i>	<i>to thunder</i>	<i>to criticize</i>	<i>to reproach</i>
<i>to censure</i>	<i>to admonish</i>	<i>to complain</i>	<i>to nail</i>	<i>to pounce</i>
<i>to attack</i>	<i>to yell</i>	<i>to denigrate</i>	<i>to tidy up</i>	<i>to swear</i>
<i>to rebuke</i>	<i>to stervit</i>			

10. Add verbs that you think are synonymous with the verb *scold*, but which are not listed:

Thank you so much!

APPENDIX III. SAMPLE DICTIONARY ENTRY

DICTIONARY ENTRY

In accordance with the thematic principle of the structure of the dictionary, the following rubrics are introduced: ***to praise, to scold***, which are typed in bold direct type. Under the thematic rubric, in the order of reduction of the number of units, the names of the subheadings are placed under the * sign, in a straight type, which are the names of the links of the synonymous rows ***to praise*** and ***to scold***:

- 1) *Verbs of the synonymic link *to praise – to acclaim – to compliment*.
- 2) *Verbs in the synonymic link *to scold – to chide – to berate – to shout – to yell – to bark – to scathe*.

Under the rubrics of the subheadings are placed the dictionary entries, which include several zones. The vocabulary consists of five zones:

➤ In the **first zone**, under the sign* capitalized words are typed at the beginning of the dictionary entry in bold letters, followed by brief grammatical information about the verb and functional, stylistic, and emotional-expressive markings.

* **Praise**, *I praise, you praise, she/he praises*; NSV. Control of the verb: *to praise* whom, what.

✓ Interpretation

➤ **The second zone** is the interpretation zone. In the zone of interpretation, the verb units are placed in the order that is adopted in the synonymic link. The proposed dictionary is a training dictionary, so it primarily presents neutral vocabulary. The authors tried to introduce the principle of “semantic step description” or, in other words, “the description of some word by a chain of extremely simple words in terms of semantics” (Denisov).

☺ **Praise** — ‘A verbal action expressing a positive appraisal’; ‘To extol one's high qualities, virtues; to glorify, to praise the gods, deities, to express approval, to praise someone, something’.

➤ **Zone Three.** Illustrative material. The authors tried to have the illustrative material serve two main functions: to further semantize the verbal units and to be an example of normative usage.

In the contexts of the NKRY the verb *praise* actualizes the main lexical meaning given in all explanatory dictionaries — ‘to praise the actions or qualities of sb.’; its antonym is the verb *to scold*. In most cases the speaker, expressing sincere praise, has a positive emotional impact on the recipient:

“*And Maria Petrovna kept **praising** Yakov and praising: ‘Well done, well done...’ — And stroked his head with a hot palm*” [Boris Yekimov. Fetisych (1996), NKRY].

“*The teacher gave him an ‘A’ and **praised** him so much: I, she said, always knew — you can, if you try very hard, ‘patience and work will overcome everything’*” [Inna Andreeva, *Splashes of Champagne* (2014), NKRY].

“*We have a lot of Europeans at our performances, they order tickets online and **praise** them a lot*” [O. A. Slavnikova. *Long Jump* (2014-2016), NKRY].

➤ **The fourth zone. Features:**

It is noteworthy that this kind of contexts are accompanied by additional lexical means like words *very* (praised), *so* (praised) or the repetition of the verb itself with the pronoun *everything* in the meaning of ‘constantly’ (*all praise and praise*) in order to strengthen the speech impact on the recipient. In general, the interpretation of the pivotal verb *to praise* can be formulated as follows: ‘to speak praise to sb. or to something; a form of communication that expresses politeness and courtesy; an action to gain benefits or achieve an exchange of benefits; a friendly signal to reverse the course of unpleasant interactions; blindly, sometimes under the influence of the crowd/collective, to give someone high praise to fit the preferences of superiors; recognition of personal preferences or one's own ethnicity’.

➤ **Fifth Zone.** Comparison with Chinese counterparts.